

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

*ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД*

3

Май — Июнь

1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва

Б. О. Долгих

ОБРАЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ НАРОДНОСТЕЙ СЕВЕРА СССР

В данной статье мы попытаемся показать, из каких более ранних первоначальных этнографических элементов сложились современные народности Севера СССР.

В настоящее время в Советском Союзе насчитывается 26 так называемых малых народностей Севера. Народностями они именуются официально. Они обладают рядом признаков, характерных и для других советских народностей.

По уровню социально-экономического развития и культуры, национальному самосознанию народности Севера в настоящее время являются именно народностями, а не образованиями какого-либо раннего типа.

За годы Советской власти выросло и окрепло их этническое самосознание. Семь народностей Севера — ненцы, ханты, манси, долганы, эвенки, чукчи и коряки — имеют свои национальные округа, пять — нганасаны, энцы, эскимосы, ительмены, чуванцы — тоже проживают в этих округах. Некоторые районы названы по имени сосредоточенных там народностей Севера — например, Ульчский и Алеутский районы Хабаровского края и Камчатской области.

Племенные деления, за немногими исключениями, утратили всякое значение. Забываются и родовые, и фратриальные подразделения.

За годы Советской власти развилась национальная культура народностей Севера. Пятнадцать из них получили свою письменность.

У народностей Севера выросли свой рабочий класс, своя интеллигенция.

Дети народностей Севера, как и других народов СССР, учатся в средних общеобразовательных школах, после окончания которых перед ними открыт путь в вузы, техникумы, художественные училища. Народностям Севера предоставлена возможность работать в любой отрасли промышленности, сельского хозяйства, заниматься государственной и общественной деятельностью, наукой и искусством, и эти возможности очень полно реализуются. У ряда народностей появилась своя национальная литература, развивается театральное, музыкальное и хореографическое искусство.

При установлении преемственности между этнографическими образованиями XVII в. и современными народностями Севера СССР, в число которых включаются и народности Приамурья и Сахалина, оказывается, что в XVII в., к приходу русских в Сибирь, этнографическая структура населения здесь была иной. В то время лингвистические, точнее, пожалуй, этнолингвистические общности, состояли не из народностей, а лишь из племен, фратрий, родов¹. Следовательно, с XVII по XX в. у

¹ Из народностей Северной Сибири только у коряков, чукчей и ительменов в прошлом не были обнаружены родовые или фратриальные деления. По-видимому,

коренного населения Сибири, вместе с переходом от родовых общин к соседским, происходил процесс сложения народностей, сменивших архаичные объединения родоплеменного типа.

Ко времени появления русских на Европейском Севере, а затем в Сибири там было несколько более или менее широко распространенных лингвистических или этнолингвистических общностей — саамы, обские угры, северные тундровые самодийцы, южные лесные самодийцы (селькупы и др.), северные тунгусы, южные тунгусы, кеты, нивхи, юкагиры, северо-восточные палеоазиаты, эскимосы и др.

Эти лингвистические общности и составлявшие их племена и роды являлись той основой, из которой сформировались впоследствии 26 современных народностей Севера СССР. Одни из них почти полностью являются преемниками соответствующих этнолингвистических общностей (например, юкагиры, кеты, нивхи и др.). Это наиболее простой, но не самый частый путь образования народностей. В основу других (а таких большинство) легли или отдельные племена, или различные сочетания племен и родов, вследствие чего образовались родственные по языку народности.

Низкий в прошлом уровень развития производительных сил коренного населения Севера обусловил и его малую численность. Предки малых народностей Севера в XVII в. были охотниками, рыболовами и оленеводами, рассеянными на огромных пространствах тайги и тундры. Плотность населения у них была очень невелика: всего 1 чел. на 100—300 кв. км.

В начале XVII в. во всей Сибири было лишь около 240 тыс. коренных жителей, в том числе предков современных народностей Севера СССР — около 110 тыс. чел.² В 1959 г. численность населения народностей Севера составляла около 130 тыс. чел. Даже самые многочисленные из народностей Севера СССР — эвенки и ненцы насчитывают немногим более 20 тыс. чел. каждая, а есть народности по 300—400 чел. Такая разница в численности объясняется еще и тем, что в прошлом, как мы уже отметили, они представляли собою разные этнографические категории. В одних случаях это были весьма широко распространенные лингвистические, или лучше сказать этнолингвистические общности, состоявшие из большого числа племен и родов, а в других — образования племенного типа, т. е. объединения сравнительно узкого характера и потому зачастую весьма малочисленные. Иногда малая численность является результатом депопуляции в дореволюционное время.

В условиях царской России значительно сократилась численность юкагиров, ительменов, энцев, коряков, кетов, эскимосов, нганасан, манси, нивхов, негидальцев. До установления на Командорских островах Советской власти сокращалась также численность алеутов. Увеличение численности населения народностей Севера происходило главным образом за счет ненцев, хантов, чукчей, эвенов, эвенков, нанайцев, ульчей, долган и селькупов, однако оно было очень невелико по сравнению с естественным приростом других народов России в той же Сибири, например, якутов и бурят. Таким образом, относительная численность малых народностей Севера в царской России уменьшалась. Это было естественным следствием тяжелого экономического положения народно-

процесс исторического развития протекал у северо-восточных палеоазиатов каким-то своеобразным путем, вследствие чего у них не образовалось типичных для патриархально-родового строя форм родовой организации.

² Не считая 6,5 тыс. курильских и южносахалинских айнов, исчезнувших за период японской оккупации этих территорий.

стей Севера до Великой Октябрьской социалистической революции и того социального угнетения, которое они тогда испытывали.

Чтобы показать особенности образования современных малых народностей Севера, попытаемся на основании материалов XVII в. и современных этнографических исследований выявить их составные элементы. Тогда станут понятнее и некоторые особенности этих народностей, сказывавшиеся иногда до самого последнего времени.

При этом надо иметь в виду, что источники XVII в. пользовались терминологией, весьма отличной от принятой в современной этнографии. Чаще всего употреблялось слово «род». Так называли и настоящие с научной точки зрения роды, этим же словом передавались понятия типа «племени», «этническая общность». Например, в одном и том же документе мы читаем: «Коряцкого роду», и рядом «Чуванского роду» и «Ходынского роду»³. В первом случае имеется в виду корякская этническая общность, во втором — юкагирские племена чуванцев и ходынцев.

Словом «волость» в XVII в. обозначали племя, но иногда и род или просто территориальную группировку. Слова «юрт» и «улус» обозначали поселение или группу совместно кочующих хозяйств. И. Г. Георги в XVIII в. различал у эвенков «колена» и «роды», в качестве подразделений колен⁴. Очевидно, имелись в виду основные, исходные роды и их ответвления. Поколения и роды различал он и у ненцев⁵.

Слово «племя», в современном его понимании, впервые употребил для обозначения племен в составе этнических общностей Северной Сибири А. Ф. Анисимов⁶. В документах XVII в. нам оно встречалось очень редко в значении «родня». Надо иметь в виду, что слово «племя» и в научной литературе о народах Сибири употреблялось долгое время в смысле «этническая общность». Например, известный дореволюционный этнограф и статистик С. К. Патканов⁷ под «племенным составом» понимал этнический состав, а «волостями» и «родами» называл иногда племена в современном научном значении этого слова.

Нами термином «племя» обозначается устойчивая этнографическая и территориальная общность эпохи родового строя, состоящая из определенных родов или фратрий (или определенных частей родов и фратрий), имеющих свое традиционное название, диалект и ряд общих черт в материальной и духовной культуре. Обычно племя выделяется самим населением в данной этнолингвистической общности.

Родом мы считаем экзогамную группу родственников этой же эпохи родового строя, верящих в общее свое происхождение по одной (отцовской или материнской) линии, имеющих свое название и связанных рядом прав, обязанностей и традиций. Можно различать первоначальные, основные, обычно большие роды и их позднейшие подразделения⁸.

³ См. «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.», Л., 1936, стр. 193.

⁴ И. Г. Георги, Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. III, СПб., 1777, стр. 35. Здесь русские термины у Георги, конечно, принадлежат не ему, а его переводчику М. И. Антоновскому. Георги для рода приводит термин «тагаун»; очевидно, это эвенкийское слово «тэгэ», означающее, по данным Г. М. Василевич, «род», «племя», «народ» и т. д. («Эвенкийско-русский словарь», М., 1958, стр. 417).

⁵ И. Г. Георги, Указ. раб., стр. 4.

⁶ А. Ф. Анисимов, Родовое общество эвенков (тунгусов), Л., 1936.

⁷ С. К. Патканов, Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, тт. I—III, СПб., 1911—1912. Употребление термина племя в значении «этническая общность», «народность» было широко распространено в русской литературе. В 1916 г., например, вышел труд академика Е. Ф. Карского «Очерк словесности белорусского племени».

⁸ Б. О. Долгих, Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири, Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964.

Конечно, для XVII в. мы, кроме названий, как правило, ничего не знаем о признаках этих родов и племен. Иногда даже не знаем и названий племен, а в племенах северо-восточных палеоазиатов — их внутренней структуры. Во всех таких случаях мы использовали позднейшие этнографические данные с учетом, конечно, изменений, которые могли произойти за это время.

* * *

Предками эвенков, самой многочисленной из северных народностей, а также эвенов, негидальцев и части долган были северные тунгусы, которых в первой половине XVII в. в Сибири насчитывалось около 36, 2 тыс. чел.⁹ Из них около 11,4 тыс. чел. было «конных» и «пашенных» тунгусов, к настоящему времени почти целиком слившихся с русскими и бурятами; на Зее они уже в XVII в. сливались с даурами. Ниже мы их рассматривать не будем. Без этих «конных» и «пашенных» тунгусов предков современных северных эвенков в XVII в. было около 17,2 тыс. чел., современных эвенов — около 6,1 тыс.; тунгусов (эвенов и эвенков), вошедших в состав современного долганского народа, — около 1,0 тыс. и образовавших современных негидальцев — около 0,5 тыс. чел.

За исключением негидальцев, численность этих групп с XVII в. не только не уменьшилась, а даже увеличилась. Правда, в период между первой половиной XVII в. и 1959 г., когда проводилась перепись, имели место различные колебания численности этих и других народов Сибири, но на них в данной статье мы не имели возможности останавливаться.

Эвены и предки части долган являются потомками некоторых окраинных северных и северо-восточных тунгусских родов и племен, негидальцы — потомками одного наиболее юго-восточного по своему расположению тунгусского племени (см. ниже). Основной массив северо-тунгусской лингвистической общности образовал современную эвенкийскую народность.

В XVII в. предки современных эвенков состояли из большого числа племен и, может быть, из ряда отдельных родов, стоявших вне племен¹⁰, расселенных на огромном пространстве от Енисея до Охотского моря. Почти все эвенки в XVII в. были оленеводами. Среди них нам пока известна лишь одна безоленная, пешая группа — род Някугир на восточном берегу оз. Байкал (около 100 чел.). Отдельные эвенкийские роды произошли также от ассимилированных позже эвенками якутов (Бута, Джер и др.). В ряде случаев позднейшие диалекты эвенкийского языка¹¹ соответствуют прежним племенным диалектам, а некоторые этнографи-

⁹ Здесь и ниже все цифры, относящиеся к XVII в., взяты из работы Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. IV, М., 1960.

¹⁰ Такое, странное на первый взгляд, положение, что род оказался вне племени, могло произойти по следующим причинам. Иногда род или часть рода переселялась далеко от места обитания своего племени. Там на новом месте этот род долго мог сохранять сознание своей обособленности по происхождению, хотя в силу брачных и других связей с соседями обычно утрачивал свои этнографические и языковые особенности. В других случаях автохтонное племя могло по разным причинам резко сократиться в численности и от него мог остаться лишь один род. Но по традиции этот род не считался входящим в соседние племена, сохранял сознание свое обособленности и иногда свое самоуправление, хотя, конечно, тоже, как и в первом случае, утрачивал в значительной степени, или даже полностью, этнографическое своеобразие и диалект. Что касается распространенных на огромной территории эвенков, то проблемы их первоначальной родо-племенной структуры и ее изменения особенно сложны и интересны.

¹¹ См. Г. М. Василевич, Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка, Л., 1948, стр. 18, карта.

ческие группы эвенков, в частности, многие из существовавших до революции так называемых «родовых» управлений («управ»), известных под названием «административных родов», восходили к прежним племенным подразделениям эвенков¹². Как видим, с собственно эвенками дело обстоит сравнительно просто.

Что касается эвенов, то их предками являются оленные (кочевые) охотские тунгусы (их в XVII в. насчитывалось 3,4 тыс. чел.) и пешие (оседлые) охотские тунгусы (2,7 тыс. чел.).

Сопоставляя сохранявшиеся в недавнем прошлом родовые названия эвенов и их современные диалектные группы с данными XVII в., мы пришли к выводу, что основой для формирования современной эвенской народности явились три разных племени. Основную массу предков современных эвенов составляли в XVII в. охотские оленные тунгусы (ламуты) родов Килар, Горбикан, Годникан, Кукугир, Дельян, Уяган и Долган, кочевавшие в верховьях рек Охоты, Ини, Кавы, Ульи, Юдомы, Индигирки и Колымы (всего 3 тыс. чел.). Это предки тех эвенов, которые говорят на восточном диалекте эвенского языка (по В. И. Цинциус)¹³ или на восточном и среднем наречиях этого языка (по К. А. Новиковой)¹⁴. При этом К. А. Новикова отмечает, что среднее наречие довольно близко примыкает к восточному наречию¹⁵.

Другой группой предков современных эвенов было племя оленных тунгусов, жившее в XVII в. в бассейне нижних Алдана и Лены. При этом в состав эвенов из него вошли только роды Тюгэсир, Мемель и Буяксир (всего 400 чел.). Они образовали основу той части эвенов, которая говорит на западном диалекте (по мнению В. И. Цинциус), или на западном наречии эвенского языка (по К. А. Новиковой).

Третьим составным элементом эвенов явилось племя оседлых тунгусов, жившее в XVII в. на берегах Тауйской губы (500 чел.). Это — предки позднейших оседлых эвенов, говоривших на почти исчезнувшем арманском диалекте эвенского языка, который К. А. Новикова предлагает даже считать особым языком, лишь родственным эвенскому.

Участие в формировании современной эвенской народности многочисленных (2,2 тыс. чел.) пеших тунгусов, живших в низовьях рек Охоты, Ульи, Кухтуя, Ульбеи и Ини, было очень незначительным. Большинство этих пеших тунгусов погибло в результате эпидемий уже во второй половине XVII и в XVIII вв.¹⁶

Следовательно, главная масса (около 85%) современных эвенов представляет собой потомков одного племени тунгусов-оленоводо-в XVII в., занимавшего крайнее северо-восточное положение по отношению к другим тунгусам. Кроме него в состав эвенской народности вошли три рода другого оленного племени, большая часть которого приняла участие в формировании долганской народности, и остатки третьего

¹² Подробнее об этом см.: Б. О. Долгих, *Племя у народностей Северной Сибири*, «Труды Второго Всесоюзного Географического съезда», т. III, М., 1949. Должен оговориться, что не все «административные роды», существовавшие у народов Северной Сибири, соответствовали племенам. У эвенов, например, они до их разделения соответствовали большим древним родам. Такое же явление наблюдалось у долган и др. В ряде случаев «административные роды» (волости, «управы») представляли собой просто территориальные общины (например, у кетов). О диалектах эвенков и их распространении см.: Г. М. Василевич, *Указ. раб.*

¹³ В. И. Цинциус, *Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка*, Л., 1947, стр. 7.

¹⁴ К. А. Новикова, *Очерки диалектов эвенского языка*, ч. 1, М.—Л., 1960, стр. 20.

¹⁵ Там же, стр. 19.

¹⁶ Об этнической истории эвенков см.: И. С. Гурвич, *Этническая история северо-востока Сибири*, М., 1966, стр. 24—39, 76—83, 160—164, 224—232, 263—264.

оседлого племени. Позже в состав эвенов вошли также отдельные группы якутского, юкагирского и корякского происхождения.

Роды, участвовавшие в образовании долганской народности, жили в низовьях Лены, начиная от устья Алдана. Согласно русским документам XVII в., их называли Долган, Кумкогир, Калтакули, Нимчан, Эдигэн. По-видимому, к этому же племени принадлежат роды Тугесир, Мемель и Буяксир, вошедшие в состав эвенов (см. выше). Кроме того, в числе племен, участвовавших в формировании долган, надо считать племян адян, предки которого когда-то переселились на р. Оленек с верхнего течения Алдана и его притока Май. В 1651 г. численность почти всех этих групп очень сократилась вследствие эпидемии оспы. Остатки рода Долган¹⁷, уцелевшие адяны, а также эвенкийский род Догочагир в XVIII в. переселились с верховьев Хатанги в низовья Хатанги и на ее приток Хету в пределах современного Таймырского национального округа. Здесь они смешались с поселившимися до них на Хете и Хатанге якутами и русскими (так называемыми затундринскими крестьянами), и в XIX в. на северной границе леса между Енисеем и Анабаром образовалась новая народность, говорящая на диалекте якутского языка, но сочетающая в своей культуре черты эвенского, эвенкийского, якутского и русского происхождения¹⁸. Таким образом, в долганах мы имеем этнографическое новообразование из разных этнических элементов, слившихся в одно целое уже после прихода русских в Сибирь.

Предками негидальцев было племя тунгусов, обитавшее в бассейне р. Амгуни¹⁹. Диалект негидальцев значительно отличался от диалектов соседних эвенков, а по своей культуре они в известной мере приближались к народам Амура. Большая часть их родов не имела оленей, т. е. негидальцы как бы обособились от остальных эвенков, но в то же время не слились в языковом и культурно-бытовом отношении с народностями Амура.

Таким образом, северо-тунгусская лингвистическая общность, существовавшая в XVIII в., положила начало четырем народностям. Но во всех четырех случаях процесс образования народности, как мы видели, происходил различно.

К народностям, говорящим на языках южной ветви тунгусских языков Сибири, которую по самому большому ее народу можно назвать нанайской²⁰, относятся нанайцы, ульчи, орочи, удэгейцы и ороки²¹. Они говорят на близких языках, возможно, диалектах одного языка. Все они, за исключением удэгейцев, имеют сходное самоназвание: нанайцы — нанай; ульчи, ороки и орочи — нани. У них много общего в традицион-

¹⁷ Судьба остальных родов этой группы была такова: уцелевшие кумкогиры слились с остатками рода Долган, роды Нимчан, Эдигэн и Калтакуль слились с якутами. Часть калтакулей переселилась на юг, и их потомки входят сейчас в число эвенков бассейна Алдана.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Б. О. Долгих, Происхождение долган, «V Сибирский сборник», М., 1963; Е. И. Убрятова, О языке долган, «Языки и фольклор Сибирского Севера», М.—Л., 1966, стр. 41—68.

¹⁹ К. М. Мыльникова и В. И. Цинциус, Материалы по исследованию негидальского языка, «Тунгусский сборник», I, Л., 1931, стр. 107—128.

²⁰ В настоящее время нанайцы составляют две трети общей численности населения народностей Сибири, говорящих на южно-тунгусских языках.

²¹ Об этих народностях см.: В. Г. Ларькин, Удэгейцы, Владивосток, 1958; его же, Орочи, М., 1964; А. В. Смоляк, Ульчи, М., 1966; его же, Состав, расселение и происхождение ульчских родов, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 84, М., 1963; Ю. А. Сем, Родовая организация нанайцев и ее разложение, Владивосток, 1959; его же, Основные изменения в расселении нанайцев к 50—60 гг. XIX столетия и их причины, «Труды Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР», серия историческая, т. I. Саранск, 1959, стр. 224—227.

ной культуре. Известный этнограф Л. Я. Штернберг даже предлагал считать их одной народностью. Общая численность предков этих народностей в XVII в. была около 7,5 тыс. чел.

Все эти пять южно-тунгусских по языку народностей в прошлом представляли, видимо, отдельные племена в этой лингвистической общности. Четыре племени из пяти, как и соседние им негидальцы, сохранились до начала XX в. почти в своем первоначальном составе, если не считать некоторых неизбежных изменений, которые происходят в течение столетий. У них появились новые роды, вымерли некоторые старые, имела место ассимиляция разных пришельцев, произошли некоторые изменения в расселении и т. д. У одного из этих племен — собственно нанайцев — за период с середины XVII в., когда с ними познакомились русские землепроходцы В. Д. Поярков, Е. П. Хабаров и О. С. Кузнец (более известный как Онуфрий Степанов), и до конца XIX в. произошли более значительные изменения. Так, их численность очень выросла (примерно с 2 тыс. в XVII в. до 5,7 тыс. чел. в 1897 г.); они распространились вверх по Амуру, Уссури и их притокам. Это объясняется тем, что с конца XVII в. до середины XIX в. нанайцами было ассимилировано значительное число эвенков (например, шамагиров, юкаминканов, дилкагиров) и других этнических элементов (отдельные группы потомков дючеров и т. д.).

Таким образом, нанайцы, ульчи, орочи, удэгейцы и ороки могут рассматриваться как народности, образовавшиеся каждая из одного племени. Из них нанайцы пополнились большим числом новых элементов различного происхождения²².

Из народностей Севера, относящихся к уральской языковой семье, назовем прежде всего саамов (лопарей). Саамы СССР являются небольшой частью саамской этнической (этнолингвистической) общности, расселенной ныне в четырех государствах: Норвегии, Швеции, СССР и Финляндии.

К этой же языковой семье принадлежат ханты и манси, представляющие собой в настоящее время две народности, образовавшиеся из одной лингвистической общности, так называемых обских угров. В XVII в. обские угры состояли из ряда племен, возглавлявшихся племенной знатью, и насчитывали в общем около 16,3 тыс. чел. Общим древним названием обских угров, очевидно, было «югра» (русс., ср. название их у коми — «ёгра»). Многочисленные диалекты современных хантов и манси, вероятно, в известной степени отражают их прежнее племенное деление²³.

Хантов (остяков) и манси (вогулов) различали уже в XVII в. и раньше. Поэтому и для XVII в. можно говорить об «остяцких» и «вогульских» племенах. Но причины, обусловившие отнесение одних угорских племен к хантам, а других к манси, остаются неясными, тем более, что с XVII в. некоторые «остяцкие» племена стали считаться «вогульскими».

Преемственность между ранней этнолингвистической общностью, состоявшей из нескольких племен, с разными диалектами и самоназваниями и современной народностью мы находим у селькупов. Несмотря на

²² Возможно поэтому в составе нанайского языка диалекты сунгарийских, бикинских и курулмийских нанайцев можно рассматривать как особый язык, см.: В. А. Аврорин, Итоги и задачи изучения языков малых народностей Сибирского Севера, «Языки и фольклор народов Сибирского Севера», М.—Л., 1966, стр. 8.

²³ Есть мнение, что существуют три или даже пять самостоятельных хантыйских языков. См.: В. А. Аврорин, Указ. раб., стр. 9.

существующее в настоящее время территориальное разделение селькупов на южных обских (или нарымских), живущих в Томской области, и северных — на реках Таз (в Тюменской области) и Турухан (в Красноярском крае), они считаются одной народностью²⁴. В XVII в. всех селькупов было около 3,2 тыс. чел.

Северные самодийцы — ненцы, энцы и нганасаны состояли в XVII в. из нескольких родственных по языку, но довольно различных по своей культуре и происхождению племен.

Современные нганасаны в основном являются потомками двух племен — авамских и вадеевских нганасан²⁵.

Современные энцы тоже потомки двух племен. Одно из них — тундровое — называлось сомату, другое — лесное — имело два названия: муггади («лесные») и пэ-бай («лесные бай»). В 1631—1632 гг. численность энцев сократилась на две трети вследствие эпидемии оспы. В конце XVII и в течение XVIII и XIX вв. значительная часть энцев была ассимилирована ненцами. Если нганасаны теперь все говорят на одном языке, то у энцев сохранились отдельные диалекты для их тундровой и лесной частей, восходящие, видимо, к древним племенным диалектам сомату и муггади (пэ-бай)²⁶.

Что касается ненцев, то их этническим ядром явилось многочисленное племя ниже-обских («обдорских») тундровых ненцев. На западе к «обдорским» ненцам примыкают европейские ненцы, образовавшиеся, видимо, главным образом вследствие переселения сибирских ненцев на запад от Урала и ассимиляции ими каких-то местных племен. Уже в XI в. в Европейской России существовали лесные ненцы («печера») и тундровые (собственно «самоеды»). Позже первые стали называться ижемскими (также усть-цылемскими), а вторые распались на большеземельских (пустозерских) и канинско-тиманских.

К югу от обдорских ненцев сложилось племя сибирских лесных ненцев пян-хасово («кунная» или «казымская самоедь» XVII в., «хандеяры» — XIX и начала XX вв.²⁷), в состав которого входят и элементы, родственные энцам.

На востоке «обдорские» ненцы в конце XVII и в течение XVIII вв. ассимилировали много энцев (роды Аседа, Салярта, Чор, Мар'ик, Лам-бай), вследствие чего образовались новые территориальные группы ненцев — «тазовская» и (на нижнем Енисее) «береговая».

Таким образом, основу ненецкой народности составило одно мощное племя. Кроме него, в формировании ненцев приняли участие родственные

²⁴ Надо, однако, заметить, что южные селькупы быстро переходят на русский язык. Для менее чем 20% родным является селькупский язык, а остальные говорят по-русски. Большинство северных селькупов сохраняют родной язык. См. З. П. Соколова, О некоторых этнических процессах, протекающих у селькупов, хантов и эвенков Томской области, «Сов. этнография», 1961, № 3, стр. 45—52.

²⁵ См. Б. О. Долгих. Происхождение нганасан, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XVIII, М., 1952, стр. 5—87. В XVII в. предки нганасан состояли из трех племен: «пясидской самоеди» (в состав которого входили, вероятно, и так называемые кураки — «вороны»), тагвов и ваяндов. Последние, являющиеся предками вадеевских нганасан, в XVII в. были еще тунгусами.

²⁶ Об этнической истории энцев см.: В. И. Васильев, Лесные энцы, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 84, М., 1963, стр. 33—70; в отношении энцев приходится отметить, что у них процесс консолидации народности так и не завершился. Северные тундровые энцы сейчас сливаются с ненцами (большая часть) и нганасанами (меньшая часть). Что касается лесных энцев, то они сохраняют свой диалект (и даже распространили его на соседние ненецкие семьи). В культурно-бытовом отношении они, однако, тоже приближаются к ненцам.

²⁷ Название «хандеяры», вероятно, означает «кондинские яраны»; Кондинское — село на Оби, куда лесные ненцы платили ясак в XIX в. вместе Юильского городка на р. Казым. Яран — «ненец» на языке коми, йорн — ненец на языке хантов.

ему племена и территориальные группы более позднего происхождения, образовавшиеся в результате ассимилятивных процессов. Дialeктная близость всех ненцев, за исключением лесных, подтверждает предположение о том, что их язык распространялся из одного центра, вероятно от «обдорских» тундровых ненцев как на запад, так и на восток по зоне тундры.

Всего северных самодийцев было в XVII в. около 11,5 тыс. Из них предков ненцев около 7,4 тыс. чел. (в том числе 4,7 тыс. «обдорских» тундровых ненцев), энцев — 3,1 тыс. и иганасан — 1,0 тыс.

Кетов в XVII в. было всего около 5,6 тыс., но их южная часть (3,6 тыс. коневодов и скотоводов) уже в XVIII в. слилась с русскими, или была тюркизирована предками хакасского народа и затем вошла в состав последнего.

Численность всех тех северо-кетских племен охотников и рыбаков, в состав которых входило и племя, чьи потомки образовали основную массу современных кетов, составляла в XVII в. около 2 тыс. При этом современные кеты почти все являются потомками только одного, самого северного кетского племени, насчитывавшего в XVII в. около 700 чел. Лишь на самом юге современного распространения кетов имеется несколько семей, так называемых дюгунь, происходящих из другого кетского племени.

Следовательно, современные кеты, с одной стороны, представляют целую, в прошлом довольно распространенную, лингвистическую общность, а с другой, — являются в основном потомками только одного племени этой общности.

Юкагиры в XVII в. были широко распространены по северу Восточной Сибири от Лены на западе до устья Анадыря на востоке, их насчитывалось 4,8 тыс. Юкагиры состояли из большого числа родов и племен, некоторые из них — омоки, ходынцы, чуванцы (см. ниже) даже считались иногда особыми народностями. Но эпидемия оспы, эксплуатация крепостническим государством и торговым капиталом, а также слияние с эвенками, якутами и русскими сократили численность юкагир. Теперь они сохранились лишь в бассейнах Алазеи и Колымы и представляют собой малочисленные остатки различных юкагирских племен. Живут они среди чукчей, русских, эвенков и якутов, и сливаются со своими соседями, но несмотря на это в языке юкагир там, где он сохраняется, еще имеются диалектные различия, восходящие к диалектам старых юкагирских племен²⁸. В общем современные юкагиры — это небольшая часть прежней этнолингвистической общности, сохранившая свой язык и этническое самосознание.

Чуванцы представляли собой в XVII в. одно из юкагирских племен, самое северо-восточное по своему территориальному местоположению. В настоящее время чуванцы распадаются на две части: оседлых, уже давно говорящих на русском языке, и оленеводов, в недавнем прошлом кочевых, родной язык которых близок языку оленных коряков. В состав оседлых чуванцев вошла, тоже слившаяся с русскими, часть юкагирского племени — ходынцев и некоторых других юкагирских племен, а также отдельные коряки. Все эти «чуванцы» мало отличаются по своей культуре и быту от других русских старожилов Севера, тоже часто представляющих очень смешанные группы, особенно на севере Восточной Сибири²⁹.

²⁸ Подробнее об этнической истории юкагиров с XVII в. см.: И. С. Гурвич, Указ. раб., стр. 11—24, 65—76, 136—150, 216—224, 263.

²⁹ Там же, стр. 54—62, 117—132, 192—211, 249—261, 263.

Происхождение же чуванцев-оленоводов до сих пор неясно. Проще всего предположить, что это ассимилированные коряками (или чукчами) юкагиры-чуванцы (и ходынцы). Но возможны и другие предположения, например, что это просто «приписанные» царской администрацией к «Чуванскому роду» («обществу») коряки, в XVIII в. кочевавшие близ р. Анадыря³⁰.

Так или иначе, современные чуванцы — это неоднородная сборная группа, сохраняющаяся в перечнях народностей Севера лишь по традиции. Потомков оседлых чуванцев, для которых родным является русский язык, пожалуй, правильнее было бы относить к русским старожилам северо-востока Сибири³¹.

Северо-восточные палеоазиаты — коряки, чукчи и ительмены — это народности, значительно различающиеся по истории их формирования.

Коряки образовали лингвистическую общность, состоявшую в прошлом по крайней мере из 13 племен. Этими племенами мы считаем территориальные и диалектные группы коряков, большая часть которых сохранилась до нашего времени. Это ямовские коряки, туманские, гижигинские, итканские, паренские, каменские, паланские, тигильские, карагинские, алуторские, апукинские, кереки. Тринадцатым корякским племенем оленных коряков были чавчувены, хотя надо заметить, что уже в конце XVII и в начале XVIII в. последние состояли из нескольких разобщенных территориальных группировок³².

Чукчи (оленные и приморские) являются, видимо, потомками одного разросшегося племени, родственного оленным корякам. Оседлые, приморские чукчи поглотили, кроме того, большое число своих соседей эскимосов, а оленные чукчи — часть оленоводов чуванцев³³. Единство происхождения основного ядра чукчей подтверждается отсутствием диалектов в их языке.

Современные ительмены — это незначительная часть двух (возможно даже трех) племен древних ительменов, большинство которых погибло от эпидемий в XVIII в. или слилось с русскими³⁴. В конце XVII в. северо-восточных палеоазиатов было всего около 25,9 тыс. чел., в том числе предков чукчей около 2,4 тыс., коряков — 10,8 тыс. и ительменов — 12,7 тыс.

Что касается эскимосов и алеутов, то большая часть их, как и саамов, находится за рубежом.

Алеуты были переселены с островов Алеутского архипелага на незаселенные до того Командорские острова в 1825 или 1826 гг. известной Российско-Американской компанией. Впоследствии состав алеутского населения Командорских островов пополнился новыми переселенцами — алеутами, а также эскимосами, русскими, коми и др. Переселенцы алеуты происходили с разных островов Алеутского архипелага и поэтому, вероятно, кроме основного для алеутов самоназвания унанган, на острове Медном встречалось и другое — сасигнан.

³⁰ Это предположение высказал в личной беседе исследователь чукчей и коряков И. С. Вдовин.

³¹ См. И. С. Гурвич, Указ. раб., стр. 258.

³² Об этнической истории коряков и чукчей в XVII — начале XX в. см.: И. С. Гурвич, Указ. раб., стр. 47—54, 103—117, 183—192, 241—249, 264.

³³ Здесь имеются в виду чуванцы, некогда кочевавшие в районе мыса Шелагского, главным образом к востоку от него, а не упомянутые выше оленоводы, называющие себя чуванцами. П. Я. Скорик выделяет из корякского языка в качестве самостоятельных языков керекский и алуторский (в составе диалектов алуторского, каратинского и паланского). См. «Вопросы языкознания», 1957, № 1, стр. 21—35.

³⁴ И. С. Гурвич, Указ. раб., стр. 94—103, 179—183, 245, 264.

Эскимосы в Азии, судя по их диалектам и расселению в недавнем прошлом, состояли не менее чем из трех разных групп (племен). Это «сиг'иныг'мит» или «вутээнцы» (пос. Сиреники), «ун'азиг'мит» или «айваны» (пос. Уназик и др.), «нывук'аг'мит» или «пээки» (пос. Наукан и др.). К. Мерк в XVIII в. выделял еще «уэленцев» (поселки по берегу Чукотского моря от Уэлена на запад до мыса Рыркайпья), но Г. А. Меновщиков объединяет их с нывук'аг'митами³⁵. Общую численность эскимосов в XVII в. можно определить в 4 тыс. чел., но большинство их в последующие столетия было поглощено чукчами. Уже к концу XIX в. были почти полностью ассимилированы чукчами уэленцы. Только в самом поселке Уэлен еще некоторое время сохранялся эскимосский язык. В настоящее время, в связи с укрупнением колхозов и переходом на оседлость оленных чукчей, расселение советских эскимосов по сравнению с указанным выше несколько изменилось и они в значительной части поселков живут теперь вместе с чукчами, а также с русскими и др. Последние исследования советских этнографов установили в некоторых эскимосских племенах наличие родовых делений³⁶.

Нивхи в низовьях Амура и на Северном Сахалине, как и юкагиры, представляли в XVII в. отдельную изолированную лингвистическую общность. Может быть она состояла, судя по диалектам, из двух племен: одного на Нижнем Амуре и западном побережье острова и другого на северном и восточном Сахалине³⁷. Можно предполагать, что всех нивхов в XVII в. было около 5,7 тыс.

Наконец, тофа (тофалары) на Саянах были в прошлом племенем оленеводов, родственным современным тувинцам-тоджинцам. Численность тофа в XVII в. составляла около 0,4 тыс. Говорили они тогда на самодийском языке, а свой современный тюркский язык усвоили в течение XVIII — начале XIX вв. И в XVII и в XIX вв. тофа состояли из 4—5 родов.

Подведем некоторые итоги. Как мы видели, из 26 народностей Севера семь образовались в результате развития в народности целых лингвистических общностей или их крупных подразделений, состоявших из большого числа племен и родов. При этом некоторые из этих общностей сохранились в более или менее полном составе (эвенки, селькупы, коряки, нивхи), другие же — лишь в виде небольших реликтов (кеты, юкагиры, ительмены). Одна лингвистическая общность разделилась на две народности (ханты и манси). Четыре народности имеют в своей основе разросшиеся, разветвившиеся и поглотившие своих соседей племена (ненцы, чукчи, нанайцы и, с известной оговоркой, эвены). Две народности сложились в результате объединения двух племен каждая (нганасаны и энцы, причем в последней объединились фактически лишь сохранившиеся части племен, а не целые племена). Шесть народностей образовались каждая из отдельного племени (ульчи, ороки, орочи, удэгейцы, негидальцы, тофа). В одном случае народностью стало этнографическое

³⁵ Г. А. Меновщиков, Язык сиреникских эскимосов, М.—Л., 1964, стр. 6, 8; И. С. Вдовин, История изучения палеоазиатских языков, М.—Л., 1954, стр. 76—77. С. А. Арутюнов в личной беседе высказал предположение, что, возможно, первоначально азиатские эскимосы состояли из двух групп (племен?) — «сиг'иныг'мит», и «нывук'аг'мит». Появление «ун'азиг'митов», вероятно, связано с распространением на материке языка эскимосов о-ва св. Лаврентия, усвоенного большей частью сиг'иныг'митов.

³⁶ Г. А. Меновщиков, О пережиточных явлениях родовой организации у азиатских эскимосов, «Сов. этнография», 1962, № 6; Д. А. Сергеев, Пережитки отцовского рода у азиатских эскимосов, там же.

³⁷ Последние исследования А. В. Смоляк, возможно, позволяют выделить у нивхов большое число (до шести) диалектально-территориальных (племенных?) групп (амурскую, левый берег Амурского лимана, правый берег лимана, западно-сахалинскую, тымскую и восточно-сахалинскую).

новообразование (долганы). В трех случаях народностями Севера СССР являются части этнолингвистических общностей, большая часть которых находится за рубежом (саамы, эскимосы, алеуты). Наконец, в одном случае народностью считалась по традиции группа из элементов самого разного происхождения, издавна состоявшая из различных по своему языку и культуре частей (чуванцы).

В общем же шесть народностей из целых этнолингвистических общностей, четыре из разросшихся и распространившихся племен и одна — этнографическое новообразование составляют сейчас 11 народностей (эвенки, селькупы, коряки, нивхи, ханты, манси, ненцы³⁸, чукчи, эвены, нанайцы и долганы) и охватывают 90,3% всей численности малых народностей Севера.

Таким образом, на Севере было несколько путей образования народностей: 1) непосредственно из целых этнолингвистических общностей, состоявших из ряда племен, близких по языку и культуре; 2) из отдельных разросшихся и поглотивших своих соседей племен; 3) в результате смешения частей разных неродственных племен и родов, но при условии распространения у них одного языка; 4) из отдельных племен, мало или почти не изменившихся в своем составе; 5) из объединения двух соседних, близких по языку и культуре племен. При этом в каждом отдельном из приведенных выше примеров мы видим индивидуальные особенности, детали процесса, не встречающиеся в других случаях образования народностей. Трудно сказать, насколько указанные выше пути образования народностей типичны для всех географических зон и исторических эпох.

Надо отметить, что процесс консолидации народностей Севера далеко не сразу привел к окончательным результатам. Даже в конце XIX в. не было общепринятого их списка. Еще в начале XX в. существовало также расхождение между традиционным и научным списком народностей Севера. Так, в первом упорно фигурировали «орочены», «юраки» и др., но не различались нганасаны и энцы; кеты, селькупы и ханты и т. д. С. К. Патканов, выделявший, например, шегидальцев, не всегда выделял в качестве особой народности эвенов (ламутов). Он же объединял под названием орочи и собственно орочей, и удэгейцев, но выделял из состава эвенков «манегров» и «бирар», а из состава нанайцев — «самагиров» и «килей»³⁹.

Таких примеров можно было бы привести много. Только за годы Советской власти, благодаря росту культуры населения Севера и росту, в связи с этим, их национального самосознания, можно было установить окончательный перечень этих 26 народностей.

Ошибки прежних исследователей в определении числа народностей Севера, помимо простого отсутствия необходимых данных и влияния местной традиции, отражавшихся в материалах переписей и в других сведениях, которыми они пользовались, могли также свидетельствовать о том, что некоторые народности продолжали складываться и что состав их еще не вполне определился.

Консолидация некоторых народностей Севера продолжалась также и в годы развернутого социалистического строительства и происходила вместе с преобразованием этих народностей в народности социалистические.

³⁸ Лесные ненцы (пьян-хасово) составляют очень небольшую часть ненцев, и поэтому мы их в данном случае не принимаем во внимание. Но, строго говоря, в основе ненецкой народности лежат два племени.

³⁹ С. Патканов, Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири, СПб., 1906, ч. I, стр. 9, ч. II, стр. 141—142.

Ведущим этническим процессом, протекающим в настоящее время у народностей Севера, наряду с завершением консолидации некоторых из них, является их сближение как между собой, так и с соседними более крупными народностями, такими как коми, якуты и в особенности с русским народом. Тесные контакты советских народностей Севера с русскими, усвоение ими русской советской культуры, распространение среди них русского языка — самое главное и заметное явление этнических процессов, протекающих сейчас на Советском Севере среди его коренного населения. Несомненно, что именно этот процесс определяет дальнейшее этническое развитие народностей Севера СССР.

SUMMARY

26 minorities of the Soviet North may be divided into 7 types according to the history of their formation. Some nationalities are successors of wider ethnolinguistic groups, each consisting originally of several tribes. Such are Koryaks, Nivkhs, Selkups, partially Mansi and Khants. Other nationalities merged from two or three affiliated tribes, like Nganasans, Enets. The third type is a result of a growth and changes in one powerful tribe, which incorporated also some affiliated and alien elements (Chukchi, Nanaians, Nenets and Evens). The fourth type consists of successors of a single tribe (Ulcha, Oroks, Oroches, Ndeghe, Neghidals, Tofalars). The fifth type consists of remnants of large, but nearly extinct ethnolinguistic groups, like Jukaghirs, Kets, Itelmens. The nationalities of the sixth type are divided from the bulk of their ethnolinguistic groups by a state boundary (Eskimos, Aleuts, Saami). The seventh type is represented by a recent newly formed nationality — Dolgans. There is also a group, called a nationality only traditionally — Chuvantsy.

These conclusions based on the materials on the Soviet Northern minorities are applicable also for the settlement of problems, concerning formation of other nationalities, in different times and under different conditions.

Е. Н. Студенецкая

ОДЕЖДА НАРОДОВ КAVKAZA

(О СОБИРАНИИ МАТЕРИАЛОВ
ДЛЯ КAVKAZСКОГО ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО АТЛАСА)

Этнографические атласы — один из интереснейших видов изданий, крайне необходимых не только этнографам, но и археологам, историкам, искусствоведам и многим другим категориям научных, творческих и практических работников, вплоть до работников промышленности и торговли.

Вместе с тем этнографический атлас является показателем высокого уровня систематизации научных данных. Его составление требует серьезной и четко организованной работы большого коллектива специалистов.

В настоящее время этнографами Советского Союза достигнуты некоторые успехи в этом направлении. Выпущен атлас по народам Сибири, в печати атлас, посвященный русскому народу, готовятся атласы по Средней Азии и Казахстану, Кавказу и другим регионам.

Во всех этих атласах значительное место занимает тема одежды, в которой может быть более, чем в каком-либо другом элементе материальной культуры, отражается национальная специфика.

Основной принцип советской этнографии — историзм в подходе к изучению каждого явления, института, предмета материальной культуры. Поэтому для этнографических атласов намечаются определенные исторические периоды, к которым будет относиться материал карт, отражающих как отдельные элементы одежды, так и комплекс одежды в целом.

Для Кавказского атласа представляется целесообразным по дореволюционному времени выделить 50-е—60-е годы XIX в. (предреформенный период) и конец XIX (90-е годы) — начало XX в. (1900-е годы). По более ранним периодам картографирование вряд ли осуществимо, но они должны быть освещены в тексте статей и в иллюстративных таблицах со всей возможной хронологической глубиной.

При характеристике советского периода желательно выделить 1930-е годы, когда в результате индустриализации и коллективизации, роста зажиточности и культуры населения страны произошли решающие сдвиги в его быте, одежде и жилище. Завершающие карты должны относиться к 1960-м годам и отражать современное состояние культуры. По-видимому, карты по советскому периоду, в который происходит все большее сближение национальных культур и сложение единой общесоветской культуры, будут строиться не по отдельным видам одежды, а по ее комплексам.

Кроме карт, атлас должен включать значительное число иллюстраций — фотографий и зарисовок как отдельных предметов одежды, так и комплексов, чертежей кроев, схем эволюции отдельных частей одежды и т. п. Большой интерес могут представить терминологические сравнительные таблицы. Серьезной задачей является написание кратких вступительных статей к атласу в целом и к его разделам.

Составление этнографического атласа по такому многонациональному району, как Кавказ,— дело чрезвычайно сложное, требующее сбора и изучения большого фактического материала, разработки ряда карт и таблиц. Необходимо продумать методику работы, составить программы и вопросники и тщательно их обсудить.

Настоящая статья является попыткой привлечь внимание к особенностям культуры и быта народов Кавказа, которые надо принимать во внимание при сборе материалов по теме «Одежда».

Источниками изучения одежды многонационального населения Кавказа являются в первую очередь вещественные памятники, т. е. одежда, сохраняющаяся в быту или входящая в коллекции музеев. В музеях одежда народов Кавказа представлена в целом недостаточно и весьма неравномерно по разным народам, различным классам каждого народа, полу и возрасту. Поэтому громадную роль играет экспедиционная работа. Она позволяет исследовать подлинные предметы и комплексы на месте там, где они еще бытуют, или хотя бы хранятся населением, а также привлечь к изучению богатейшие сведения, сообщаемые информаторами. Надо помнить, что чем позднее мы возьмемся за эту работу, тем более сократятся наши возможности.

Второй важный источник — литература, особенно описания путешественников, побывавших непосредственно в той или иной национальной среде.

Ценным источником является и иллюстративный материал, т. е. воспроизведения одежды на фресках, миниатюрах, гравюрах, фотографиях, предметах прикладного искусства, рисунках, в скульптуре и т. п. К сожалению, у ряда народов Кавказа местными уроженцами одежда совсем не воспроизводилась, а материалы других авторов не всегда достоверны и точны.

Надо учитывать и то, что иллюстративные источники, как правило, мало отражают одежду простого народа; в них главное внимание уделяется светской и духовной знати. Даже наиболее массовое изображение — бытовой фотоснимок — чаще фиксирует праздничную, нарядную, а не обыденную одежду. Однако бытовые фотографии, хотя они охватывают небольшой исторический отрезок времени, — весьма важный источник. Их почти всегда можно точно датировать по памяти информаторов, обычно знающих не только кто изображен, но и в какой момент жизни (в девичестве, во время свадьбы и т. п.). Датировка фотографии часто облегчается наличием на ней фамилии фотографа, различных медалей, рисунков, орнаментов, надписей «модными» для данного времени шрифтами, даты основания фотографии и т. п. Основанием для датировки служит и характер изображения, сорт фотобумаги. На снимках, сделанных у фотографа, имеются предметы антуража (задник, тумба, ваза), позволяющие нередко уточнить датировку.

Кроме того, групповые фотоснимки дают возможность определить разнообразие бытующей одновременно одежды и даже степень распространения того или иного типа костюма. Наконец, обычная любовь к фотосъемке делает этот материал обильным и доступным.

При изучении одежды надо использовать и архивные документы, по которым часто можно выяснить источники проникновения тех или иных тканей и предметов одежды, состав и характер костюма и т. п.

Интересные сведения об одежде содержатся и в фольклоре. Они могут помочь установить датировку, социальную принадлежность той или иной вещи, характеризовать ранние формы и т. п. К сожалению, далеко не по всем народам Кавказа фольклор собран и опубликован.

О древних формах национального костюма, об историческом пути развития одежды народов дают представление археологические памятники, включающие или непосредственно предметы одежды и украшений, или изображения людей различных периодов.

Все перечисленные виды источников желательно использовать при изучении одежды.

Программы для сбора материалов по одежде всегда должны учитывать не только цели, поставленные собирателем, но и специфику той среды, в которой предполагается работа. Поэтому, несмотря на наличие ряда программ по изучению одежды (в частности, подробной и интересной, составленной Е. И. Маховой и С. П. Русяйкиной по одежде народов Средней Азии и Казахстана), нужна программа для сбора материала по одежде народов Кавказа.

Кроме того, для сложного в этническом отношении района, каким является Кавказ, необходимы и некоторые методические установки.

Многонациональность Кавказа широко известна. Десятки народов населяют эту относительно небольшую территорию. Естественно было бы ожидать здесь огромное разнообразие во всех элементах материальной и духовной культуры. В частности, в одежде можно было предполагать гораздо большее разнообразие, чем, например, в жилище и занятиях, более зависящих от географических условий.

Однако не всегда дело обстоит именно так. Многие народы Северного Кавказа, говорящие на разных языках, имеющие различное происхождение и различный уровень общественно-экономического развития, носят одежду тождественную или почти тождественную по покрою, материалу, способам украшения и т. п. Это явление привело к тому, что дореволюционные авторы в ряде случаев вместо конкретного описания одежды того или иного народа говорили об общем горском костюме и тем самым весьма сократили возможности исторического изучения одежды.

По-видимому, эти черты сходства или тождества постепенно усиливались, и еще до того времени, когда, по выражению Г. Успенского, «господин Купон» нарядил гордого горца в европейскую одежду, иные, пока не вполне изученные, причины нарядили большую часть народов Кавказа в черкеску, пояс с набором, мягкие сапоги и папаху.

Изучение материала, относящегося к нескольким историческим периодам, позволит установить, является ли это сходство форм одежды следствием общности изначальных форм культуры или результатом позднего заимствования, обусловленного определенными историческими причинами.

Иная картина наблюдается в Закавказье. Такие крупные народы, как грузины и армяне, сложение которых в нацию относится ко второй половине XIX в., вплоть до революции сохраняли в одежде племенные или локальные различия.

Хевсуры, аджарцы и кахетинцы являются грузинами, но по одежде их можно было принять за представителей даже не родственных народов.

Пестрота в одежде народов Кавказа усугубляется и тем, что многие народы живут в тесном взаимном общении, иногда один народ на территории другого, что, конечно, не может не отражаться и на одежде. Такое смешение можно наблюдать в Закавказье. Армяне, кроме Армении, живут и в Азербайджане, и в Грузии; азербайджанцы — в Армении, курды — во всех трех республиках.

Большие группы многих кавказских народов живут за пределами Советского Союза. Армян, азербайджанцев, грузин, черкесов и других

можно встретить в Иране, Ираке, Турции, и костюм, который они носят, отличается от костюма тех же народов — жителей Советского Союза. Вместе с тем, государственные границы не являются границами типов одежды хотя бы уже потому, что в различные исторические периоды тысячи, десятки тысяч людей — представителей этих народов — переселялись в Россию или из России. Так, значительная часть жителей современной Армении переселилась сюда за последние 100—200 лет, и процесс этот идет в какой-то степени и сейчас. Нередки случаи, когда разные информаторы одной деревни по-разному описывают костюм, бытовавший здесь в прошлом. Объясняется это тем, что жители деревни когда-то переселились сюда из различных районов Турции или Ирана. Все это заставляет собирателя весьма тщательно фиксировать не только национальность информатора, но и местожительство его и его предков.

Для многих народов Кавказа характерна большая подвижность населения, приводящая к тесному соприкосновению, а иногда к длительному обитанию в чуждой этнической среде, а следовательно, заимствованию и переносу на родину чужих форм жизни и материальной культуры. Особенно легко это происходит с таким элементом культуры, как одежда. Армянская пословица говорит: «С каким народом живешь, ту шапку и носи», — и это имеет не только переносное, но и прямое значение.

Большая часть народов Кавказа, занимавшихся скотоводством, длительное время находилась вдали от родного селения в связи с откочевкой на зимние или летние пастбища. Азербайджанцы на лето угоняли скот в горы Армении; карачаевцы зимой пасли свои стада в русских районах и т. п. При этом из года в год на много месяцев уходили со скотом одни и те же люди.

Для многих народов Дагестана весьма характерно отходничество, вследствие которого мужчины-ремесленники месяцы, а то и годы, жили вне своей этнической среды. При этом влияниям подвергалась не только их собственная одежда, но и результаты их труда. Мастера-ювелиры, например, приобретали умение изготавливать свои изделия в соответствии со вкусами различных народов, что в дальнейшем приводило к известной нивелировке форм, особенно в такой части одежды, как серебряные пояса, женские украшения и др.

При исследовании одежды народов Кавказа необходимо учитывать и специфические формы общения и связей между народами, характерные для Кавказа. К их числу следует отнести, например, аталычество. Известно, что у феодалов Северного Кавказа было принято отдавать сына или дочь на воспитание в другую семью, нередко в среду другого народа. По достижении совершеннолетия и возвращении к родителям сын приносил с собой одежду, изготовленную для него в семье аталыка-чужеземца, а дочь — и определенные навыки шитья, вышивания и т. п., усвоенные в другой этнической среде.

Такую же роль играли межплеменные браки, обычай давать в приданое рабынь-прислужниц и т. п. С куначеством и побратимством связаны моменты обмена одеждой. Наличие всех этих связей способствовало созданию общих форм одежды.

В более ранние периоды набеги и грабежи имели целью в ряде случаев и получение тканей и одежды. Такого рода набеги совершались под предводительством горских феодалов на Астрахань, города Грузии и др. Вследствие этого в среду народа проникали вещи и ткани, типичные для других народов.

Таким образом, целый ряд социальных институтов влиял на одежду кавказских народов, способствуя возникновению и закреплению либо общих, либо, наоборот, специфических черт. Одним из таких институтов

является, по нашему мнению, эндогамия, характерная для народов Дагестана. Поскольку главным творцом и мастером-исполнителем одежды была женщина, постольку замыкание женщины в пределах своего рода и селения способствовало локализации определенных форм одежды (особенно ярко это выступает в женских головных уборах), орнамента (например, в вязаных изделиях и т. п.).

Может быть, это — одна из причин чрезвычайного разнообразия в Дагестане женской одежды в деталях при сохранении основных составных частей.

В обрядовой (свадебной, похоронной и т. п.) одежде различия могут обуславливаться и разницей религий, которая должна учитываться при сборе материалов.

История кавказских народов изобилует военными столкновениями и длительными периодами господства одних народов (местных или зарубежных) над другими. В эти периоды в быт народа вносились новые элементы одежды. Так, в армянский женский костюм западных районов была внесена турецкая феска, в обиход жителей Черноморского побережья — турецкие шелковые пояса и т. п.

Обычно первыми подражателями иноземной моде становились представители господствующих классов, и это обстоятельство следует учитывать при изучении одежды.

Длительные многовековые связи сближают народы Кавказа с русскими и украинцами. Связи эти тянутся еще с периода Древнерусского государства. Взаимовлияния в одежде украинцев, народов Кавказа и русского народа несомненны.

Для раннего периода значительную роль могли играть взаимные посольства, обычай дарить одежду и ткани послам и местным феодалам, существование колоний кавказских народов в Москве и связь этих колоний с родиной.

Конкретные результаты территориального соприкосновения русских и украинцев с народами Кавказа можно наблюдать на примере терского и кубанского казачества, перенявшего от кавказцев не только одежду, но и оружие, седловку, ряд обычаев и т. п. Как известно, кавказская одежда вошла в официальную воинскую форму некоторых воинских частей (например, казачество, части царского конвоя). Интересно, что одним из путей проникновения северокавказской черески в восточное Закавказье была военная форма размещавшихся там частей, стражников и т. п.

При изучении одежды надо помнить, что народы Кавказа находились на различном уровне социального развития. Одежда создается в течение длительного исторического периода, и создает ее сам народ, в первую очередь женщины, обрабатывающие большую часть материалов, употреблявшихся для одежды, и изготовлявшие ее. Но в классовом обществе — рабовладельческом, феодальном и тем более капиталистическом — появляются специалисты по изготовлению тех или иных видов одежды. Первоначально они обслуживали своего владельца, а позднее, с развитием ремесла, и широкие круги населения.

Ремесленниками чаще всего были мужчины. Изделия ремесленников, в отличие от вещей, изготовленных в семье, носят на себе следы массового производства, серийности, стандартности, большего профессионализма, но меньшего разнообразия форм. Производство ремесленника подчинено требованиям рынка, вкусам потребителя и моде. При изучении одежды надо обязательно учитывать наличие или отсутствие у данного народа ремесел, связанных с изготовлением одежды, или материалов для нее. В местах, где ремесло развито, в большинстве случаев

наблюдается нивелировка одежды различных племенных групп и даже национальностей. Это можно подтвердить рядом примеров.

В костюм народов Кавказа входят различные металлические украшения, сделанные специалистами ювелирами. При всем разнообразии этих украшений в них часто наблюдается нивелировка. Однотипные серебряные пояса, застежки, кольца и браслеты носят жители разных районов Кавказа, приобретая их у ремесленников или на базаре.

В Закавказье рано выделилось в ремесло сапожное и шапочное дело, что также привело к стандарту.

При сборе материалов необходимо отмечать, кем сделана данная часть одежды. Учитывается это и при записях измерений. Если в обуви, сшитой руками женщин у себя дома, всегда может быть какая-то разница в деталях, швах, пропорциях и размерах, то в сапогах, сошедших с одной и той же колодки ремесленника, достаточно изучить и зафиксировать одну пару.

Большинство народов Кавказа с древних времен торговало между собой и с другими странами. Круг этих торговых сношений был весьма широк, чему способствовало географическое положение Кавказа, связанного через Черное море со всем Средиземноморским бассейном, а через Каспийское — со странами Востока. Речные пути (в том числе такая водная магистраль, как Волга), караванные дороги связывали Кавказ с севером и югом. К числу основных товаров принадлежали ткани, кожи, а также и готовая одежда.

На Северном Кавказе обычным сырьем для изготовления тканей служила шерсть. В связи с этим рано вошли в обиход покупные материи кустарного, а позднее фабричного производства (холст, шелк, ситец и др.).

В Закавказье, напротив, имелся богатый ассортимент местных тканей из шелка, льна и хлопка, многие из которых вывозились и на Северный Кавказ. Что касается сукна, то здесь высоко ценили изделия мастериц Северного Кавказа, особенно Дагестана.

При собирании материалов желательно выяснение источников получения каждой ткани, давности ее бытования, на смену каких местных материалов она пришла, а также какова была ее относительная ценность с точки зрения местного населения. Так, например, покупной ситец для горского крестьянина был менее доступен (хотя стоимость его была ниже), чем домотканное сукно.

При изучении одежды периода классового общества необходимо учитывать социальные различия, избегая однако примитивного подхода к этому вопросу. Нельзя считать, что чем ниже стоит человек на социальной лестнице, тем хуже должна быть его одежда. Материалы Северного Кавказа показывают, например, что рабыня-прислужница, сопровождавшая хозяйку, как правило, была одета лучше, чем имевшая собственное хозяйство крепостная крестьянка. Бездельники-князья считали рваную черкеску особым шиком, показывающим их удаль и пренебрежение к одежде и внешности, а зажиточный крестьянин гордился целой, хорошо сохранившейся добротной одеждой и т. п. Обилие серебряных украшений часто могло отличать не княгиню, а жену ювелира, которая таким образом рекламировала изделия мужа.

Иногда замечательное мастерство вышивальщиц или мастериц плетения различных шнуров и галунов могло придать видимость дорогого костюму, изготовленному с небольшими денежными затратами самой женщиной. Шитые монетами нагрудники часто собирались заботами нескольких поколений и т. п.

Социальные различия могут отражаться не только на качестве материала одежды, но и на ее составе, богатстве ассортимента, покрое,

цвете и т. п. Именно в среде высших классов различных народов чаще удерживаются некоторые детали, например, преувеличенно длинные рукава, мешающие работать, стеснительные повязки, корсеты и т. п. Характерна для этих классов и гипертрофия размеров — чрезмерно высокие шапки, каблуки или ходульки на ногах и прочие атрибуты, «поднимающие» (не только в переносном, но и в буквальном смысле) их обладателей над «толпой». Примерами этого могут служить кабардинские «пхъэвакъэ» (ходули), высокие шапочки «дыщэпылэ» и т. п.

В ряде случаев имели место запреты ношения того или иного цвета тканей, формы одежды, украшений и др. лицам, не входящим в определенную социальную группировку.

Как мы уже отмечали, в среде господствующих классов чаще всего наблюдается и заимствование, особенно подражание высшим классам других более крупных или влиятельных народов.

Чрезвычайно важно фиксировать, является ли данная форма одежды или какая-либо деталь ее заимствованной или создана в местной этнической среде. Прежде всего надо узнать мнение коренных жителей по этому вопросу, но этого мало. Необходимо анализировать самую вещь, ее употребление, а также связанную с ней терминологию. Чтобы решить, заимствована ли данная одежда, обычно выясняют, может ли она употребляться в особых случаях, например при совершении того или иного обряда, — свадьбы, похорон, траура, оплакивания одежды покойника при поминках и т. д. Заимствованные вещи обычно считаются непригодными для таких обрядов. Так, в Кабарде бытовали шапочки татарского типа с плоским верхом. Носили их только девочки или девушки, а при выходе замуж и вплоть до рождения первого ребенка могла надеваться лишь шапочка более старого типа с выпуклым или конусообразным донышком.

В ряде случаев на заимствование того или иного вида одежды может указывать способ ее ношения в данной среде, особенно если он вступает в противоречие с самим покроем одежды. Например, черкеска северокавказского типа скроена в расчете на то, чтобы плотно обтягивать фигуру, и жителями Кавказа (кроме отдельных стариков) носится всегда в застегнутом виде. В тех случаях, когда в каком-либо районе черкеску носят нараспашку, можно предполагать, что здесь она является заимствованной. Вообще необходимо внимательно следить за тем, насколько форма вещи отвечает ее функции. Несовпадение всегда укажет на неоригинальность ее для данного места или времени. Серебряные застёжки у женщин Северного Кавказа имеют такую конструкцию, что могут быть застегнутыми лишь при плотном прилегании одежды к телу, т. е. когда они пришиты к кафтанчику. Впоследствии, с исчезновением кафтанчика и заменой его нагрудником с нашитыми в качестве украшения застёжками, конструкция их оказалась неудобной, они часто расстегивались. В соответствии с этим изменением появился новый тип застёжки, внешне напоминающей прежнюю, но с совершенно иной конструкцией крючка. Таким образом, выяснение несоответствия формы и функции может помочь и относительной датировке предметов.

Датировка вещи — один из самых важных и трудных моментов в изучении одежды. Можно говорить о датировке абсолютной, т. е. времени создания или бытования вещи, и относительной, типологической, т. е. отношении этого типа предмета к другим, более ранним или поздним, выяснение, является ли он итогом эволюции предшествующих форм или исходным моментом развития.

Абсолютная датировка выясняется путем распроса информаторов, сопоставления данного предмета со сходными и точно датированными ве-

щами, иллюстративными материалами и анализом самого предмета. При этом важно обращать внимание на: 1) ткань и ее датировку; 2) швы (сшита данная вещь на руках или на машине, костяной иглой или железной и т. п.); 3) нитки (так, в Закавказье употребление для сшивания шелковой нити указывает на более ранний период изготовления вещи, чем употребление нити бумажной); 4) способ кроя (разрыв по прямой нитке, кроение ножом или ножницами). При анализе швов необходимо выяснять, являются ли они функционально необходимыми (сшивание, простежка, укрепление подкладки и т. п.) или ложными — декоративными. Расположение ложных декоративных швов, галунов, вышивки часто сохраняет более древний покрой и помогает датировать вещь (относительная датировка).

Важность изучения обрядовой одежды, а также учета возможного социального или магического значения отдельных деталей костюма (украшения, вышивки, способа повязывания платков, поясов, прически и т. п.) понятна и известна. Считаем необходимым остановиться лишь на вопросе об отражении в одежде возрастных различий.

При работе этнографа в иной этнической среде, особенно при недостаточном знании языка, возможны недоразумения, ибо возрастные группы не везде понимаются одинаково. Так, кабардинское слово «нысациэ» покрывает период жизни женщины, который в русском языке обозначается тремя понятиями — невеста, новобрачная, молодуха, т. е. период от момента начала свадебного обряда (или обручения) до рождения первого ребенка. Это пережиток более древних возрастных групп, когда переход в другую возрастную группу, группу женщин-матерей определялся моментом не юридическим — обручение, брак, а фактическим — рождение ребенка. К этому моменту в Кабарде приурочивались изменения в головном уборе. В течение же всего периода «нысациэ» он оставался неизменным (если не считать платка, которым невеста закрывалась с головой во время свадьбы). Таким образом, прежде чем расспрашивать о моментах, связанных с возрастными изменениями, необходимо выяснить местные градации возрастов и семейного положения и пользоваться ими при опросах.

Учет возраста имеет существенное значение. В костюмах старшего поколения обычно дольше сохраняются более старые формы одежды, уже вышедшие из обихода у молодых.

В существующих программах по сбору материалов по одежде не уделяется, как нам кажется, достаточного внимания характеристике стиля костюма, отражающего национальный характер и эстетические вкусы народа.

Достаточно сравнить строгий по цвету и покрою, как бы подтянутый костюм горца Северного Кавказа с ярким прямым по покрою халатом кочевника (да еще при обычае носить одновременно несколько халатов), чтобы понять значение общей характеристики стиля одежды. Следует ввести в обиход этнографов понятие силуэта одежды, тесно связанного с идеалом красоты человека, различным у разных народов. Богатырь Илья Муромец — могучий и грузный — или не менее могучие нарты, одновременно настолько легкие и ловкие, что могут сплясать лезгинку на крае чаши с пивом — подобные идеалы богатыря могут создаться только в различной национальной среде, в различных условиях. У кабардинца, по народным представлениям об идеале, должны быть такие широкие плечи и такая тонкая талия, что, как поется в песнях, если он ляжет на бок, кошка может пробежать под его талией, не задев его. Подобный идеал красоты требовал и соответствующего покроя одежды, которому вполне отвечали бешмет и черкеска. Таким образом, необ-

ходимо изучать и представления данного народа об идеале физической красоты, с учетом, конечно, классовых различий этого идеала.

Особенностью мужской одежды многих народов Кавказа является то, что обязательным ее компонентом считается оружие. Черкеска не мыслится без газырей, без пояса, стягивающего талию, на котором висит кинжал или хотя бы нож. Наличие оружия определяет общий стиль мужской одежды многих народов Кавказа как одежды воинов, наездников. Не случайно при вытеснении национального костюма общепринятым, наибольшее распространение получили гимнастерка, френч или китель, галифе и сапоги. Не будучи национальными по покрою, они тем не менее сохраняют общий силуэт кавказской мужской одежды: перетянутая стройная фигура, подобранность и подтянутость, мужественность воина¹. Только в последние годы широко распространились пиджак и брюки на выпуск и то главным образом среди молодежи.

Из этого следует, что, изучая одежду различных лет послереволюционного периода, нельзя отделяться общей фразой: «перешли на городскую или европейскую одежду». Надо, исследуя каждую вещь в отдельности, характеризовать общий стиль и характер костюма. Сказанное касается и женской одежды, в большей степени подчиняющейся моде, но все же сохраняющей определенные особенности.

Одной из черт, характеризующих одежду народа и ее стиль, является господствующая цветовая гамма. Достаточно сравнить яркую пеструю одежду азербайджанской женщины (цветная кофта и пышная сборчатая юбка другого цвета, золотые или золоченые многочисленные украшения) с одеждой горняков Северного Кавказа или грузинок (строгая, однотонная, обычно темная, немного украшений, чаще серебряных, а не золотых), как станет ясно, что цветовая гамма — важнейшая особенность и одна из определяющих черт стиля одежды. Очень важно отметить не только пристрастие к тому или иному цвету и цветовым сочетаниям, но и отношение к тканям однотонным и пестрым. Часто при переходе на городской костюм длительно сохраняется привычная цветовая гамма и предпочтение однотонной или пестрой ткани.

Важнейшей особенностью народной одежды является понимание костюма как единого комплекса. В городском быту это нередко утрачивается, и усилия модельеров далеко не всегда увенчиваются успехом. Городская женщина сегодня надевает кофточку с одной юбкой, завтра с другой, вязаную жакетку — с платьями различной расцветки и покрою, нередко не задумываясь о сочетании цветов и согласовании характера ткани.

В народном костюме кавказской женщины чаще всего каждая часть одежды продумывалась и создавалась для сочетания с совершенно определенными другими частями, и носились одновременно вещи только из одного комплекса. Это подчеркивалось подбором цветов и введением цветовых кантов, вышивки и нашивок, объединяющих различные части одежды.

Обязательное сочетание в цвете отдельных частей костюма, например, нагрудника, нарукавников и поясных подвесок, в одежде адыгейки и кабардинки является следствием того, что эти части одежды — остатки в прошлом единой вещи — кафтанчика, надевавшегося под платье. В ряде случаев устойчивое сочетание цветов в одежде, вышивке, нашивках, может подсказать, что когда-то это имело особое значение, как оберег или знаки социальных отличий.

¹ Занесены были эти формы на Кавказ в период первой мировой и гражданской войны.

Таким образом, в ансамбле и стиле костюма не только проявляются индивидуальный или коллективный вкус, но и прослеживается историческое развитие данного костюма, обусловленное рядом причин.

При изучении одежды народов Кавказа особое значение имеет подробная, точная и тщательная запись терминологии всех частей одежды, ее украшений, деталей покроя и т. п.

В русскую и иностранную кавказоведческую литературу проник целый ряд терминов, не имеющих никакой или почти никакой опоры в местной среде². Так, ни в одном из коренных кавказских языков нет термина «бешмет» — тюркского по происхождению (буквально — пять застежек) для обозначения одежды типа кафтана, надеваемой под черкеску. Тем не менее в русской литературе он широко бытует и невольно вносится в местную среду русскими исследователями.

Пока неясно происхождение термина «бурка», также не существующего ни у одного из местных народов. То же можно сказать и о терминах «чувяки». Вряд ли необходимо говорить о таком широко вошедшем в русский язык слове, как «черкеска», не являющемся национальным³.

Нам кажется, что хотя и можно пользоваться при описании одежды этой сложившейся в литературе терминологией, но при беседе лучше не навязывать ее информатору, а добиваться точного названия предмета на его родном языке.

Самое широкое распространение у народов Кавказа получили некоторые тюркские термины. К числу их относится, например, «башлык» (от «баш» — голова), употреблявшийся всегда в применении к одному и тому же одинаковому по назначению и покрою предмету — капюшону из сукна с длинными лопастью, надеваемому непосредственно на голову (Западная Грузия, Абхазия), иногда поверх головного убора (Северный Кавказ и отдельные районы Закавказья).

Термин «башлык», хотя буквально переводится «головной», никогда не применяется по отношению к какому-либо другому головному убору. Он вошел почти во все кавказские языки и в русский язык.

Вторым весьма распространенным термином является «архалык» («архалук», «архалух», «ахалухи»), от тюркского «аркъя» — спина, обозначающий кафтанобразную одежду, надеваемую поверх рубахи. Мужская, а иногда и женская одежда такого типа существует под этим названием у азербайджанцев, армян, грузин и у некоторых народов Дагестана, причем покрой ее может быть весьма различен. Под тюркским термином «кямар» бытует у многих народов Кавказа серебряный или с серебряными украшениями пояс.

Однако эти термины принципиально отличаются от такого термина, как «бешмет», не свойственного даже тюркским кавказским языкам, так как они вошли в чистом или слегка измененном виде не только в тюркские, но и в иные языки Кавказа. Пока, до тщательного изучения, неясно, произошло ли это в связи с распространением самой формы одеж-

² Ярче всего это можно проследить на термине «сакля», не связанном, правда, с одеждой.

Слово «сакля», широко введенное в обиход русской художественной, а затем и научной литературой для обозначения горского каменного жилища с плоской крышей, прилепленного к склону горы, является искаженным грузинским словом «сахли», т. е. дом. В Грузии слово «сахли» обозначает дом вообще, а отнюдь не дом особого типа, описанного выше. Ни в одном из горских языков этого слова нет, и горцы знакомятся с ним только через русскую литературу.

³ У некоторых народов название одежды совпадает с названием ткани, из которой она сшита. Так, карачаевское «чепкен» обозначает и сукно, и черкеску, то же и кабардинское «цей». А название женского кабардинского платья «босцей» произошло из сочетания двух по существу несовместимых слов: «боз» — хлопчатобумажная ткань, бязь, и «цей» — сукно.

ды из единого центра (что возможно в случае с башлыком) или потому, что тюркские языки, вследствие широкой распространенности и относительной легкости, играли и на самом Кавказе, и в его сношениях с рядом других народов, в том числе и русскими, роль международного языка.

Именно для того, чтобы решить в каждом конкретном случае, имеем ли мы дело с заимствованием самой одежды или только ее названия, необходимо выяснить при помощи информаторов, изучения документов и литературы, не пришел ли подобный термин на смену местному, когда это могло произойти и каков был более древний местный термин.

В таких случаях обязательно надо записать названия деталей, частей предмета и выяснить, являются ли они местными или заимствованными.

В настоящее время, когда предметы старинной одежды или украшений кое-где еще бытуют или сохранились хотя бы в памяти старшего поколения, это еще можно сделать. Так, в некоторых районах Армении тот или иной элемент одежды прежде всего называют азербайджанским термином и лишь при повторных вопросах — армянским, часто уже полузабытым.

Многоязычие населения Кавказа позволяет предполагать богатство терминологии, связанной с одеждой, однако этого не наблюдается. Мы уже говорили о широком распространении у разных народов термина «архалук», к нему можно добавить термины «чоха» («чуха», «цукка»), «мест», «мес» (кожаная мягкая обувь), «чох», «чухт», «чухт», «чухта», «чихта» — части женского головного убора и много других.

Возможно, это однообразие терминов — следствие недостаточно тщательной работы собирателей. Если же термины действительно однообразны, то этот факт может явиться базой для многих интересных выводов.

В условиях Кавказа необходимо учитывать многоязычие, знание населением двух — трех языков; последнее объясняется рядом причин, прежде всего тесными экономическими связями, существующими между соседними народами. Особенно ярко это можно проследить в Дагестане. Нередко человек говорит у себя в семье на местном языке, иногда не распространяющемся за пределы селения, но чаще пользуется другим языком, распространенным в ряде селений и принадлежащем к более многочисленной группе из родственных языков. На этом же языке он учится и, следовательно, читает и пишет. Наконец, он знает языки соседних народов и русский язык. Это надо иметь в виду при записи терминологии. Даже пользуясь родным языком, информатор иногда указывает название предмета на литературном языке, а не на своем бытовом, которое наиболее важно для исследователя. Это же относится к диалектам или местным различиям в языке. Во всех подобных случаях надо записывать и литературный и местный коренной термин.

Необходимо уметь разобраться в том, какое содержание вкладывается в каждый термин. При одинаковом звучании значение его может быть различно в близких языках и диалектах. Например, у кабардинцев слово «джанэ» обозначало женскую рубашку, поверх которой обязательно должно было надеваться платье — «босцей». Босцей делался распашным, с открытой грудью. В конце XIX — начале XX в. босцей получил дальнейшее развитие — исчез разрез от талии до подола, память о котором некоторое время сохранялась в расположении вышивки спереди на юбке; затем вырез на груди заменился обычной застежкой от шеи до пояса. Таким образом происходило сближение кабардинского босцей с обычным платьем городского покроя, которое в настоящее время также называется босцей. Покрой же рубашки оставался традиционным, как и ее функция нижней одежды.

Иное значение имел тот же термин «джанэ» у адыгейцев. Несмотря на сходство покроя, функция джанэ здесь была иной. Это была одежда, игравшая роль платья, надевавшегося или прямо на тело, или на нижнюю рубашку («джанэ чек»). В джанэ можно было появляться и вне дома. На праздники, свадьбы и по другим торжественным случаям — поверх джанэ надевали распашную одежду «сай» (из бархата или шелка). Сай по внешнему виду напоминает кабардинское босцей, но так как сай не был обязательной одеждой, эволюция консулась не его, а джанэ. Этот процесс проходил в конце XIX — начале XX в., и за это время джанэ приобрело вид платья, близкого современному городскому. Сай же сохранял распашной покрой и функцию верхней праздничной одежды до той поры, пока не вышел из обихода.

Таким образом, развитие изначально сходной по форме и названию одежды зависело от ее места в составе костюма в целом, от ее функции.

Все изложенные соображения следует иметь в виду при изучении одежды народов Кавказа.

Программа содержания карт и таблиц для Кавказского этнографического атласа по разделу «Одежда» *

Мужская одежда

I. Плечевая одежда

Карта «Верхняя одежда (накидная)»: а) накидка из куска ткани или войлока, овчины или меха, б) бурка (колоколообразная, с прямыми плечами, с начесом или без начеса), в) «шубы» с ложными рукавами, г) безрукавки-шкур.

Карта «Верхняя плечевая одежда (сшитая)»: а) шубы из овчины или меха (прямые, в талию), б) войлочная верхняя одежда — тебенек, габана, куртка, безрукавка, в) черкеска (северокавказского типа), чоха (восточнокавказского типа) с газырями и без, каба (с разрезными рукавами), халат, короткая чоха (типа аджарско-гурийской), куртка, куладжа.

Фотоиллюстрации: верхняя плечевая одежда (по типам).

Таблицы: покрои черкески; чохи; кабы; куладжи, и др.

Карта «Домашняя и рабочая одежда»; бешмет, каптал, архалук, безрукавка (жилет): а) одежда покрою черкески, б) отрезная у талии.

Таблица покроев. Фотоиллюстрации.

Карта «Нательная рубашка»: а) туникообразная с прямым воротом, б) туникообразная с разрезом сбоку (косой ворот), в) с выкроенными рукавами.

Таблица покроев. Фотоиллюстрации.

II. Поясная одежда

Карта «Штаны»: 1) узкие без клиньев, 2) узкие с клиньями, 3) широкие с ромбовидным клином, 4) широкие с вставной полосой, 5) широкие без клиньев, 6) чакура (аджаро-гурийский тип), 7) штаны на ремне или подтяжках, с шириной: а) брюки прямые, б) галифе, полугалифе, бриджи.

Таблицы покроя, способов ношения (на выпуск, в ноговицы, в носки и т. д.).

Карта «Пояса»: а) кожаные без набора и с набором, б) металлические (на ремне или без ремня), в) из ткани, г) вязанные.

Таблицы способов повязывания поясов. Фотоиллюстрации.

III. Обувь

Карта (или таблица) «Ноговицы, обмотки»: а) ноговицы — суконные, войлочные, кожаные, вязанные и подвязки к ноговицам, б) обмотки.

Фотоиллюстрации.

* Печатается в порядке обсуждения.

Карта «Чулки и носки»: а) вязаные (без орнаментации и узорные), б) сшитые из кожи (меш, мечиш и т. д.), в) сшитые из ткани, г) войлочные.

Таблицы: а) способы вязки, б) орнаментация.

Фотоиллюстрации.

Карта «Обувь из цельного куска кожи (или резины)»: а) типа поршней (чарух), б) со швом на подошве и заднике, в) со швом на заднике и подъеме, г) с ременной подошвой.

Карта «Обувь шивная из нескольких кусков кожи»: а) с мягкой подошвой, б) с твердой подошвой (без каблуков, с каблуками, без задников с каблуками и без каблуков), в) высокие сапоги или башмаки без подошвы, с подошвой, с каблуками, с застежкой или шнуровкой, русского типа.

Карта «Обувь войлочная и из ткани, вязаная»: а) без пришитых кожаных подошв, б) с кожаными подошвами.

Таблица «Обувь типа галош (надеваемая на другую)»: а) деревянная, б) кожаная, в) резиновая.

Таблица покроев обуви.

Фотоиллюстрации: социальные и профессиональные различия в обуви.

Терминологическая сравнительная таблица.

* * *

Таблица орнаментики вязаной одежды и носков.

Таблица с иллюстрациями: «Рукавицы, перчатки».

Таблица «Украшения» (серьги или серьга, кольца, цепи, шнуры, амулеты и др.).

IV. Головные уборы

Карта «Головные уборы»: а) из меха: шапки целиком меховые — конусообразные, сферические и др.; шапки из меха с верхом из ткани — конусообразным, плоским, колпакообразным, полусферическим и т. п.; б) из войлока: с полями, без полей, колпаки, тюбетейки; в) из ткани: тушинки, тюбетейки, арахчин, лапанак; г) башлыки и способы их ношения — как самостоятельный головной убор, как дополнение к шапке.

Таблицы: а) головные уборы в их развитии; б) способы завязывания башлыков; в) терминологическая сравнительная таблица наименований головных уборов у народов Кавказа.

Таблица «Мужские прически».

Фотоиллюстрации.

V. Характеристика комплексов

Карта «Основные комплексы мужской одежды».

Фотоиллюстрации комплексов одежды.

Таблица «Стилевая характеристика костюма» (с иллюстрациями): а) по расцветке (темные, светлые, яркие цветовые сочетания, пестрые), б) по силуэту (свободный, подтянутый), в) по способам украшения (галун, тесьма, позумент, вышивка, аппликация), г) по местам расположения украшения (вышивки и др.).

Таблица «Социальные различия в одежде» (по составу костюма, материалу, покою, цвету, дополнительным элементам).

Терминологическая таблица (или таблицы) по всем народам Кавказа по возможности с локальными и диалектальными различиями.

Таблица¹ по отдельным терминам одежды, имеющим распространение в разной форме у многих народов. При этом важно показать, что в отдельных случаях совпадение термина дает совпадение и формы (например, башлык). В других — совпадение термина дает разные формы (грузинская чоха — западная и восточная, осетинская цуккъа и т. п.).

Женская одежда

I. Плечевая одежда

Карта «Верхняя одежда (теплая)»: а) шубы (нагольные, крытые на меху), б) стеганая одежда на вате или шерсти (надеваемая как верхняя или под другую), в) верхняя одежда, отделанная мехом, — катиба, кюрде — безрукавка и др.

Таблица «Способы ношения верхней одежды — распахная, с подпояской, с застежкой».

Таблица «Покрой верхней теплой одежды».

¹ Возможно, терминологическая карта.

Фотоиллюстрации.

Карта «Верхняя одежда»: 1) распахная, 2) закрытая (кафтаны, архалуки, распашные платья-сай, босцей, хырха, каба и т. п.); а) цельная, отрезная в талии, б) с рукавами обычными, короткими, подвесными и т. п.

Фотоиллюстрации.

Таблица «Эволюция формы рукава».

Таблица покроев.

Таблица «Схема расположения орнаментов».

Карта «Плечевая одежда, надеваемая под верхнюю — кежь, кюбетуп и прочие кафтанчики или безрукавки».

Таблица «Эволюция северокавказских кафтанчиков — распадение на части».

Карта «Рубаха и платье-рубаша»: 1) туникообразные с перекидным плечом и прямыми рукавами, длинная или короткая, 2) рубаха со вставными косыми клиньями, 3) рубаха со швом на плече и выкройными рукавами, 4) рубаха с наставками и оборками, 5) рубаха с кокеткой.

Таблица «Различия рубахи по материалу» (из бумажной, шелковой, шерстяной ткани, овчинная, вязаная).

Таблица «Покрой рубахи и их эволюция».

Фотоиллюстрации.

Таблица «Нагрудники, связанные с платьем (гулиспири и др.)».

II. Поясная одежда

Карта «Поясная одежда (штаны, юбки)»: а) штаны широкие без клина, б) штаны широкие с ромбовидным клином, в) штаны узкие без клина, г) штаны узкие с клиньями, д) штаны-юбка, е) юбка, ж) распашные юбки (типа запасок, понев).

Таблица покроев.

Фотоиллюстрации.

Карта (или таблицы) «Передники»: а) передники, укрепленные на плечах, б) укрепленные на поясе, в) различия по способу употребления, г) часть праздничной одежды, будничные.

Фотоиллюстрации.

Таблица «Корсеты (коншиба, чуба и др.) и их распространение».

Карта «Пояса»: а) тканые (шарф, шаль, тесьма), б) кожаные, галунные с металлическими украшениями и пряжками, в) сплошь металлические (наборные на ремень или составные на шарнирах).

Фотоиллюстрации.

III. Обувь

Карта «Обувь и чулки»².

IV. Украшения

Карта «Украшения»: 1) нашиваемые на одежду — застёжки, бляхи, амулеты, подвески, цепочки и т. п.; 2) носимые отдельно: а) головные, б) шейные, в том числе бусы, цепочки, шнуры, в) нагрудные, г) браслеты (ручные и ножные), д) серьги, е) серьги носовые, ж) кольца, з) застёжки, броши, и) украшения — амулеты; 3) различия украшений по материалу — из бус, бисера, стекла, металла, раковин, монет и т. п.

Таблица «Схема расположения украшений у разных народов».

Фотоиллюстрации.

V. Головные уборы

Карта «Головные уборы»: 1) головные покрывала, платки, шали, шарфы, повязки — а) как самостоятельный головной убор, б) как часть головного убора; по способу ношения — накидывание, завязывание, наматывание, чалма и т. п.; 2) головные уборы в виде покрывала или мешка из ткани с твердой основой в лобной или теменной части: а) с украшениями из металла, б) с вышивкой, в) без украшений; 3) головные уборы типа обручей: а) без твердой основы, б) с твердой основой; 4) шапки и шапочки: а) меховые, б) меховые с тканью, в) из ткани.

Таблица «Типы причесок».

Карта «Комплексы женских и девичьих головных уборов».

Таблица «Эволюция головных уборов» (например, хевсурская повязка — кокошник).

² Можно дать общую карту по мужской и женской обуви (по тем же подразделениям).

Фотоиллюстрации.

Таблица «Части одежды, связанные с религиозно-бытовыми пережитками (чадра, лицевые занавески, яшмак и т. п.)».

Карта «Основные комплексы одежды (с различием девичьей и женской)».

Таблица «Стилевая характеристика костюма» (с иллюстрациями): а) по расцветке, б) по силуэту, в) по способам украшения.

Фотоиллюстрации: комплексы одежды.

Таблица «Социальные различия в одежде».

Таблица «Обрядовая одежда (свадебная, траурная, праздничная и т. п.)».

Терминологическая таблица или карты.

VI. Детская одежда

Таблица «Детская одежда».

Таблица «Детские головные уборы».

Таблица «Детские прически».

Фотоиллюстрации.

SUMMARY

Collecting materials on folk costume for an ethnographic atlas in the multinational Caucasus area is especially difficult, since there are both vividly expressed local peculiarities in the costume of the same peoples in Transcaucasian area and a considerable similarity in the costume of various people in the Northern Caucasus, all of which have their own reasons. One must take into consideration economic and cultural contacts of the Caucasian peoples both between each other and with the peoples of adjacent countries, as well as such practices and customs, as the institution of «atalykship», «kunakship», intertribal marriages, endogamy etc. Various peoples of Caucasus have reached unequal stages of social development and their costume in many cases might express not only the differences in class and estate, but also some survivals of earlier social forms. The aesthetic taste of people finds its expression in the set of colours, silhouette, ensembles, type of ornaments, general style of costumes. Under the conditions of a linguistic polyphony in Caucasus there is a need for a thoroughful collection and analysis of terminology and a compilation of comparative lists of terms.

Т. Д. Златковская

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КУКЕРСКОГО ОБРЯДА У БОЛГАР

(К ВОПРОСУ О ФРАКИЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ
У НАРОДОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ)

Кукерские игры — один из популярных обрядов у болгар — давно привлекали к себе внимание исследователей. Впервые обряд был описан одним из первых болгарских этнографов — Г. С. Раковским в конце 1850-х гг.¹ После 1878 г. описания кукерских игр в разных районах Болгарии начали появляться и в работах других ученых². Работы своих предшественников, множество старых и новых данных о кукерских играх у болгар и их соседей собрал и исследовал крупный болгарский этнограф М. Арnaudов³.

Обряд сохранился до настоящего времени и засвидетельствован в новых трудах по этнографии болгар. Среди них следует прежде всего назвать весьма обстоятельную работу П. А. Петрова, содержащую этнографическое описание кукерских игр 1960 г. в Подарево Бургасского района⁴. Обобщенная характеристика кукерских игр содержится в новых книгах по этнографии болгар⁵. Интересные сведения о кукерских играх в раннем средневековье даны в статье В. Топковой-Займовой⁶. Большой интерес к кукерским играм проявляют не только этнографы, но и искусствоведы, справедливо видящие в них богатый материал для изучения болгарского народного танца и театра⁷. Важные сведения об обряде в настоящее время можно почерпнуть из многочисленных описаний его в центральной и местной прессе Болгарской Народной Республики.

¹ Г. С. Раковский, Горски Путник, «Новый сад», 1857; его же, Показалець или ръководство, как да ся изиск ивъжъть и изидръжътъ на стари чърти нашего бытия, София, 1859.

² Д. Маринов, Кукови или кукери, «Известия на Етнография музей в София», кн. I, 1907, стр. 21—28; Г. Кацаров, Кукерите, «Периодическо списание», кн. LXVIII, 1907, стр. 454—458; его же, Karnevalbräuche in Bulgarien, «Archiv für Religionswissenschaft», XI, 1908, стр. 407—409; R. W. Dawkins, The modern carnival in Thrace and the cult of Dionysus, «Journal of Hellenic Studies», XXVI, 1906, стр. 191—206.

³ М. Арnaudов, Кукери и русалии, «Сборник за народни умотворения и народопис», кн. XXXIV, София, 1920; его же, Очерки по българския фолклор, София, 1934, стр. 581—584.

⁴ П. А. Петров, Кукери в Пъдарево, Бургаско, «Сборник за народни умотворения и народопис», кн. L, София, 1963, стр. 346—368.

⁵ «Народы зарубежной Европы», — «Народы мира, этнографическая серия», М., 1964, стр. 350—352; «Очерки общей этнографии. Зарубежная Европа», М., 1966, стр. 75; Ch. Wakarelski, Ethografia Bulgarii, Wroclaw, 1965, стр. 343—349.

⁶ В. Топкова-Займова, Сведения за средневековни кукерски игри в Силистринско, «Езиковедско-етнографски изследованиа в памет на академик Стоян Романски», София, 1960, стр. 705—708.

⁷ Р. Ангелова, Кукерските игри — обичай за плодородие и здраве и народен театър, «Театър», № 11, 1956; Р. Кацарова-Кукудова, Български танцов фолклор, София, 1955.

Наиболее полно и ярко обряд проявляется в юго-восточной части Фракийской низменности; его можно наблюдать и в северо-восточной Болгарии и Средней горе. В юго-западной и западной части страны (где участники его называют себя кукери, сурваскары, бабугеры, ешкари, василичары и др.) обряд имеет лишь отдельные незначительные элементы кукерских игр, сближаясь с новогодними обычаями славян.

Рис. 1. Кукеры из села Сушица Пловдивского р-на. Фото Е. Петрова, 1965 г.

В юго-восточной Фракии и в северо-восточной части страны участники карнавала, устраиваемого на масленичной неделе, называют себя чаще всего кукери, иногда арапи, джемале; на Средней горе — кукери, старци, бабурци, маскари.

Центральная фигура карнавала — кукер или кукеры (число их различно) — обычно одеты в козьи или овечьи шкуры, на лице — маска, часто снабженная бычьими рогами, украшенная перьями, лентами; на поясе и на груди — колокольчики, звоночки, число которых иногда превышает сотню, а размеры колеблются от самых маленьких до огромных (рис. 1 и 2). В руках у кукера деревянная палка, изображающая фаллос, деревянная сабля или же «помет» — «метла» — прикрепленный к длинной палке мешок из овечьей шкуры. С кукером выступает в карнавале «баба» — «кукерица», которая часто одета в лохмотья, имеет «горб»; на руках (или в корзине) у нее «ребенок» (полено, завернутое в тряпки). Имеется и «невеста» («булка») — переодетый в женскую одежду парень, «жених», «золовки», а также «харачари» («собиратели дани»), одетые турками, «плюфкачи» («стреляющие пеплом»), которые чернят лицо,¹ а на голову надевают мех. Постоянный персонаж карнавала — «парикмахер» («берберинт»), бреющий деревянной саблей. Реже встре-

чаются «доктор», «поп», «судья», «цыган» и другие. Во второй части карнавала появляется «царь» с седой бородой, в короне или с венком на голове, с длинным прутом в руках.

Праздник делится на две части: 1) с утра до обеда — хождение по домам с пожеланиями благополучия, хорошего урожая и сбором подарков; 2) под вечер — ритуальные пахота и посев.

Первая часть начинается с появления кукеров и других участников карнавала на улицах (рис. 2) и их сбора на центральной площади. В селе наступает веселое оживление, кукуеры высоко подпрыгивают, звенят колокольцы, хлопают пометы. На площади танцуют кукерское хоро (особый танец) (рис. 4). Разыгрываются различные сцены, в которых наряду со сценами похищения «невесты», «ребенка», сбором дани, стрельбой пеплом и др. еще недавно фаллические моменты, связанные с магией плодородия, играли существенную роль. После этого начинается обход кукерской дружины домов, во время которого хозяевам желают хорошего урожая, здоровья и т. п. Кукуеры угощают, дают им зерно, масло, мясо и другие продукты. Во дворе кукуеры танцуют хоро. Иногда здесь разыгрывают сцену «убийства» («убивания»): «жених» направляет «пушку» (кросну) на кукуеров (рис. 3), и они падают «убитыми»; вскоре «невеста» «воскрешает» их. Существует и пантомима «Жито за семе», когда «невеста» растирает зерно. В маскарade юго-западной

Рис. 2. Кукуер из села Подарево Бургасского р-на.
Фото П. Петрова, 1963 г.

Болгарии большую роль играют зооморфные маски, изображающие козу, вола, птичьи головы, овцу и других животных.

Вторая часть праздника заключается главным образом в совершении ритуальной пахоты и посева. Центральное место в этой части обряда занимает чаще всего «царь», которого привозят на площадь в двухколесной повозке, влекомой «быками» («валове»)—двумя (или больше) участниками карнавала. Пока одни кукуеры задевают проходящих девушек, хлопают пометами зазевавшихся зрителей, другие приносят «оралото», мешок с семенами. Сеет чаще всего «царь» (иногда «булка» или «судья»), а пашет — кукуер (или несколько кукуеров, иногда «судья»). При каждом широком взмахе руки сеятеля, кукуеры высоко подпрыгивают, звеня колокольцами (чем выше прыжки, тем лучше, по существовавшим повериям, урожай, выше колос). «Царь» произносит пожела-

ния хорошего урожая («от одного хилляда» — «из одного (зерна) — тысяча»). После посева кидают крину; если она упадет горлом вверх — урожай будет плохим, если вниз — хорошим. В последнем случае кукеры и зрители бурно выражают свою радость. В конце пахоты на «царя» внезапно нападают «кукеры» и «убивают» его (или трижды валят на землю). Иногда в этой пантомиме преследуют и валят на землю не «царя», а «невесту». «Царя» горько оплакивает «баба», он «воскресает» и весело скачет.

Рис. 3. Кукеры из села Подарево Бургасского р-на. Фото П. Петрова, 1963 г.

По традиции в современных кукерских играх сохраняются основные моменты обряда, однако вера в его магическую силу отпала⁸. В связи с этим можно отметить тенденцию к исчезновению обрядной пахоты и посева, фаллических действий. Теперь это веселый народный карнавал, в котором традиционная обрядность часто сочетается со сценами из современной жизни (например, посещение «фотографа»; приезд «фельдшера» на «скорой помощи» и излечение при помощи инъекции⁹). Иногда разыгрывают даже небольшие пьесы с революционным содержанием; сценки, высмеивающие лодырей, и др. Новое в обряде заметно и в том, что лучшим работникам оказывают наибольшее уважение — кукерская дружина обязательно посещает их дом. Очень бережно сохраняются традиции в кукерском костюме; карнавальные маски и одежду готовят заранее, придают большое значение тому, чтобы она была сделана по всем правилам и из надлежащего материала; немалую роль играет кукерский костюм, передающийся по наследству. Нельзя сказать, однако, что карнавальные костюмы не претерпевают никаких изменений. Они выра-

⁸ Л. Петров, Старчовски игри, Газета «Кооперативное село» от 28 февраля 1965 г. (о кукерских играх в с. Сушица Пловдивского р-на); его же, Усмехнатите маски на Тракия, Газета «Комсомольская искра» от 15 марта 1965 г. (О кукерских играх в селах Добене, Сушица, Васил Левски, р-н Коматеве).

⁹ Р. Кацарова - Кукудова, Указ. раб., стр. 66.

жаются как в появлении новой карнавальной одежды, так и в переходе атрибутов одних персонажей к другим или в проникновении в костюм новых, вполне современных предметов (например, старая противогазная маска)¹⁰. Помимо традиционного карнавала в селах, в Софии, Парнике, Копривнице и других городах Болгарии теперь проводятся народные фестивали, где представители сел демонстрируют свои кукерские игры.

Рис. 4. Танец персонажей кукерской дружины, село Аспарухово. Фото Д. Златарского, 1962 г.

Жюри, состоящее из специалистов по этнографии, народному искусству и представителей общественности, премирует наиболее удачно выступившие кукерские группы и оригинальные маски.

Дохристианская основа кукерских игр ни у кого не вызывала сомнения. Однако по вопросу о происхождении этого обряда были высказаны различные мнения. Г. С. Раковский полагал, что кукерские игры уходят своими корнями в индийскую мифологию и религию¹¹. В 1907 г. Д. Маринов в небольшой статье выразил свою солидарность с доктором Басановичем, полагавшим, что кукерские игры болгары переняли у фракийцев, некогда населявших их земли. При этом Басанович (его письмо цитирует Маринов) указывал на то, что «Кук», до сих пор имеющий свой день, был дославянским, ныне забытым божеством и что имена, сходные с именем этого исчезнувшего бога, засвидетельствованы во фракийской ономастике и античной традиции¹². Д. Маринову возразил Г. Кацаров¹³, который, основываясь на работе Р. Дэвкинса¹⁴, считал более правильным вести происхождение кукерских игр от древнегреческих дионисий.

¹⁰ Э. Выхаров, Веселые кукуеры, «Вокруг света», 1957, № 7, стр. 20—22; Хр. Вакарелски, Указ. раб., стр. 343—348; П. А. Петров, Указ. раб., стр. 345—353 — подробно описывают костюм всех участников игр. Последний автор рассматривает его в историческом аспекте.

¹¹ Г. С. Раковский, Българското старонародно вероисповедание, «Българска старина», кн. 1, 1865, стр. 22—27.

¹² Д. Маринов, Указ. раб.

¹³ Г. Кацаров, Указ. раб. В своей работе Кацаров писал о кукерских играх только у греков, проживавших в г. Виза (в европейской части современной Турции).

¹⁴ R. W. Dawkins, Указ. раб.

Мысль о заимствовании болгарскими кукуерскими игр от древних греков была развита М. Арнаутовым на более обширном, чем у его предшественников, материале. Он пришел к выводу о традиционном заимствовании греками, болгарскими, румынами и в измененном виде их соседями — сербами обряда древних дионисий, точнее одного из них — антестериев в древней Аттике. При этом Арнаутов указал на совпадение обрядности у древних греков и указанных народов, хотя и отмечал, конечно, что современный обычай усложнен элементами, воспринятыми в последующие эпохи. В поведении участников карнавала, лежащего в основе обряда кукуери, в переодевании в меховые одежды, с ношением масок или чернением лица, прыжками, подскоками, подражением мычанию быка, ношением изображений животных, по мнению М. Арнаутова, проступают черты сходства с поведением древних греков, изображавших буйную свиту Диониса. Отмечалось также сходство в самой сакральной обрядности древних и современных карнавалов. Культ фаллоса в древней Греции, столь явственно выступающий в празднованиях в честь Диониса с их торжественными шествиями, во время которых носят этот символ плодородия, поют фаллические песни и т. п., находит себе аналогию в некоторых элементах кукуерского обряда в юго-восточной Болгарии, в основе которого лежит вера, связывающая половой акт с плодородием. Аналогичны, по мнению Арнаутова, обрядовая пахота у подножия Акрополя, которой руководил архонт-базилевс во время антестериев, и действия во время кукуерских игр, когда кукуер пашет, а «царь» — сеет. Между мифами и пантомимами древних греков, связанных с умерщвлением и воскрешением Диониса и обрядом «убийства» и «воскрешения» кукуера, как полагал Арнаутов, можно провести аналогию. Он отмечал также, что и древний, и современный обычай включают в себя символическое заключение брака: во время антестериев жена архонта-базилевса входила в храм для совершения символического бракосочетания с богом Дионисом; в современном карнавале брачующуюся пару разыгрывают кукуер и кукуерица или другие пары из числа участников карнавала. Танец же с оружием, который исполняли участники дионисова карнавала с целью защитить новорожденного бога от враждебных ему титанов, следует увязать с вооруженными персонажами, почти всегда присутствующими при кукуерских играх. Арнаутов отмечал и совпадение в календарных сроках празднований. Чаще всего современный карнавал происходит в конце зимы, в предвесенний период, на масленичной неделе (6—12 февраля), что совпадает с празднованием антестериев, получивших свое название от месяца антестерия и происходивших в середине февраля (11—13-го).

Даже если объяснять совпадения обряда древних дионисий с современными кукуери только общими чертами земледельческих культов, все же нельзя не признать за Арнаутовым и Кацаровым правоты — столь сходны, с одной стороны, многие детали этих обрядов, а с другой стороны, — их общий ход и направленность. Однако мы позволим себе усомниться, пожалуй, в основном тезисе бесспорно талантливого труда Арнаутова, видящего истоки кукуери в древнегреческом культе.

Как полагает М. Арнаутов, у различных современных народов, населяющих Балканский полуостров и Дунайско-Карпатские земли, имеется ряд обрядов, совпадающих с кукуерскими играми (кукуери, джемалари, старцы и др. у болгар; кологерой, кукуери, кудунадес — у греков; турка, брзая, старцы и, вероятно, плугушорул — у румын; машкаре, клоцалица, турица, дедове — у сербов). Это обстоятельство, по мнению М. Арнаутова, указывает на общую, древнегреческую основу обряда. У нас есть большие сомнения, во-первых, по поводу того, что все перечисленные

обряды следует включать в круг кукерских, так как далеко не у всех из указанных народов есть в зимней аграрной обрядности черты, которые специфичны именно для кукери. Во-вторых, если нанести на карту районы, в которых у разных народов игрались указанные игры, то распространение обряда, как нам представляется, будет противоречить тезису М. Арнаудова о древнегреческом происхождении кукерских игр. Эти районы охватывают северо-восточную часть Балканского полуострова и Карпатские земли от западной Трансильвании и Вардар-Моравского бассейна на западе до западного побережья Черного моря и Припрутских земель на востоке, от Восточных Карпат на севере до Южной Болгарии включительно на юге. При этом очень трудно объяснить ряд исторических явлений. Так, не поддается объяснению то обстоятельство, что кукерский обряд не прослеживается не только в других областях древнегреческой эйкумены, но даже в центральной и южной Греции, где в древности процветал культ Диониса; следы этого обряда заметны лишь в северных областях Греции, непосредственно примыкающих к македонско-фракийским землям и имевших с ними в древности тесную этническую и культурную связь. Отсутствие кукерского обряда в Греции южнее гор Отрис также ставит под сомнение утверждение о древнегреческом происхождении этого обряда. Вызывает недоумение и то обстоятельство, что обряд распространился там, где эллинизации почти не было, и наоборот, слабо выражен там, где влияние древнегреческой культуры было чрезвычайно сильно. Так Арнаулов подчеркивает, что в северо-восточной Фракии, в Добрудже кукерский обряд имел фрагментарный характер и был до крайности упрощен¹⁵. Между тем именно земли Добруджи, как известно, были охвачены глубокой волной эллинизации, очагами которой служили западнопонтийские греческие города¹⁶. Плохо объяснимо включение обрядов румын Ольтении, Трансильвании и Молдовы в круг реминисценций древнегреческой дионисовой обрядности, так как указанные области никогда не были глубоко эллинизованы¹⁷. С другой стороны, Арнаулов и его научные предшественники указывали, что наиболее ярко обряд кукери проявляется в южной Фракии, в которой он видит «классическую землю» кукерских игр¹⁸. Но именно южная Фракия у древних фракийцев была центром распространения этих культов: большинство упоминаний литературной традиции об оракулах Диониса, об оргиастических действиях относятся к племенам, жившим именно в этой южной части древней Фракии. О том, что южнофракийские земли были средоточием культа Диониса, свидетельствуют и монеты южнофракийских племен — дерронов, бизалтов, эдонов и др., избравших монетной эмблемой, как нам представляется, сцены из религиозных обрядов в честь Диониса¹⁹ (рис. 7).

В этой связи мы хотели бы вернуться к тому научному спору, возникшему в начале нашего века между Г. Кацаровым²⁰ и Д. Мариновым²¹, в котором последний указывал на возможность фракийского происхождения кукерского обряда.

¹⁵ М. Арнаулов, Кукери и русалии, стр. 75—76, 79.

¹⁶ R. Vulpe, Histoire ancienne de la Dobroudja, Bucurest, 1938; Т. В. Блаватская, Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э., М., 1952.

¹⁷ V. Răducan, Dacia, an outline of the early civilisation of the Carpatho-Danubian countries, Cambridge, 1928; его же, La pénétration hellénique et hellénistique dans la vallée du Danube, «Bulletin de la section historique», t. X, Bucurest, 1923.

¹⁸ М. Арнаулов, Кукери и русалии, стр. 73.

¹⁹ Т. Д. Златковская, Ранние монеты южнофракийских племен (К вопросу о происхождении культа Диониса), Сб. «Нумизматика и эпиграфика», т. VII (в печати).

²⁰ Г. Кацаров, Указ. раб.

²¹ Д. Маринов, Указ. раб.

Общеизвестно, что культ Диониса, игравший столь значительную роль в религиозной жизни Греции, был здесь пришлым, появился в этой стране извне. Это убеждение современных исследователей²² основывается на прочной античной литературной традиции, тесно связанной с древнегреческим народным эпосом (мифы о Пентее²³, о трех дочерях Миния — царя города Орхомена — Левкиппе, Арсиное и Алкафое²⁴, о дочерях

Рис. 5. Танец персонажей кукуерской дружины, село Подарево, Бургасского р-на. Фото П. Петрова, 1963 г.

Пройта²⁵, об Иракии и его дочери Эригоне²⁶). Бесспорно, следует присоединиться к мнению тех исследователей, которые видят в мифах, указывающих на пришлый характер культа Диониса в Греции, крупницы исторической истины²⁷.

Откуда же пришел этот культ, где его родина? Ряд свидетельств античных писателей прямо указывает на Фракию, как на область, где он

²² P. Nilsson, *Geschichte der griechischen Religion*, München, 1955, стр. 565—568; O. Kern, *Dionysos*, «Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft» (далее — RE) T. V, стр. 1012; E. Rohde, *Psyche. Seelenkult und Unsterblichkeit der Griechen*, Tübingen — Leipzig, 1903, стр. 40; A. Rapp, *Die Beziehungen des Dionyseskultus zu Thrakien*, Stuttgart, 1882, стр. 3.

²³ L. Curtius, *Pentheus*, Berlin — Leipzig, 1929.

²⁴ H. von Gaertingen, *De graecorum fabulis ad Thraces pertinentibus*, Berlin, 1886; стр. 41; его же, *Alkathoe*, R. E., т. I, стр. 1509.

²⁵ Об этом мифе см. L. Preller, *Griechische Mythologie*, B. 2, Berlin, 1920, S. 247.

²⁶ U. Willamowitz-Möller, *Der Glaube der Hellenen*, т. II, Berlin, 1931—1932, стр. 66.

²⁷ E. Rohde, *Указ. раб.*, стр. 40; U. Willamowitz-Möller, *Указ. раб.*, т. II, стр. 66. Только E. Otto (*Dionysos*, «Frankfurter Studien zur Religion und Kultur der Antike», т. IV, 1933, стр. 71), согласно своей точке зрения о греческом характере культа Диониса, отрицает возможность видеть в греческом эпосе отражение исторических или историко-религиозных событий.

возник и откуда непосредственно или опосредствованно распространилось поклонение Дионису, и на фракийцев как на главных, так сказать, «классических» носителей этого культа. И здесь, говоря о фракийском происхождении культа бога Диониса, нельзя не упомянуть прежде всего мифологические сюжеты, постоянно связывающие деяния самого бога и участвующих в них героев с Фракией и фракийцами (мифы о Ликурге, об Орфее). И в поэмах Гомера можно уловить этот фракийский характер Диониса и связанных с ним персонажей (например, «Илиада», VI 130 сл.). Более четкие свидетельства мы находим у Геродота²⁸, Еврипида, Помпония Мелы. Еще более определенно высказывается Страбон (X, 3, 18).

Эти свидетельства отнюдь не опровергаются данными других источников²⁹, указывающих на распространение культа Диониса из малоазийских областей древнего мира — из Лидии и Фригии. Наоборот, они скорее служат подтверждением сказанного выше, ибо в настоящее время этническая связь фракийского населения Балканского и Малоазийского полуостровов не подлежит сомнению: она объясняется рядом миграций фракийских племен из Карпато-Балканских областей в Малую Азию во II и начале I тыс. до н. э.³⁰

Немаловажным аргументом в пользу утверждения о фракийском происхождении культа Диониса служат многочисленные свидетельства античных авторов о его широком распространении среди фракийцев задолго до времени греческой колонизации Фракии и кончая ранним средневековьем. Сюда надо отнести многочисленные свидетельства о святилищах бога Диониса у различных племен Фракии — у бизалтов, у сатров, лигуреев, у племен, живших где-то в «глухом месте Фракии», на пути военного похода Александра Македонского и, позже, Октавия — отца Августа во внутреннюю Фракию (Suet., Octav., 94), а также у устья р. Гебра (Hyginus, Fab., XXXII). Множество авторов упоминают о празднествах, культовых действиях и т. п. в честь Диониса, которые справляли фракийцы и их соседи — македонцы (подробнее об этом — ниже). О глубоком влиянии жрецов бога Диониса на фракийцев и их политическую историю свидетельствует известное сообщение Диона Кассия (LI, 25; LIV, 34) о восстании в 11 г. до н. э. племени бессов под руководством жреца бога Диониса Вологеза против одрисов и поддерживавших их римлян. Память о широком развитии культа этого бога сохранила нам и античная топонимика: «священная гора Диониса», «пещера Диониса», «холм Диониса» и тому подобные названия упоминаются во фракийских областях сплошь и рядом³¹.

Небезынтересна для решения вопроса о происхождении культа Диониса и этимология самого имени божества. П. Кречмер, исходя из колебаний между ι и ε, ν и υ в передаче имени бога (Δεῖονυρος, Δεονυρ, Δεῖνυρος и Διῖνυρος, Διονούσιος, Διόννυρος), которые характерны для фракийского языка и отсутствуют в греческом, обосновал фракийское

²⁸ Геродот считает Диониса одним из главных богов фракийцев (V, 7).

²⁹ Еврипид в «Вакханках» говорит о приходе Диониса из Лидии и Фригии.

³⁰ W. Tomaschek, Die alten Thraker, «Sitzungsberichte der Wiener Akademie» Philosophische-historische Klasse, Bd. CXXVIII, CXXX, CXXXI, 1893/1894; Y. Wiesner, Vor- und Frühgeschichte der Mittelmeerländer, Bd. II, Berlin, 1943, стр. 121, и сл.; его же, Die Thraker. Stuttgart, 1963, стр. 68—78. См. также работы В. Георгиева «Въпроси на българска етимология». София, 1958 и «Българска етимология и ономастика». София, 1960.

³¹ В этих наименованиях незначительных географических объектов есть достаточно оснований видеть местное, сохранившееся в самых древних, так сказать, «допреческих» времен название.

происхождение имени Диониса³². Точка зрения Кречмера нашла подтверждение в работе Д. Дечева³³.

Существенно и то обстоятельство, что имена, составные с именем Диониса, были чрезвычайно распространены во Фракии и Македонии, а имена, составные с именем матери Диониса — Семелы, происходят только из этих областей.

Приведенные свидетельства литературной традиции, мифологических и лингвистических данных представляются нам достаточными для того, чтобы считать родиной культа Диониса Фракию.

Хотя источники, характеризующие культ Диониса у фракийцев, чрезвычайно скудны, мы постараемся использовать их, особо отметив те черты, которые роднят культ фракийского божества с обрядом кукери у болгар. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что культ Диониса фракийского носит характер культа верховного божества, тесно связанного с природой, солнцем, растительностью и плодородием. Помимо данных по этимологии имени Диониса, которые указывают на его связь с именем верховного божества греческого пантеона, бога неба Зевса, об этом же свидетельствует и ряд надписей из фрако-фригийских областей, в которых оба божества сливаются и выступают под именем *Zeús Βακχος*³⁴, *Zeús Διώνος*³⁵. На эту идентификацию прямо указывают слова Аристиды (I, 49), а также сходство мифов о воспитании Диониса, так же как и Зевса, нимфами³⁶. В этой же связи следует упомянуть, что оба божества имеют сходные атрибуты (прежде всего связанные с быком, как олицетворением силы и плодородия). Литературные свидетельства о связи культа Диониса с быком многочисленны, однако большинство из них относится к религиозной жизни греков³⁷, и только на их основании мы затруднялись бы утверждать, что это — чисто фракийская черта в греческом культе Диониса. Однако некоторые источники указывают на то, что и в религии фракийцев культ быка был тесно связан с богом Диониса, более того, бык олицетворяет это божество. Бесспорно, целью культовых маскарадов древности было перевоплощение в божество, стремление действиями и звуками уподобиться богу. Так, описывая дионисийские празднества у фракийцев — эдонов, Страбон рассказывает о том, что мимы подражали бычьему реву, раздающемуся откуда-то из невидимой пропасти (X, III, 16). Об этом же свидетельствуют эпитеты «быкоподобный», «рогатый» при имени фригийского прототипа Диониса — Сабазия (например, у Диодора, IV, 4, 2). Очевидно, у фракийцев Дионис воплощался не только в быка, но и в погонщика или хранителя быков. У Диодора же (IV, 4, 2) мы находим свидетельство тому, что участники дионисовых празднеств во Фригии и Фракии назывались *Βουκόλοι* — так же, как и сам бог. Весьма интересное дополнение к этим

³² P. Kretschmer, *Einleitung in die Geschichte der griechische Sprache*, Göttingen, 1896, стр. 241. Этому же мнения придерживается Томашек (Указ. раб., Bd. CXXX, стр. 41).

³³ Д. Дечев, *Една семейна триада в религия на траките*, «Известия на Българския археологически институт» (ИБАИ), XVIII, 1952, стр. 39, прим. I, а также E. Rohde, *Указ. раб.* стр. 38, прим. I.

³⁴ *Corpus Inscriptionum Graecarum*, III, 3538.

³⁵ *Archaeologischer Anzeiger*, 1915, стр. 88; *Oesterreichische Jahreshefte*, XXIX, 1935, Beiblatt, стр. 165; M. P. Nilsson, *Geschichte der griechischen Religion*, München, 1955, стр. 567.

³⁶ O. Kern, *Указ. раб.*, стр. 1036.

³⁷ О том, что Дионис, по мнению древних греков, имел образ быка, свидетельствуют различные эпитеты бога в надписях и гимнах, связанные с этим образом — см. M. P. Nilsson, *Указ. раб.*, стр. 571; O. Kern, *Указ. раб.*, стр. 1041; E. Rohde, *Указ. раб.*, стр. 12, прим. 1; стр. 15, прим. 3.

сведениям письменных источников составляют данные фракийской нумизматики. Речь идет о серебряных монетах, выпускавшихся в VI и начале V в до н. э. некоторыми фракийскими племенами (рис. 7) ³⁸. Судя по имеющимся на них легендам, их эмиссия принадлежит исторически засвидетельствованным племенам бизалтов, эдонов, дерронов (дарсаев) и их соседям — ихнам, оррескам и др., локализуемым на юге Фракии, в нижнем течении Неста (совр. Места), Стримона (совр. Струма) и Аксия (совр. Вардар) ³⁹. На этих монетах, имеющих самые различные типы лицевой стороны, изображение быка настолько часто, что его можно назвать, пожалуй, основным (рис. 7, 1—6).

Связь этих изображений на монетах с культом Диониса у фракийцев подтверждается рядом обстоятельств. Помимо общих соображений о том, что на ранних монетах религиозные мотивы обычно преобладают ⁴⁰, следует обратить внимание на то, что именно у чеканивших эти монеты племен юга Фракии, как нам уже приходилось отмечать, культ Диониса был более всего развит. На это указывают также постоянно повторяющиеся в качестве дополнительных изображений символ солнца, орел, черепаха и другие животные, являвшиеся атрибутами бога. Существенно и то, что другие типы этих монет южнофракийских племен (силен — нимфа, кентавр — нимфа, всадник с копьем и др.) хорошо укладываются в дионисову символику и также могут, наряду с монетами, носящими на аверсе изображения быка, считаться отображающими или ритуальные сцены культа Диониса, или самого бога в его различных ипостасях ⁴¹.

Сведения античных источников, упомянутые выше, находят аналогии в описании современного обряда кукуери: ношение головного украшения в виде рогов быка и вообще маска быка весьма распространена в карнавальном облачении. Подражание реву быка — также один из основных моментов обряда.

В связи с характеристикой культа Диониса у фракийцев, как культа сил природы, мы хотели бы остановиться еще на одной особенности, указывающей на его тесную связь с представлениями об аграрном плодородии. Мы имеем в виду целую серию монет племени дерронов, на которых изображен человек с кнутом, сидящий на двуколке, влекомой двумя быками (рис. 7, 7—9) ⁴². Трудно объяснимое само по себе изображение, однако, открывает нам свой сакральный смысл при сопоставлении его с теми сценами, которые происходят во время кукуерского обряда, когда для свершения обрядовой пахоты и посева привозят «царя» на повозке с двумя колесами, в которую впряжены «воловете». В руках «царя» держит кнут. В свое время Арнаудова ставило в затруднение отсутствие аналогий к этой церемонии в древнегреческом обряде. Между тем, картина этой части современного кукуерова праздника настолько совпадает с той, которая изображается на монетах дерронов, что истоки ее, на наш взгляд, не вызывают сомнения.

Интересно отметить, что наименование современного руководителя этой церемонии у болгар — «царь» — совпадает с наименованием руководителя фракийских дионисий. Об этом свидетельствует очень важный для нас раннесредневековый документ, описывающий этот обычай в Доб-

³⁸ Н. Gaebler, Die antiken Münzen von Makedonia und Paionia, Berlin, 1935, стр. 48—50 (монеты бизалтов); стр. 55—56 (монеты дерронов); стр. 63—66 (монеты ихнов); стр. 89—92 (монеты орресков).

³⁹ Т. Д. Златковская, Указ. раб.

⁴⁰ А. Н. Зограф, Античные монеты, М., 1951, стр. 56—58.

⁴¹ Т. Д. Златковская, Указ. раб.

⁴² Н. Gaebler, Указ. раб., стр. 55—56.

рудже, в Дуросторуме (совр. Силистрия) ⁴³, т. е. на территории расселения фракийского племени гетов. Это — анонимное житие мученика Дазия VI или VII вв. н. э., в котором повествуется об обряде, происходившем в конце III и начале IV вв. н. э. и сохранившемся вплоть до времени жизни житиеписца. Здесь рассказывается о том, что руководитель церемонии переодевался царем и в таком виде являлся перед наро-

Рис. 6. «Пахота», село Аспарухово, Варненского р-на. Фото Д. Златарского, 1962 г.

дом. Традиция эта уходит конечно в еще более древнюю эпоху, когда руководитель племени у фракийцев, носивший титул βασιλεύς (как об этом свидетельствуют монеты уже в VI в. до н. э. ⁴⁴), был одновременно верховным жрецом.

Как известно, обычай ритуальной пахоты и посева был распространен у славян ⁴⁵. Его присутствие у болгар естественнее всего объяснять славянскими аграрными праздниками новогоднего цикла. Однако часть этого обычая, которая связана с прибытием руководителя ритуала на двухколесной повозке, влекомой «волами» (участники пантомимы) к месту пахоты и наименование обрядного лица «царь», специфичны именно для кукерских игр; вероятно, есть основание считать их реликтом фракийского праздника на том основании, что подобный момент отсут-

⁴³ Документ издан в 1897 г. Ф. Кумонтом («Analecta Bollandiana», т. XVI) и подробно исследован В. Топковой-Заимовой, которая приводит также и литературу о нем (см. «Сведения за средновековни кукерски игри в Силистринско», стр. 705, 708). Здесь и в дальнейшем цитирую документ по ее работе.

⁴⁴ На монетах эдонов VI — начала V вв. н. э. — ΓΕΤΑΣ ΗΛΟΝΕΟΝ ΒΑΣΙΛΕΥΣ (H. Gaebler, Указ. раб., стр. 144, No 1, табл. XXVII, 29).

⁴⁵ В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники, Ленинград, 1963, стр. 49—51 и указанная там литература.

Весьма возможно, обычай ритуальной пахоты и посева в полной мере был и у фракийцев. Во всяком случае он составлял у древних греков одну из главных частей дионисовых антестерий и, как указал А. Н. Веселовский («Румынские, славянские и греческие коляды», СПб, 1883, стр. 112—116), сохранился у греков и в XIX в. Однако прямых указаний на наличие этого обычая у фракийцев у нас нет, и предположение о заимствовании его болгарями от фракийцев мы считали бы необоснованным. Может быть, однако, в кукерском обряде пахоты и посева слились оба эти аналогичных ритуала, характерные для земледельческих народов вообще.

ствуется в славянском обычае, и, наоборот, засвидетельствован на монетах фракийских племен и в раннесредневековом документе, как бы перебрасывающем мост между античной эпохой и временем прихода славян на Балканский полуостров.

Связь фракийского Диониса с аграрным плодородием, растительностью, солнцем и вообще природой прослеживается и по другим данным.

Прежде всего следует отметить ряд источников, указывающих на то, что Дионис почитался у фракийцев в виде солнца, считался дарителем солнечного тепла и света. Макробий (Sat., I, 18, 11) и Александр Полигистор⁴⁶ свидетельствуют о том, что фракийцы считали Диониса — Сабазия солнцем⁴⁷ и что круг с лучами символизировал это божество. Возможно, к этой же характеристике Диониса как солнечного божества надо привлечь и описание гадания с помощью огня, которое практиковалось в святилищах Диониса у фракийцев (базалтов в Крестонии и в святилище, лежавшем на пути Александра Македонского во внутреннюю Фракию). Есть и соображения, основанные на нумизматических данных, о связи фракийского культа Диониса с солнцем. Мы имеем в виду постоянное изображение солнечного знака на множестве монет фракийских племен VI—V вв. до н. э., о которых нам уже приходилось говорить.

К этой же характеристике Диониса фракийского как божества, олицетворяющего силы природы, плодородия и посевов, следует отнести сообщение Псевдо-Аристотеля (De mir. ausc., 122, 842) о том, что бизалты считали Диониса распределителем *eutepia* и *euxaria*, т. е. плодородных лет, о чем бог давал знать при помощи большего или меньшего пламени в святилище во время праздничного жертвоприношения.

Эта связь Диониса с растительным миром проявилась и в том, что он фигурирует как умирающее и воскресающее божество. Общеизвестен праздник эпифании (воскрешения) Диониса, справлявшийся через два года на третий во многих городах Греции, в котором отразилось аллегорическое представление о расцвете и гибели растительного мира. Однако есть и свидетельства о такого рода празднованиях во Фракии. Главный источник по этому вопросу, Овидий, рассказывает о дионисических празднованиях у фракийцев на Халкидском полуострове (в Ситонии) и на р. Исмаре, близ г. Маронеи на фракийском побережье Эгейского моря (Met., IX, 641 сл.). О фракийском празднике в честь прибытия бога Диониса сообщает также Диодор (IV 3, 2 сл.). Мифологические сюжеты также дают основание видеть в Дионисе символ умирающей и воскресающей природы (миф о том, как мальчик Дионис, спасаясь от преследований Ликурга, бросился в воду и затем возвратился на землю).

Как упоминалось выше, момент убийства и воскрешения обрядовых лиц в кукуерских играх можно уловить дважды: в первой части игр, когда кукуеры во дворе разыгрывают сцену убийства и воскрешения, и во второй части обряда, когда «царя»-пахаря (или «невесту») убивают кукуеры; он «воскресает» после сцены оплакивания и излечения. Нет сомнения в том, что эта часть обряда связана с религией умирающего и воскресающего божества растительности, в которой культ Диониса является лишь частным случаем очень широкого явления⁴⁸.

Известно, что в славянских верованиях имитация похорон на святках, встреча и проводы масленицы, обряд уничтожения березки на троицу, проводы-похороны русалок на предшествующей троице неделе,

⁴⁶ F. Jacoby, *Fragmente der griechischen Historiker*, Leiden, 1954, Bd. III, стр. 151, 244.

⁴⁷ К такому выводу приходит Д. Дечев, («Една семейна триада в религията на траките»), стр. 43, особенно прим. 1).

⁴⁸ Дж. Фрэзер, *Золотая ветвь*, М., 1928, вып. III, стр. 100—108.

купальский обряд с его сжиганием и потоплением дерева или чучела, похороны Костромы (от троицы до Петрова дня, 29 июня), «кукушки» или Ярилы и др. являются свидетельством существования веры в умирающее божество, связанной с магией плодородия⁴⁹. Отмеченную черту кукерского обряда следует включать в круг этих религиозных явлений, она уходит своими корнями в глубокий пласт языческих верований. Геродот рассказывает о божестве Залмоксисе у гетов (IV, 94—96), явно носящем характер умирающего и воскресающего божества. Культ его сопровождался человеческими жертвоприношениями. В более позднее время и непосредственно в связи с кукерскими играми у тех же гетов этот обряд засвидетельствован упомянутым выше «Житием мученика Дазия». Как следует из этого источника, в средние века обряд проявлялся во всей своей первобытной суровости: царь, руководивший обрядом, после того как он «совершил по обычаю бесстыдные и незаконные игры, принижен в жертву безымянным и нечестивым идолам, будучи зарублен мечом». Наличие в кукерских играх у болгар моментов, связанных с убийством и воскрешением обрядовых персонажей, трудно с определенностью возводить к фракийским или славянским верованиям, так характерна эта черта для религий этих двух (как впрочем и других) земледельческих народов. Скорее всего устойчивость этого ритуала у болгар объясняется слиянием сходных черт в религии славянского и фракийского населения Балканского полуострова.

Однако нам хотелось бы отметить, что в кукерских играх есть специфические особенности. Они заключаются в бытовании здесь не только обряда убийства, похорон и т. д., но и воскрешения. Последний момент, столь ярко выраженный во фракийских культах Диониса и Залмоксиса, не столь характерен для славянской обрядности. Также не характерно для славян участие в этом обряде карнавального лица (чаще всего убивают чучело, сжигают или топят дерево и т. п.). Возможно, и в этой части кукерского обряда сохранились элементы, перешедшие к нему из фракийской религии с ее обрядом воскрешения Диониса.

Фаллическая обрядность, занимавшая значительное место в древнегреческих дионисиях, была и у фракийцев. Не имея об этом ранних литературных свидетельств, обратимся к нумизматическим источникам. Среди фракийских монет, выпускавшихся племенами орресков и летайев, есть целая серия изображений, имеющая отношение к этой стороне культа (кентавр, ласкающий нимфу; кентавр, похищающий нимфу, нимфа и силен, см. рис. 7, 10, 11, 12, 13). Средневековый источник, к которому мы не раз обращались, чрезвычайно красноречив и в этом отношении: «Тот, на кого падал жребий, переодетый в царскую одежду... получал дерзкое и бесстыдное право над всем народом. Он... в продолжение 30 дней имел свободу в исполнении своих незаконных и постыдных желаний и вкушал дьявольские удовольствия». Христианский автор с возмущением говорит о «дурных и позорных действиях» и других участников карнавала.

В пантомиме, разыгрывавшейся участниками кукерского карнавала у болгар на юго-востоке (Бургасский, Лозеградский, Малко-Тырновский, Визенский округа) и западе (Кюстендилский округ) страны значительное место занимали сцены имитации полового акта, ношения деревянного фаллоса и т. п. С этими же действиями надо связать свадебные сцены в кукерском обряде («обсыпание зерном», «метение», «свадьба»).

И в этой части обряда следует, как кажется, усматривать слияние фракийских и славянских элементов. К первым, видимо, надо отнести фаллические действия участников кукерского карнавала, еще недавно

⁴⁹ См. В. Я. Пропп, Указ. раб., стр. 56—103 и указанная там литература.

представлявшие собою основу разыгрываемых разными персонажами сцен. Во всяком случае бесспорно, что такого рода действия имели место у фракийцев во время празднований в честь Диониса. Нельзя утверждать, что подобные действия характерны для славян. С другой стороны, есть достаточно оснований усмотреть в сценах свадебной обрядности отражение элементов славянской свадьбы.

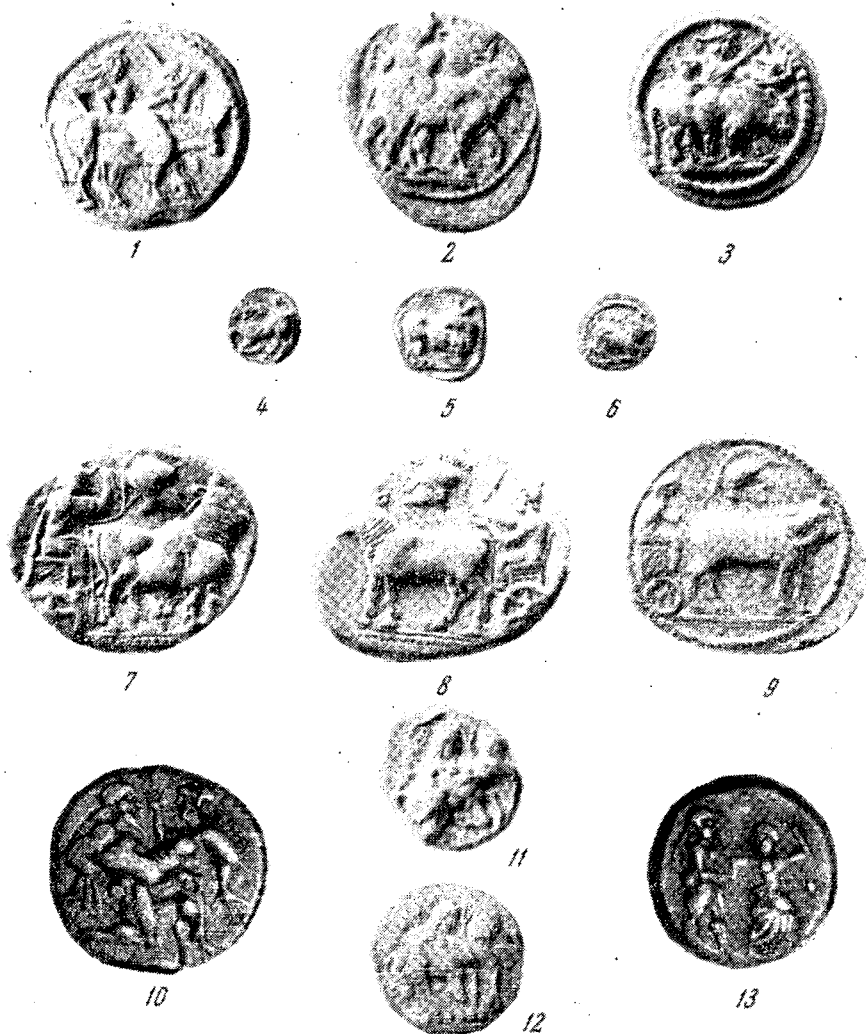

Рис. 7. Монеты южнофракийских племен (VI—V вв. до н. э.): 1, 4 — племени ихнов; 2 — племени эдонов; 3, 6, 11 — племени орресков; 5, 10, 13 — неопределенных фракийских племен; 7, 8, 9 — племени дерронов; 12 — племени летайев

Помимо совпадения в общем характере древнефракийского и современного обряда, мы пытались обратить внимание на совпадение отдельных деталей: в обрядовой пахоте и сеянии, в пантомиме смерти и воскресения, в фаллических сценах и т. п., которые приводят нас к выводу о

том, что некоторые моменты современного обряда имели место уже во фракийских празднованиях в честь Диониса. Эти обстоятельства дают, на наш взгляд, повод видеть истоки этих элементов кукерского обычая в обрядах глубокой древности, относящихся к истории духовной культуры фракийских племен. Совпадения же между древнегреческим обрядом антестериев и кукерским, справедливо отмеченные М. Арnaudовым и его предшественниками, объясняются тем обстоятельством, что в основе того и другого лежит древнефракийская обрядность⁵⁰.

SUMMARY

Kukeri games are among the most fascinating rites of Bulgarians and consist generally of two parts. On the one hand it is a colourful carnival, and during it its participants, Kukers and other personages visit their fellow-countrymen's homesteads, wishing them a good harvest, health and welfare. On the other hand it is a ritual ploughing and sowing accompanied by an imitation of «murder» and «resurrection» of participants and the fortune-telling about the future harvest, etc. In both parts of the festival some scenes are present connected with the fertility magic. The contemporary Kukeri games maintain only a few ritual elements, but the faith in its magical efficiency has disappeared. Nowadays it is a merry popular carnival, where the traditional ritual is often combined with the scenes of the modern life. The paper raises the problem of origin of the Kukeri games, first postulated in the ethnological science already in the beginning of our century, and stresses several moments indicating a Thracian origin of certain traits of these rites. This is evidenced first of all by the toponymics of the Kukeri games; their distribution coincides with lands, occupied in ancient time by the Thracian tribes.

The literary tradition of the antiquity and the numismatic data evidence a wide spread of the worship of Dionysus among the Thracians, marked by the traits of an agricultural cult. Several ritual actions of the Thracians, as a carnival with a reincarnation of its participants into the divinity of Dionysus and his suite, magic actions connected with the fertility magics, quite possibly a ritual ploughing and other actions have a certain affinity with several moments in the Kukeri rites, thus indicating their origins to be looked for in the Thracian religious beliefs and rites.

⁵⁰ Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность болгарским коллегам, помогавшим мне в работе: научному сотруднику Болгарского этнографического института Болгарской Академии наук Петру Петрову и профессору Хр. Вакарельскому, беседы с которыми и полученные от них фотографии дали автору настоящей статьи много ценных сведений по истории и библиографии кукерского обряда. Благодарю также научного сотрудника Пловдивского этнографического музея Е. Петрова и заведующего краеведческим музеем в с. Долгопол Варненского округа Д. Златарского, любезно предоставивших в мое распоряжение свои фотографии и выписки с описанием кукерских игр. Особенно благодарю директора Болгарского этнографического института профессора Хр. М. Гандева за содействие моей работе и за ценные указания.

Е. С. Котляр

МИФЫ БАНТУЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ТРОПИЧЕСКОЙ И ЮЖНОЙ АФРИКИ

Настоящая статья посвящена рассмотрению космогонических и антропогонических мифов некоторых народов, говорящих на языках семьи банту¹, выявлению сюжетов и мотивов, наиболее характерных для этих мифов. Конечно, объединение в качестве объекта исследования мифологических представлений народов, занимающих треть африканского континента и стоящих на разных ступенях общественного развития, не может не быть в известной мере условным. Вместе с тем совершенно несомненно и то, что общность исторических судеб, длительные контакты друг с другом, наконец, сходные языки — не могли не оставить отпечатка на фольклоре этих народов. Поэтому при всех различиях между отдельными народами, говорящими на языках семьи банту, в их мифологии можно проследить некоторые общие черты.

Что же касается различий, то в силу исторических условий одни народы сохранили в большей мере очень древние мифологические представления, соответствующие первобытнообщинной стадии развития общества (например, тотемические представления), у других же народов мы находим и сравнительно новые представления, характерные для более высокого уровня социально-экономического развития, сложившиеся в эпоху расцвета средневековых африканских цивилизаций и позднее. Такая полистадиальность мифологии этих народов дает возможность рассматривать их мифы диахронно — проследить становление и последующие изменения древнейших мифологических образов и сюжетов.

В статье использованы разнообразные по своему характеру материалы — этнографическая, историческая, религиоведческая литература; публикации отдельных образцов фольклора банту, а также специальные сборники мифов, легенд и сказаний этих народов. В ряде случаев привлекается также материал мифологии других африканских народов, не принадлежащих к языковой семье банту. Специальных научных исследований, посвященных мифологии народов банту, сравнительно немного. В их числе — работа А. Вернер «Мифы и легенды банту», фундаментальный труд по африканской мифологии Г. Бауманна, исследование Г. Тэгнеусом образа культурного героя, работа Г. Абрахэмсона о мифах на сюжет «происхождение смерти» и некоторые другие.

Работа А. Вернер интересна тем, что автор, располагая материалом не по народностям (как ее предшественники — К. Мейнхоф, например), а по тематике, пытается выявить общие по типам легенды и мифы различных народов банту. Однако А. Вернер приводит очень мало оригина-

¹ В дальнейшем для краткости употребляется выражение «народы банту», что никоим образом не означает признания существования какой-то этнической общности банту.

нальных текстов. Кроме того, в работе почти отсутствует историко-фольклорный анализ мифов и легенд — даны лишь их пересказ и краткий комментарий к ним.

Вышедший в 1936 г. труд немецкого ученого-африканиста Г. Бауманна представляет большой интерес до сегодняшнего дня, так как пока еще нет другого исследования, равного этому труду по обобщению и систематизации африканского мифологического материала. Ценность труда снижает, на наш взгляд, его теоретическая часть. Г. Бауманн является сторонником «теории культурных кругов», что заставляет его иногда тенденциозно анализировать используемый им фактический материал и подводить его под основные положения этой теории. Правда, Г. Бауманн как будто выступает против «догматизма» культурно-исторического метода; научная добросовестность ученого, исследовавшего богатейший фактический материал, вынуждает его признать, что этот материал не всегда укладывается в догматическую форму, которая придана культурным кругам основателями этой теории. Однако выводы, которые делает Г. Бауманн, сводятся к возражениям не против теоретических установок культурно-исторической школы, а, скорее, против практики. Г. Бауманн увеличивает число культурных кругов: вместо четырех, выработанных В. Шмидтом в результате исследования в основном материальной культуры, Г. Бауманн, учитывая сложность мифологического материала, выделяет уже семь культурных кругов, конструируя на основе теории Шмидта свою собственную «модифицированную структуру». Каждый культурный круг связывается Г. Бауманном с преобладающим в нем определенным видом (или несколькими видами) мифологии — манистические, анимистические, преанимистические, хтонические, солнечные, небесные, атмосферные мифы. Однако оставляя в стороне теоретические выводы Г. Бауманна, а также обусловленные ими некоторые принципы классификации материала, следует подчеркнуть серьезное практическое значение этой работы, которая может рассматриваться как своеобразный энциклопедический справочник по африканской мифологии, и в том числе мифологии банту. В этом отношении работа Г. Бауманна оказала большую помощь при написании настоящей статьи.

Статья не претендует на исчерпывающую полноту рассмотрения мифов банту, а является лишь попыткой предварительного обобщения и систематизации изученного материала по этим народам.

Исследователи мифологии Африки неоднократно отмечали своеобразие африканского мифологического материала: преобладание антропологических, генеалогических мифов, мифов о происхождении человеческой культуры, возникновении обычаев, религиозных культов и т. п. А собственно космогонические мифы занимают сравнительно небольшое место. Это, по-видимому, характерно и для мифологии народов языковой семьи банту.

Согласно космогоническим представлениям банту, на пустынной и темной первобытной земле не было ни небесных светил, ни гор, ни воды², ни растений, ни людей³ — они появляются благодаря демиургам, устрой-

² Наряду с этим существуют также представления, согласно которым первоначально вся земля вообще была покрыта водой, которая позже, с приходом людей, собралась в моря. См., например, миф конде (H. Baumann, *Schöpfung und Urzeit des Menschen im Mythos der afrikanischen Völker*, Berlin, 1936, стр. 190, по данным D. R. Mackenzie).

³ Появившись на мягкой, еще не успевшей затвердеть древней земле, первые люди и животные оставили «следы, которые можно видеть до сих пор» (см. мифы ньянджа, ронга, ньяи, макуа, лунда, камба и др. — H. Baumann, *Указ. раб.*, стр. 187).

телям мира, так называемым «культурным героям»⁴, в роли которых могут выступать тотемные предки⁵, антропоморфные предки человеческого рода⁶, божества⁷.

Нередко мифологическое «объяснение» происхождения и характера тех или иных природных явлений строится у банту (как и в других мифологиях) по модели человеческого общества; так, взаимоотношение и связь природных явлений обыкновенно определяются по типу семейно-родственных отношений, свойственных общинно-родовой формации. По поверьям кикуйю⁸, например, Солнце — муж Луны. «Когда Луна входит в полную силу, Солнце борется с ней и убивает ее, а затем она снова поднимается. Звезды, которые сопровождают Луну,— ее дети»⁹. Часто происхождение явлений природы изображается по аналогии с процессом появления человека на свет, т. е. как порождение тех или иных элементов природы первопредком и др.¹⁰. В подобном сближении понятий находит проявление характерная для мифологии недостаточная дифференцированность представлений и знаний о природе и человеке, природе и культуре.

Особую группу составляют многочисленные топонимические легенды, «объясняющие» происхождение гор, вулканов, озер и других элементов рельефа местности. Обыкновенно горы считаются местопребыванием духов, предков, богов. Живущие среди гор джагга имеют особенно много преданий и поверий, связанных с горами. Изобилующую ущельями гору Мавензи они считают женского пола, а Кибо — мужского. Соответственно умерших мужчин укладывают в могиле лицом к Кибо, а женщин — к Мавензи. Гора Килиманджаро, по мифам, как и все горы,— дитя солнечного бога и земли. Среди снежных вершин находится вход для духов мертвых. Наряду с этим существуют и другие «объяснения». Согласно сообщениям Гутмана, Мавензи и Кибо (обе горы, здесь по-видимому, мужского пола) подрались из-за того, что Мавензи обманул Кибо. От этой драки Мавензи стал таким «зазубренным». Племена розви-шона знают различные предания о путешествующих горах, они указывают даже, в каком направлении те отправились¹¹.

Множество топонимических легенд объясняет происхождение озер затоплением, вызванным духом воды, божеством и т. д. в наказание за какой-либо проступок людей. Так, по преданию, озеро Танганьика возникло потому, что дух колодца, разгневанный раскрытием тайны, затопил землю¹². По-видимому, подобные легенды в фантастической форме

⁴ См., например, мифы о Кинту (H. Tegnœus, *Le héros civilisateur*, Stockholm, 1950, стр. 151—155).

⁵ См., например, мифы яо о слоне (P. A. G. Adams, *Lindi und sein Hinterland*, Berlin, 1902, стр. 55); о хамелеоне (A. Werner, *The natives of British Central Africa*, London, 1906, стр. 243).

⁶ См. миф луба (L. Frobenius, *Atlantis, Volksmärchen und Volksdichtungen Afrikas*, Bd. 12, Jena, 1928, стр. 100) и миф кикуйю (W. S. Routledge, *With a prehistoric people*, London, 1910, стр. 9).

⁷ Например, Мауэссе в мифе пенде (L. Frobenius, *Указ. раб.*, 12, стр. 138, Фиди-Мукулу в мифе сонге (там же, стр. 120). См. также мифы сонге (там же, стр. 101), луба, пенде и чокве (H. Arahansson, *The origin of death, Studies in African mythology*, Uppsala, 1951, стр. 39, 40, 51).

⁸ W. S. Routledge, *Указ. раб.*, стр. 284.

⁹ Ср. также миф апоно (Конго) (Du Chaillu, *L'Afrique sauvage*, Paris, 1868, стр. 199).

¹⁰ H. Baumann, *Указ. раб.*, стр. 32 (по материалам L. Frobenius).

¹¹ См. H. Baumann, *Указ. раб.*, стр. 200.

¹² H. M. Stanley, *Through the dark continent*, London, 1878, v. II, стр. 12—15. См. также легенду конде о происхождении оз. Кизива (F. Fülleborn, *Das deutsche Niassa- und Ruwumagebiet, Land und Leute*, Berlin, 1906, стр. 280), легенду макуа (H. Baumann, *Указ. раб.*, стр. 199).

отразили действительные происшествия, некогда имевшие место, — наводнения, образование новых озер в связи с вулканическими явлениями, опусканием почвы и т. д. В этом отношении показателен миф камба¹³, рассказывающий о происхождении озера Килуи. Вероятно, здесь некогда действительно произошло извержение вулкана, вследствие чего река Кибези, перегороженная лавой, разлилась и образовала озеро. Предание сохранило некоторые детали этого происшествия — сильная гроза, затопление деревни и т. д.¹⁴

Мифы, рассказывающие о происхождении воды, представляют особый интерес. Здесь мы также встречаем характерное мифологическое объяснение происхождения природных явлений и процессов по аналогии с человеческим рождением. Ганда, например, подобным образом объясняют происхождение большинства рек. В частности, одно из их преданий повествует о том, как в том месте, где некая принцесса родила ребенка¹⁵, возникла из родовых вод и крови река Майянджа. Наряду с этим существуют также наивные «объяснения» реалистического плана. Куба, например, так объясняют происхождение воды: один охотник обнаружил в лесу озеро, а до этого люди вынуждены были высасывать сок травы¹⁶. Как и все другие дары, вода может быть получена от божества. Согласно мифам пенде, например, дождь появился на земле благодаря божеству¹⁷, но, когда люди захотели иметь также и реку, бог отказал им. Тогда люди убили его (мотив богоборчества!) и сделали дыру в небе, из которой пролилось много воды, и она наполнила впадины земли.

Среди мифов, объясняющих происхождение воды, следует выделить мифы о добывании воды у ее «хозяев». Мотивы борьбы героев со змеями, чудовищами, старухами, по-видимому, предшествуют мотиву борьбы людей с божеством. Эти мифы представляют особый интерес, так как сохраняют наиболее архаические представления, связанные с древними тотемическими верованиями, обрядами инициации, женскими мифологическими образами и т. д. В мифе бена-лулуа¹⁸ хозяйкой воды является водяная старуха, которая дает воду только тогда, когда кто-нибудь соглашается вылизать ее язвы¹⁹.

Очень многочисленны мифы, предания и сказки банту, сохраняющие в более или менее модифицированном виде представления о «хозяевах» воды, змеях²⁰. Это, по-видимому, один из наиболее архаичных мифологических типов «хозяев». Так, сказание кикую²¹ повествует о «змее великой воды». Сын солнца Вадуа убивает большую змею Мукунга Мбура

¹³ Ch. W. Hobley, *Bantu beliefs and magic*, London, 1922, стр. 262.

¹⁴ Ср. также предание джалуо о происхождении озера Натрон (Н. Вауманн, Указ. раб., стр. 316—317).

¹⁵ J. Roscoe, *The Baganda. An account of their native customs and beliefs*, London, 1911, стр. 318.

¹⁶ Н. Вауманн, Указ. раб., стр. 198 (по данным E. Torday).

¹⁷ Там же, стр. 199 (по материалам L. Frobenius).

¹⁸ Там же, стр. 311 (по материалам L. Frobenius).

¹⁹ Ср. покрытую язвami старуху в мифе фиоте, см. Н. Вауманн, Указ. раб., стр. 311 (по данным R. E. Dennet).

²⁰ В некоторых районах Восточной Африки существовали местные полутайные общества, почитающие змей. Их члены периодически устраивали особую церемонию, связанную со змеей Ндаматие, живущей в реке Матиойа. Обряд связывали с сезоном дождей и появлением радуги. Считалось, что он обеспечивает обильный дождь и защищает от различных бедствий. Последний раз такой обряд происходил в 1898 г., после большого голода (W. S. Routledge, Указ. раб., стр. 237—238). Об этой церемонии см. также: Ch. W. Hobley, Указ. раб., стр. 93—95; J. Kenyatta, *Facing Mount Kenya*, New York, 1962, стр. 181, 189.

²¹ W. S. Routledge, Указ. раб., стр. 312—314.

(Змею Дождя, т. е. радугу), которая каждую ночь выходила из воды и пожирала скот отца его невесты. Затем Вадуа входит в воду, откуда он на следующее утро выводит много скота, а вода исчезает. В одной сказке кикуйю²² мальчик-пастух борется с Мукунга Мбура, имеющим здесь человеческий облик и являющимся владельцем пастбища. Интересно, что в этой сказке змея-радуга выступает уже в характерной роли «проглатывающего чудовища»: Мукунга Мбура пожирает не только скот, но и людей, их дома и амбары. Другая деталь, относимая здесь к змее-радуге, также типична для проглатывающего чудовища: из изрезанного среднего пальца Мукунга Мбура выходят живыми и невредимыми съеденные им люди, скот и т. д. На его первоначальную роль хозяина воды указывает тот факт, что Мукунга Мбура живет в воде, а также концовка рассказа: когда Мукунга Мбура убили и разрубили его тело на части, одна часть — нога — сама отделилась от тела и вернулась в воду. Но на следующий день на этом месте не обнаружили ни ноги, ни воды, а только скот²³.

Легенды о проглатывающем чудовище очень многочисленны²⁴ и распространены повсюду в Африке. Характерно, что при этом нередко «проглатывающее чудовище» обитает в воде. Так, в зулусской сказке об Унтомбинде²⁵ чудовище Исикукумадеву живет в мифической реке Илуланге. Дочь вождя Унтомбинде отправляется вместе с другими девушками купаться в Илуланге, несмотря на предостережения своих родителей («никто не возвращается от Илуланге, все уходит туда навсегда») ²⁶. Пока девушки купались, Исикукумадеву взяла их одежды и украшения. Унтомбинде не захотела умолять Исикукумадеву вернуть ее вещи. И она была тут же схвачена чудовищем и утащена в воду. После этого Исикукумадеву проглотила юношей, посланных отцом Унтомбинде освободить ее, а затем и всех обитателей крааля вождя с собаками и скотом, а также всех людей в окрестности. По-видимому, этот эпизод с Унтомбинде и «проглатывающим чудовищем» имеет отношение к обряду инициации девушек. На это указывает, в частности, деталь — купание девушек в реке, являющееся неотъемлемой частью обряда²⁷. На обряд инициации намекает также имя дочери вождя — Унтомбинде («девушка, достигшая половой зрелости»). Обряд инициации обычно окружали таинственностью, неофитов наставляли, что главным действующим лицом должно быть некое чудовище (первоначально, вероятно, тотем). Нередко руководитель церемонии изображал это таинственное существо, для этой цели употреблялись различные маски. Интересно также то, что в случае смерти неофита родителям и соплеменникам говорили, что он съеден чудовищем²⁸. Чудовище, пожирающее людей с их скотом и домами, погибает затем от руки героя, который освобождает проглоченных. Часто для

²² Там же, стр. 309.

²³ См. также сказки о змеях — хранителях воды у народов ремба, кулиа, руанда (Н. Вауманн, Указ. раб., стр. 194). См. также зулусскую сказку о водяном чудовище Нгунгу-Кубатвана (С. Callaway, Nursery tales. Traditions and histories of the Zulus, London, 1868, стр. 89).

²⁴ См., например, А. Werner, Myths and legends of the Bantu, London, 1933, стр. 206—221. Ср. также Нунда — пожиратель людей в сказке суахили «Султан Маджунун» (E. Steere, Swahili tales, London, 1929, стр. 199, 247).

²⁵ С. Callaway, Указ. раб., стр. 84.

²⁶ Намек на подземный мир мертвых (?).

²⁷ См. об обряде инициации, например, у J. Kenyatta (Указ. раб., стр. 138). Девушки должны перед инициацией пробыть в холодной воде не менее 4—5 часов для обезболивания при совершаемой операции.

²⁸ Ср. также сказку ньяса о Тангалимилино в кн.: R. Basset, Contes populaires d'Afrique, Paris, 1903, стр. 289—292.

этого необходимо надрезать чудовище в каком-либо определенном месте — большой или средний палец, либо разрезать спереди, а не сзади, и т. д. Или же отверстие может проделать только определенное лицо, как, например, «самая маленькая птичка» Катугитуи в сказке субийя²⁹. Иногда чудовище проглатывает и героя, и он разрезает чудовище изнутри. Такими чудовищами являются, например, Кходумодумо³⁰ или Каммапа³¹ у судо, Сеедимве³² у субийя и др.

Традиционный герой сказок о проглатывающем чудовище — мальчик, рожденный единственной спасшейся от чудовища женщиной. Она спряталась в пещере, траве, вывалилась в золе и т. д. Для героя характерны чудесное рождение (герой говорит в чреве матери, рождается с амулетами на шее, рождение из нарыва на ноге матери и т. д.), чудесный рост (мать отлучилась на минуту от новорожденного, а возвратившись застала взрослого мужчину); сверхчеловеческая сила, ум, ловкость, благодаря чему герой убивает чудовище и освобождает свой народ, а его делают вождем. Затем, обычно из зависти или страха перед сверхъестественными качествами героя, его пытаются убить соплеменники. Таковы герои Бокеньяне у ронга, Дитаолане и Литаолане у судо и др.

К героям такого типа принадлежит также и Судика-Мбамби, персонаж фольклора лунда. Отметим, что этот герой, чтобы добыть невесту, борется со «старухой», затем, также из-за невесты, должен сразиться со змеей-чудовищем; в качестве брачного условия перед ним ставится задача убить гигантскую рыбу Кимбиджи, пожирающую скот его тестя. Эти же черты, как мы видели, характеризовали и Вадуа, героя сказки кикуйю. Крайне интересным мотивом сказки является борьба Судика-Мбамби с макиши, которые напали на деревню его отца, разграбили ее и убили тех жителей, которые не успели убежать. Согласно одному варианту³³, макиши живут в деревнях, Судика-Мбамби с товарищами пять дней подряд с ними сражается и побеждает одну деревню за другой. Таким образом, здесь, очевидно, макиши выступают как воинственные соседи, иноплеменики. А. Вернер характеризует их как людоедов-чудовищ³⁴. Однако, по-видимому, обе эти трактовки более позднего происхождения. Если проследить этимологию этого слова, то получается следующая картина. Согласно Ф. Мелланд³⁵, макиши (*makishi*, ед. ч. — *ikishi*) означает — танцоры в ритуальных похоронных танцах и танцах, связанных с церемонией инициации. Акиши (*akishi*, ед. ч. — *mukishi*) означает — дух (умершего). Но непосвященные, т. е. женщины и дети, отождествляли оба эти понятия и, следовательно, макиши выступали здесь первоначально как духи умерших. Впоследствии, очевидно, это значение забывается, и они воспринимаются как иноплеменики, враги, против которых борется герой-богатырь в защиту своего народа. Таким образом, эта сказка содержит интересный материал об истории формирования собственно героического эпоса, вырастающего в значительной степени на базе архаического мифологического эпоса о героях — победителях фантастических существ и чудовищ.

Итак, при рассмотрении группы мифов, рассказывающих о происхождении воды, мы встречаемся с различными способами мифологичес-

²⁹ E. Jacottet, *Études sur les langues du Haut-Zambéze*, Paris, 1901, 2-e part, стр. 49—54.

³⁰ A. Werner, *Myths and legends of the Bantu*, стр. 208.

³¹ E. Casalis, *Les Bassoutos*, Paris, 1859, стр. 363.

³² E. Jacottet, *Указ. раб.*, 2-e part., стр. 54.

³³ «Сказки народов Африки», М.—Л., 1959, стр. 61—70.

³⁴ A. Werner, *Myths and legends of the Bantu*, стр. 120—125.

³⁵ F. H. Melland, *In witchbound Africa. An account of the primitive Kaonde tribe*, London, 1923, стр. 56, 176.

кого объяснения, а именно: происхождение воды из родовых вод и крови женщины (например, в мифе ганда); наивные объяснения реалистического плана — люди случайно нашли в лесу воду, а до этого высасывали сок травы (в мифе куба); объяснение происхождения воды как дара божества (в мифе бемба) и др. Но наибольший интерес представляют те, по-видимому, архаические мифологические представления, которые объясняют происхождение воды добыванием ее у ее «хозяев». Подобные мифологические представления тесно связаны с древними тотемическими верованиями, обрядами инициации, архаическими мифологическими образами матриархального характера и т. д. При этом большое распространение получил сюжет (см., например, мифы бена-лула, фиоте и др.), рассказывающий, как герой добывает воду у ее хранителя — «водяной старухи» (также духа воды, колодца и пр.), которая дает воду при соблюдении определенного условия (или в случае выдержанного испытания). Возможно, первоначально это «условие», «испытание» имело связь с табуацией. Впоследствии же оно приобретает «моральный» характер («водяная старуха» устраивает наводнение, так как ей отказали в милостыне). В роли «хозяев» воды часто выступают также различные животные (обыкновенно змеи), фантастические чудовища и пр. Многочисленные сказки этого рода (например, сказки суто, зулу, руанда, ремба, кулиа и др.) нередко носят героический характер. Герой борется с хранителями воды, побеждает их и добывает воду. Ряд мифологических сказок более позднего происхождения изображает этих животных и чудовищ уже как «хозяев» скота, мотив связи их с водой при этом сохраняется, но уже на втором плане.

Как уже указывалось, ведущее место по степени распространения и разработанности представлений в мифологии банту принадлежит антропогоническим мифам. Среди них можно выделить три основных типа.

1. Мифы, возможно, наиболее древние, отражающие хтонические представления, т. е. мифы о происхождении человека из недр земли, расщелины в скале, камня, пещеры, пещеры или ямы с водой, реки, моря, озера и др. (часто первый человек носит то же имя, что и пещера или скала, — например Лоове у суто-чвана или Мима у макуа). В основе этих хтонических представлений о происхождении человека лежит почитание земли-матери, земли порождающей. В этой связи представляет, в частности, интерес миф ньяи³⁶, согласно которому первый человек вышел из пещеры в скале (мвари).

Следы этих весьма древних представлений сохранились в сказках, преданиях и некоторых обрядах и обычаях банту (например, в практиковавшейся у кикую церемонии при продаже земли, которая могла осуществляться только матримониально, в виде символического брака между покупателем и владельцем земли, так как «земля считается матерью детей»)³⁷. Земля могла также персонифицироваться, олицетворяться — как в женских образах прародительниц, «старух», так и в образах фантастических чудовищ, обыкновенно женского пола. Таковы, например, чудовища в мифологии зулу — Гунгкукубантуана и Силосимапунду³⁸.

2. Наиболее многочисленная группа мифов о происхождении человека принадлежит манистически-хтоническим представлениям. В этих мифах происхождение людей ставится в непосредственную связь с предками, которые, в свою очередь, тесно связаны с землей, а также объек-

³⁶ H. Junod, *The life of a South-African tribe*, London, 1927, vol. II, стр. 348.

³⁷ J. K. Nyatta, *Указ. раб.*, стр. 38—41.

³⁸ «Сказки зулу». Izinganekwane, М.—Л., 1937, стр. 113, 120.

тами хтонического характера — термитниками, деревьями, тростником, мыслимыми как местопребывание предков или так или иначе с ними связываемыми. Таковы, в частности, мифы ронга, зулу, гереро, макуа, конде, ньяи и др.³⁹ о происхождении людей из тростникового болота, тростника, кустов, зарослей, леса, дерева⁴⁰. У зулусов⁴¹ тростник иногда мыслится как женское существо, вместе с божеством Умвелинканги породившее людей. Согласно одному мифу, первые люди — мужчина и его жена (обоих звали Ункулункулу) вышли из тростника в воде, который создал Умвелинканги. Другой текст говорит, что в день появления Ункулункулу «постель из тростника» разбухает, и когда тростник лопается, появляется скот⁴².

В отношении деревьев существуют подобные же представления. Согласно одному мифу гереро, жену первого вышедшего из дерева человека — Камангунду считают прародительницей. Амбо верят, что у древнего дерева Омумборомбонга похоронена «великая женщина»⁴³, и кладут у священных деревьев траву и ветви. Культ дерева, несомненно, тесно связан с культом предков, землей, плодородием, рождением детей.

Джагга⁴⁴ хоронили вождей (до того, как труп начнет разлагаться) в деревянном цилиндре. О рождении детей говорили, что их получают от чудовища — Ириму (первоначально — «дух предка») или что «дети произошли из пчелиной трубки в лесу». Так как пчеловоды джагга используют в качестве ульев пустые стволы деревьев, то, вероятно, появление детей приравнивается к происхождению из дерева. Можно предположить, что в новорожденном видели воплощенного предка. Вероятность подобного предположения подтверждается также материалом многочисленных мифов о происхождении из термитников. При этом важно принять во внимание, что термитники почитают как местопребывание духов предков, а термитов считают воплощением умерших⁴⁵. Связь умерших с термитами обнаруживаем, например, в сказке беналула. На свадьбе у невесты — мертвой дочери неба — изо рта выходят

³⁹ См. Н. Ваумапп, Указ. раб., стр. 224—230.

⁴⁰ Омумборомбонга — у гереро. В некоторых вариантах мифов банту дерево омумборомбонга отождествляется с предком Мукуру. Иногда Мукуру «вызывает» людей из древнего дерева. У лунда, луба, чокве, луена, народов южного бассейна Конго почитают дерево предков муйомбо. Эти же представления находим у яо, макуа, конде, ронга, паре, ила, пангве, каниока, камба. См. Н. Ваумапп, Указ. раб., стр. 225, 231.

⁴¹ Там же, стр. 228 (по данным С. Callaway).

⁴² Ср. обычаи банту, связанные с тростником: суто, например, перед дверью хижины, в которой родился ребенок, втыкают в землю тростник (А. Wernер, *Myths and legends of the Bantu*, стр. 22). Верят также, что тростник, из которого делают хижины, может предсказывать рождение (Е. Casalis, Указ. раб., стр. 240).

⁴³ Г. Бауманн, по-видимому, прав, видя соответствие между этой «великой женщиной» и древней «костяной старухой», слугой Калунга, которая «выпустила» из дерева двух детей в мифе кваньяма — амбо (Н. Ваумапп, Указ. раб., стр. 245). Ср. сказки ньянджа, джагга, паре, пангве, сандаве и др. о появлении детей из дерева (Там же, стр. 105, 226, 227). Очевидно, к этому же ряду представлений принадлежит образ старухи Какаши-Какуллу (Там же, стр. 78). Ср. образ старухи, охраняющей воду; ср. также образ старухи-помощницы в сказках (А. Wernер, *Myths and legends of the Bantu*, стр. 100—103).

⁴⁴ Н. Ваумапп, Указ. раб., стр. 235. Захоронение в дереве встречаем также у барамбо, занде, сандаве, гого, паре-тавета и некоторых других африканских народов. Иногда таким образом хоронят только вождей, как у джагга, гого, или колдунов, как у сандаве, или же в дереве хоронят только черепа, как у паре-тавета.

⁴⁵ Ср. обычаи, существовавшие у некоторых банту: сонгола (восточный район Конго) в термитниках хоронили умерших; чокве и лунда (Восточная Ангола) устанавливали грубо отесанные изображения умерших членов семьи из кусков термитника (Н. Ваумапп, Указ. раб., стр. 218).

термиты. По представлениям пангве, термиты пожирают умерших духов, как черви трупы.

Интересно, что в сказках термиты или муравьи наделяются способностью оживлять умерших. Так, в сказке каниока муравьи «собирают» разбитую на куски черепаху и оживляют ее⁴⁶. В одной сказке зезуру рассказывается о девушке, которую принесли в жертву, чтобы вызвать дождь. Ее удушили и похоронили в термитнике между воздушными корнями дерева, которое после жертвоприношения выросло до неба и листья его превратились в облака⁴⁷. Таким образом, в содержании этой сказки легко прослеживается связь представлений — предки (дающие, вызывающие дождь) — термитник (как местопребывание предков и, соответственно, место жертвоприношений предкам).

3. Мифы, отражающие более поздние представления — о появлении людей с неба, с участием «небесного божества» (например, мифы джагга, ила, ньоро, бемба, бена-лулуа, чокве, тетела, ньанджа, яо и др.⁴⁸). Эти мифы появляются по мере развития в мифологии образа божества из представлений о предках, о персонифицированных явлениях природы и др.

Согласно мифу джагга, например, предок одного рода спустился по паутине на землю. Его звали «хвостатый». Еще сегодня почитают паука как предка. У ила в одном мифе на землю спускается первый человек со своей родней, а в другом варианте — это божество Леза. По мифу ньоро, первая человеческая пара была послана божеством вниз, на землю. Пара была хвостатая и породила двух девушек и одного юношу, которые, в свою очередь, породили хамелеона, отца человечества, и Луну. Как показывает анализ подобных мифов, представления о приходе первых людей с неба, о связи их происхождения с деятельностью божества нередко вытесняли более ранние представления о происхождении людей с участием предков, о связи происхождения людей с землей. В частности, приведенный выше миф ньоро представляет очевидную контаминацию нескольких пластов разных по времени их возникновения представлений — о тотемическом предке человечества — хамелеоне, о первых людях — первопредках зооантропоморфного характера, наконец, о роли божества в представлениях о происхождении первых людей. Характерным является также встречающееся в ряде мифов социально развитых народов связывание с небом, небесным божеством происхождения представителей правящей верхушки, обыкновенно обожествляемых (ср. миф занде)⁴⁹.

Мифы о происхождении различных рас и народов, по сравнению с мифами о происхождении человека вообще, принадлежат, по-видимому, к позднейшей мифологии и напоминают скорее эллические рассказы, в которых различие народов по цвету кожи, миграции народов, дробление племен и пр. «объясняются» каким-либо событием, якобы случившимся в некую доисторическую эпоху⁵⁰. Ряд мифов о происхождении

⁴⁶ A. Werner, *Myths and legends of the Bantu*, стр. 284.

⁴⁷ Н. Бауманн, Указ. раб., стр. 217—218 (по данным L. Frobenius).

⁴⁸ Н. Бауманн, Указ. раб., стр. 206—213.

⁴⁹ Там же, стр. 1122.

⁵⁰ См., например, миф гереро о происхождении темнокожих готтентотов и «краснокожих» бушменов (Н. Бауманн, Указ. раб., стр. 331, 168; «Сказки народов Африки», стр. 42). Интересно, что мифы сравнительно недавнего происхождения, например о появлении европейцев, строятся по тому же типу мифологического объяснения, что и древние мифы о появлении африканских народов (т. е. с использованием широко распространенных мотивов наказания, выбора и др.). См., например, A. Bastian, *Die deutsche Expedition an der Loango-Küste*. Jena, 1874—1875, Bd. I, стр. 224; Bd. II, стр. 218; L. Frobenius, *Atlantis*, Bd. 12, стр. 92; J. F. Cunningham, *Uganda and its peoples*, London, 1905, стр. 38; Ch. Jeannel, *Quatre années au Congo*, Paris, 1883, стр. 97, 98.

отдельных племен и народов представляет особый интерес, так как эти мифы сохраняют, нередко в фантастической форме, некоторые детали исторического характера. Таковы, например, мифы, рассказывающие о древних народах, прежде населявших землю, — по-видимому, речь идет о коренных народах, обитавших в тех областях, которые были затем заняты народами банту⁵¹.

Большая группа мифов рассказывает о важнейших завоеваниях человеческой культуры — открытии огня, появлении земледелия, начале животноводства, кузнечного мастерства и других ремесел.

Мифы о происхождении огня обыкновенно связываются с деятельностью культурных героев — зооморфных⁵² и антропоморфных⁵³, предков⁵⁴, первых людей; огонь приносят с неба, получают от божества (как в мифах ньяро, руанда, каонде, бена-лулуа и др.). У народов, уже создавших государство, имевших развитый институт вождей, предки — податели огня — одновременно являются первыми вождями, царями, а первый зажженный огонь считается государственным, священным огнем⁵⁵.

Особый интерес представляют те предания и мифологические рассказы, которые дают лишённые всякой таинственности, уже скорее правдоподобные толкования происхождения огня — первый огонь произошел от молнии, его получили у соседнего народа и пр.⁵⁶ Героем таких повествований обыкновенно является «один человек», «юноша» («одна женщина» в аналогичных мифах о происхождении некоторых злаков), которые случайно совершают свое «открытие». Подобные мифы отличаются предметностью описания. Так, миф кикуйю о юноше, открывшем способ добывания огня трением, последовательно описывает необходимые для получения огня действия — какое дерево и какой формы взять, положить сухой травы и пр.⁵⁷ Очевидно, подобные мифы предназначались непосредственно для передачи опыта, некоторых навыков производственной деятельности.

Земледелие у банту, как и у многих других африканских народов (мы имеем в виду уход за посевами, сбор урожая и пр.), в основном — занятие женщин. И мифология банту связывает начало земледелия обыкновенно с женщинами, равно как и приготовление пищи и гончарное искусство. Начало же скотоводства и кузнечного ремесла связано в мифах с мужчинами.

⁵¹ См., например, мифы ндонга-амбо о бушменах (Н. Ваутанн, Указ. раб., стр. 241), кикуйю и камба о ндоробо и пигмеях (W. S. Routledge, Указ. раб., стр. 3—6), мифы бемба (Н. Ваутанн, Указ. раб., стр. 241), зулусов (A. Wernier, *Myths and legends of the Bantu*, стр. 28—29), бечуанов (R. Bassett, Указ. раб., стр. 319—320).

⁵² См., например, мифы куба, сонге, бена-лулуа, тетела, сандаве, фиоте, ила, занде, нгала (Н. Ваутанн, Указ. раб., стр. 361—362).

⁵³ См., например, мифы о Либанза, Мриле и др. (Н. Ваутанн, Указ. раб., стр. 360, по данным Lindemann, Raum; F. Fülleborn, Указ. раб., стр. 336—338). Ср. также Хейсеб у бушменов, Туле у занде и др. (Н. Ваутанн, Указ. раб., стр. 359).

⁵⁴ Согласно мифу кикуйю, например (Ch. W. Noble, Указ. раб., стр. 264), огонь принес в мир от предков «один человек», последовавший за раненым дикобразом в его нору. Люди сделали этого человека своим вождем. В мифе акамба преследуемый дикобраз — умершая мать героя (G. Lindblom, *The Akamba*, Upsala, 1916, стр. 83). См. также миф ирамба, по которому предки отпустили охотника в «верхний мир» с наказом: отныне приносить жертвы предкам (Н. Ваутанн, Указ. раб., стр. 378). Огонь получают от предков также в мифах чокве, пенде, бена-лулуа, ронга, гереро и др.

⁵⁵ См. Н. Ваутанн, Указ. раб., стр. 356—357. См. также мифы венда, гереро, сафва и др. (Там же, стр. 359).

⁵⁶ См., например, Н. Ваутанн, Указ. раб., стр. 354.

⁵⁷ В. Gutmann, *Volksbuch der Wadschagga*, Leipzig, 1919, стр. 159.

Интересно, что мифы, рассказывающие о происхождении различных ремесел, хозяйственных занятий, нередко отражают и возникающие социальные различия, социальное неравенство, наивно связывая их с «первоначальным» распределением занятий, хозяйственной деятельностью племен (как в мифах кикуйю, руанда, иранги и др.).

Ряд мифов рассказывает о происхождении основных общественных норм и отношений, характерных для первобытнообщинной эпохи, тех или иных социальных установлений, обычаев, обрядов, различных табу и пр.⁵⁸ Мотив нарушения этих табу, нарушения установленного порядка норм первобытной морали, какого-либо приказа и т. д. (и, соответственно, — наказания) лег, в частности, в основу большой группы мифов, обычно определяемых в литературе (см., например, у Э, Лэнга, Дж. Фрэзера, Г. Бауманна, Г. Абрахэмсона) как мифы о происхождении смерти.

Анализ изученного материала по мифологии банту приводит нас к следующим выводам.

В силу известной недифференцированности первобытного мышления, мифологическое объяснение происхождения различных элементов природы, человеческого общества и культуры строится по одним и тем же типам. Е. М. Мелетинскому принадлежит мысль о том, что эти типы следует различать по способам мифологического объяснения, предопределенным, в конечном счете, объективно-историческими факторами. Наш материал дает возможность выделить несколько способов мифологического объяснения.

Отдельные элементы природы и культуры, согласно мифам, были «добыты» у их «хозяев» культурными героями (мифы о происхождении воды, огня, полезных растений, скота). Такие представления являются, очевидно, весьма архаичными, так как соответствуют примитивному охотничье-собираческому хозяйству.

В дальнейшем, по мере развития культа предков, сакрализации вождей (в связи с упрочением института вождей), формированием в мифологии образов «божеств», эти представления модифицируются. Архаических «хозяев» сменяют предки, первые люди, обожествляемые вожди и цари и собственно божества, выступающие как культурные герои. Они обучают людей охоте, ремеслам, дают им семена полезных растений, устанавливают законы и обычаи. Обыкновенно эти податели культурных благ и учителя первых людей являются также демиургами. При этом характер их созидательной деятельности меняется в зависимости от природы самого культурного героя. Так, если демиург — предок, то созидание описывается как «вызывание» предком первых людей и животных из земли; огонь и семена человек также получает от предка, спустившись в «нижний мир». Если демиург так или иначе связан с небом («громовник», «небесное божество»), то созидание изображается как спускание, сбрасывание, посылание первых людей и животных с неба на землю.

Другой распространенный способ мифологического объяснения происхождения людей, животных, вещей у банту — порождение. В роли

⁵⁸ См., например, мифы чвана, шамбала — о том, как мужчины и женщины стали жить вместе; аналогичные мифы сонге, ротсе; мифы о введении половых отношений, рождении и появлении смерти (Н. Вауппа, Указ. раб., стр. 367—372; R. Basset, Указ. раб., стр. 232, Н. Abrahamsson, Указ. раб., стр. 98—99). См. миф джагга о происхождении экзогамии (B. Gutmann, Dichten und Denken der Dschagga-neger, Leipzig, 1914, стр. 182); миф кикуйю, объясняющий смену матриархата патриархатом (J. Kenyatta, Указ. раб., стр. 5—10). См. также мифы о происхождении тотемов, масок, различных обрядов, церемоний и обычаев (Н. Вауппа, Указ. раб., стр. 373, 375) и др.

прародителей могут выступать: мать-земля; тотемические предки; первопредки и первые люди, обожествляемые предки. Анализируя эти мифы, можно проследить развитие древних мифологических представлений — от хтонических к хтонически-манистическим и далее к представлениям о божествах, которые постепенно вытесняют представления о земле-матери, о предках-прародителях и пр.

Весьма интересным представляется также упоминавшееся «немифическое», в какой-то мере «реальное», объяснение происхождения в ряде мифов огня, злаков, как якобы случайного открытия «одного человека».

SUMMARY

The article deals with the most characteristic anthropogonic and cosmogonic myths of the Bantu speaking peoples. As a result of historic conditions some of these peoples have preserved ancient mythologic (totemic etc.) notions, while some other provide later motives which have been created, perhaps, during the period of flourishing of medieval african civilizations. The existence of Bantu myths belonging to various historical phases made it possible to treat them in the diachronic manner, i. e. to trace the formation and later modifications of mythological rites and topics.

The article defines the ways typical for Bantu speaking people of mythological «explanation» of origins of various elements of nature, human society and culture, i. e.; origin as birth; as acquirement of «gifts» by culture heroes from their «masters»; origin as «one man's» occasional discovery.

Дискуссии и обсуждения

Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АГРОЭТНОГРАФИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Агроэтнография — одна из самых молодых, но в то же время самых перспективных и важных отраслей этнографической науки. Сельскохозяйственные культуры, земледельческие орудия и агротехнические приемы занимают, как известно, очень важное место в системе производительных сил человеческого общества, по крайней мере начиная с периода неолита. Для большинства народов нашей планеты земледелие с глубокой древности до наших дней является основным видом хозяйственной деятельности. Понятно поэтому, что появление каждой новой работы по агроэтнографии привлекает внимание и вызывает живой интерес у этнографов, археологов и всех других исследователей, интересующихся социально-экономической и культурной историей человечества.

С этой точки зрения можно приветствовать опубликование статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований»¹. Авторы этой статьи справедливо указывают, что изучение техники и технологии земледелия должно вестись с учетом тех естественно-географических и социально-экономических условий, в которых жили на разных этапах своего исторического развития земледельческие народы. В то же время Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков упрекают зарубежных, а отчасти и советских исследователей в области агроэтнографии в том, что они, придавая слишком большое значение этнической специфике, «не всегда избегают проторенных дорог формально-типологических классификаций и упрощенных схем истории развития земледельческой техники»². Под такими «формально-типологическими классификациями и упрощенными схемами» авторы указанной статьи понимают, по-видимому, стремление этнографов связать историю земледельческой техники с этнической историей ее создателей и наметить особенности агротехники, характерные для тех или иных этнических общностей.

В действительности нет никаких оснований противопоставлять агротехнические особенности, связанные с социально-экономическими и естественно-географическими условиями жизни разных народов, тем особенностям, которые являются в той или иной степени этнически специфичными. Этническая специфика или, лучше говоря, этническая традиция всегда складывается в конкретной социально-экономической и экологической обстановке развития народов в разные исторические периоды. Традиция эта приобретает известную устойчивость и сохраняется некоторое время тогда, когда условия жизни народа изменяются. Это не значит, конечно, что этническая традиция вообще остается неизменной.

¹ См. «Сов. этнография», 1967, № 1, стр. 80—92.

² Там же, стр. 81.

Однако темпы ее изменений обычно отстают от темпов социально-экономического развития тех народов, которые ее в свое время выработали.

Значение для истории земледелия социально-экономических и экологических условий жизни разных народов, а также этнических традиций, развившихся в этих условиях, можно хорошо показать на материалах по агроэтнографии Юго-Восточной Азии. Рассмотрение этих материалов целесообразно начать с вопроса о сельскохозяйственных культурах.

Крупнейший советский исследователь в области биологии, генетики и агрономии Н. И. Вавилов среди пяти основных очагов происхождения культурных растений выделил очаг, включающий Юго-Восточную Азию, горный Китай, Японию, Непал и примыкающие районы³. Американский исследователь К. Сауэр высказал даже мнение о том, что наиболее древний очаг земледелия — в Юго-Восточной Азии⁴. Возможно, что в этом он неправ, но тот факт, что народы Юго-Восточной Азии в глубокой древности самостоятельно перешли к земледелию, не вызывает сомнений.

В специальной ботанической литературе широко распространено и достаточно обосновано мнение о том, что рисоводству в Юго-Восточной Азии предшествовало возделывание клубне- и корнеплодов. Богатый этнографический материал подтверждает эту точку зрения: примитивные посадки таро и ямса у собирателей, постепенно переходящих к земледелию, таких как семанги, отсутствие рисоводства у некоторых замкнутых земледельческих групп, почитание клубне- и корнеплодов у рисоводов как магических растений, обеспечивающих на поле произрастание риса, использование клубне- и корнеплодов в погребальных обрядах и т. п.⁵ Закономерна также та точка зрения, согласно которой первоначальное возделывание растений в Юго-Восточной Азии было освоено вегетационным, отростковым способом. На наш взгляд, это было связано с тем, что клубне- и корнеплодные растения сохранялись после пожаров. Вместе с этими растениями после пожара выживали и другие полезные человеку луковичные растения, прежде всего ирисовые (касатиковые). К ним относятся имбирь, шафран, ирис и кардамон. Эти растения, употребляемые как специи и лекарства, ассоциировались у ранних земледельцев с выращиванием основных пищевых культур и у ряда современных земледельческих народов также стали рассматриваться как магические растения. Наличие или отсутствие таких растений в земледельческой культуре того или иного народа может свидетельствовать о давности у него земледелия.

Большое значение в плане этногенетических проблем имеет тот факт, что рисоводство не было известно океаническим народам вплоть до современной эпохи⁶. Расселение предков микронезийцев и полинезийцев, которое шло, по последним данным, через Филиппины, относится к тому периоду, когда на Филиппинах культура риса еще отсутствовала. Она попала туда, по-видимому, только с позднеолитической миграцией, оставившей позднее на Филиппинах археологический комплекс Каланай (хронологически восходящий к 500 в. до н. э.)⁷.

³ Н. И. Вавилов, Центры происхождения культурных растений, «Труды по прикладной ботанике и селекции», т. XVI, 1926.

⁴ C. O. Sauer, *Agricultural origins and dispersals*, New York, 1952, стр. 25—26.

⁵ На основании ботанических и историко-культурных данных это мнение хорошо обосновано А. Кремером (A. Krämer, *Der Taro und die Nasskultur*, «Petermanns Mitteilungen», 74 Jahrg, 1928).

⁶ Известно лишь о занесении культуры риса в более отдаленные времена на Марианские острова в Микронезии.

⁷ W. Solheim II, *The archaeology of Central Philippines*, Manila, 1964, стр. 193—206.

Наряду с клубне- и корнеплодами на первом этапе земледелия в Юго-Восточной Азии культивировались, по-видимому, злаковые культуры, которые также предшествовали рису. Касаясь истории зерновых культур в Юго-Восточной Азии, Р. Гейне-Гельдерн в 1923 г. высказал предположение, что просо могло предшествовать рису⁸. Это мнение затем было подкреплено другими авторами. Действительно, чумиза (*Setaria italica*) выращивалась в одном из древнейших очагов земледелия Восточной Азии — области распространения культуры Яншао. В Юго-Восточной Азии у некоторых народов этот вид проса играет основную роль в земледелии, как, например, у чинов в Бирме. Широко распространены и другие просяные культуры — *Sorgum vulgare*, *Eleusine coracana* и др. Высказывается также мнение о глубокой древности в Юго-Восточной Азии другой зерновой культуры — «иевлевых слез» (*Coix lacryma Jobi*)⁹. Она культивируется у мяо, ламет, нага, даяков, тораджа, высевается вместе с рисом в Малайе; известна она также в Индии и Меланезии; как основная культура «иевлевых слезы» представлена у нескольких групп нага (чанг, имсангр и кало-кенью).

Археологические данные подтверждают распространение проса у неолитических рыболовецких народов Юго-Восточной Азии, изготовлявших специальный жатвенный нож из раковины. Он известен и по этнографическим материалам на Филиппинах и на архипелаге Рюкю. Генетически к нему восходят жатвенные кольца с о. Нияс и о. Калимантан¹⁰.

Сельскохозяйственные культуры не являются исходно чем-то этнически специфическим. Однако в силу конкретных исторических и природных условий, а также формирования пищевой традиции на определенной стадии социально-экономического развития, особенно в небольших изолированных группах, они могут стать этнически характерными. В Юго-Восточной Азии в зоне широкого распространения рисосеяния сохраняются некоторые этнические группы, издавна возделывающие в подходящих для риса условиях корне- и клубнеплоды. Например, таро и ямс до сих пор являются почти единственными культурами на островах Нияс, Ментавей и Энгано; таро — у коньяк-нага; таро или заменивший его батат преобладают у некоторых групп на Калимантане, у кхаси Ассама, ифугао Лусона, букиднонов Минданао; «иевлевые слезы» — у некоторых групп нага (кало-кенью) и т. д. Часто при наличии риса как основной культуры какой-либо земледельческий народ предпочитает высевать определенные второстепенные культуры, отказываясь от других. Так, например, апатани, живущие на крайнем северо-востоке Индии, которым известно просо *Setaria italica* и *Sorgum vulgare*, выращивают только *Eleusina coracana*, тогда как соседние дафла и мири выращивают первые два вида¹¹. Аналогичным образом просо у седангов во Вьетнаме стоит на втором месте после риса, а соседние банар до недавнего времени не сеяли проса из суеверного страха.

⁸ R. Heine-Geldern, Südostasien. In: G. Buschan, Illustrierte Völkerkunde, Bd. II, Stuttgart, 1923, стр. 805.

⁹ J. F. Dastur, Useful plants of India and Pakistan, Bombay, s. a. стр. 89; N. Adriani en A. Kruijt, De Bare's — spekende Toradia's van Midden — Celebes, v. II. Batavia, 1912, ch. XXIII; K. J. Pelzer, Pioneer settlement in the Asiatic Tropics, New York, 1945, стр. 8.

¹⁰ N. Kokubu, The prehistoric Southern Islands and East China Sea areas, «Asian Perspectives», v. VII, № 1—2, 1963, стр. 224—243. M. Colani, Origine et évolution du conteau de moissonneur, «Proceedings of the Third Congress of Prehistorians of the Far East», Singapore, 1938, passim.

¹¹ Ch. Füren-Haimendorf, The Apa Tanis and their neighbours, London, 1962, стр. 33.

Широкое распространение риса в Юго-Восточной Азии, по-видимому, началось не раньше середины II тыс. до н. э. Однако этот процесс был весьма длителен. У многих народов сохранились даже предания о заимствовании возделывания риса у соседей. Так, у ва в Бирме это связывается с походами Чжу Гэ-Ляна (III в. н. э.); у тиеггов в Южном Вьетнаме — рис стал выращиваться только в начале XIX в.

В науке нет еще единого мнения по поводу сравнительной древности поливного или суходольного риса. Некоторые исследователи даже считают, что для культуры риса свойственна достаточно большая приспособляемость к количеству влаги и что нет особой связи сортов риса с богарной или орошаемой почвой¹². Поэтому вряд ли правомерно столь определенно связывать эти разновидности риса с конкретными народами, как это часто делается зарубежными исследователями.

Большее историко-этнографическое значение имеет распространение клейких и неклеяких сортов риса среди различных народов. Исторически в Индокитае сложилось преимущественное возделывание клейких сортов риса у лао в Лаосе, Северном и Восточном Таиланде, а также у соседних тайских и мон-кхмерских народов (лу, ламет, кхму и др.). Собственно тай (кхонтаи), возделывающие обычный рис, в названии «лао» видят прежде всего специфику питания этого народа — клейкий рис.

Заслуживает внимания тот факт, что культивация пшеницы, занимающей большие площади в Индии, не распространилась в сходных климатических условиях в соседних странах Индокитая и всей Юго-Восточной Азии¹³.

У народов, сравнительно поздно переселившихся в Индокитай из более северных районов, заметную роль в хозяйстве играет гречиха. Это относится к тайским народам и мяо, к северным мару, лаши, лису, северным лаху¹⁴.

В более позднюю эпоху, на основе развития уже экономической специализации, для отдельных народов становится характерным производство особых товарных культур. Это можно сказать о палаунах в Бирме, специализировавшихся в последние 2—3 столетия на производстве чая, о народе тин с той же культурой в Таиланде, о некоторых группах мяо с их специализацией на возделывании опиумного мака, о багобо на Филиппинах, известных выращиванием абаки (*Musa textilis*).

Конечно, сельскохозяйственные культуры нельзя связывать исключительно с одним народом. Но можно сказать определенно, что, например, таро и ямс, первоначально domesticiрованные древнейшим населением Юго-Восточной Азии¹⁵, стали характерными для самых ранних волн аустрических (мон-кхмерских и малайско-полинезийских) народов.

В особенности же это касается той волны малайско-полинезийских (аустронезийских) народов, которая шла через Филиппины и не знала еще рисосеяния. У полинезийцев таро стало специфичной культурой, оно пронизало весь их быт, отразившись даже в мифологии. То же самое

¹² R. E. Leach, Some aspects of dry rice cultivation in North Burma and British Borneo, «The Advancement of Science», v. VI, № 21, 1949, стр. 27; J. Spencer, The migration of rice from Mainland South-East Asia into Indonesia. «Plants and the Migrations of Pacific peoples. A Symposium», Honolulu, 1963, стр. 83—89.

¹³ P. L. Pendleton, Thailand, New York, 1963, стр. 178.

¹⁴ H. E. Kauffmann, Landwirtschaft bei den Bergvölkern von Assam und Nord-Burma, «Zeitschrift für Ethnologie», 1934, № 1—3, passim.

¹⁵ Это население антропологически принадлежало к восточным (австралоидным) группам большой экваториальной расы и, по-видимому, говорило на языках, типологически сходных с папуасскими или североальмакхерскими. Н. Н. Чебоксаров, В. Р. Кабо, Первоначальное заселение и древнейшая этническая история, «Народы Юго-Восточной Азии», «Народы мира. Этнографические очерки», М., 1966, стр. 35.

произошло на о. Ниас, Ментаvei и Энгапо, для которых таро весьма характерно, и отличает их от соседних народов Индонезии.

Древнейшим австралоидным насельникам Юго-Восточной Азии принадлежит скорее всего и приоритет в доместикации различных плодовых деревьев (банана, кокосовой пальмы, манго, хлебного дерева и др.). Эти растения вряд ли были введены в культуру предками аустрических, дравидских, индо-арийских и китайско-тибетских народов, которые формировались в более северных районах.

Вместе с тем, весьма вероятно, что распространение в Юго-Восточной Азии просяных культур, сыгравших большую роль в яншаоском очаге земледелия, шло одновременно с расселением предков аустрических народов, частично и китайско-тибетских.

Для культуры риса знаменательно то, что первые волны аустронезийцев её не знали. Рис не был также характерен для древнего земледелия на севере Китая. То же самое относится и к Мохенджо-Даро — самому раннему очагу развитого земледелия в Индии. Следовательно, рис не был введен в культуру предками дравидов, индо-арийцами Индии и предками китайцев (ханьцев). Распространение культуры риса, которое произошло позднее, чем распространение культуры проса, было связано с расселением аустроазиатских (мунда и мон-кхмерских), а затем аустронезийских народов. Из китайско-тибетских народов очень рано культуру риса освоили южные тибето-бирманцы и тайские народы. Китайцы (ханьцы) заимствовали рис от автохтонных народов Южного Китая. Распространившись, рис стал характерен для большинства народов Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии. Современную культуру всех этих народов нельзя понять и осмыслить без изучения связанных с рисосеянием характерных навыков и особенностей быта.

Из всех разнообразных форм земледелия в Юго-Восточной Азии мы остановимся только на наиболее важных. Широкое распространение до сих пор имеет в данном регионе подсечно-огневое земледелие. Есть много оснований, чтобы видеть в этой системе наиболее древнюю форму земледелия в Юго-Восточной Азии. Для этой системы характерно то, что отсутствует первичная обработка земли непосредственно человеком. Освобождение земли от срубленной дикорастущей растительности, уничтожение сорняков, вредных насекомых и размягчение почвы производится огнем.

Топор и другие орудия рубки леса не являются специфично земледельческими орудиями и рассматриваться здесь не будут. С земледелием связан кол, до сих пор широко распространенный у народов Юго-Восточной Азии. Это очень древнее орудие, восходящее к собирательской палке-копалке. Традиция его применения была закреплена еще на стадии клубне- и корнеплодного земледелия и сохраняется у многих народов, практикующих подсечно-огневую систему, несмотря на то, что посадка с его помощью злаковых мало оправдана. Простота этого орудия не допускает больших вариаций. Однако даже в нем наблюдаются некоторые локальные различия, присущие отдельным народам. Так, например, для народа багобо весьма характерно укрепление на верхнем конце кола особых трещеток из двух половинок бамбука, декорированных перьями¹⁶. Звуки, издаваемые этими трещетками, ритмизируют процесс коллективного труда. У других народов Юго-Восточной Азии аналогичную роль выполняют барабаны.

¹⁶ F.-C. Cole, The wild tribes of the Davao district, Mindanao, «Field Museum of Natural History, Anthropological series», v. 12, Chicago, 1913, стр. 304.

Особое внимание нужно обратить на локальное применение при посадке одним сеятелем (мужчиной) сразу двух колов вместо одного. Этот способ в Индокитае зафиксирован только у стиенгов. В Индонезии он бытует на о-вах Серам и Сумба. Встречается он также в ограниченных районах на Новой Гвинее¹⁷. Некоторые способы сева могут быть характерными только для одного или нескольких народов. Так, в Индокитае у народа куи женщины, идя следом за мужчиной, делающим углубления, сеют рис через бамбуковую трубку; ближайшим соседям их, для которых характерна та же система земледелия, этот способ неизвестен. Гаро и некоторые группы нага (сема, ангами) заделывают семена с помощью граблей¹⁸. Количество подобных примеров можно было бы увеличить. Но и сказанного достаточно, чтобы сделать вывод о большом многообразии и этнической специфичности многих приемов ручного земледелия и связанных с ним орудий труда. Как и в других сферах хозяйственной деятельности, эта специфичность проявляется преимущественно в деталях устройства тех или иных орудий и в особых приемах труда.

На поздних стадиях подсечно-огневого земледелия для прополки начинают применять мотыги, которые также используются иногда для частичного рыхления почвы. Развивающийся в районах интенсивного выжигания процесс распространения травянистых саванн, особенно в Восточном Индокитае, на Филиппинах и в Восточной Индонезии, способствует тому, что на смену лесному земледелию приходит более интенсивная культивация постоянных земельных участков с помощью мотыги. Для Юго-Восточной Азии показательно, что процесс этот принял наиболее выраженные формы лишь в последние два столетия. При этом мотыги распространяются, естественно, железные. Мотыжное земледелие такого типа в Юго-Восточной Азии развито преимущественно в обезлесенных областях. Так, в последние десятилетия тяжелая мотыга попала к тоба-батакам от китайцев, работавших на голландских плантациях¹⁹.

Широкое распространение мотыги связано с применением железа. Старое представление о широком бытовании каменных мотыг нуждается в пересмотре. Каменные шлифованные орудия применялись главным образом при обработке дерева, а не при рыхлении почвы. Древнейшие мотыги, надо думать, были деревянными. До последнего времени орудия такого типа сохранились, например, у апатани, у которых они только в последние десятилетия были вытеснены железными мотыгами²⁰. Для этого народа очень характерно сочетание использования мотыг с развитым орошаемым земледелием.

Можно предполагать, что у некоторых народов Юго-Восточной Азии развитие ручного земледелия было связано не с применением мотыг, а с использованием в качестве бороздящих орудий сажальных колов или сучьев, а позднее железных прутьев, как это наблюдается у горнокхмерских народов Южного Вьетнама²¹.

¹⁷ H. Damm, *Form und Anwendung der Feldgeräte beim pfluglosen Anbau der Ozeanier*, «Ethnographisch-archäologische Forschungen», II, Berlin, 1945, стр. 50.

¹⁸ H. E. Kaufmann, Указ. раб., стр. 93.

¹⁹ B. J. Hagreis, *Ladangbouw*, «Tijdschrift der Vereeniging van Landbouwconsulenten in Nederlandsch-Indië», D. VI, 1930/31, стр. 67.

²⁰ Ch. Furger-Haimendorf, Указ. раб., стр. 33.

²¹ А. И. Мухлинов. Народы Вьетнама, «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966, стр. 159; H. N. Bartlett, *Fire, primitive agriculture, and grazing in the tropics*. In: «Man's role in changing the face of the Earth», Ed. by W. L. Thomas, Chicago, 1956, стр. 704.

Усовершенствование сажального кола привело, очевидно, к появлению различных типов заступообразных орудий с упором для ноги. Индонезия дает больше всего примеров применения орудий такого типа. Так, минангкабау обрабатывают свои подсечноогневые поля мотыгой и заступом. Рыхлящий кол с упором для ноги распространен в Восточной Индонезии²². Гораздо реже заступ встречается в Индокитае. Его используют наряду с мотыгой кхму в Лаосе²³. Очень ярким примером выработки специфического орудия этого типа может служить новозеландское кахеру, в высшей степени характерное для маори²⁴.

С усовершенствованием ручного земледелия связано также широко распространенное в Юго-Восточной Азии рыхление заливных полей путем «топтанья» их копытами прогоняемых буйволов. Этот способ подготовки поля известен у разных народов Индокитая (качинов, мнонгов, банар, у кхонтаи на Малакке), у ли о. Хайнань, во многих районах Индонезии (гайо, батаки, даяки-мурут), у калингов и бонтоков на Филиппинах и др. Есть все основания предполагать, что этот способ земледелия восходит к сельскохозяйственным традициям оседлых рыболовецких народов Юго-Восточной Азии. Определенной его чертой является ассоциация с возделыванием злаковых культур.

Пашенное земледелие имеет в Юго-Восточной Азии сравнительно позднее происхождение, относящееся к рубежу нашей эры. По-видимому, именно оно вызвало широкое распространение ирригационного рисосеяния. Если сам этот вид земледелия развился в Юго-Восточной Азии на месте заливного непашенного земледелия, создателями которого были оседлые рыболовецкие группы, относящиеся к автохтонному монкхмерскому и аустронезийскому населению, то пахотные орудия проникли в Юго-Восточную Азию, вероятнее всего, извне. В этой связи встает вопрос о двух очагах пашенного земледелия, которые могли оказать влияние на Юго-Восточную Азию — южноазиатского в долинах Инда и Ганга и восточноазиатского в бассейне Хуанхэ и прилегающих районах. Историко-этнографические данные показывают, что связанные с орошаемым рисоводством пахотные орудия большинства народов Индокитая и Индонезии по своим конструктивным особенностям и способу употребления очень сходны с легкими ралообразными плугами Индии и резко отличаются от тяжелых подошвенных плугов северной части Восточной Азии.

Хронологически более ранним было распространение в материковой части Юго-Восточной Азии пахотного орудия, называемого обычно в литературе плугом «индийского» типа, для которого характерна слабонаклонная прямая рассоха и накладной лемех, а также парная упряжка тягловых животных. Это орудие распространилось в близлежащих к Индии районах материковой Юго-Восточной Азии — в Бирме и в других местах Индокитая, испытавших древнее индийское влияние, а также в Индонезии. Плуг (точнее рало) так называемого «южнокитайского» типа возник лишь в ханьское время у некитайских народов современного Южного Китая, прежде всего у тайских и других народов южной части Восточной Азии.

Само появление плужного земледелия с применением крупного рогатого скота как тягла в Восточной и Юго-Восточной Азии, согласно хорошо обоснованной гипотезе Г. Коте, имело одной из предпосылок развитие специализированных ручных орудий, в первом районе — бо-

²² P. Leser, Bodenbaugeräte mit Stütztritt, «Ethnologica», Bd. III, 1927, стр. 285.

²³ H. Roux et Tran Van Chu, Les tsa khmu, «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient», t. 27, 1927, стр. 198.

²⁴ H. Damm, Указ. раб., стр. 65—68.

роздобрающего кола (Furchenstock), во втором — рыхлящего кола с упором для ноги (Trittgrabstock)²⁵. Появление тяглового плуга у народов Южного Китая и Юго-Восточной Азии следует связывать с доминирующим влиянием индийского очага земледелия, где, по-видимому, был одомашнен буйвол, который стал использоваться для обработки поливных рисовых полей. Миграции тайских народов, а также предков вьетов (вьетнамцев) из Юго-Восточного Китая²⁶, по-видимому, принесли в пределы Индокитаа плуг «южнокитайского» типа, который правильнее было бы назвать вьетнамско-тайским плугом. На основе резкого подъема производительных сил, вызванного пашенным земледелием, во Вьетнаме в середине III в. до н. э. возникло первое раннеклассовое государственное образование Аулак.

Следует иметь в виду, что возникновение пашенного земледелия в Юго-Восточной Азии имело предпосылки в виде распространения поливного риса, первоначальных ирригационных систем в долинном и террасном вариантах, разведения буйволов как основного тяглового скота и появление высокоразвитых ручных орудий обработки почвы. Пашенное орошаемое рисоводство, главным образом с буйволовой упряжью с течением веков превратилось в своеобразную земледельческую систему у большинства народов Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии и составляет характернейшую черту их быта. Но по происхождению эта система не является ни индо-арийской, ни китайской, а создавалась аустроазиатскими, тайскими, частично тибето-бирманскими и аустронезийскими народами.

В распространении в Юго-Восточной Азии орошаемого и плужного земледелия важную роль сыграли мон-кхмерские и тайские народы Юго-Западного Китая и Северного Индокитаа, которые расселялись поблизости от очагов доместикации риса и одомашнивания буйвола.

Как видим, изучение различных типов пахотных орудий может дать очень многое как для понимания связи экологии с технологией земледелия, так и для изучения этнической истории. В связи с этим можно привести слова Н. И. Вавилова: «Типы плугов резко отличны в разных странах и по ним можно отличать отдельные земледельческие культуры»²⁷.

Большой интерес для этнографии имеет история жатвенных орудий. В Юго-Восточной Азии широко распространены жатвенные ножи для уборки урожая зерновых, представляющие собой прямоугольные железные лезвия, вставленные в деревянную плоскую оправу, различной формы у разных народов. В Индокитае обычно эта оправа формой напоминает птицу, а у ман та пан на севере Вьетнама — летучую мышь. Лезвие иногда имеет полукруглую форму, как, например, у лава в Таиланде. У наиболее отсталых групп уборка зерновых (риса, проса) производилась до недавнего времени только руками, как, например, у ва в Бирме, биат и стиенгов в Камбодже и Южном Вьетнаме. Эти народы лишь в начале XX в. стали применять металлические серпы. Серп, широко распространившийся в последние столетия в Индокитае, заимствовался сразу теми

²⁵ Н. Kothe, Völkerkundliches zur Frage der neolithischen Anbauformen in Europa, «Ethnographisch-archäologische Forschungen», I, Berlin, 1953; его же, Einige Bemerkungen zur Agrarethnographie, там же, II, 1954.

²⁶ А. И. Мухлинов, Древние оу-ло (ау-лак) в Южном Китае и Северном Вьетнаме (К проблеме этногенеза вьетнамцев). КСИЭ, XXXV, М., 1960, стр. 75; P. Wheatley, Agricultural terracing. Discursive scholia on recent papers on agricultural terracing and on related matters pertaining to northern Indochina and neighbouring areas, «Pacific viewpoint», v. 6, № 2, 1965, стр. 127—132.

²⁷ Н. И. Вавилов, Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий, «Природа», 1936, № 2, стр. 81.

народами, которые издавна занимались ручным сбором урожая злаков, тогда как жатвенный нож часто сохраняется у тех, кто с глубокой древности пользовался этим орудием. Эта традиция получает мифологизированное объяснение, по которому рис (или душа риса) может испугаться вида серпа, как жатвенный нож скрыт в руке.

Использование серпа восходит к более древней традиции у народов Ассама и северного Индокитая. Для островного мира Юго-Восточной Азии серп мало характерен и там распространены жатвенные ножи с железным лезвием типа яванского ани-ани, местами — бамбуковые ножи (о-ва Нияс, Флорес, Сумба и Хальмахера), жатвенные кольца и раковины моллюсков.

Жатвенные ножи Юго-Восточной Азии восходят к неолитическим орудиям рыболовческо-собираТЕЛЬСКИХ народов и могут быть генетически связаны с хоабинскими и бакшонскими орудиями эпохи мезолита. Мысль о такой связи была высказана еще М. Колани²⁸.

Все эти соображения подкрепляют гипотезу о том, что наиболее ранние земледельцы Юго-Восточной Азии формировались среди относительно оседлых собирателей рыболовов типа насельников хоабинской и бакшонской культур. Есть все основания полагать, что наряду с клубне- и корнеплодами им было известно просо, для уборки которого применялись ножи из камня или раковины моллюска. Тем самым мы можем ответить на поставленный Г. Коте вопрос, с чем связано распространение жатвенного ножа — с просом или с рисом²⁹. По-видимому, жатвенные ножи появились у народов Юго-Восточной Азии еще до широкого распространения культуры риса и связаны скорее всего с просянными культурами.

Подведем итоги. Как показывает материал по агроэтнографии Юго-Восточной Азии, особенности земледельческой культуры разных народов складываются в определенных исторических условиях и детерминируются прежде всего социально-экономическим развитием и природной средой. Однако эти особенности закрепляются традицией и становятся характерными для отдельных народов на длительный период, постепенно исчезая с появлением у них современного машинного земледелия.

SUMMARY

The authors share some general ideas of G. Gromov and Ju. Novikov («Sov. ethnografia», 1967, № 1), but they cannot accept their neglect of ethnic peculiarities in agricultural technics. Any part of culture having an ethnic peculiarity is at the same time determined by socio-economic and environmental conditions. But once established, the technics of agriculture, set of crops etc. tend to be ethnically fixed for a long period of time. This can be proved by materials on agroethnography of South-Eastern Asia.

²⁸ М. Colani, Указ. раб., стр. 196.

²⁹ H. Kothé, Das Hirsemesser im Furchenstockbau, Opuscula ethnologica memoriae Ludovici Birá Sacra, Budapest, 1959, стр. 340.

А. А. Формозов

О НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ ЭПОХИ КАМНЯ И БРОНЗЫ В ПРИБАЙКАЛЬЕ И НА ЕНИСЕЕ

Среди наскальных изображений, открытых на территории СССР, наибольшей известностью пользуются, пожалуй, сибирские. Они попали в поле зрения русских путешественников раньше, чем карельские, казахские или среднеазиатские, уже в XVII столетии. Большое внимание писаницам Сибири уделили академические экспедиции XVIII в. В изучение енисейских писаниц много сил вложили И. Аспелин, И. Т. Савенков, А. В. Адрианов¹. Наконец, в 1950-х—1960-х годах появились первые подробные публикации гравировок и росписей на скалах Сибири с альбомами прорисовок и фотографий и анализом сюжетов, стиля и хронологии произведений древнего искусства. Серию таких публикаций выпустил А. П. Окладников. В двух книгах он охарактеризовал писаницы так называемой Шишкинской шаманки в верховьях р. Лены² и в одном фундаментальном томе — ряд местонахождений на Ангаре³. Яркой написанная популярная книга А. П. Окладникова «Олень золотые рога» познакомила с петроглифами Сибири самую широкую аудиторию.

Материал, введенный А. П. Окладниковым в научный оборот, обильный и исключительно интересен. Надо отдать должное исследователю, зафиксировавшему сотни древних рисунков и открывшему для археологов и искусствоведов целые забытые области творчества. Очень ценен и ряд наблюдений А. П. Окладникова. Но нельзя забывать, что изучение сибирских писаниц лишь начинается. Предстоят новые открытия и новые попытки осмысления уже опубликованного материала.

Вчитываясь в книги А. П. Окладникова, невольно замечаешь, что его хронологическая схема основана почти всегда на косвенных соображениях, а нередко и на одной интуиции. Если в Карелии и на Урале, в Азербайджане и Дагестане, в Крыму и Приазовье рядом с петроглифами обнаружены стоянки того же времени, иногда даже перекрывающие рисунки, то в Сибири мы знаем только одно жертвенное место близ скалы Суруктаах-хая, росписи которой полностью не изданы. Если в Азербайджане неоднократно отмечалось перекрывание гравировок одного стиля гравировками другого, то в Сибири зафиксировано лишь несколько взаимоперекрывающих рисунков, относящихся притом к одной, по А. П. Окладникову, хронологической группе. В результате гравировки Азербайджана можно разбить на хронологические пласты с достаточной

¹ И. Т. Савенков, О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее, «Труды XIV археологического съезда», т. I, М., 1910; H. Appelgren-Kivallio, Alt-Altische Kunstdenkmäler, Helsinki, 1931.

² А. П. Окладников, Шишкинские писаницы, Иркутск, 1959 (далее цитируется: «Шишкинские писаницы»); А. П. Окладников и В. Д. Запорожская, Ленские писаницы, М.—Л., 1959 (далее цитируется: «Ленские писаницы»).

³ А. П. Окладников, Петроглифы Ангары, М.—Л., 1966 (далее цитируется: «Петроглифы Ангары»).

⁴ А. П. Окладников, Олень золотые рога, М.—Л., 1964.

уверенностью⁵, тогда как для сибирских писаниц такое распределение дается зачастую на весьма шатких основаниях.

К датировке наскальных изображений Сибири А. П. Окладников подходил путем сопоставления с петроглифами других, в том числе и очень отдаленных районов (ориньякские росписи Франции и Испании, гравировки на скалах Норвегии и Швеции), и с произведениями искусства малых форм из стоянок и могильников, тоже подчас не слишком близких к Прибайкалью (Лука Врублевская на Днестре, Пярну в Эстонии, Нальчикский и Оленеостровский могильники).

Недостаточная аргументация хронологической схемы, предложенной для петроглифов Лены и Ангары А. П. Окладниковым, обусловлена в первую очередь состоянием наших источников. Серьезное исследование археологии Сибири, особенно Восточной, началось по сути дела на памяти нашего поколения. Упрекать А. П. Окладникова можно не за скудость аргументации, а за то, что он старается эту скудость не замечать. Схема, опубликованная впервые в книге о Шишкинских петроглифах и обоснованная отнюдь не во всех частях, при публикации наскальных рисунков Ангары служила уже в качестве твердой основы. Другие исследователи, изучавшие писаницы на притоке Ангары — р. Оке или на р. Томи, ссылались на положения А. П. Окладникова как на аксиому⁶.

Такой метод работы с крайне сложными источниками мало плодотворен. Целесообразнее попытаться найти в сибирском материале пусть немногие, но действительно опорные точки, признавая в других случаях, что данных для датировки у нас нет, и не прибегая к догадкам и гипотезам, сколь бы заманчивы они ни были.

А. П. Окладников выделил в Сибири ряд областей со своеобразным обликом наскальных изображений. Это Забайкалье с красочными рисунками — людей, птиц и прямоугольников с точечным заполнением; Приамурье — с гравированными личинками, покрытыми татуировкой; Центральная Азия — с выбитыми точечной техникой силуэтами горных козлов и таежная зона с изображениями лосей⁷. Такую классификацию можно признать правильной. Нужно лишь сделать уточнение в отношении таежной зоны. Если принять за основной признак этой группы изображения лосей, придется включить в ту же зону не только Сибирь, но и Урал и Карелию. Сходство между рисунками на скалах в этих областях действительно есть, однако нет сомнений, что Карелия, Урал и Сибирь представляли собой самостоятельные очаги развития искусства. Видимо, надо взять за основу какие-то другие критерии. Важно, что изображения Карелии, выбитые точечными ударами, почти всегда силуэтны. На Урале рисунки на скалы неизменно наносили красной краской. В Сибири рисунки чаще всего контурные и главным образом гравированные, хотя тут же встречается немало росписных, прошлифованных и выбитых изображений. Рядом со схематическими статичными фигурами лосей, сходными с карельскими и уральскими, мы найдем здесь и гораздо более реалистичные — выгравированы все четыре ноги, обозначен глаз, хорошо передано движение животного. Помимо сюжетов, общих всей лесной зоне, в Сибири мы сталкиваемся с некоторыми специфиче-

⁵ И. М. Джафарзаде, Наскальные изображения Кобыстана, «Труды Ин-та истории АН АзербССР», т. XIII, Баку, 1958, стр. 20—74; А. А. Formozov, The petroglyphs of Kobystan and their chronology, «Rivista di scienze preistoriche», vol. XVIII, fasc. 1—4, Firenze, 1963, стр. 91—114.

⁶ М. Р. Полесских, Завальские писаницы, «Сов. археология» (далее: СА), XXVI, 1955, стр. 277—290; А. Мартынов, Лодки — в страну предков, Кемерово, 1966, стр. 8—10.

⁷ «Петроглифы Ангары», стр. 3—4.

скими образами. Это — человеческие личины в трехрогих головных уборах, хорюды из маленьких человечков, фантастические хищники.

Рисунки того же типа свойственны не только таежной полосе. На более полно изданные петроглифы Ангары и Шишкина находят точные соответствия в наскальных изображениях Минусинской котловины, особенно в Шалаболинских и Оглахтинских. В Шалаболине представлены такие же, как и на Каменных островах, гравированные контурные изображения лосей и рыб, такие же силуэтные гравированные и красочные изображения лодок с пловцами, такие же ажурные изображения «скелетного стиля» (контур тела животного покрыт поперечной штриховкой как бы обозначающей ребра), такие же обособленные изображения лосиных голов в профиль, такая же фигура лыжника, такие же фигуры лосей, выгравированные, а затем покрашенные. Пара лосей так же показана с повернутыми назад головами, у других — голова как бы отсечена поперечной линией, у третьих — обозначено сердце⁸. Много общего с наскальными рисунками Ангары и у Оглахтинской писаницы — фигуры лосей, лодки, изображение рыбы, «скелетный стиль». Отдельные аналогии отмечаются также в Трифионовской писанице, в писанице «Кулаки» близ села Щель-Тесь и Потрошиловской⁹.

Таким образом, Минусинская котловина — степной район, окруженный горами, — входит в ту же зону первобытного искусства, что и Ангара и верхняя Лена. Дело, следовательно, не в ландшафте, а в какой-то общей культурной подоснове, скорее всего этнической. Это очень важно, ибо на Енисее в последние годы сделаны находки, позволяющие датировать большую группу изображений, и с давних пор известны гравировки на стелах и надмогильных камнях точно датированных культур бронзового и железного века. Наскальные изображения в междуречье верхнего Енисея и Ангары — на р. Ие и на р. Оке содержат главным образом изображения лосей, сходные с рисунками и Шалаболина, и Каменных островов¹⁰. К той же группе принадлежит и лежащая к западу от Енисея писаница у деревни Писаной на р. Томи. Здесь мы снова видим выгравированные фигуры лосей в «скелетном стиле», иногда с головой, отсеченной поперечной чертой, лодку и лыжника¹¹.

Напротив, петроглифы средней Лены отличаются и от верхнеленских и Шишкинских, и еще больше от ангарских. Это почти всегда росписи, а не гравировки. Г. В. Ксенофонов, обследовавший писаницы в районе Якутска, нашел девять пунктов с росписями и только один с гравировками¹². Не одинаковы и сюжеты. Среди изображений больше всего маленьких схематических фигурок людей и строчек знаков, напоминающих какое-то письмо. К этой-то группе и относится Суруктаах-хая¹³. Сходство с ангарскими и енисейскими писаницами обнаруживается только в изображениях лосей и в «скелетном стиле», но он был распро-

⁸ К. В. Вяткина, Шалаболинские (Тесинские) наскальные изображения, «Сборник МАЭ», т. XII, 1949, стр. 417—478; И. Т. Савенков, Указ. раб., табл. II—IV. Автор осматривал Шалаболинские писаницы в 1966 г. Тогда же были осмотрены Шишкинские скалы и камни с гравировками, выпиленные из затопленных Каменных островов (хранятся в Иркутской картинной галерее).

⁹ И. Т. Савенков, Указ. раб., табл. II, V—IX; Н. Appelgren-Kivalo, Указ. раб., рис. 139, 140.

¹⁰ Г. В. Чарушин и В. Д. Войлошников, Новые наскальные рисунки в Прибайкалье, СА, 1958, № 2, стр. 190—193; М. Р. Полесских, Указ. раб.

¹¹ А. Мартынов, Указ. раб.

¹² Г. В. Ксенофонов, Изображения на скалах р. Лены в пределах Якутского округа, Верхнеудинск, 1927. Ср. Н. Н. Грибановский, Сведения о писаницах Якутии, СА, VIII, 1946, стр. 281—284.

¹³ А. П. Окладников, Якутия до присоединения к Русскому государству, М.—Л., 1955, рис. 29, 30, 54, 58.

странен не только в Сибири, а и на Урале и в Средней Азии, так что специфически таежным считаться не может.

Отличия среднеленских писаниц от ангарских и особенно от верхнеленской Шишкинской шаманки не стоит преувеличивать, но все же это какой-то другой регион с другим стилем рисунков, другими приемами их нанесения на скалы и другим кругом сюжетов. Обособленность среднеленской области писаниц от верхнеленской для эпохи бронзы и железа А. П. Окладников частично признавал¹⁴. Мимоходом упомянул он и о сходстве Шалаболинских петроглифов с Шишкинскими¹⁵. Тем не менее в последней его монографии все ленские и ангарские памятники объединены в одну группу, а Енисей вообще не назван.

Хронологическая схема А. П. Окладникова выглядит следующим образом. Древнейшими являются профильные фигуры животных. Три крупных рисунка в Шишкине — бык и две лошади — могут быть отнесены к палеолиту, некоторые тоже большие изображения Шишкина, II Каменного острова, Бали Озерной и Сви́рска на Ангаре — к мезолиту, основная же масса менее крупных изображений лосей — к неолиту. Другую значительную группу составляют схематические силуэты лодок с пловцами, личины, цепочки из маленьких человеческих фигурок, взявшихся за руки. Это — рисунки эпохи бронзы. Наконец, третий пласт, образующий основной фон в Шишкине — гравировки тюрок-курыкан: всадники со знаменами, сцены конной охоты.

В общем плане схема кажется убедительной. Действительно, для первобытного искусства закономерно, что вначале изображений человека почти нет (палеолитическая живопись Франции), и в большом числе они появляются только в эпоху бронзы. Правильно в целом и то, что на протяжении веков фигуры петроглифов уменьшаются и становятся все схематичнее. Это хорошо видно, например, в Кобыстане. Однако более детальный разбор убеждает нас в том, что дело не так просто. Ведь тут мы встречаемся не с одним постепенно развивающимся стилем искусства, а с памятниками разных этнических групп: по крайней мере, двух — таежных охотников и пришедших с юга скотоводов-курыкан. Эволюция искусства у этих племен могла идти совершенно особыми путями.

Обращаясь к самим материалам, мы увидим, что хорошую датировку имеют только изображения всадников. При раскопках курыканского городища Манхай на р. Куде найдено несколько десятков плит, выломанных из соседней скалы с петроглифами и использованных для облицовки вала городища. На плитах чаще всего вырезаны фигуры всадников. Тем самым устанавливается, что данный вид изображений старше VI в. Реалии, показанные на рисунках, говорят о том, что петроглифы должны относиться к середине I тысячелетия н. э.¹⁶. Писаниц этого типа много и на Лене в районе Верхоленска и Жигалова, и в Прибайкалье.

Открытие тюркских петроглифов Лены — большая заслуга А. П. Окладникова, но это открытие ставит под сомнение его же хронологическую схему. Оказывается, в I тысячелетии н. э. искусство наскальных изображений не выродилось. Среди гравировок Шишкина много живых фигур лошадей и, что самое главное, лосей, на которых охотятся всадники. Следовательно, лосей изображали на скалах не только в неолите, но и тысячи лет спустя. Сравнивая шишкинские силуэты лосей, отнесенные

¹⁴ А. П. Окладников, Якутия до присоединения к Русскому государству, стр. 161.

¹⁵ «Шишкинские писаницы», стр. 94; «Ленские писаницы», стр. 102, 103.

¹⁶ «Ленские писаницы», рис. 43—45.

А. П. Окладниковым к неолиту и к курыканскому времени, мы не увидим по сути дела никакой разницы. И там, и тут рисунки выбиты или прошлифованы, близки их размеры, сходна трактовка рогов, ног и т. д. (рис. 1) ¹⁷.

В искусстве железного века Сибири мы знаем и другие изображения лосей. Превосходные скульптуры лосей найдены в погребениях скифской

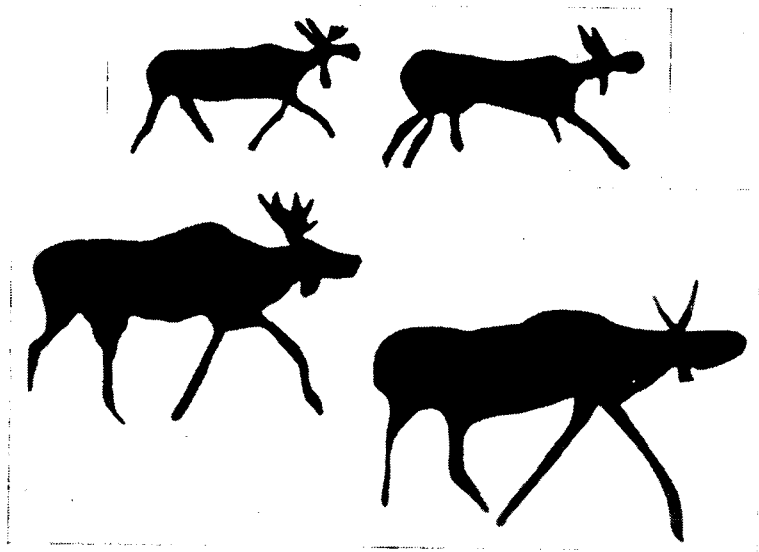

Рис. 1. Изображения лосей на Шишкинских скалах, датированные А. П. Окладниковым эпохой неолита (внизу) и курыканским временем (вверху)

эпохи на Алтае, причем это вполне реалистические фигурки, не имеющие специфических особенностей скифского звериного стиля ¹⁸. Поэтому ни в коей мере нельзя считать исключенным, что силуэты лосей наносили на скалы на протяжении всего железного века. В обоснование своей датировки А. П. Окладников ссылался на скульптуры лосей из кости в неолитическом погребении у Базаихи на Енисее и на костяную головку лося в неолитическом же могильнике Усть-Уда в Прибайкалье. В этих фигурках он видел прямую параллель изображениям шагающих лосей и обособленных лосиных голов на скалах Ангара и Лены ¹⁹. Однако костяная фигура лося найдена и на стоянке Еловка под Томском, датирующейся бронзовым карасукским ножом ²⁰, а украшения для узды в виде лосиных голов есть в Туэктинском кургане.

Зоолог В. Н. Скалон и археолог П. П. Хороших опубликовали статью об изображениях домашних лосей на скалах Сибири. Не все изданные ими рисунки убедительны, но в ряде случаев, например, на писанице из Воробьева на Лене (ее А. П. Окладников включал в число неолитиче-

¹⁷ Ср., например, «неолитические рисунки» № 632, 858, 927 и курыканские № 565, 607, 660 в «Ленских писаницах».

¹⁸ С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время, М.—Л., 1960, рис. 24, 130.

¹⁹ «Петроглифы Ангара», стр. 128.

²⁰ В. И. Матющенко, М. Г. Игольникова, Поселение Еловка, «Сибирский Археологический сборник», 2, Новосибирск, 1966, рис. 1, 6.

ских)²¹, на морде лосей явно показан повод²². Даже если предположить, что изображены не реальные одомашненные лоси, а мифические персонажи, все равно возникновение легенды о домашнем запряженном лосе может относиться только к эпохе скотоводства, т. е. для Лены к веку железа.

Смущает и хронологический разрыв в схеме А. П. Окладникова между бронзовым веком и эпохой курыкан. На Ангаре, например, писаниц периода железа, по А. П. Окладникову, почти нет. В свое время А. П. Окладников относил к этой эпохе изображения лосей в «скелетном стиле» и личины с трехрогим головным убором²³. После того, как раскопки в Минусинской котловине выявили целый пласт гравировок II тысячелетия до н. э., содержащих такие личины и контурные рисунки быков, застрихованные в клетку или поперечными полосами, стало ясно, что и «скелетный стиль», и личины свойственны уже развитому бронзовому веку²⁴. Учитывая это, в книге «Петроглифы Ангары» А. П. Окладников зачислил все изображения лосей «скелетного стиля» в неолитическую группу, а личины отнес к эпохе бронзы.

Почти полное отсутствие петроглифов железного века на Ангаре удивительно. На Енисее именно в тагарское и таштыкское время создано подавляющее большинство писаниц. Дата их хорошо определяется по изображениям бронзовых котлов. К этой же эпохе принято относить основную массу наскальных рисунков Средней Азии. Непрерывную линию развития петроглифов прослеживал А. П. Окладников и на Лене. Почему же наступил перерыв в традиции наскальных изображений на Ангаре, если нигде такого перерыва не наблюдается? Логичнее было бы предполагать, что традиция, восходящая к каменному веку, ко временам охотничьего быта прерывается в земледельческих и скотоводческих районах и сохраняется в более глухих таежных областях, где производящее хозяйство еще не укрепилось. Если мы обратимся к другим северным районам — например к Карелии, мы увидим, что здесь во II тысячелетии до н. э. создавались одновременно изображения и лосей, и людей, и лодок. Более того: на скале Залавруга крупные фигуры лосей перекрывают маленькие силуэты лодок²⁵. То же и на Енисее. В устье р. Сосновки Джойской А. Н. Липский обнаружил небольшой скальный навес с красочными рисунками. Это — лось, бык, лодка с пловцами, пляшущий человек. Вряд ли эти четыре рисунка разновременны²⁶. Сомнительно, чтобы в Прибайкалье дело обстояло иначе, и период, когда на скалах изображали лосей, закончился к тому времени, когда начали рисовать людей и лодки.

То, что это не так, показывает зафиксированный, но неоцененный А. П. Окладниковым случай перекрывания фигурой лося цепочки маленьких человечков на петроглифах II Каменного острова. Ряд силуэтных фигурок, взявшихся за руки, нанесенный на скалу красной краской, пересечен линией гравировки, оконтуривающей тело животного²⁷. Значит, в ту пору, когда частым сюжетом росписей стали хороводы, и

²¹ «Шишкинские писаницы», стр. 57.

²² В. Н. Скалон и П. П. Хороших, Домашние лоси на наскальных рисунках Сибири, «Зоологический журнал», 1958, № 3, стр. 441—446.

²³ А. П. Окладников, Якутия до присоединения к Русскому государству, рис. 52, 54, 55, стр. 163—167; «Шишкинские писаницы», стр. 90—93, 102—106.

²⁴ Э. Б. Вадецкая, О каменных стелах эпохи бронзы в Хакасско-Минусинской котловине, СА, 1965, № 4, стр. 211—219.

²⁵ В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Белого моря, М.—Л., 1938, табл. 2, 5, 9, 16 и т. д.

²⁶ А. Н. Липский, Наскальные росписи (охрой) в Саянах на Енисее, Архив ИА АН СССР, р-1, № 2553.

²⁷ «Петроглифы Ангары», стр. 62, табл. 85, 1.

даже после этого, на тех же утесах выбивали и фигуры лосей. Итак, первый пласт наскальных изображений, содержащий профильные фигуры лосей и других животных, нет оснований связывать только с эпохой камня. Подобные рисунки создавались в Сибири, видимо, очень долго.

Рассмотрим последовательно изображения, отнесенные А. П. Окладниковым к разным хронологическим этапам. Древнейшими памятниками наскальной живописи в Сибири он считает три рисунка на Шишкинских скалах. Две фигуры лошадей, нарисованные на одном скальном панно, и расположенная в стороне от них среди других, по А. П. Окладникову, более поздних рисунков фигура быка якобы относится к верхнему палеолиту. Аргументируется это тремя соображениями: 1) дикie быки и лошади вымерли в конце палеолита и не дожили до неолитического времени, 2) фигуры лошадей и быка больше всех других шишкинских рисунков по размеру, 3) стиль этих изображений сходен со стилем палеолитических гравировок и росписей Франции и Испании.

Ни один аргумент нельзя признать убедительным. Кости дикой лошади найдены при раскопках А. П. Окладникова на поселении Куллаты в Якутии, датированном им III — началом II тысячелетия до н. э.²⁸ Зоолог В. Е. Гарутт, описавший фауну стоянки, отмечает, что лошадь «приспособилась к обитанию в лесах» и дожила на Лене до очень позднего времени²⁹. О том, что домашняя якутская лошадь — потомок местной дикой формы, говорит и А. П. Окладников³⁰. Кости быка также встречены А. П. Окладниковым при раскопках стоянки на р. Малый Мунку. Дата ее примерно та же, что и у Куллаты. Предполагается, что это домашний бык, а появление его в Якутии объясняется соседством с Монголией³¹. Но Шишкино на Верхней Лене гораздо ближе к Монголии, чем Малая Муну в районе Олекминска. Ничем не доказано, что бык, изображенный в Шишкине, дикий, а не домашний.

При раскопках могильника окуневской культуры Черновая VIII на Енисее обнаружены плиты с гравировками, использованные в конструкции погребальных сооружений. Анализ гравировок приводит к выводу, что они связаны с той же окуневской культурой. Среди изображений на плитах — 13 фигур быков³². Быки выгравированы и на некоторых других памятниках окуневского времени (Знаменка, Улус Кызласова, Красный камень)³³. Вероятно, окуневскими являются и изображения быков в Шалаболине³⁴. Упряжка быков, показанная на стелах Знаменки и Красного камня, и комолость некоторых быков Черновой VIII позволяют утверждать, что быки домашние. Изображения быков известны и на тагарских писаницах Енисея (Большая Боярская)³⁵, и на скалах Средней Азии и Казахстана³⁶. Стилистически многие из названных ри-

²⁸ А. П. Окладников, Якутия до присоединения к Русскому государству, стр. 79.

²⁹ В. Е. Гарутт, Фауна неолитической стоянки Куллаты. В кн.: А. П. Окладников, Ленские древности, т. III, М. — Л. 1950, стр. 181.

³⁰ «Шишкинские писаницы», стр. 27—29.

³¹ «Шишкинские писаницы», стр. 33; А. П. Окладников, Якутия до присоединения к Русскому государству, стр. 79, 84.

³² Э. Б. Вадецкая, Указ. раб., рис. 5.

³³ М. П. Грязнов, Писаница эпохи бронзы из дер. Знаменка, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры» (далее КСИИМК), 80, 1960, рис. 20; А. Спицын, Археологический альбом, «Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества», XI, СПб., 1915, рис. 17; Н. Аррелгтеп-Kivälo, Указ. раб., рис. 130—131, 145.

³⁴ К. В. Вяткина, Указ. раб., стр. 435; М. П. Грязнов, Указ. раб., стр. 88, 89.

³⁵ М. А. Дзвлет, Большая Боярская писаница, СА, 1965, № 3, рис. 3—6.

³⁶ А. А. Формозов, О наскальных изображениях Зараут-камара, СА, 1966, № 4, стр. 23.

сунков аналогичны фигуре быка из Шишкина. Наиболее вероятно, что и здесь запечатлен домашний бык и этот рисунок относится к веку металла.

Показательно, что изображение быка находится рядом с петроглифами, большую часть которых А. П. Окладников датирует бронзовым веком. Они тоже выполнены красной краской, а некоторые близки к фигуре быка и по размерам (два — № 550 и № 608 — даже крупнее ее). Скорее всего это части единого панно эпохи металла³⁷.

На скалах Бали Сухой на Ангаре изображен лучник, стреляющий в зверя, больше всего похожего на быка (А. П. Окладников называет его, правда, лосем)³⁸. Если это действительно бык, его надо признать диким. И все же этот рисунок говорит против схемы А. П. Окладникова. Ведь сам он датирует писаницы со сценами охоты неолитическим временем.

Не убеждает и стилистический анализ. Многие особенности первобытного искусства живут чрезвычайно долго. В. И. Равдоникас находил все черты, свойственные ориньякским гравировкам, в петроглифах Карелии, бесспорно датирующихся II тысячелетием до н. э.³⁹ Чтобы доказать тождество шишкинских изображений палеолитическим, А. П. Окладников сделал специальные подборки рисунков быков и лошадей. Но если поместить шишкинского быка среди фигур, выгравированных на скалах в бронзовом или железном веке, то и здесь мы увидим полное тождество (рис. 2). Впрочем, от более детального сопоставления западноевропейских палеолитических и шишкинских рисунков А. П. Окладников уклонился. Между тем, нигде в искусстве палеолита мы не найдем такой трактовки копыт, как у малой лошади Шишкина.

А. П. Окладников пишет о нескольких фигурах лосей в Шишкине: «...по степени сохранности, размеру, способу выполнения — широкими контурными полосами красной охры — и в особенности по стилистическим признакам они очень близки к палеолитическим изображениям»⁴⁰. Иными словами, перед нами одна стилистическая группа, искусственно разрезанная на части только потому, что лошадь и бык якобы вымерли до начала неолита, а лось не вымер.

Наконец, последний аргумент — большие размеры рисунков. Это верно только по отношению к первой фигуре лошади. Она действительно уникальна. Длина ее — 2,8 м. Длина второй фигуры лошади — 1,2 м, а фигуры быка — 1,1 м. Изображений такого размера немало и среди рисунков, созданных, по А. П. Окладникову, в позднейшие эпохи. Таковы красочные же фигуры лосей в Шишкине № 16 — 1,25 м в длину и № 550 — 1,9 м. Последнее изображение, хотя и названо А. П. Окладниковым неолитическим, производит впечатление более позднего. Оно не только выполнено в «скелетном стиле», но и имеет на бедре Г-образный завиток. Эта деталь напоминает спирали на бедрах зверей, выгравированных на угловых камнях тагарских курганов на Енисее⁴¹. Велики размеры и у фигуры человека № 636 — высота ее — 1,5 м. Длина одной го-

³⁷ «Ленские писаницы», стр. 48—59.

³⁸ «Петроглифы Ангары», табл. 144, 1.

³⁹ В. И. Равдоникас, Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря, СА, III, 1937, стр. 6.

⁴⁰ «Шишкинские писаницы», стр. 47.

⁴¹ Н. Appelgren-Kivalo, Указ. раб., рис. 238, 266, 279; С. В. Киселев, Значение техники и приемов изображения некоторых Енисейских писаниц, «Труды секции археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук», V, М., 1930, рис. 4; Коллекции Хакасского краеведческого музея (Абакан) и Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартынова.

ловы лося № 707 — 90 см, т. е. полное изображение было бы больше 2 м. Фигура дракона в Шишкине № 608, отнесенная к бронзовому веку, имеет в длину 1,3 м, т. е. больше расположенной на том же фризе и выполненной в той же технике фигуры быка ⁴². Весьма внушительны и размеры

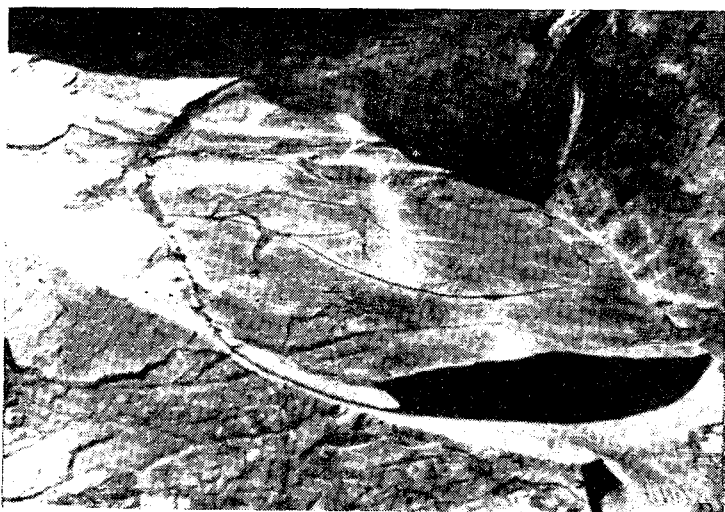
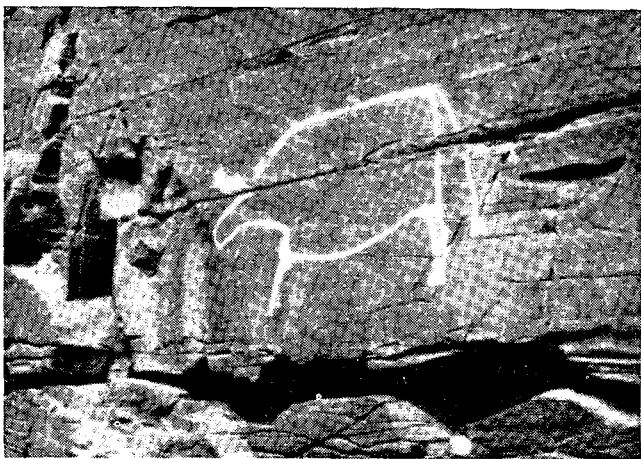

Рис. 2. Изображения быков на скалах в Шишкине (сверху) и Шалаболине (внизу)

некоторых ангарских петроглифов. Выгравированные фигуры лосей достигают длины 1,15 м на II Каменном острове, 1,2 м — на Бале Сухой, 1,5 м — на Кадинском пороге. Длина красочной фигуры лося на Бале Озерной — 1,12 м ⁴³. Таким образом, не подтверждается и это соображение А. П. Окладникова. К тому же использование данных о размерах наскальных рисунков для определения их возраста, если и возможно

⁴² «Ленские писаницы», табл. I, XX, XXI, XXVI, XXVII, XXXII, XXXVI—XXXVIII.

⁴³ «Петроглифы Ангары», табл. 58, 130, 142, 157.

вообще, то лишь с множеством оговорок. На Залавруге, как уже отмечалось, рисунки позднего пласта крупнее, чем ранние.

Итак, аргументация А. П. Окладникова не убедительна. К этому надо прибавить еще ряд возражений. Все палеолитические рисунки Европы, все древнейшие памятники искусства на территории СССР связаны с пещерами. У нас — это Мгвимеви, Капова пещера, ранние гравировки Кобыстана и Каменной могилы, грот Шахты и Зараут-камар. Рисунки Шишкина сделаны на открытой отвесной скале. Топография этих изображений такая же, как и у десятков заведомо поздних петроглифов Сибири, Средней и Центральной Азии.

Шишкинские скалы интенсивно разрушаются: когда, карабкаясь по ним, хватаешься за какой-нибудь уступ камня, чаще всего он обламывается у тебя в руках. Крайне мало вероятно, что палеолитические рисунки могли сохраниться на открытой и быстро разрушающейся скале до нашего времени.

Как правило, археологические культуры, для которых характерны наскальные изображения, дают и богатую мелкую пластику, гравюру на кости и т. д. (палеолит Западной Европы, пережиточный неолит Карелии и Урала). Ни скульптур, ни гравировок на кости не встречено при раскопках и самих ленских палеолитических стоянок, и стоянок того же типа в смежных районах Сибири. Первые скульптуры появляются тут даже не на ранних этапах неолита, а только в серовское время⁴⁴.

Как видим, палеолитическая датировка трех шишкинских рисунков вызывает серьезные возражения. Еще менее убедительно выделение мезолитических петроглифов в Шишкине и на Ангаре. Здесь доказательством служила лишь близость к «палеолитическим» шишкинским⁴⁵.

Вторую группу наскальных изображений Сибири А. П. Окладников считает неолитической и относит к ней почти все фигуры лосей. Аргументация этого тезиса несколько сильнее: статуэтки лосей из кости, найденные в могилах Базаихи на Енисее, острова Жилого на Ангаре и Устьуды в Прибайкалье, неолитические изделия в нижнем слое жертвенного места у Ленской скалы Суруктаах-хая, на которой нарисованы лоси. Этими аргументами нельзя пренебречь, хотя мы приводили и гораздо более поздние изображения лосей в Сибири и отметили обособленность росписей Суруктаах-хая от ангаро-енисейской группы писаниц. Все же, поскольку в неолитических погребениях Енисея и Прибайкалья есть статуэтки лосей, мы вправе предполагать, что тех же животных в ту пору рисовали и на скалах. Из этого не следует, что все изображения лосей — неолитические и что другие сюжеты художников тогда не интересовали.

Открытие гравировок на плитах погребальных каменных ящиков могильника Черновая VIII заставляет по-новому взглянуть на писаницы Сибири. Сюжеты и стилистические особенности гравировок Черновой повторяются на петроглифах Ангары. На одной из плит Черновой вырезана фигура лося. Ряд контурных изображений быков оттуда же разделен поперечной чертой, как бы отсекающей голову животного. Эта деталь отмечена на Трифоновских и Шалаболинских наскальных изображениях Енисея⁴⁶, на Томской писанице⁴⁷ и на II Каменном острове Ангары⁴⁸, но ни разу не встречена на тагарских могильных камнях. Любопытно, что в

⁴⁴ А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 18, 1950, стр. 157—284.

⁴⁵ «Шишкинские писаницы», стр. 47; «Петроглифы Ангары», стр. 109—111.

⁴⁶ И. Т. Савенков, Указ. раб., табл. VIII.

⁴⁷ А. Мартынов, Указ. раб., рис. на стр. 13, 17, табл. IV, VI, 3.

⁴⁸ «Петроглифы Ангары», рис. 12, 17, табл. 38, 1; 51; 53, 55, 1.

Шишкине подобных изображений нет. Своеобразный прием заштриховки тела быка в клетку на плите из Черновой также находит параллель и на II Каменном острове⁴⁹.

Гравировки на плитах Черновой VIII связаны с могильником окуневской культуры. Стратиграфические наблюдения при раскопках курганов показывают, что она моложе, а частично, быть может, и параллельна афанасьевской. Другими словами, это культура первой половины II тысячелетия до н. э. Тем же временем датируются и рисунки. Многие из них выгравированы на стелах с личинами. Анализ личин свидетельствует об их принадлежности к той же окуневской культуре: в окуневских могилах найдены сходные со стелами маленькие антропоморфные статуэтки, следы татуировки на черепах, похожей на татуировку, украшающую личины и т. д.⁵⁰ Значит, сначала были созданы антропоморфные стелы, затем на них вырезали изображения быков, лосей и т. д., а позднее использовали эти плиты в конструкциях погребальных сооружений.

Итак, и на Енисее и на Ангаре выделяется группа наскальных рисунков, тождественных гравировкам первой половины II тысячелетия до н. э. Разумеется, это не означает, что все рисунки относятся именно к этому времени. Отмеченные нами приемы могли появиться несколько раньше и жить значительно позже⁵¹. Все же открытия в Черновой впервые дали опорную точку для датировки сибирских писаниц.

Интересно еще одно изображение на II Каменном острове Ангара — силуэт лыжника, преследующего лося⁵². Близкая аналогия этой фигуре известна в Залавруге на Беломорье⁵³. Хотя эти рисунки на скалах очень удалены друг от друга, все же они слишком похожи, чтобы расцениваться как результат конвергенции. Изображения лыжников повторяются и в Шалаболине, и на Томской писанице. Любопытен бронзовый нож сейминско-турбинского типа с фигурой лыжника на рукояти, найденный В. И. Матющенко в 1966 г. в могильнике Ростовка под Омском⁵⁴. Скорее всего, перед нами повсюду изображение какого-то мифического персонажа, представление о котором широко распространилось по лесной полосе Евразии. Если сходство изображений Залавруги и Каменного острова не случайно, мы получили еще одно подтверждение даты — II тысячелетие до н. э.

Мы уже говорили об антропоморфных личинах в рогатом головном уборе, высеченных на стелах, обнаруженных в окуневских погребениях. Подобные личины есть и на петроглифах. А. Н. Липский на р. Джой⁵⁵ и Н. В. Леонтьев на р. Амыл⁵⁶ в верхней части Енисея нашли точно такие же изображения, нанесенные краской на скалы. Известны они еще близ сел Щель-Тесь и Трифоново, где есть и изображения лосей с отсеченными головами⁵⁷.

Нарисованы личины и на скалах Ангара и Шишкина. Первоначально А. П. Окладников сопоставлял их с бронзовыми шаманскими изображениями раннего железного века, теперь — сравнивает их с окуневскими.

⁴⁹ «Петроглифы Ангара», табл. 54, 55.

⁵⁰ Э. Б. Вадеева, Указ. раб., стр. 218—219.

⁵¹ То, что «скелетный стиль» сохраняется еще в тюркское время, доказывают изображения оседланных лошадей на Кунинской писанице (К. В. Вяткина, Наскальные изображения Минусинской котловины, «Сборник МАЭ», XX, 1961, рис. 1—3).

⁵² «Петроглифы Ангара», табл. 38, I.

⁵³ В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Белого моря, табл. 4, 5.

⁵⁴ Хранится в археолого-этнографическом музее Томского университета.

⁵⁵ А. Н. Липский, Указ. раб.

⁵⁶ Копия хранится в Минусинском музее.

⁵⁷ И. Т. Савенков, Указ. раб., табл. VIII, IX.

При таких сопоставлениях нужно быть очень осторожным. Обычай вырезать на камнях личины в рогатом головном уборе существовал в Сибири и в тюркское время (Кудыргэ)⁵⁸.

Важное значение имеют находки на стоянке Самусь IV под Томском. Здесь на сосудах часто встречаются антропоморфные изображения, близко напоминающие окуневские, но дата их иная — XIV—XIII вв. до н. э., что подтверждается находками литейных форм для вещей сейминско-турбинского типа⁵⁹. Следовательно, сюжет, бытовавший на верхнем Енисее в первой половине II тысячелетия до н. э., проник на Томь несколькими столетиями позже. Вероятно, не слишком рано попал он и на верхнюю Лену и Ангару. Некоторые рисунки Ангары больше похожи на самусьские, чем на окуневские. Таковы фигуры людей в «скелетном стиле» у с. Манзя и на Большом Кадинском пороге⁶⁰. Другие изображения сопоставлять с окуневскими было бы рискованно — они мало на них похожи.

Еще один сюжет удается датировать благодаря находкам в Черновой. На плите из могильника вырезано изображение фантастического хищного зверя. На эстампаже с какой-то енисейской писаницы, снятом А. В. Адриановым, а потом потерявшем паспорт, виден такой же зверь в окружении типично окуневских личин⁶¹. Изображение фантастического хищника есть и в Шишкине. Оно похоже на гравюру из Черновой только в одном отношении. Оба рисунка выполнены в «скелетном стиле». Облик хищника другой — там что-то вроде волка, здесь — дракон, больше похожий на крокодила⁶². Такое же, как в Шишкине, загадочное существо с рядом зубцов на спине изображено и на III Каменном острове Ангары⁶³. Несмотря на различие фигур хищников из Шишкина и Черновой, существенно время появления подобных фантастических образов в наскальных рисунках. Оно достаточно раннее, а не скифское.

Роспись Шишкина с драконом, глотающим солнечный диск, несомненно иллюстрирует один из эпизодов солярного мифа, широко распространенного по Старому свету в бронзовом веке. На той же скале нарисованы и лодки с пловцами. Этот сюжет, характерный и для Енисея, и для Ангары, и для Лены, пока не связывается с окуневской культурой. А. П. Окладников приводил лодкам Шишкина шведские аналогии. Так как изображения лодок на скалах известны и в промежуточных районах — на Иртыше, на Урале, в Карелии — о простой конвергенции, видимо, говорить не приходится. Шведские солярные ладьи датируются концом II — началом I тысячелетия до н. э. Известны бронзовые бритвы с такими изображениями. Достиг ли этот мифологический сюжет (в основе египетского происхождения) Ангары и Лены в ту же эпоху или много позже — пока неясно.

Рядом с лодками в Шишкине нарисован олень с повернутой назад головой и спиралью на бедре (рис. 3). Поза характерна для скифского искусства, а спираль на бедре есть почти у всех изображений оленей на плитах тагарских курганов (рис. 4). Значит, это рисунок начала железного века. Синхронен ли он силуэтам лодок, сказать трудно. Техника изображения та же — роспись охрой, масштаб иной. Однако нарушение

⁵⁸ А. А. Гаврилова, Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен, М.—Л., 1966, табл. VI.

⁵⁹ В. И. Матющенко, Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь, СА, 1961, № 4, рис. 1.

⁶⁰ «Петроглифы Ангары», табл. 159, 168, рис. 43.

⁶¹ Э. Б. Вадецкая, Изображения зверя-божества из Хакасии, сб. «Новое в советской археологии», М., 1965, стр. 168—174.

⁶² «Ленские писаницы», табл. XXVI.

⁶³ «Петроглифы Ангары», табл. 109, 7.

масштаба для петроглифов вполне возможно, в особенности если олень показан на переднем плане, а лодки — на заднем. Пока что, как будто, вернее считать лодки более поздним сюжетом, чем сюжеты окуневского круга.

Рис. 3. Изображения лодок и оленя в Шишкине

Что касается таких рисунков, как хороводы из маленьких человечков, люди с рогами и т. д., то для датировки их нет твердых оснований. С. В. Иванов обратил внимание на сходство этих фигур с рисунками на

Рис. 4. Угловой камень с тагарского кургана с выгравированной фигурой оленя. Хакасский краеведческий музей в г. Абакане

шаманских бубнах и вообще с современным искусством сибирских народов⁶⁴. Это не решает вопрос о времени возникновения подобных сюжетов, но все же скорее говорит против их глубокой древности.

⁶⁴ С. В. Иванов, Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX века, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXII, 1954, стр. 571, 572.

В итоге мы можем констатировать, что палеолитических или мезолитических петроглифов на Лене и Ангаре нет. С большой долей уверенности можно выделить пласт рисунков бронзового века на Ангаре и Енисее. Это лоси и быки с отсеченными поперечной чертой головами, личины в трехрогом головном уборе, возможно, лодки и фантастические хищники. Хорошо обосновывается датировка тюркских изображений, а на Енисее — писаниц эпохи раннего железа. Вероятно, есть в Сибири и неолитические петроглифы, но выделить их пока трудно. Можно думать, что к неолиту относятся большая шишкинская лошадь, некоторые фигуры лосей в Шишкине, на II Каменном острове и Бале Сухой на Ангаре. Часть рисунков выполнена охрой, часть — выбита. Все они контурные и без «скелетных» полос. Хотя мы не знаем, когда возник «скелетный стиль», и, возможно, он старше II тысячелетия до н. э., все же ни одного рисунка такого типа с ранней датировкой в Сибири до сих пор не известно. Поэтому пока можно предполагать, что «скелетность» — признак сравнительно поздний.

Как же осмыслить имеющийся материал в историческом плане? Выделенный нами ареал петроглифов охватывает и таежные районы, занятые в III—II тысячелетиях до н. э. племенами охотников и рыболовов (Ангарский неолит), и Минусинскую котловину, заселенную людьми, овладевшими производящим хозяйством. Ход истории в этих областях был различен. Придется, по-видимому, искать истоки интересующей нас общности в более раннее неолитическое время. И здесь мы в самом деле находим полное соответствие.

Неолит в Минусинской котловине практически не изучен, но там встречаются характерные находки — каменные скульптуры рыб, такие же, как и в погребениях Прибайкалья серовского и более позднего времени. Основное скопление каменных рыб связано с Ангарой и верхней Леной. Ниже Верхолenska таких находок нет. К западу от Енисея, где мы знаем только одну Томскую писаницу, похожую на енисейские и ангарские, известна также лишь одна каменная рыба — из Барабинской степи⁶⁵. Таким образом, ареал характернейших неолитических изделий совпадает с ареалом писаниц определенного типа. А это позволяет думать, что объединяющий их стиль выработался именно в неолитическое время, не ранее серовского этапа.

В дальнейшем в силу крайнего консерватизма искусства наскальных изображений этот стиль сохранялся очень долго, но на него наслаивались новые сюжеты и стилистические особенности. Ряд сюжетов, представленных в степных районах (упряжки быков — Красный камень, Знаменка), вообще не проник в лесную зону. Другие сюжеты южного происхождения — изображения домашних быков, солярные ладьи, фантастические существа, личины в трехрогих головных уборах — распространяются и в лесных районах, иногда с некоторым запозданием. До Средней Лены эти сюжеты не дошли. Крайний их пункт на севере — это Шишкино. Такая специфическая деталь, как поперечная черта, пересекающая фигуры животных, встречается на Ангаре, но в Шишкине ее уже нет.

Раскопки в Прибайкалье показывают, что в этот район еще во II тысячелетии до н. э. проникали металлические изделия, и знакомят нас даже с единичными произведениями скифского звериного стиля. Неудивительно, что в наскальных рисунках появлялись сюжеты, характерные для петроглифов более южных областей.

О том, что сибирские писаницы отражают не одну только местную линию развития, но имеют много компонентов, говорит разнообразие

⁶⁵ А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, стр. 242, 244, рис. 73.

приемов их выполнения. Среди рисунков раннего времени мы найдем красочные, и вырезанные, и выбитые точечной техникой, и шлифованные. Случаи перекрывания одних фигур другими на Ангаре убеждают в том, что все эти технические приемы существовали параллельно: и выбитые изображения перекрыты красочными, иногда красочные — битыми⁶⁶. На плитах с рисунками, обнаруженных в могильнике Тас-заа в Хакасии, также сочетаются росписи и гравировки⁶⁷. Для наскальных изображений европейской части Союза характерна приверженность к одной какой-либо технике: все карельские рисунки — выбитые, уральские — крашенные, все Азербайджанские — резные. В Средней Азии все древнейшие рисунки на скалах как будто крашенные. Использование в Сибири самых разных приемов нанесения рисунков свидетельствует о сложности истории этого района, выявившейся сейчас и при раскопках в Минусинской котловине.

Древнейшие петроглифы Сибири представляют собой, как правило, композиции, а одиночные изображения животных. Сцены охоты, фигуры лучников в раннее время здесь очень редки. В этом проявился опрощенный архаизм сибирского первобытного искусства. Он вполне понятен: Прибайкалье — район с долго сохранившимся охотничье-рыболовческим хозяйством, с долго бытовавшими охотничьими культами, райотсталый по сравнению с Кавказом, Средней Азией или степной зоной. Черты архаизма сказываются и в бронзовом веке. Фигуры людей в птичьих масках, процарапанные на одной из плит могильного ящика Тас-заа, вызывают в памяти изображения ряженных в искусстве палеолита. Но в целом эпоха бронзы — время иных сюжетов: личин, скорее всего связанных с шаманским культом, солярных символов, солнечных ладей, упряжек быков и колесниц. Одновременно с этими рисунками первобытные художники продолжали создавать и старые традиционные изображения лосей.

SUMMARY

The article is devoted to the materials of petroglyphs of Angara and Upper Lena published by A. P. Okladnikov. The author considers the early petroglyphs of Yenisei and Angara identical and reconsiders on this base the dating of some of them, according to the finds of engraved plates in the burials of Okunevo culture (2-d millennium B. C.) and drawings on corner-stones of Tagar mounds in Minusinsk Valley.

The author thinks that in the Baikal area there are neither paleolithic nor mesolithic petroglyphs. The most ancient samples of them originated in neolithic, not earlier than the time of Serovo culture. The primitive art of Yenisei area was further largely influenced by cattle-breeding cultures. This influence reached Angara and Upper Lena area much later and in a weakened form.

⁶⁶ «Петроглифы Ангары», табл. 16; 20, 5; 62; 122, 3; 127; 130.

⁶⁷ Хранятся в Хакасском краеведческом музее в Абакане.

⁶⁸ А. Н. Липский, Новые данные по афанасьевской культуре, сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961, рис. 2.

НАРОДЫ М И Р А

ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Л. А. Фадеев

НАСЕЛЕНИЕ БОТСВАНЫ И ЛЕСОТО

Осенью 1966 г. еще две африканские страны обрели независимость. 30 сентября стала суверенным государством республика Ботсвана, бывший британский протекторат Бечуаналенд, а 4 октября была провозглашена независимость королевства Лесото, бывшего британского протектората Басутоленд.

История обеих стран — это история народов, мужественно сопротивлявшихся европейским захватчикам, но в конце концов попавших в колониальную кабалу.

В течение нескольких десятков лет басуто под руководством своего вождя и талантливого полководца Мошеша I отстаивали свою независимость. Борьба продолжалась и после 1868 г., когда стране был навязан неравноправный договор о протекторате. Англичане потопили в крови общенародное восстание 1878—1884 гг.

Управляемый английскими резидентами, сохранивший соответственно системе косвенного управления формальную независимость, Басутоленд был отсталой колонией Англии. Народы страны испытывали двойной гнет — со стороны английской колониальной администрации и со стороны расистского режима ЮАР, фактически распоряжавшегося экономической небольшой протекторат. Однако в течение всего колониального периода прогрессивные силы страны продолжали борьбу за сплочение народа, за освобождение, за право на самостоятельное распоряжение своими судьбами.

История Ботсваны аналогична истории Лесото. Объявленный в 1885 г. протекторатом, Бечуаналенд оказался в еще более бесправном положении. Если басуто сохранили право распоряжаться землями страны, то лучшие земли бечуана были захвачены европейскими колонистами и различными компаниями. Согнанное в резервации население Бечуаналенда было обречено на полуголодное существование. Ресурсы страны растрачивались на увеличение прибылей британских монополий и промышленников соседней Южно-Африканской Республики.

Как и Лесото, Ботсвана завоевала независимость в результате длительной борьбы прогрессивных сил страны за свое освобождение, кризиса колониализма и укрепления антиимпериалистического лагеря.

* * *

Ботсвана, или страна бечуанов, занимает внутренние области Южной Африки. На юге она граничит с ЮАР, на западе и севере — с захваченным режимом ЮАР бывшим протекторатом Юго-Западной Африкой, на севере идет и граница с Замбией (менее 10 км), на северо-востоке страна граничит с Родезией, где правит незаконный расистский режим Смита. Ботсвана лежит в зоне полупустынь и засушливых саванн и степей Южной Африки. Вероятно, поэтому так редко

заселены ее обширные, слегка всхолмленные пространства. Всего лишь 543 тыс. человек (1964 г.) обитает на 712,2 тыс. кв. км ее территории. Влажные ветры с обоих океанов — Атлантического и Индийского — проливаются дождями на крутые внешние склоны гор, почти сплошным барьером охватывающих с запада, юга и востока обширную котловину внутри Южной Африки, в пределах которой лежит страна Ботсвана. Вся южная половина страны занята пустыней или, точнее, полупустыней Калахари. Здесь мало песков, но скудное количество осадков, от 125 до

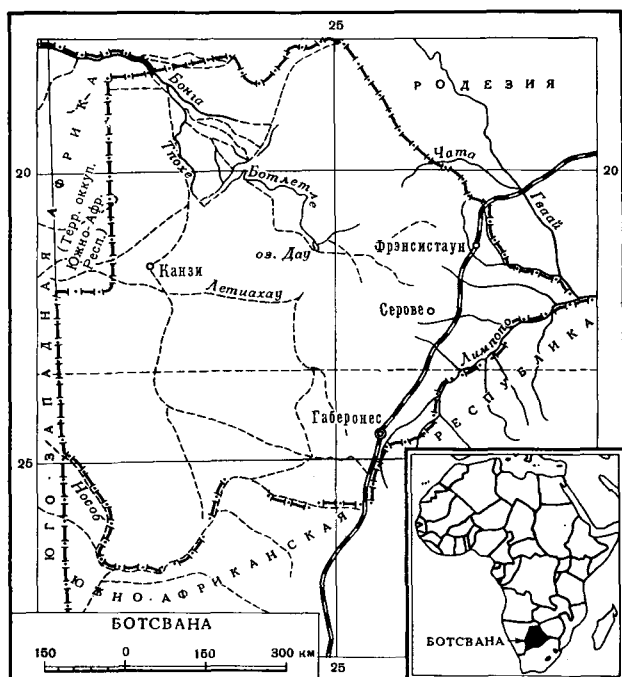

Рис. 1. Карта Ботсваны

250 мм в год, не позволяет развиваться какой-либо иной растительности кроме жалкого сезонного травяного покрова. Разветвленная сеть древних русел, сбегаящих с плато Кап на запад и юго-запад, показывает, что некогда эта часть Калахари была обводнена, но сейчас даже главное из этих русел — Молопо, лишь изредка наполняется водой. Впрочем, некоторые русла подстилаются значительными запасами грунтовых вод. Источники Курумана дают свыше 150 тыс. гектолитров воды ежедневно¹. К северу от Курумана простирается бесплодная равнина с редкими, далеко отстоящими один от другого колодцами. Сухие русла, сбегаящие с восточных отрогов Ангольского нагорья, только после больших гроз наполняются водой, но она испаряется раньше, чем успевает достичь середины впадины Калахари.

Лишь на крайнем северо-востоке страны, по мере приближения к землям, орошаемым реками бассейна Замбези, количество осадков повышается до 740 мм в год и полупустыня уступает место саванне и пышным степным травам. Столь же благоприятен и климат юго-востока Ботсваны, орошаемого левыми верхними притоками р. Лимполо.

¹ У. Фицджеральд, Африка. Социальная, экономическая и политическая география ее главных районов, М., 1947, стр. 266.

Эти области страны наиболее густо заселены. Здесь живет основная масса бечуана, составляющих большинство населения страны.

Сложная, многовековая история формирования современного населения и важнейших этнических групп Ботсваны полностью еще не выяснена. Однако некоторые основные этапы этого процесса можно проследить.

Южная Африка сейчас рассматривается как одна из возможных прародин человечества, и территория Ботсваны, как об этом свидетельствуют многочисленные археологические находки, уже с эпохи нижнего палеолита была заселена человеком.

К 6 тысячелетию до н. э. в поясе пустынь и сухих саванн юга и востока Африки сложилась древняя южноафриканская боскопская раса, для которой было свойственно сочетание негроидных и монголоидных черт. Люди этой расы оставили по всему востоку и югу Африки многочисленные стоянки древних культур вильтон и смисфильд — охотников и собирателей пустынь. На протяжении нескольких тысячелетий (вплоть до начала 2-го тыс. н. э.) вильтонские и смисфильдские охотники заселяли область Ботсваны².

Прямыми потомками вильтонских и смисфильдских охотников являются населяющие большую часть Ботсваны (особенно Калахари) немногочисленные племена принадлежащих к койсанской расе бушменов.

Нынешнее бушменское население Ботсваны (около 32 тыс.) представляет жалкие остатки некогда многочисленных бушменских племен, которые беспощадно истреблялись и были загнаны пришедшими сюда бантуязычными племенами и европейскими колонизаторами в самые неудобные, безводные районы пустыни.

Следующий этнический пласт Ботсваны представляют бантуязычные народы. Они принадлежат к негроидной расе.

На крайнем северо-востоке страны, особенно вдоль реки Шаши, обитают машона (около 42 тыс.), наиболее ранние из переселенцев банту, появившихся в Южной Африке, очевидно, уже в VI—VII вв. Предки машона переправились через р. Замбези и, сохраняя дружественные отношения с жившими здесь бушменами, постепенно расселились по всему междуречью Замбези — Лимпопо.

В VII—XVII вв. машона создали знаменитую цивилизацию Зимбабве — Мономотапы, культурное и политическое влияние которой распространялось на все междуречье. Руины колоссальных каменных зданий, созданных в ту эпоху, встречаются и на территории Ботсваны, среди них такие выдающиеся памятники, как Лузинго, Шаши и Вукве³.

Вероятно, в XV—XVI вв. пришли на земли Ботсваны и осели здесь скотоводы бечуаны, составляющие основную массу населения страны (свыше 400 тыс.).

Около 250 лет тому назад на северной окраине Ботсваны появились племена балози (в настоящее время около 4 тыс.), проникшие сюда по мере заселения долины Средней Замбези, где они издавна занимались поливным земледелием.

Позже других африканских народов на территории Ботсваны появились живущие здесь вдаль от основной своей этнической территории коса (2 тыс.), педи (3 тыс.), ндебеле (6 тыс.) и др. — все они попали сюда в начале XIX в. в результате многочисленных передвижек бантуязычных народов, вызванных войнами Чаки и Моселекатсе⁴.

² J. D. Clark, The prehistory of Southern Africa, London, 1959, стр. 189.

³ Л. А. Фадеев, Мономотапа. Древняя африканская цивилизация в междуречье Замбези — Лимпопо, «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР», Нов. серия, т. 72, М., 1962, стр. 4—5.

⁴ И. И. Потехин, Формирование национальной общности южноафриканских банту, «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР», Нов. серия, т. 29, М., 1955, стр. 53.

В XIX—XX вв. на территории Ботсваны расселились европейцы — африканеры и англичане, они составляют менее 1% населения страны. Это, фермеры, миссионеры, торговцы и чиновники.

Средняя плотность населения Ботсваны (0,7 чел. на 1 кв. км) — одна из самых низких в Африке. Особенно редко населены земли Калахари. Большинство населения (свыше 80%) сосредоточено в восточных районах страны, главным образом в округах Нгвате, Квене и Нгвакетсе.

Крупнейшие населенные пункты Ботсваны также находятся в основном в восточных районах страны, вдоль единственной железной дороги, идущей из ЮАР в Родезию. По сути дела это не города, а большие поселки. До 1965 г. даже административный центр протектората располагался вне его пределов в городке Мафекинг (ЮАР). Среди характерных для восточных округов страны больших поселков или гигантских деревень особенно значителен Серове, имеющий более 22 тыс. жителей, затем Молепололе, Канья и др. Все это крупнейшие центры земледельческого населения, возникшие у крупных источников воды и на узлах караванных дорог. Они до сих пор сохраняют свой деревенский облик. Это скопления тысяч традиционных бечуанских домов — цилиндрических глинобитных хижин, на легком деревянном каркасе с коническими соломенными крышами. В последнее время при железной дороге возникают настоящие города с небольшими промышленными предприятиями: Фрэнсисстаун, Лобаци, Габеронес; последний является столицей независимой Ботсваны.

У большинства народов Ботсваны имеются значительные пережитки патриархальных отношений. У бечуанов еще существует деление на племена, сохранявшееся колониальной администрацией, которая согласно племенной принадлежности организовала резерваты: Бамангватто, Бангвакетсе, Баквена и др. Это же характерно и для других народов: машона, бапеди, басуто и др. Сохраняются общинное самоуправление, общинная собственность на земли, уравнительное пользование угодьями. Однако община уже расслоилась. Давно выделились племенная знать и зажиточная верхушка, в руках которой находятся стада скота и лучшие пастбища. У рядовых общинников еще сильны пережитки большесемейных отношений, но непрерывно растущее отходничество расшатывает и нарушает эти традиционные связи⁵. Бечуаны, как и другие бантуязычные народы, живущие на территории Ботсваны, имеют давние культурные традиции. У них высоко развито декоративно-прикладное искусство. Широко распространена резьба по дереву. Бечуаны украшают резным орнаментом различные бытовые предметы. На посуде, ложках и пр. вырезаются изображения животных и людей. Те же мотивы находят применение и в керамике. Особого внимания заслуживает искусство плетения соломенных циновок и выделка ковриков из шкур различных животных. Они исключительно гармоничны по композиции и цвету. Однако в связи с завозом дешевой продукции европейских фабрик (декоративных тканей и др.) художественные ремесла в стране приходят в упадок.

Бушмены Ботсваны — один из наиболее отсталых народов земного шара⁶. До прихода банту бушмены не знали ни металлов, ни керамической посуды. И в настоящее время их материальная культура, отвечающая потребностям охотничье-собирацкого хозяйства, чрезвычайно бедна. В недавнем прошлом лук и стрелы с кремневыми наконечниками у мужчин и палка-копалка у женщин были основными орудиями для добывания средств к жизни. Остальное имущество составляли кожаный

⁵ И. И. Потехин, Ук. соч., стр. 83—85.

⁶ В. Элленбергер, Трагический конец бушменов, М., 1956.

мешок для дичи, корзинка для сбора корней и сосуды из скорлупы страусовых яиц.

С приходом европейцев в быту бушменов появилась дешевая металлическая посуда, стекло, ткани, железные ножи и топоры, и даже ружья. Но за все эти крохи цивилизации бушмены заплатили слишком дорогой ценой. Изгнанные из обжитых ими земель в самые бесплодные районы пустыни, беспощадно истреблявшиеся европейскими колонизаторами, бушмены были обречены на вымирание. Лишь исключительная выносливость и необычайное умение приспосабливаться к суровым природным условиям позволили бушменам выжить⁷.

Бушмены Калахари и сейчас живут небольшими группами по 50—150 чел., основу которых составляют родственники по отцовской линии. Каждая группа имеет определенную охотничью территорию. В засушливые сезоны они делятся на еще более мелкие группы по 10—12 чел., и во главе с опытными охотниками уходят добывать себе пищу. Общеплеменной организации бушмены не имеют.

Часть бушменов порывает с привычной средой и уходит батрачить на фермы или выполняет черную работу по найму в городах и поселках.

Искусство бушменов отличалось глубокой самобытностью и высокой художественной ценностью. На территории Калахари в границах Ботсваны сохранилось множество награвированных и выполненных красками наскальных изображений⁸. Полные жизни, совершенные по форме и цвету гравюры и фрески бушменских художников составляют целую эпоху в мировом искусстве. Изобразительное искусство бушменов развивалось на протяжении многих веков. В настоящее время в связи с тяжелыми условиями жизни бушмены почти утратили свои художественные традиции.

Все народы Ботсваны имеют богатый фольклор. Сказки, легенды и предания бережно хранятся и передаются из поколения в поколение. Особого внимания заслуживает фольклор бушменов, в сказках которых тонкая наблюдательность над миром животных и стихиями причудливо перемешивается с вымыслом и наивными попытками объяснить устройство мира.

Устное народное творчество неразрывно связано с музыкой, песнями и танцами. Хороший рассказчик непременно и певец, и импровизатор. Все персонажи рассказа не только описываются словесно, но и представляются в лицах.

Природные ресурсы Ботсваны весьма велики. На склонах нагорья Кап обнаружены залежи меди, марганца, золота, серебра, угля, асбеста. Однако они почти не освоены. Английские промышленники в 1962 г. ввели в действие карьер по добыче марганцевых руд близ Канья мощностью в 60 тыс. т, но в 1963 г. было добыто лишь 20 тыс. т, ведутся незначительные разработки асбеста в округе Бангвакетсе, начата добыча золота и серебра. Также в руках английских капиталистов находятся незначительные предприятия пищевой промышленности: мясокомбинат в Лобаци и небольшие маслобойные заводы. Кроме того, имеются небольшие лесопильные предприятия. В стране лишь 15 тыс. рабочих и служащих.

В целом Ботсвана — страна отсталого отгонно-пастбищного скотоводства. Ввиду недостатка пастбищ (260 тыс. кв. км лучших земель были отняты у африканцев колониальной администрацией, а лучшие участки саванны были захвачены европейскими фермерами, земельными и горными компаниями) скотоводство африканцев находится в упадке.

⁷ И. Бьерре, *Затерянный мир Калахари*, М., 1963.

⁸ I. D. Slack, *Указ. раб.*, стр. 254.

Племена вынуждены арендовать пастбища у крупных собственников. Особенно крупным эксплуататором является основанная С. Родс «Бритиш Саут Африка К°». Стада, принадлежащие скотоводам-африканцам, непрерывно перегоняются в поисках корма с одного пастбища на другое. Примитивная зоотехника, низкородность скота, широкое пространство эпизоотий делает скотоводство Ботсваны малопродуктивным и нерентабельным. Характерен очень медленный прирост стад крупного рогатого скота. Если в 1955 г. насчитывалось 1152 тыс. голов, то в 1963 г. лишь 1347 тыс. голов. За это же время число овец и коз сократилось с 700 тыс. до 137 тыс.⁹

Земледелие имеет подсобное значение и ведется лишь в северных восточных районах. Возделываются кукуруза, просо и бобовые. Нехватка земель, примитивные орудия производства (в основном, мотыга), недостаток рабочих рук и низкая агротехника, ведущая к истощению почв, обуславливают низкий уровень земледелия Ботсваны. Урожай кукурузы в 20 раз меньше, чем на фермах у европейцев.

Упадок сельского хозяйства усугубляется оттоком рабочей силы за границу. Не менее 60% всех работоспособных мужчин законтрактовываются на работу в промышленные районы ЮАР. В целом экономика страны подчинена диктату ЮАР. В обращении находится валюта ЮАР — рэнд. Таможенная уния способствует тому, что большая часть доходов от внешней торговли идет в банки ЮАР. Все это при наличии отрицательного баланса делает весьма затруднительным преодоление унаследованной от колонизаторов экономической отсталости.

Население почти поголовно неграмотно. В 1964 г. в стране было всего восемь средних школ. Лишь немногим более 30% детей обучалось в начальных школах¹⁰.

Несмотря на ведущуюся из поколения в поколение миссионерскую работу, среди населения широко распространены традиционные культы. Лишь 23% бечуана исповедуют христианство, остальные придерживаются культа предков. Среди бечуана еще живы пережитки тотемизма. Самые названия племен связаны со священными животными — сибобо. У баквейнов это крокодил, у бакатла — обезьяна, у бапути — малая голубая антилопа и т. д. Сибобо нельзя убивать и есть. Раньше им посвящались отдельные танцы. И бечуана, чтобы узнать племя своего собеседника, спрашивали: «Кого ты танцуешь?»¹¹.

Машона, ндебеле, коса и балози также отправляют культ предков, хотя встречаются и исповедующие христианство.

Длительное колониальное господство обусловило чрезвычайно низкое медико-санитарное состояние страны. В 1963 г. в Ботсване было всего лишь 24 врача (1 врач на 14 000 населения) и лишь только один квалифицированный фармацевт¹². В связи с этим широко распространены различные заболевания. Трахома, сыпной тиф и сифилис — болезни, свойственные народам, находящимся в угнетенном положении, — до настоящего времени свирепствуют в Ботсване. В результате плохого питания наблюдаются заболевания, связанные с белковой недостаточностью. Имеются эндемические очаги чумы и фрамбезии. Зарегистрированы очаги проказы.

По мере усиления колониального гнета росло сопротивление народов страны угнетателям. После второй мировой войны в стране развернулось

⁹ «Statistical yearbook 1965», United Nations, New York, 1966, стр. 125.

¹⁰ Там же, стр. 699.

¹¹ Д. Ливингстон, Путешествия и исследования в Южной Африке, М., 1956, стр. 23.

¹² «Statistical yearbook, 1965», стр. 665.

широкое движение за освобождение Ботсваны от колониального гнета. Английские власти были вынуждены пойти на уступки.

В созданных по конституции 1961 г. Законодательном и Исполнительном советах протектората развернулась борьба между партиями. За скорейшее освобождение страны от колониального владычества выступили созданная в 1961 г. Народная партия (лидер — Ф. Матанте) и выделившаяся из нее в 1964 г. Независимая партия Ботсваны. В Законодательном Совете, избранном в марте 1965 г., большинство (28 мест из 31) имела Демократическая партия Ботсваны, руководимая лидером партии, бывшим вождем племени бамангвато С. Кхама. Последний возглавил кабинет министров протектората, а затем и правительство республики Ботсвана, которое, выражая интересы вождей и племенной знати — собственников земель и стад, придерживается консервативной политики. Ее принципы — «строгий нейтралитет» в отношении ЮАР и постепенное улучшение экономического состояния страны.

* * *

Страна Лесото занимает наиболее высокую часть Южноафриканского нагорья. Почти вся она лежит на западных склонах и отрогах Драконовых гор и всюду, в том числе и в узких речных долинах верховий бассейна р. Оранжевой, носит характер типичной горной страны. Лишь узкая полоса земель у западной границы, вдоль реки Каледон, относится к Высокому Вельду с его степным обликом.

Страну в целом принято делить на две зоны — восточную с высотами от 1800 до 2300 м и западную, лежащую на высотах от 1500 до 1800 м. Из-за большой высоты климат страны, находящейся всего лишь в 30° от экватора, необычно суров. Почти на всей территории Лесото круглый год могут наблюдаться заморозки, особенно в ее восточной части. Поэтому, хотя последняя лучше увлажняется (свыше 760 мм осадков) и имеет плодородные вулканические почвы, большинство населения сосредоточено в более низкой западной части, где, несмотря на регулярные засухи и скудные песчаные почвы, вызревают маис и дурра.

Государство Лесото со всех сторон окружено территорией ЮАР. Площадь его составляет всего лишь 30,3 тыс. кв. км (приблизительно равна Бельгии), в нем обитает 880 тыс. чел. (1966). В наиболее населенных северо-западных округах (Масеру, Лерибе и Мафетенг) плотность превышает 50 чел. на 1 кв. км.

Большинство населения Лесото живет в сельской местности. Небольшие поселения городского типа сосредоточены главным образом в западных округах. Здесь же находится и столица страны Масеру (10 тыс. жителей).

Лесото — страна с наиболее однородным этническим составом во всей Южной Африке. 88% ее населения составляют басуто (около 770 тыс. человек), оттесненные в 1830—1840-х гг. в эту суровую горную страну европейцами с плодородных земель к западу от реки Каледон.

Вдоль восточной границы в прошлом веке расселились зулусы — некогда второй по численности народ Лесото; сейчас большинство их слилось с басуто. Их появление в наиболее суровых горных районах страны также связано с экспансией европейских (английских) колонизаторов в Южной Африке.

И басуто, и зулусы до настоящего времени сохранили племенное деление и некоторые пережитки патриархальных отношений, но еще в XIX в. оба народа создали крупные государственные образования. Осно-

Судьба бушменов Лесото была решена после провозглашения так называемого Суверенного Оранжевого Государства (1854 г.), когда началось планомерное истребление бушменов. Английский историк Дж. Стоу пишет: «Под властью суверенного государства продолжалась та же безжалостная политика. Последний оплот бушменов был взят приступом, а его защитники, которым не удалось бежать, были расстреляны на месте»¹⁴. К началу XX в. в протекторате Басутоленд не было уже ни одного бушмена.

История и экономика страны Лесото с большой наглядностью показывают, к каким результатам приводит колониальное завоевание и многолетнее господство насильно навязанных порядков.

В системе Британской империи Басутоленд рассматривался как резервуар рабочей силы. Там совершенно отсутствует промышленность. Несмотря на наличие значительных ресурсов водной энергии, за время колониального владычества в стране была построена лишь одна небольшая ГЭС на р. Малибамоцо.

Не разрабатываются и минеральные богатства страны, хотя имеются данные о наличии месторождений золота, меди, железа, асбеста, угля. На севере страны обнаружены «кимберлитовые трубки» — признак коренных месторождений алмазов.

Английский экономист и географ У. Фицджеральд, говоря о басуто, называет их народом с давними и сильными земледельческими традициями и обращает внимание на то, что жители (98% самодеятельного населения) по-прежнему продолжают заниматься земледелием, хотя «из-за чрезмерной высоты (на востоке) или из-за не вполне достаточного количества осадков и бесплодной песчаной почвы (на западе) земледелие не может (в Басутоленде.—Л. Ф.) конкурировать со скотоводством»¹⁵.

Фицджеральд не вскрывает существа этого парадокса, хотя причина ясна: исконные земледельцы басуто, даже будучи согнаны с плодородных земель, с величайшим трудом попытались наладить привычное для них хозяйство в новых, неблагоприятных условиях. И, надо сказать, они достигли в этом больших успехов. Была развита и усовершенствована производственная база и организация труда. «Примечательно,— пишет Фицджеральд,— что на субконтиненте с очень примитивным земледелием, поскольку это касается туземцев, многие фермеры-басуто все же заменили простую мотыгу более совершенным плугом, запряженным быками»¹⁶.

Подобно другим бантуязычным народам, басуто в восточных районах страны широко используют террасирование горных склонов, применяется и селекция — выведены морозоустойчивые сорта пшеницы. Тяжелым трудом басуто удалось освоить более половины пригодного для обработки земельного фонда страны. Причем главный массив возделываемых земель сосредоточен в малоплодородных западных округах, которые дают большую часть валового сбора кукурузы — основной земледельческой культуры страны. Здесь возделываются и другие злаковые культуры: гигантское просо и сорго. Суровый климат восточных районов позволяет выращивать лишь пшеницу, новую, но уже хорошо освоенную земледельцами басуто культуру. По всей стране возделываются также бобы и овощи.

¹⁴ G. Stow, The native races of South Africa, London, New York, 1905 (Цит. по В. Эллиенбергер, Трагический конец бушменов, М., 1956, стр. 273).

¹⁵ У. Фицджеральд, Указ. раб., стр. 256.

¹⁶ Там же.

В целом земледелие Лесото, сложившееся за годы колонизации, представляет крайне неутешительную картину. Вследствие малоземелья, усугубляющегося истощением и эрозией почв, крестьянское хозяйство находится в упадке. Урожай кукурузы достигает всего 2,4 ц с га. Поэтому стране не хватает своего хлеба.

К сожалению, пока еще нет условий для быстрого подъема и реконструкции земледелия. Земля формально находится в общинной собственности, но община уже расслоилась, и землей практически распоряжается племенная знать и зажиточная верхушка. Лучшие участки земли, вопреки уравнительному землепользованию, достаются богачам. Для земледелия Лесото характерен хронический недостаток рабочих рук. Между тем, большая часть земли страны нуждается в интенсивном труде по поддержанию в порядке террасированных полей, по уборке камней и т. д.

Примитивное земледелие при неблагоприятных природных условиях и консервативной организации крестьянства ведет к огромным производственным издержкам, к перенапряжению сил народа Лесото, и без того уже ввергнутого долгими годами колониального владычества в крайне бедственное состояние.

Однако и более перспективное скотоводство находится в очень тяжелом положении. В 1962—1963 гг. в Лесото насчитывалось около 1,5 млн. овец, 550 тыс. коз, 366 тыс. голов крупного рогатого скота (зебу) и 86 тыс. горных пони и лошадей¹⁷. Но и здесь основные черты хозяйства определяются малоземельем. Большая часть населения (около двух третей налогоплательщиков) вообще не имеет скота. Только богачи, располагающие пастбищами, владеют многочисленными стадами. К тому же лучшие альпийские луга, как правило, арендуют крупные скотовладельцы из ЮАР. Скотоводство басуто, по традиции отгонное, также испытывает острую нехватку рабочих рук. Вследствие полного отсутствия обрабатывающей промышленности товарная продуктивность скотоводства значительно сужена (в основном сырье и полуфабрикаты). Экспорт продукции скотоводства достигает лишь 2,5 млн. ф. ст. в год, причем более четверти этой суммы дает вывоз невыделанных шкур, а остальное приходится на долю овечьей шерсти.

Развитию товарного хозяйства препятствует и крайняя неразвитость средств сообщения. Страна располагает лишь небольшим отрезком железной дороги, связывающей находящийся у самой границы город Масеру со станцией Ледибранд в ЮАР. Шоссеиных дорог имеется всего лишь 800 км, причем все они идут вдоль западной границы. Для большей части страны единственным средством сообщения являются вьючные тропы.

Тяжелое состояние сельского хозяйства Лесото вынуждает значительную часть крестьян-бедняков, в большей степени, чем в Ботсване, заниматься отходничеством. Внутри страны работу по найму может найти немногим более 1% коренного населения. Ежегодно до 200 тыс. человек уходят на заработки в промышленные районы ЮАР. В деревнях регулярно проводятся вербовки сезонных рабочих, которые по 9 месяцев в году вынуждены работать на кабальных условиях. Приработки такого рода являются главным активом бюджета Лесото, но крайне неблагоприятно отзываются на состоянии сельского хозяйства, поскольку до 60% работоспособного мужского населения проводит большую часть года за пределами страны.

Развитие экономики Лесото постоянно сдерживалось экономическим и политическим диктатом ЮАР, правящие круги которой смотрели на

¹⁷ «Statistical yearbook, 1965», стр. 125.

Басутоленд, как на свою вотчину. Еще в 1909 г. в акте об учреждении Южно-Африканского Союза предусматривалось, что со временем протектораты Басутоленд и Свазиленд будут включены в Союз.

Народу Лесото удалось избежать присоединения к ЮАР и окончательного закабаления, но крайняя неразвитость хозяйства и само положение страны внутри ЮАР представляет серьезную угрозу для самостоятельного экономического и политического курса. Наиболее доходная отрасль народного хозяйства страны, сбыт за границу продукции скотоводства, находится под контролем ЮАР. Безусловно неблагоприятную роль играет давняя таможенная уния с последней. Как и в Ботсване, в обращении господствует валюта ЮАР.

Подобно большинству бантуязычных народов Южной Африки басуто и зулусы Лесото селятся краалями. Это особый вид поселения, где хижины ставятся вокруг загона для скота. Крааль населяет либо большая патриархальная семья, либо группа выделившихся малых семей. Обычно в краале 5—7 хижин, но в краалях вождей они исчисляются сотнями. Хижины круглые, у басуто — обычно глинобитные или каменные, с коническими, покрытыми травой крышами; у зулусов — хижины из соломы или тростника на полусферическом каркасе из прутьев. В хижинах только спят и хранят утварь, окна и навесные двери отсутствуют. В последнее время вожди и зажиточные люди строят кирпичные и каменные дома европейского типа.

Басуто имеют давние культурные традиции. Широко развито декоративно-прикладное искусство. Басуто украшают стены своих домов геометрическим орнаментом, в котором сочетаются мотивы пересекающихся кругов, эллипсы, ломаные линии. Все это раскрашивается органическими красками, преимущественно в желтый, коричневый и белый цвета.

Богатый фольклор басуто давно уже стал достоянием мировой литературы. На языке басуто — сесуто издаются книги и газеты, но до настоящего времени большинству народа было доступно лишь начальное образование, преимущественно в миссионерских школах. Только отдельным лицам удавалось получить среднее техническое и высшее образование.

Подобно всем народам юго-восточных банту басуто и зулу до европейской колонизации придерживались традиционного культа предков. Особым почитанием пользовался Ункулункулу — великий мифический предок, обожествленный прародитель. Культ предков сочетался с комплексом анимистических представлений. Ритуал обычно отправлял старейшина деревни, особо важные ритуалы отправлялись вождями племен. С возникновением государственных образований у зулу и басуто стал складываться образ обожествленного вождя. В современном Лесото традиционный культ почти исчез. Большинство басуто и зулу исповедуют христианство (главным образом католичество). В связи с жестоким угнетением и расовой дискриминацией широкое распространение получили сепаратистские христианские церкви, в учении которых заложены надежды африканцев на освобождение и самостоятельную жизнь. Интересно, что именно в Басутоленде в 1872 г. возникла первая сепаратная христианская община африканцев.

В борьбе за национальное освобождение сложились прогрессивные политические партии страны. Значительным влиянием пользуется общенациональная организация — Конгресс Басутоленда, которая под руководством Нсу Мосехла боролась за немедленное предоставление стране независимости, а сейчас отстаивает самостоятельный политический курс страны.

В 1961 г. из нее выделилась партия Свободы, объединившаяся вместе с партией Марематлу в единую Партию Свободы Марематлу, выражающую интересы прогрессивно настроенной части племенной верхушки. Сторонником этой партии является и король басуто (морена з мохоло) Мошеш II.

Несмотря на ожесточенные нападки реакции, за независимость страны борется и коммунистическая партия во главе с генеральным секретарем Кена, основанная в 1961 г.

Реакционные силы страны — племенные вожди, часть мелкой буржуазии и католическое руководство — объединились в 1959 г. в Национальную партию. Эта партия проводит антинародный курс на сближение с ЮАР.

В апреле 1965 г. прошли первые всеобщие выборы в Национальный Совет, от результатов которых зависел вопрос о политическом курсе независимого Лесото. Оппозиционные партии собрали 56% голосов, а Национальная партия — 41%. Однако вследствие межпартийной борьбы Национальная партия получила в парламенте на 2 места больше и ее лидеру Л. Джонатану было поручено формирование правительства.

Накануне лондонской конституционной конференции, которая в июне 1966 г. должна была решить вопрос о независимости Лесото, в Национальном Совете страны проявились острые разногласия. Депутаты от Конгресса Басутоленда и Партии Свободы Марематлу выступили с требованием провозгласить независимость страны лишь после новых выборов в парламент, надеясь таким образом обеспечить самостоятельный политический курс независимого Лесото. Незначительным большинством голосов Национальной партии удалось провести решение о провозглашении независимости страны 4 октября 1966 г. без проведения новых выборов.

Новому государству не были гарантированы экономическая и территориальная целостность, свободные связи с внешним миром через земли ЮАР, порядок получения финансовой помощи и пр. Таким образом, Лесото оказалась в зависимости от ЮАР.

Народные массы выразили резкое несогласие с реакционным курсом правительства Л. Джонатана, в которое не вошли оппозиционные партии. Мошеш II выступил на стороне оппозиции.

В конце декабря правительство предприняло кровавый разгон народного митинга и в ночь на 28 декабря арестовало Мошеша II. Король вынужден был капитулировать и пойти на ограничение своей власти. Премьер-министр Л. Джонатан, выразивший поддержку расистскому правительству Родезии, в январе 1967 г. направился для переговоров в ЮАР, подчеркнув тем самым сохранение реакционного политического курса.

Народам Ботсваны и Лесото предстоит преодолеть еще немало серьезных препятствий на пути к подлинной экономической и политической независимости.

СООБЩЕНИЯ

А. В. Смоляк

О СОВРЕМЕННОМ ЭТНИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ НАРОДОВ НИЖНЕГО АМУРА И САХАЛИНА

В данной статье мы остановимся на некоторых проблемах этнического развития населения Нижнего Амура и Сахалина¹.

На обширной территории Нижнего Амура живут небольшие по численности народы. Это — тунгусоязычные нанайцы (8000 чел. по переписи 1959 г.), ульчи (2049 чел. по переписи 1959 г.), негидальцы (по переписи 1926 г. — около 400 чел., а в 1959 г. были учтены вместе с эвенками). Орочи (более 400 чел. по переписи 1959 г.) живут на Тумнине, несколько в стороне от амурских народностей, но по своей культуре и языку близки последним. Нивхи — народность, условно причисляемая к палеоазиатам (3700 чел. по переписи 1959 г.) живут на Нижнем Амуре, Амурском Лимане и Сахалине. На Сахалине же расселены эвенки и тунгусоязычные ороки.

Все перечисленные коренные народы составляют 5—10% населения районов Нижнего Амура и Сахалина. Основная масса жителей здесь — русские (до 90%).

Заселение этих районов русскими началось давно, но особенно интенсивно происходило с 1880-х годов, когда развернулось широкое переселенческое движение, финансирувавшееся правительством. Рядом с нивхскими, нанайскими и ульчскими возникли русские села. С тех пор освоение русскими этих обширных земель не прекращалось. Вследствие этого малочисленные коренные народности оказались тут в меньшинстве. Некоторые из них живут здесь более компактно (например, нанайцы, ульчи), другие расселены небольшими группами, разбросанными на большом расстоянии одна от другой.

За годы Советской власти неузнаваемо изменились культура и быт населения Нижнего Амура и Сахалина. Особенно разительные перемены произошли в жизни коренных обитателей этих мест. В сравнительно короткий срок они, благодаря ленинской национальной политике Советского Союза, при помощи других народов страны, преодолели политическую, экономическую и культурную отсталость. Была не только ликвидирована неграмотность, но и создана своя национальная интеллигенция, подготовлены кадры советских и партийных работников. Многие из коренных жителей теперь руководят сельскими советами, колхозами, больницами, школами, клубами, работают учителями, инженерами, врачами, геологами. Известны в нашей стране и талантливые поэты и писатели из коренных жителей Севера: нивх В. Санги, ульч А. Вальдю, нанайцы А. Пассар, Г. Ходжер, А. Самар, В. Заксор и др.

Культурному развитию народов Севера способствовало постоянное общение их с русскими, овладение русским языком. Контакты коренных жителей с русскими возникали и до Великой Октябрьской социалистической революции, хотя развитию более тесных связей немало препятствовали религиозные² и культурно-бытовые различия.

Одной из существенных особенностей современных этнических процессов на Нижнем Амуре и Сахалине является все большее сближение коренных жителей с русскими. Они живут в одних и тех же селах, вместе работают в рыболовческих колхозах. Их дети воспитываются вместе с самого раннего возраста (ясли, детские сады, школы). Уходят в прошлое прежние культурно-бытовые и религиозные различия.

Сближение народов находит выражение и в смешанных браках.

¹ См. также нашу статью «О некоторых этнических процессах у народов Нижнего и Среднего Амура», «Сов. этнография», 1963, № 3; см. Л. П. Потапов, О национальной консолидации народов Сибири, «Вопросы истории», 1955, № 10.

² Несмотря на принятие христианства, у коренных жителей сохранялись анимистические верования, шаманизм, различные магические обряды.

В 1958—1965 гг. мы занимались этнографическим изучением сельского населения Нижнего Амура и Сахалина; большое внимание уделили национальному составу семей, смешанным бракам. В ряде сел было проведено посемейное обследование коренных жителей, зафиксированы семьи, смешанные в национальном отношении.

По нашим материалам, процент смешанных браков в селах сравнительно невысок: среди смешанных преобладают браки с русскими. Так, у нанайцев из 640 обследованных нами семей в 1957—1960 гг. было 35 (т. е. 5,4%) смешанных в национальном отношении; у ульчей из 323 семей — 39 (т. е. 12,3%) смешанных. У нанайцев браки с русскими составляют 65% всех смешанных браков, у ульчей — 50%.

В статье мы остановимся преимущественно на этническом развитии нивхов, одного из древних народов данной территории, имеющего весьма сложное происхождение.

Нивхи прежде занимали очень большую территорию, на которой расселены и в настоящее время: низовья Амура, оба берега Лимана, западное и восточное побережья Сахалина. В прошлом селения нивхов были очень мелкими. В 1920—1930-х годах нивхские селения укрупняются: нивхи съезжаются в более крупные населенные пункты, где для них были созданы школы, больницы, клубы, кооперативы и позже колхозы.

У нивхов Восточного Сахалина (селения Пильтун, Чайво и Вени) в 1965 г. из 96 семей было 9 (около 9%) смешанных; в шести из них у нивхских женщин мужья — корейцы, в трех — мужья русские. У нивхов западного берега Сахалина из обследованных нами 126 семей 18 (свыше 14%) смешанных.

Муж	Жена	Число семей	Муж	Жена	Число семей
Нивх	Русская	7	Татарин	Нивхка	1
Русский	Нивхка	2	Негидалец	Нивхка	1
Кореец	Нивхка	3	Нивх	Якутка	1
Тувинец	Нивхка	1	Нивх	Китайка	1
Казах	Нивхка	1			

На правобережье в селениях Алеевка и Астраханское из 67 семей — 10 (т. е. 14,5%) смешанных. Состав их таков:

Муж	Жена	Число семей	Муж	Жена	Число семей
Русский	Нивхка	2	Бурят	Нивхка	1
Нивх	Русская	5	Нивх	Еврейка	1
Кореец	Нивхка	1			

На левобережье в селениях Макаровка, Коль-Никольское, Власьево, Пуир, Петровская коса и остров Байдукова из 54 семей — 6 (т. е. 11%) смешанных.

Гораздо выше процент смешанных браков у нивхов Амура, особенно в селениях Тахта, Кальма и др., расположенных близ устья р. Амгуны. По берегам этой реки, как известно, живут негидальцы³, которые еще в начале XX в. начали селиться на Амуре рядом с нивхами. В XIX в. здесь обосновались и некоторые ульчские семьи. Таким образом, население в этом районе в национальном отношении очень неоднородно. В 1965 г. в селениях Тахта, Кальма, Романовка, Ново-Троицкое, Дальджа из 127 обследованных нами семей 42, т. е. 33%, было смешанных, остальные 85 — нивхские.

³ О переселении негидальцев в начале XX в. на Амур см.: Л. Я. Штернберг, Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, Хабаровск, 1933, стр. 287—289. Язык негидальцев близок к эвенкийскому. Амгуныские негидальцы делились на верховских (оленоводов) и низовских (рыбаков и охотников), которые благодаря близкому общению с жителями Амура еще до революции заимствовали у них тип жилища, многие элементы одежды и обуви, некоторые обычаи. В настоящее время большая часть бывших низовских негидальцев из селений Гуга, Самия, Дальджа, Усть-Амгунь живет на Амуре.

Национальный состав смешанных семей следующий:

Муж	Жена	Число семей	Муж	Жена	Число семей
Нивх	Негидалка	9	Негидалец	Нивхка	8
Нивх	Русская	7	Русский	Нивхка	3
Нивх	Ульчанка	7	Кореец	Нивхка	2
Нивх	Нанайка	1	Нанаец	Нивхка	1
Нивх	Якутка	1	Эвенк	Нивхка	1
Нивх	Хантыйка	1	Чуваш	Нивхка	1

Среди 42 смешанных браков преобладают, как видно из таблицы, браки нивхов с негидальцами (17) и с русскими (10).

Мы называли здесь нивхами тех лиц, которые сами себя так называют. Однако из разговоров с некоторыми из них выяснилось, что не все они являются «чистыми» нивхами: у двух нивхов — отцы якуты, у пяти — матери ульчанки, у трех — матери негидалки.

Тщательное изучение родословных жителей этого района откроет, без сомнения, еще более яркую картину этнической пестроты.

Потомки переселившихся сюда ульчей до сих пор сохраняют ульчские фамилии (прежнее название рода), но большей частью утратили свой язык и считают себя нивхами. Нужно сказать, что еще в начале XX в. в этом районе языком межнационального общения был ульчский, а не нивхский, который много труднее ульчского. Очень редко в смешанных ульчско-нивхских семьях общим языком становился нивхский, чаще это был ульчский. За годы советского строительства языком общения разных национальностей здесь стал русский.

В этом районе можно было наблюдать «переходы» из одной национальности в другую, облегчавшиеся знанием большинства жителей нескольких языков (особенно в прошлом). Таким «переходам» способствовали главным образом смешанные браки, приводившие к возникновению родственных отношений между резко различающимися по языку нивхами и негидальцами, нивхами и ульчами. Смешанные браки заключались и до революции. Так, нивхские роды Амнгкхал, Твабинг и Лезнгран породнились с негидальцами рода Аюмкан. По рассказам стариков, родство явилось результатом женитьбы нивхов на вдовах из рода Аюмкан (согласно родовым нормам, вдова могла выходить замуж только за родственников умершего мужа; выдача вдовы за «чужого» влекла за собой возникновение близких отношений с чужими родами, однако национальная принадлежность при этом не утрачивалась).

Иногда трудно бывает определить этническую принадлежность отдельных родов. В качестве примера приведем род Тапкал. Л. Я. Штернберг, изучавший на Нижнем Амуре в 1910 г. родовой состав нивхов и негидальцев, выяснил, что Тапкал — негидальский род⁴. В 1926 г. В. И. Цинциус записала в районе расселения негидальцев (на Амгуни) бытовавшее у них предание о происхождении этого негидальского рода⁵. А в 1965 г. несколько мужчин (пожилых и средних лет) из рода Тапкал уверяли нас, что они — «чистые нивхи». В настоящее время нивхов, относящих себя к роду Тапкал, значительно больше, чем негидальцев. Можно отметить и такие факты: отдельные лица, например, Унэги, Ямбин (отцы которых — негидальцы из рода Тапкал, а матери — нивхки), выросли в нивхских селах, владеют нивхским языком и считают себя нивхами. Родственники же их со стороны отца — негидальцы, живущие в негидальских селениях, считают Унэги и Ямбина негидальцами.

Очень прочным было «объединение» нивхского рода Хирлэнг и ульчского рода Ходжер (переселенцы из ульчского сел. Кадаки); сейчас потомки этих переселенцев, относившихся к роду Ходжер (живут преимущественно в селениях Кальма, Тахта и др.), владеют нивхским языком (иногда знают и ульчский) и считают себя нивхами. И все же национальную принадлежность некоторых лиц из рода Ходжер старики-нивхи определяют по-разному: одни называют их нивхами, другие — ульчами.

Большой процент смешанных браков и у негидальцев Амура в селах Дыльма, Белоглинка, Кальма, Тахта. В этих селах из обследованных нами 53 семей — 16 негидальских и 37 (т. е. 70%) смешанных. Состав их различен:

⁴ Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 530.

⁵ К. Мыльников и В. Цинциус, Материалы по исследованию негидальского языка, «Тунгусский сборник», 1, Л., 1934.

Муж	Жена	Число семей	Муж	Жена	Число семей
Нивх	Негидалка	9	Русский	Негидалка	3
Негидалец	Нивхка	8	Кореец	Негидалка	3
Негидалец	Русская	8	Негидалец	Эвенкийка	2
Ульч	Негидалка	3	Негидалец	Полька	1

У орочей на Тумнине (селения Уська-русская, Уська-орочская, поселки вдоль железной дороги Советская Гавань — Комсомольск), живущих (за исключением селения Уська-русская) среди русского населения, мы обследовали 77 семей. В их числе оказалось 22 (28%) смешанных: русско-орочские — 10, оро́ско-русские — 6; остальные браки — с удэгейцами (4) и с эвенками (2).

О хорошем знании коренными народностями Приамурья русского языка мы уже писали⁶. По данным переписи 1959 г., часть коренного населения Нижнего Амура показала своим родным языком русский: 23% нивхов, 13% нанайцев и 14% ульчей. Это, вероятно, в основном жители городов (14% нанайцев и 11% ульчей живут в городах) и сельская молодежь (главным образом учащиеся, так как в школах преподавание ведется на русском языке). Среди нивхов называли русский своим родным языком 23%. В это число вошли, очевидно, жители городов (16% живут в городах), сельская молодежь и, может быть, часть нивхов района Амура, где, как уже отмечалось, преобладает смешанное население и русский язык получил особенно большое распространение.

Русским языком нивхи (в первую очередь мужчины) начали овладевать еще с конца XIX в. Это отмечали уже авторы, побывавшие в районах Амура и писавшие о нивхах. Ныне русский язык нивхи слышат с раннего детства постоянно: играя с русскими детьми на улице, в яслях, в детских садах, не говоря уже о школе, кино, радио. Все дети дошкольного возраста говорят по-русски, а свой родной язык в большинстве случаев не понимают, особенно если в семье нет стариков, ибо родители с удивительным единодушием даже в самых отдаленных деревнях говорят со своими детьми по-русски. Старики, особенно женщины, обычно знают русский язык гораздо хуже, чем лица среднего возраста: со своими внуками дошкольного и школьного возраста они говорят на своем родном языке, но те им отвечают по-русски.

В селениях Восточного Сахалина, труднодоступных и отдаленных, нивхи знают русский язык не хуже, чем нивхи Амура.

Хорошее знание русского языка характерно и для орочей. Например, в с. Тумнин вся молодежь (и люди средних лет) имеют восьмилетнее образование; русским языком оро́чи владеют в совершенстве. В хорошо оборудованных новых школе и интернате преподавателями и воспитателями наряду с русскими, работают и оро́чи, имеющие высшее или специальное среднее образование.

Однако коренное население широко пользуется и родными языками. Хотя в семьях с детьми обычно разговаривают по-русски, все же общение со старшими родственниками не проходит бесследно. Большинство детей, особенно в семьях, где есть старики, понимает родной язык. Молодежь, поступившая после окончания школы работать в колхоз, укрепляет свои познания родного языка, так как постоянно общается с людьми старшего поколения.

В смешанных семьях дети обычно говорят на языке того селения, в котором живет семья. Так, если негидалец переселился в нивхское село и женился на нивхской женщине — их дети говорят по-нивхски и, подрастая, считают себя нивхами. Сейчас в смешанных семьях, как правило, говорят на русском языке.

Во многих семьях ульчской и нанайской интеллигенции родители учат детей родному языку, ибо, как нам объясняли, знание русского языка неизбежно придет само собой, а родному языку надо учить специально.

В селениях Амура, где зафиксировано много смешанных браков нивхов с негидалками, ульчами и русскими, нередко постоянно употребляются три языка. Раньше языком межнационального общения был ульчский, им легко овладевали переселявшиеся на Амур негидалцы, язык которых относится к той же языковой группе. Теперь общим для всех языком стал русский. В качестве примера приведем семью Веры Евкан (сел. Тахта). Отец ее — нивх, мать — ульчанка, муж — нивх. Она говорит с матерью по-ульчски, с мужем — по-нивхски, с детьми — по-русски. Муж с тещей говорит на ее родном (ульчском) языке, так как она хоть и понимает нивхскую речь, сама говорит по-нивхски плохо. Взрослая (30-летняя) дочь Веры понимает язык своей бабушки-ульчанки и язык отца-нивха, но почти не говорит на этих языках. С мужем-нивхом и с родителями она разговаривает на русском языке.

⁶ А. В. Смоляк, Указ. раб.

Художественная литература на родном языке создана только у нанайцев. Произведения нанайских поэтов и писателей (Г. Ходжера, А. Пассара, А. Самара и др.) пользуются большой популярностью и переводятся на русский язык. Ульчский писатель А. Л. Вальдю, нивхский писатель В. Санги (уроженец Сахалина) пишут по-русски (или сами переводят свои произведения на русский язык). В своем творчестве они широко используют фольклор.

В последние годы среди сельских жителей появились свои поэты. Все чаще они создают песни и частушки на родных языках. Возрождается и исполнение старинных песен. Этому способствовали фестивали, районные национальные праздники (проводятся ежегодно с 1957 г.), на которых сельские коллективы обязательно выступают с произведениями на родных языках. У ульчей и нанайцев во время таких праздников проводятся обычно и выставки прикладного искусства.

Большую роль в организации национальных праздников и фестивалей играют районные отделы культуры, а также Хабаровский дом народного творчества, уделяющий большое внимание сохранению и развитию традиционного искусства коренного населения. Известно, что прикладное искусство стало исчезать в значительной степени вследствие прекращения или сокращения бытования многих элементов традиционной культуры. Работники Хабаровского дома народного творчества умело используют традиционные орнаменты в предметах, вошедших в быт за последние годы. Они сами создают опытные образцы и много работают в этом направлении с сельскими мастерицами. Ежегодно устраиваются выставки в районах и смотры народного искусства в Хабаровске. Однако надо отметить, что подавляющее большинство демонстрирующихся на них прекрасных произведений выполнено мастерицами 50-летнего и более старшего возраста.

На Нижнем Амуре традиционное национальное искусство благодаря квалифицированной помощи хабаровских и других работников за последние десять лет достигло больших успехов, особенно у нанайцев, ульчей, меньше — у нивхов. Во время Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности 1965 г. ульчский коллектив из с. Булава показал интересную вокально-танцевальную сюиту «Мы нашу сказку сделали былью», новые танцы которой созданы ульчем П. Л. Дечули — руководителем сельской художественной самодеятельности. Коллективы с. Булава и нанайского с. Болой, также выступившего с большой программой, получили звание лауреатов Всероссийского смотра художественной самодеятельности; П. Л. Дечули присвоено звание заслуженного деятеля культуры РСФСР.

Общесоветские формы культуры и быта получили широкое развитие у всех народов Нижнего Амура и Сахалина. Повсеместно в селах теперь можно видеть современные благоустроенные дома, состоящие из нескольких хорошо обставленных комнат. На Сахалине в новых поселках нивхов построены коттеджи, в каждом из которых по 3—5 комнат и большая застекленная веранда. Городская одежда, особенно покупная, получила широкое распространение у лиц всех возрастов. В питании широко употребляют покупные продукты. От русских коренные жители заимствовали многие бытовые предметы.

Значительные изменения претерпела традиционная техника промысла. В таких традиционных для Севера отраслях хозяйства, как рыболовство и охота, применяются капроновые сети и неводы, сложные ловушки; на Амурском Лимане строят огромные механизированные заезды. Широко используется механизированный флот. Собственные моторные лодки имеют до 80% рыбаков — нанайцев и ульчей.

В промыслах, наряду с современными орудиями, употребляются и старинные, которые очень эффективны в определенной промысловой обстановке. В частности, повсеместно употребляются удочки разных форм, на Амуре — мешкообразные подледные сети; на Лимане нивхи добывают нерп с помощью различных ловушек.

Традиционная культура у народов Амура сохраняется в разной степени. У нивхов, например, особенно амурских, традиционная культура, в том числе прикладное искусство, менее сохранилась, чем у ульчей и нанайцев. Жилища традиционных типов исчезли повсеместно, встречаются кое-где лишь старые хозяйственные постройки (амбары на столбах); постройки в виде старинных летников у нанайцев и ульчей служат теперь летними кухнями.

Лучше всего национальная одежда (особенно женская) сохраняется у нанайцев и ульчей. У них же широко бытует обувь местных форм⁷. Так, ульчи в период подледного промысла носят сапожки «пондо» из рыбьей кожи — легкие, непромокаемые, теплые, на рыбалке гораздо более удобные, чем широко распространенные валенки. У нивхов в ряде сел традиционные халаты носят только очень пожилые женщины. Промысловая одежда у нивхов лучше сохраняется на восточном Сахалине. До сих

⁷ Краткое описание обуви двух типов, распространенных на Амуре, см. в нашей статье «Этнографическое изучение ульчей в 1947 г.», «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», V, М., 1949.

пор тут широко используется (особенно на зимнем промысле) обувь из нерпичьей шкуры; некоторые еще не старые мужчины, отправляясь зимой на рыбную ловлю, надевают поверх полушубка юбку из нерпичьей шкуры.

У нанайцев и ульчей больше чем у нивхов сохраняются старинные семейные обряды, а также обычаи, связанные с религиозными верованиями.

Нам уже приходилось писать о культурной близости в прошлом народов бассейна Амура, объясняемой общностью географической среды, хозяйства, а также их тесными взаимными контактами⁸. Общность современной культуры создается на новой основе. За годы Советской власти, в результате социалистического переустройства жизни у коренных жителей повсеместно развиваются общесоветские формы культуры и быта. Тем не менее у каждого, даже самого малочисленного народа Нижнего Амура и Сахалина, сохраняются и элементы традиционной культуры, и свое национальное самосознание.

* * *

В литературе о населении бассейна Нижнего Амура обычно приводятся материалы по нанайцам, нивхам, ульчам, негидальцам и почти нет сведений об эвенках, расселенных небольшими группами рядом с нанайцами и нивхами. Мы коснемся лишь одной группы эвенков, живущих ныне на озере Орель в с. Кульчи (в 50 км от нивхов Амура). До 1930-х гг. они бродили с оленями по притокам озер Орель и Чля, у озера Мухтель, летом выходили на побережье моря в районе Тывлино.

Часть эвенков этой группы — недавние выходцы из Тугуро-Чумиканского района, но большинство живет тут давно («здесь..родились наши деды», — говорили нам старики).

Из эвенкийских родов нами зафиксированы: Мэкэг'и, Ыг'инкэг'и, Ыдян, Бута, Лалегир, Кони́га (в основном это местные роды; лишь некоторые из Ыдян пришли с Торома, Сахалина, а некоторые Бута — с Чумикана, с Амгуни). В этом районе в тесном общении с эвенками живут якуты (часть их прибыла из Якутии, часть родилась в Чумикане). Приведем данные о родовом составе и смешанных эвенкийско-якутских семьях этой группы (у эвенков указывается родовая принадлежность):

Муж	Жена	Число семей	Муж	Жена	Число семей
Якут	Кони́г'а	2	Метис (отец —	Кони́г'а	1
Мэкэг'и	Бута	2	якут, мать —		
Бута	Кони́г'а	1	эвенка)		
Якут	Бута	1	Негидалец	Метиска (отец —	1
Бута	Якутка	1		якут, мать —	
Ыг'инкэг'и	Якутка	2		эвенка)	
Кони́г'а	Ыг'инкэг'и	3	Ыдян	Метиска (отец —	1
Ыг'инкэг'и	Ыдян (с Сахалина)	1		якут, мать —	
Ыг'инкэг'и	Бута	1		эвенка)	
Кони́г'а	Мэкэг'и	1			
Якут	Ыг'инкэг'и	2	Метис (отец —	Метиска (отец —	1
Мэкэг'и	Ыдян	1	якут, мать —	негидалец, мать —	
Бута	Ыдян	1	Кони́г'а)	метиска)	
Ыдян	Метиска (отец —	1	Метис (отец —	Метиска (отец —	1
	якут, мать — негидалка)		якут, мать —	русский, мать —	
			Кони́г'а)	Бута)	
Мэкэг'и	Метиска (отец —	1	Метис (отец —	Нивхка	1
	якут, мать — негидалка)		якут, мать —		
			Кони́г'а)		
Ыдян	Якутка	1	Бута	Эвенка	1
			Якут	Якутка	1

В этой группе, насчитывающей сейчас 102 человека, зафиксировано всего 25 смешанных в национальном отношении семей (в двух поколениях).

Среди эвенков с. Кульчи есть и местные уроженцы (родившиеся в тайге близ озера Орель), и уроженцы Тывлино — селения, находившегося в 30 км к северу от

⁸ А. В. Смоляк, Указ. раб.

Коль-Никольска, на берегу Охотского моря. Там жили эвенки той же самой кульчинской группы. Летом они ловили рыбу, занимались добычей морского зверя, а с осени на зиму уходили в тайгу. Семьи некоторых малооленных эвенков оставались здесь иногда зимой, ожидая, когда вернутся охотники с промысла. В 1930-е годы тут был создан оленеводческий колхоз, который затем объединился с колхозом в с. Кульчи.

До революции от г. Николаевска до Чумикана проходил почтовый тракт, по нему эвенки на оленях возили грузы. Жители данного района таким образом общались с чумиканскими и тугурскими эвенками; оседали здесь и некоторые выходцы с Чумикана и Торома. Они уезжали потом в свои родные места, иногда довольно продолжительное время (2—3 года) оставались там, а затем возвращались на постоянное жительство в этот район.

Теперь большинство эвенков живут здесь безвыездно. Во время охоты они не выходят на Амгунь, связи с негидальцами у них редки. Вообще эта группа отличается замкнутостью.

Все жители этого района в той или иной степени владеют и якутским⁹ и эвенкийским языками. Даже в семьях, где нет якутов, если и не говорят на якутском языке, то понимают его. Якуты (особенно уроженцы этих мест), как правило, хорошо говорят по-эвенкийски; но встречаются и такие, которые живут в этом районе 25—30 лет и все же по-эвенкийски говорят плохо.

Русский язык знают все: и старики и молодежь. В смешанных и в однопородных семьях дети школьного возраста говорят по-русски; в тех семьях, где есть старики, дошкольники знают родной язык; родители же с детьми чаще всего говорят по-русски.

В прошлом население этого района часто соприкасалось с нивхами, которые приезжали рыбачить на озеро Орель, где летом промышляли и многие эвенки. Ежегодно в начале января на берегу Орель недалеко от современного селения Кульчи проходили ярмарки, куда прибывало много народа: здесь производился сбор ясака, священник совершал различные требы, приезжали чиновники и торговцы из Николаевска (их привозили на собачьих упряжках нивхи, остававшиеся до конца ярмарки). Эвенки кроме пушнины продавали также оленин шкуры, торбаза, рукавицы, запасались предметами первой необходимости у русских торговцев. У нивхов они приобретали рыболовные сети. На Амур эвенки почти не выходили. Старожилы вспоминают, что «уже в колхозе, в 1948 г. они ходили на Амур промышлять кету». И в настоящее время эвенки мало общаются с населением Амура, живущим вблизи выхода протоки из озера Орель. С нивхами, выходившими на Орель для промысла, эвенки старались не встречаться, а при встречах держались откровенно. Это было связано с религиозными предрассудками: эвенки считали себя ревностными христианами, осуждали нивхов за то, что они «некрещенные и невенчаные».

По свидетельству самих эвенков, в прошлом совсем не заключались браки с нивхами. Мы встретили в селе лишь одну смешанную эвенкийско-нивхскую семью, причем эвенка, женившегося на нивхке, порицали его родственники.

Кульчинские эвенки довольно обособленно держатся не только в отношении нивхов, но и негидальцев, хотя, как известно, язык последних близок к эвенкийскому. Эвенки всегда подчеркивают, что негидальцы — «совсем другой народ». В районе озер Орель и Мухтель смешанных эвенкийско-негидальских браков почти нет; эвенки этого района на Амгунь не ходили, а люди с Амгуни здесь бывали редко.

Что же касается негидальцев, то им было чуждо обособление от соседей. Так, в Коль-Никольском и на о-ве Байдукова было несколько семей негидальцев — переселенцев с Амура, впоследствии породнившихся с местными нивхскими семьями. Сейчас здесь живут две смешанные нивхско-негидальские семьи — в с. Коль-Никольское и в с. Макаровка.

Кульчинские эвенки по уровню культурного развития не уступают другим народностям Приамурья. Восемь уроженцев села (семь девушек, один юноша) получили специальное среднее образование и работают сейчас в различных селах Дальнего Востока и Сибири.

Однако эта группа эвенков держится замкнуто, обособленно. Быт их своеобразен, в нем сочетаются элементы новой общесоветской культуры и традиционного уклада. Как уже отмечено, эвенки этой группы только в 1930 г., когда был создан колхоз, стали жить оседло. Сейчас срубные дома есть у всех эвенков.

Летом эвенки пользуются «угданами» (летними кухнями) — четырехугольными в плане постройками с деревянными стенками (из дранок или досок). Основа угдана — столбовой каркас, являющийся также опорой для двускатной крыши.

⁹ До революции из Якутии и Тугура постоянно ходили якутские торговцы на Амур, на Орельскую ярмарку, в Николаевск-на-Амуре; они проходили по этому району, эвенки с ними регулярно общались.

У эвенков распространена городская одежда, многие пользуются покупной одеждой. Пожилые женщины носят платья на кокетке, с длинными рукавами, с отложным воротником. Широко употребляется традиционная обувь местного изготовления из оленьих камусов. Оленей у кульчинских эвенков давно нет. Однако части оленьей упряжи, выючные сумы у эвенков сохраняются.

* * *

Таким образом, национальные процессы, происходящие в районах Нижнего Амура и Сахалина в советское время, привели к значительной трансформации материальной и духовной культуры всех коренных народностей. В основе этих преобразований лежит мощное влияние общесоветской культуры.

Степень бытования традиционной культуры у народов Нижнего Амура и Сахалина различна. У одних, особенно у наиболее компактно расселенных нанайцев и ульчей, сохраняются традиционные промысловые орудия, хорошо приспособленные к местным условиям, связанные с промыслами транспортные средства, навыки в рыболовстве, охоте и т. д., а также ряд семейных обычаев, на которые оказали влияние религиозные верования (их придерживаются старики); довольно широко бытуют национальные одежда и обувь, прикладное искусство. Слабее прослеживается традиционная культура у нивхов (особенно амурских), расселенных малыми группами на большой территории.

По имеющимся в нашем распоряжении материалам нельзя говорить о слиянии коренного населения с соседними крупными народами (лишь негидальцы, живущие в амурских селах, постепенно сливаются с нивхами и русскими, однако у них сохранен родной язык, развито национальное самосознание).

Осуществление в СССР ленинской национальной политики обеспечило развитие всех народов, в том числе и малых народов Севера. Достигнуто главное: каждая, даже самая малочисленная народность, имеет все возможности для всестороннего подъема культуры и экономики.

П. Банерджи

НЕКОТОРЫЕ ЭВОЛЮЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ОДОНТОЛОГИИ БЕНГАЛЬЦЕВ

В области зубной системы замечены эволюционные изменения, направленные в общем в сторону упрощения и редукции. Работы ряда авторов, например А. Дальберга¹, показали, что эти изменения протекают не в одно и то же время в разных географических и расовых группах. Специалисты, как правило, уделяли больше внимания морфологии коронки, а исследований, посвященных корневой системе, было мало.

В данной работе, наряду с обычным исследованием бугорков моляров, предпринята попытка рассмотреть некоторые эволюционные аспекты строения корней зубов населения Бенгалии. К сожалению, мы не имели возможности изучить частоту лопатообразной формы резцов и клыков, так как в большинстве черепов изучаемой серии эти зубы отсутствовали. Данные, касающиеся частоты врожденного отсутствия зубов и веса зубов, рассматривались нами ранее².

Изучаемая серия состояла из 99 черепов взрослых индивидуумов (62 мужских, 37 женских) и 87 нижних челюстей (61 мужская и 26 женских), собранных в Контаи (район Миднапура, Западная Бенгалия). Определение пола производилось по методу А. Грдлички³, Джайлса и Эллиота⁴. После очистки и подготовки материала мы исследовали жевательную поверхность моляров. Затем черепа и челюсти погрузили на 24 часа в воду, содержащую раствор едкой щелочи, чтобы облегчить экстракцию зубов. Зубы были извлечены из ячеек с помощью хирургических щипцов. Строение корневой системы изучалось либо непосредственно на зубах, либо по ячейкам, отражающим число и форму корней⁵.

Характеристика жевательной поверхности моляров.

Моляры верхней и нижней челюстей имеют простой узор борозд, бугорки не расчленены дополнительными бороздками. Данные, касающиеся числа и расположения бугорков, представлены соответственно на табл. 1 и 2. Нами исследовались правая и левая стороны челюстей, но чтобы сделать полученные данные сравнимыми с материалами других авторов, в табл. 1—4 приводится средняя величина по каждому признаку обеих сторон. На верхней челюсти почти все первые моляры у обоих полов имеют по 4 бугорка (мужчины — 98,8%, женщины — 94,3%). Символ 4 —, приведенный в таблице, означает редукцию размеров дисто-лингвального бугорка в соответствии с описанием А. Дальберга⁶. Четырехбугорковый второй верхний моляр чаще встречается у мужчин (70,2%), чем у женщин (38,0%), у которых этот зуб обнаруживает более выраженную тенденцию к редукции размеров дисто-лингвального бугорка (мужчины — 10,9%, женщины — 32,5%). Полное исчезновение дисто-лингвального бугорка чаще наблюдается у женщин (мужчины — 18,9%, женщины — 29,5%). Третий верхний моляр у обоих полов в большинстве случаев имеет 3 бугорка. Эта тенденция к редукции числа бугорков второго и третьего верхних моляров представляется более выраженной на правой стороне челюсти, чем на левой у обоих полов.

¹ A. A. Dahlberg, Dental evolution and culture, «Human Biology», № 35, 1963, стр. 237.

² P. Banerjee, Missing teeth in Bengalee skulls, «Science and Culture», № 29, 1963; стр. 407; ее же, Weight of Bengalee skulls, mandibles and teeth, «Science and Culture», № 30, 1964, стр. 207.

³ A. Hrdlicka, Practical anthropometry, Philadelphia, 1957.

⁴ E. Giles, O. Elliot, Sex determination by discriminant function analyses of crania, «American Journal of Physical Anthropology», 1963, № 21, стр. 53.

⁵ Автор выражает признательность доктору Сушил Кумар Босу за любезное разрешение экстрагировать зубы для исследования.

⁶ A. A. Dahlberg, The changing dentition of Man, «Year Book of Physical Anthropology», № 48, 1945.

Таблица 1

Частота моляров с разным числом бугорков, %*
Верхняя челюсть

Мужчины	M ¹		M ²		M ³	
	левая сторона	правая сторона	левая сторона	правая сторона	левая сторона	правая сторона
Число бугорков						
4	97,5 (98,8)	100,0	72,7 (70,2)	67,7	33,3 (28,4)	23,5
4—	2,5 (1,2)	—	12,1 (10,9)	9,7	8,3 (13,0)	17,7
3	—	—	15,2 (18,9)	22,6	58,4 (58,6)	58,8
Женщины						
4	96,2 (94,3)	92,3	52,4 (38,0)	23,5	33,3 (29,9)	12,5
4—	—	3,8 (1,9)	23,8 (32,5)	41,2	11,1 (18,0)	25,0
3	3,8 (3,8)	3,8	23,8 (29,5)	35,3	55,6 (59,1)	62,5

Нижняя челюсть

Мужчины	M ₁		M ₂		M ₃	
	левая сторона	правая сторона	левая сторона	правая сторона	левая сторона	правая сторона
Число бугорков						
5	68,0 (66,2)	64,3	—	—	50,0 (35,3)	20,8
4	32,0 (33,8)	35,7	92,0 (94,2)	96,3	45,0 (53,8)	62,5
3	—	—	8,0 (5,8)	3,7	5,0 (10,9)	16,7
Женщины						
5	80,0 (81,7)	83,3	—	4,8	42,9 (34,0)	25,0
4	20,0 (18,3)	16,7	100,0 (97,6)	95,2	42,9 (55,8)	68,8
3	—	—	—	—	14,2 (10,2)	6,2

* Цифры, данные в скобках, обозначают средние величины правой и левой сторон.

Первый нижний моляр большей частью пятибугорковый, причем у женщин процент этой формы выше (81,7%), чем у мужчин (66,2%). Второй и третий нижние моляры обычно имеют у обоих полов по 4 бугорка (M₂ — 94,2% для мужчин и 97,6% для женщин; M₃ — 53,8% для мужчин и 55,8% для женщин). Билатеральная асимметрия у обоих полов ярче выражена на третьем моляре: правый зуб мудрости обнаруживает большую степень редукции числа бугорков.

Из табл. 2 видно, что форма У5 наиболее часто встречается на первом нижнем моляре (62,1% у мужчин, 73,2% у женщин). Узор второго и третьего моляра обычно представляет собой крестообразную фигуру (+4). Частота этого типа составляет 85,5% на вторых молярах и 44,4% на третьих молярах в мужской серии и соответственно 70,3 и 39,1% в женской серии. Третий нижний моляр у обоих полов обнаруживает, кроме того, высокий процент формы +5 (мужчины — 38,9%, женщины — 25,9%).

Характеристика корневой системы.

Клыки. По одному случаю двукорневого нижнего клыка было обнаружено в мужской и женской сериях, оба раза на левой стороне. Подобное отклонение ни разу не было отмечено на верхней челюсти.

Премоляры. Табл. 3 показывает, что у мужчин однокорневой и двукорневой верхний первый премоляр встречаются одинаково часто (43,7%), в то время как в

Таблица 2

Распределение частот различных узоров жевательной поверхности нижних моляров

Мужчины	M ₁		M ₂		M ₃	
	левая сторона	правая сторона	левая сторона	правая сторона	левая сторона	правая сторона
У5	59,1 (62,1)	65,2	—	—	5,6 (2,8)	—
+5	18,2 (15,6)	13,0	—	—	50,0 (38,9)	27,8
У4	18,2 (15,6)	13,0	13,0 (14,5)	16,0	11,1 (13,9)	16,7
+4	4,6 (6,7)	8,7	87,0 (85,5)	84,0	33,3 (44,4)	55,5
Женщины						
У5	75,0 (73,2)	71,4	—	5,0 (2,5)	25,0 (12,5)	—
+5	6,3 (10,4)	14,4	—	—	25,0 (25,9)	26,7
У4	12,5 (9,8)	7,1	29,4 (27,2)	25,0	25,0 (22,5)	20,0
+4	6,3 (6,7)	7,1	70,6 (70,3)	70,0	25,0 (39,1)	53,3

женской серии более выражена тенденция к редукции числа корней, причем частота однокорневых и двухкорневых первых верхних премоляров равна соответственно 65,7 и 20,6%. Было отмечено несколько случаев (мужчины — 12,6%, женщины — 13,7%), когда корни имели более или менее выраженные продольные борозды (рис. 1). Вторые премоляры с двумя корнями встречаются у обоих полов с почти одинаковой частотой (мужчины — 6,6%, женщины — 5,5%). Двукорневые нижние премоляры очень

Таблица 3

Процент премоляров с разным числом корней

Число корней	Мужчины				Женщины			
	P ¹		P ²		P ¹		P ²	
	левая сторона	правая сторона	левая сторона	правая сторона	левая сторона	правая сторона	левая сторона	правая сторона
Верхняя челюсть								
Один	42,3 (43,7)	45,0	85,3 (84,3)	83,3	61,1 (65,7)	70,3	88,8 (87,7)	86,5
Один с бороздой	13,6 (12,6)	11,7	9,8 (9,1)	8,3	13,9 (13,7)	13,5	5,6 (6,8)	8,1
Два	44,1 (43,7)	43,3	4,9 (6,6)	8,3	25,0 (20,6)	16,2	5,6 (5,5)	5,4
Нижняя челюсть								
Один	75,4 (74,5)	73,7	96,5 (96,5)	96,5	73,1 (73,1)	73,1	96,2 (96,2)	96,3
Один с бороздой	22,8 (23,7)	24,6	3,5 (3,5)	3,5	23,1 (23,1)	23,1	—	—
Два	1,8 (1,8)	1,8	—	—	3,8 (3,8)	3,8	3,8 (3,8)	3,8

редки у обоих полов, но первые нижние премоляры с продольной корневой бороздой довольно часты (23,7 и 23,1% соответственно в мужской и женской сериях).

Моляры. Из табл. 4 видно, что дополнительные корни моляров очень редки, а редукция числа корней по сравнению с нормой, напротив, отчетливо выражена в рассматриваемой серии. На верхней челюсти тенденция к слиянию корней особенно

выражена среди вторых и третьих моляров. В мужской серии: M_2 —32,7%, M_3 —53,9%; в женской серии: M_2 —42,3%, M_3 —60,4%. Третьи верхние моляры у женщин и третьи нижние у мужчин представляются самыми вариабильными в отношении числа корней, в то время как первые нижние моляры обеих челюстей у обоих полов

Рис. 1. Премоляры с разной степенью выраженности корневой борозды

наиболее стабильны. Правда, среди первых нижних моляров отмечено несколько случаев (мужчины—6,7%, женщины—7,7%) раздвоения верхушки переднего корня. Нужно заметить, что слияние корней верхних моляров чаще всего происходит двумя путями: 1) срастаются передний буккальный корень с лингвальным (мужчины—47,6%, женщины—65,2%) и 2) срастаются оба буккальных корня (мужчины—38,1%,

Рис. 2. Моляры с пирамидальной формой редукции корня (лингвальная норма)

женщины—30,4%). На нижних молярах срастание всегда начинается с буккальной стороны. В нашей коллекции пирамидальная форма редукции корней моляров⁷ среди первых нижних моляров была найдена только один раз (левая сторона). Этот тип зубов (рис. 2) более обычен среди других нижних моляров (табл. 4). Истинный тавро-

⁷ E. K. Tratman, A comparison of the teeth of people, Indo-European racial stock with the Mongoloid racial stock, «Year Book of Physical Anthropology», 1950.

донтизм не наблюдался в нашей коллекции, если не считать одного случая тенденции к тавродонтизму, отмеченного на левом верхнем третьем моляре в мужской серии.

Таким образом, описанная серия обнаруживает очевидную редукцию бугорков моляров и другие показатели структурного упрощения. Степень редукции варьирует в зависимости от стороны челюсти и от пола. Второй и третий верхние моляры, а также

Таблица 4

**Процент моляров с разным числом корней
Верхняя челюсть**

М у ж ч и н ы	М ¹		М ²		М ³	
Число корней	левая сторона	правая сторона	левая сторона	правая сторона	левая сторона	правая сторона
Один с бороздой	1,7 (1,7)	1,8	12,5 (11,8)	11,1	27,5 (28,3)	29,0
Два	5,2 (4,4)	3,5	21,4 (20,9)	20,4	25,0 (25,6)	26,3
Три (норма)	93,1 (93,9)	94,7	66,1 (67,3)	68,5	47,5 (46,1)	44,7
Четыре	—	—	—	—	—	—
Ж е н щ и н ы						
Один с бороздой	—	—	27,8 (28,2)	28,6	40,0 (31,4)	23,8
Два	10,8 (10,8)	10,8	13,9 (14,1)	14,3	20,0 (29,0)	38,1
Три (норма)	89,2 (89,2)	89,2	58,3 (57,7)	57,1	28,0 (28,3)	28,0
Четыре	—	—	—	—	12,0 (11,2)	9,5

Нижняя челюсть

М у ж ч и н ы	М ₁		М ₂		М ₃	
Число корней	левая сторона	правая сторона	левая сторона	правая сторона	левая сторона	правая сторона
Один	1,7 (0,9)	—	10,9 (10,0)	9,1	12,8 (13,9)	14,9
Два (норма)	89,5 (89,5)	89,5	85,5 (86,4)	87,3	72,3 (76,6)	80,9
Два (верхушка раздвоена)	5,3 (6,1)	7,0	3,6 (2,7)	1,8	2,1 (1,0)	—
Три	3,5 (3,5)	3,5	— (5,9)	11,8	12,8 (8,5)	4,2
Ж е н щ и н ы						
Один	—	—	20,0 (17,7)	15,4	10,0 (9,5)	9,1
Два (норма)	92,3 (92,3)	92,3	80,0 (82,3)	84,6	85,0 (85,7)	96,4
Два (верхушка раздвоена)	7,7 (7,7)	7,7	—	—	—	—
Три	—	—	—	—	5,0 (4,8)	4,5

нижний третий моляр на правой стороне у обоих полов обнаруживают несколько более выраженную тенденцию к редукции бугорков по сравнению с одноименными зубами левой стороны. В женской серии наблюдается несколько более высокий уровень редукции числа бугорков моляров по сравнению с мужской серией. Половой диморфизм в строении первых нижних моляров выражается, напротив, в том, что эти зубы отличаются у мужчин большей степенью редукции. Таким образом, в числе зубов, обнаруживающих наиболее выраженные эволюционные сдвиги в своем строении, оказываются

как моляры из женской серии (второй и третий верхние), так и моляры из мужской серии (первый нижний). Сходные данные получены М. Гольдштейном⁸. Упрощение узора коронки нижних моляров (+4, +5) в нашей серии чаще отмечается у мужчин, причем процент плюс-узора (суммарно +4, +5) у них выше на правой стороне челюсти. О редукции числа корней (так же как и числа бугорков, и упрощения узора коронки моляров) можно сказать, что она является очевидным показателем эволюции зубной системы, мало известным лишь в силу ограниченного числа исследований в этой области. А. Дальберг⁹ указывал на более значительную подверженность корневой системы влияниям внешней среды по сравнению с таким признаком, как число и расположение бугорков коронки, поскольку последний признак завершает свое развитие еще до прорезывания. На это обстоятельство, разумеется, нельзя не обратить внимания при исследовании зубной системы.

Следует отметить очень высокий процент однокорневых форм первого верхнего премоляра (мужчины — 43,7%, женщины — 65,7%) в нашей серии, что находится в противоречии с учебниками анатомии, где названный зуб обычно характеризуется как двукорневой¹⁰.

Кроме описанных особенностей, представляют интерес встреченные неоднократно в нашей коллекции у обоих полов более или менее выраженные продольные бороздки на корнях верхних и нижних премоляров (рис. 1). Можно ли объяснить это явление, как промежуточную ступень при постепенном преобразовании двукорневых премоляров в однокорневые и в какой степени оно определяется наследственными и расовыми факторами, покажут дальнейшие исследования.

В нашей коллекции наблюдалась также билатеральная асимметрия в степени редукции числа корней верхних премоляров, что было особенно отчетливо выражено в женской серии.

Значительная степень редукции числа корней у обоих полов была отмечена нами для второго и третьего верхних моляров, причем соответствующие частоты случаев редукции оказались следующими (объединенные частоты однокорневых и двукорневых форм): M_2 — 32,7%, M_3 — 53,9% в мужской серии и M_2 — 42,3%, M_3 — 60,4% в женской серии.

Отмеченная нами большая частота случаев редукции числа корней первых верхних премоляров, а также вторых и третьих моляров, к сожалению, не может быть сопоставлена с данными по другим популяциям, которые в этом отношении не изучены. Однако в отношении числа бугорков и узора коронки такого рода сопоставление возможно. Можно указать на близкое сходство нашей серии с коллекцией зубов белых американцев по строению первого и второго нижних моляров, с серией европейцев по третьему нижнему моляру и значительное отличие бенгальской серии от монголоидных групп¹¹. Наши данные очень хорошо согласуются также с «индо-европейской» группой Грэтмена по другим одонтологическим признакам, резко отличаясь в то же время от «монголоидной» группы того же автора. Таким образом, в истоках этнической истории современного населения Бенгалии следует видеть немонголоидное население, по крайней мере в той области, откуда взяты рассмотренные выше материалы.

Перевод А. А. Зубова

⁸ M. Goldstein, The cusps in the mandibular molar teeth of the Eskimo. «American Journal of Physical Anthropology», vol. 16, 1932, стр. 215.

⁹ A. A. Dahlberg, Genetic aspects of evolution of the human dentition in genetics and dental health. Proceedings of International Symposium, National Institute of health, London, 1961.

¹⁰ См.: «Gray's Anatomy», London, 1958, p. i361; «Cunningham's text-book of anatomy», Oxford University Press, 1951, p. 570. J. Young, Outline of oral and dental anatomy, London, 1964.

¹¹ W. K. Chagula, The cusps on the mandibular molars of East Africans, «American Journal of Physical Anthropology», vol. 18, 1960, стр. 83.

Л. Е. Куббель

**МАТЕРИАЛЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
ОТНОШЕНИЯМ У НАРОДОВ ЭФИОПИИ
В ТРУДАХ А. К. БУЛАТОВИЧА**

(ЭКСПЕДИЦИИ 1896—1899 гг.)

Материалы, собранные многочисленными русскими путешественниками в Эфиопии в конце XIX — начале XX в., послужили важнейшим источником для расширения изучения в России этой страны. По своему характеру они в самом общем виде могут быть разделены на две основные группы: к первой относятся обширные собрания предметов материальной и духовной культуры, составившие гордость коллекции Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР, вторую образуют записи путешественников, как опубликованные, так и хранимые в различных архивах Советского Союза.

Конечно, между этими двумя категориями исторических источников не существует непреходимой грани — прежде всего потому, что записи и описания собранных путешественниками предметов обычно неразрывно связаны с коллекциями и дополняют их. Вероятно, именно поэтому рукописные материалы русских путешественников по Эфиопии посвящены главным образом материальной культуре и, в меньшей степени, быту населения (если отвлечься от географических данных, которые сами по себе имеют немалую научную ценность). Сведения же о социально-экономических отношениях содержатся лишь у А. К. Булатовича, Л. К. Артамонова, Н. П. Бровцына и А. И. Кохановского. На первом месте среди этих исследователей стоит, несомненно, А. К. Булатович, неоднократно посещавший в 1896—99 гг. западные и юго-западные районы Эфиопии. К тому же Н. П. Бровцын, также уделивший в своей антропологической работе некоторое внимание социально-экономическим проблемам, в этом отношении оказался, за одним только серьезным исключением, в полной зависимости от материалов Булатовича.

Во время своих поездок Булатович собрал в высшей степени интересные данные о хозяйстве и социальной структуре крупнейших групп населения страны — галла центральных и западных областей, амхара центральных районов, жителей Каффы и юго-западных окраин Эфиопии. Эти сведения большей частью вошли в опубликованные им отчеты о двух первых путешествиях¹, но до настоящего времени почти не привлекали специального внимания исследователей.

Из всех проблем, оказавшихся в поле зрения Булатовича, выделяются как своей важностью, так и богатством собранных сведений, три: состояние общества у галла (оромо) и влияние на них соседей — амхара; окончательное сложение в центре и на западных окраинах единого класса зависимого крестьянства; вопрос об общем характере государства Менелика II. Рассмотрению материалов путешественника по трем этим вопросам, неразрывно связанным друг с другом, и посвящается настоящее сообщение.

Наибольший интерес представляют, пожалуй, сообщения о тех частях народа галла (оромо), которые населяли западные и юго-западные провинции эфиопского государства. В свое время М. В. Райт — единственный исследователь, проявивший интерес к социально-экономическим материалам Булатовича, — справедливо отметила, что «никто из русских путешественников не привез таких интересных и подробных сведений о галла»². Особенную ценность наблюдениям Булатовича придает то, что он застал общество галла в то самое время, когда у них происходило быстрое вытеснение еще сохранившихся до того остатков родового общества под влиянием, с одной стороны, развития их собственного хозяйства, а с другой — в результате взаимодействия с более высокой культурой амхара, которые как раз в конце XIX в. завершили политическое подчинение

¹ А. К. Булатович, От Энтото до реки Баро, Отчет о путешествии в юго-западные области Эфиопской империи в 1896—1897 гг., СПб., 1897; его же, С войсками Менелика II, Дневник похода из Эфиопии к озеру Рудольфа, СПб., 1900.

² М. В. Райт, Русские экспедиции в Эфиопии в середине 19 — начале 20 в. и их этнографические материалы, «Африканский этнографический сборник», I, М., 1956. стр. 255.

галласского населения этих областей. Именно неустойчивый, подвижный характер социально-экономической структуры в данном случае позволил вдумчивому и серьезному наблюдателю, каким был Булатович, увидеть, так сказать, самое движение исторического процесса.

У галла племен тулама и меча Булатович обнаружил, с одной стороны, сохранение не только крупных родовых объединений — семь у первых и пять у вторых, но и «массы мелких родов», из которых каждый занимал свою строго определенную территорию, хотя все эти подразделения отчетливо сознавали свою принадлежность к одной крупной этнической общности — народу галла³. Конечно, в значительной мере родовая организация существовала как пережиточное явление — в ходе исторического развития, особенно в течение бурного XVI в., она испытала очень сильные разрушающие воздействия. И все же уровень социально-экономического развития галла в посещенных Булатовичем областях еще не был повсеместно настолько высок, чтобы потребность в такой организации отпала окончательно.

С другой стороны, путешественник обратил внимание на то, что у этого народа существовали три, как он выразился, «оттенка культуры». Они были представлены, во-первых, оседлыми животноводами, почти не занимавшимися земледелием; во-вторых, теми галла, которые занимались почти исключительно земледелием и пчеловодством; и, в-третьих, теми, которые объединяли оба предшествующих типа занятий, а кроме того, еще имели и «кустарные промыслы», т. е. достаточно развитое ремесленное производство. При этом все три типа хозяйства были четко локализованы, и естественно, что провинции с более развитыми формами хозяйства были и более богатыми⁴. Материалы Булатовича указывают к тому же на существование сложившихся и ставших традицией торговых связей между галла и амхарским населением центральных областей страны. Причем купцы-галла «свои товары... редко довозят до моря, а предпочитают их сбывать в Годжаме, Шоа или Джимме-Абедафара»⁵. В то же время у самих галла торговля, по словам Булатовича, находилась «в переходном состоянии от меновой к денежной»⁶.

Интенсивная торговля, подробно описанная Булатовичем, еще более усиливала неравномерный характер хозяйственного развития отдельных групп галла. К тому времени, когда путешественник посетил эти области, давно уже сложилось своеобразное общественное разделение труда между более и менее развитыми провинциями, в котором последним отведена была только роль поставщиков скота, преимущественно вьючного⁷.

Неравномерность развития хорошо видна и из сообщений о религиозной принадлежности галла: ислам, замечает Булатович, был распространен только в Джимме (т. е. в самой развитой и богатой провинции из тех, которые он посетил во время первого путешествия), а также среди купцов и «выдающихся по положению», прочие же галла оставались «еще язычниками»⁸.

Указанные выше три типа хозяйства Булатович рассматривает как «три переходные степени от не оседлого состояния к вполне оседлому». При этом он отчетливо видел связь между амхарским завоеванием и темпом этого перехода: завоевание заметно ускоряло оседание кочевников-галла на землю, поскольку при покорении войсками центрального правительства они теряли значительную часть скота и были вынуждены переходить на полукочевое земледелие. Этому способствовало наличие большого количества свободных земель в прежде чисто кочевых областях.

Большая заслуга Булатовича в том, что он видит зависимость между существовавшими у галла формами земельной собственности и указанными выше хозяйственными типами. «В связи с этим, — писал Булатович, — идет развитие понятия о праве земельной собственности отдельно от права владения. В первом случае вся земля и вода есть общая собственность рода. Во втором случае лицо имеет право на землю, которой активно владеет. В третьем случае мы видим точное разграничение земельных участков, куплю, продажу и обязательства»⁹. И в то же время материалы Булатовича убедительно подтверждают, что родовая организация была не только пережитком определенной формы общественного устройства, но у отдельных групп населения сохраняла и вполне реальное экономическое содержание.

Конечно, и экономика, и общественные отношения у галла развивались не изолированно, а во взаимодействии с их развитием у соседних народов, и в первую очередь — у амхара. И в этой связи нельзя не обратить внимание на мнение Булатовича относительно будущего галла. Он видел это будущее в постепенном слиянии галла в единую

³ А. К. Булатович, От Энтото до реки Баро, стр. 63—64.

⁴ Там же, стр. 60.

⁵ Там же, стр. 73.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 60.

⁸ Там же, стр. 73.

⁹ Там же, стр. 69.

этническую общность с носителями более высокой культуры, какими были амхара; «тем более,— писал он,— что последние очень умело и тактично с ними (т. е. с галла.— Л. К.) обращаются, не насилуя их нравов и верований и относясь к ним законно и справедливо»¹⁰.

Однако контакты галла с амхара не ограничивались областью культуры и хозяйства. Не говоря уже о влиянии обмена и заимствования производственного опыта, при подчинении императорской власти тех или иных местностей в них устанавливались такие порядки, какие свойственны были наиболее развитым центральным областям государства. При постепенном объединении эфиопского государства вокруг амхарской народности более развитые социально-экономические отношения, существовавшие у последней, своеобразно «накладывались» на то, что имелось у других народов страны.

Как отмечал Булатович, все земли, населенные галла, при завоевании объявлялись собственностью короны. Население же таких земель прикреплялось к ним и несло повинности в пользу завоевателей, в форме ли прямых податей или же работы на воинов императорской армии, которые получали участки земли с сидевшими на них крестьянами в «кормление». Естественно, что такого рода изменения легче протекали там, где, по словам путешественника, уже появилась частная собственность на землю — в таких, сравнительно высокоразвитых областях, как Лиека, Уалаге, Джимма¹¹.

Закрепощение крестьян-галла на новых землях было делом настолько обычным, что Булатович, зная ставки, по которым обычно производилось наделение чинов императорской армии «кормлениями», смог воспользоваться этими данными для подсчета численности населения тех местностей, где он проходил при первом путешествии. Другим источником послужило ему число назначенных глав отдельных галласских родов и их помощников — «аба-коро» и «аба-ланга»: при подчинении земель императорская власть обычно ликвидировала те из прежних форм управления, которые были отмечены сильным отпечатком норм родовой демократии — такие, например, как «лубе» — советы глав отдельных родов, периодически сменявшихся в своем составе. На их место центральная власть и ее наместники и ставили «начальников родов». Этим обычно и ограничивалось ее вмешательство во внутренние дела покоренного населения, хотя не исключалась и возможность столкновений между традиционной местной администрацией и военными, получавшими «кормления» в этих местностях — пример такого спора Булатович нам показывает¹².

Русский путешественник ясно видел связь между положением крестьянства на вновь присоединенных землях и существованием довольно еще многочисленных в его время рабов. Известно, что император Менелик II законодательно запретил работорговлю и ограничил некоторые формы рабовладения. Однако освобождение рабов затянулось, и далеко не сразу они стали свободными людьми — в Джимме, отмечает Булатович в начале 1898 г., «потомки прежних рабов находятся в настоящее время в зависимом состоянии, аналогичном с положением наших крестьян во время крепостного права»¹³. Но одновременно он не раз говорит о все более и более проявлявшемся стремлении вместо захвата рабов и их угона использовать население вновь подчиняемых областей скорее в качестве сервов, сидящих на земле. Тенденция к превращению раба в крепостного была, несомненно, основана на экономической необходимости: к этому времени рабский труд не мог уже играть важной роли в хозяйстве страны, особенно в земледелии; а об этом как раз и говорил Булатович¹⁴.

В то же время виднейшие государственные деятели Эфиопии хорошо понимали, что вопрос о рабстве и работорговле был тесно связан с международным авторитетом государства. Булатович рассказывает, как рас Уальде Георгис, подвергнув суровому наказанию нарушителя указа о запрещении продажи военнопленных, заметил: «Осел! Ему нужно было только три талера за раба, а ведь он не понимает, что за Эфиопию следит теперь вся Европа!»¹⁵.

Описание положения крестьян и рассмотрение проблемы рабовладения привели путешественника к бесспорному выводу о том, что в конце XIX в. в Эфиопии завершалось сложение единого класса зависимого крестьянства (именно словом «класс» пользовался Булатович). Основной смысл процесса был ему совершенно ясен, хотя Булатович прекрасно видел и локальные различия. В частности, если в амхарских областях существовали две главные категории крестьянства — «гебар» (крепостные) и «гиндзельт» (лично свободные, но обязанные повинностями; в некоторых местностях они даже считались собственниками своих участков), то в Каффе, например, с «зависимым,

¹⁰ А. К. Булатович, От Энтото до реки Баро, стр. 83.

¹¹ Там же, стр. 60, 82.

¹² А. К. Булатович, С войсками Менелика II, стр. 85—86.

¹³ Там же, стр. 26.

¹⁴ А. К. Булатович, От Энтото до реки Баро, стр. 103; ср. также Н. П. Бровцын, Абиссинцы провинции Шоа (серия докторских диссертаций, допущенных к защите в Императорской Военно-Медицинской Академии в 1908—1909 учебном году. № 34), СПб., 1909, стр. 91; М. В. Райт, Указ. раб., стр. 271.

¹⁵ А. К. Булатович, С войсками Менелика II, стр. 86.

условно свободным, не несущим военной службы населением» еще задолго до конца XIX в. стали сливаться в единый класс зависимых крестьян пленные рабы¹⁶. Другими словами, в Каффе процесс продвинулся дальше, чем в центре государства.

Как же оценивал сам Булатович социальное-экономическое устройство современной ему Эфиопии? Булатович не был специалистом-историком, тем более не был он материалистом в понимании исторических фактов, хотя отдельные его высказывания и оценки сделали бы честь любому исторiku-профессионалу. И при рассмотрении социально-экономической структуры державы Менелика II Булатович отрицал ее феодальный характер. Дело в том, что под феодализмом он понимал только политическую форму феодального строя, а отнюдь не его экономическую сущность. И сходство Эфиопии с феодальными обществами усматривал лишь в системе уделов¹⁷. Главным же отличительным признаком феодального общества Булатович считал существование устойчивых сословий, каких, по его мнению, в тогдашней Эфиопии не было.

Однако его собственные сведения об общественных группах в центре государства и в Каффе показывают как раз обратное — что такие сословия все же существовали и были достаточно определены¹⁸. И к тому же описанные самим Булатовичем имущественные, особенно земельные, отношения совершенно недвусмысленно свидетельствуют, что перед нами не просто сословия, а даже классы-сословия, т. е. явление, характерное именно для феодального общества.

Из общей концепции Булатовича проистекала и его оценка нашествия галла в XVI в. Путешественник полагал, что оно совершенно разрушило феодальную организацию в Эфиопии; главным доводом в пользу этого тезиса служило Булатовичу заметное усиление императорской власти в XVII — первой половине XVIII в. — факт сам по себе совершенно бесспорный, но обусловленный на самом деле весьма конкретными и индивидуальными историческими причинами¹⁹. Еще одно подтверждение своей точки зрения Булатович видел в устойчивом сохранении правовой фикции государственной собственности на всю землю в стране, оговариваясь, правда, что «сходство с феодальной системой заключается в существовании церковных земель, очень больших и самостоятельно управляемых»²⁰. Однако, помню сообщений Булатовича, мы в данном случае располагаем свидетельством Бровцына, который первым в отечественной научной литературе дал описание эфиопских форм лена и бенефиция в конце XIX в. — «рест» и «гульд», чисто феодальных по существу²¹.

И все же Булатович был прав, когда говорил о непрерывном усилении центральной власти (в этом он не был одинок). Одним из убедительных доводов в пользу его правоты служат приводимые им цифры государственных доходов правительства Менелика II. С земель, принадлежавших непосредственно казне, шла одна треть всех поступлений, и эта доля обнаруживала устойчивую тенденцию к постоянному и непрерывному росту²². Булатович имел достаточно оснований говорить о быстром сложении могущественного централизованного государства, к народу и правительству которого он неизменно испытывал глубокую и искреннюю симпатию.

В последнем отношении показательны выводы, которые сделал Булатович еще после своего первого путешествия в 1896—1897 гг. и которыми он заключил свой опубликованный отчет об этой поездке. В этом заключении, построенном в форме вопросов и ответов, особого внимания заслуживают два вопроса. Первый из них: «Что представляет из себя Эфиопия как государство? Основано ли его могущество исключительно на выдающейся личности Менелика, или оно покоится на твердых основаниях? Жизненно ли это государство, или оно включает в себе много разлагающихся элементов?» «Надежность государственных основ, — отвечал на это Булатович, — заключается в глубоком чувстве законности и сознательности народа, а также в том, что сильных противников императорской власти не существует... Государство имеет все задатки на долгое существование».

Ответ на второй вопрос: «Бедная Эфиопия страна или, наоборот, богатая?» — был не менее оптимистичен и исполнен веры в творческие силы народа Эфиопии: «Народ пока бедный, но страна богатейшая»²³.

В кратком сообщении нельзя рассмотреть все значение работ Булатовича для русской эфиопистики. Хочется надеяться, что этот яркий и своеобразный ученый еще дождется своего исследователя.

¹⁶ А. К. Булатович, С войсками Менелика II, стр. 48.

¹⁷ А. К. Булатович, От Энтото до реки Баро, стр. 100.

¹⁸ Там же, стр. 98—102. А. К. Булатович, С войсками Менелика II, стр. 48—49.

¹⁹ А. К. Булатович, От Энтото до реки Баро, стр. 117—118.

²⁰ Там же, стр. 100.

²¹ Н. П. Бровцын, Указ. раб., стр. 81—82.

²² А. К. Булатович, От Энтото до реки Баро, стр. 146.

²³ Там же, стр. 181—182.

Г. И. Анохин

СУДЬБА ГРЕНЛАНДСКИХ НОРМАННОВ

Ликвидация остатков Ганзейского Союза в XVII в. была радостно принята купцами крупнейшего в Норвегии порта Бергена. Руки бергенских торговцев были развязаны. Бурную деятельность проявила компания, организованная 47 купцами. Она вкладывала деньги не только в торговлю, но и в промыслы морского зверя — моржа, тюленя, кита. Сноу-ва поднялись в цене моржовая и нарвалья кость...

Тут вспомнили, что раньше, лет 300 назад, ее ввозили из Гренландии, где жили соотечественники — норманны, давным-давно переселившиеся из Норвегии. А священник Ханс Эгеде даже выдвинул идею, показавшуюся всем замечательной, — послать к соотечественникам экспедицию, установить с ними прежнюю тесную связь, а заодно возобновить проповедь христианских идей среди паствы, оторвавшейся от норвежской церкви еще тогда, когда она была не протестантской, как ныне, а католической.

Сказано — сделано. В 1721 г. экспедиция отплыла в Гренландию, и когда после долгих мытарств достигла ее холодных берегов, то торговцы и их пастор Ханс Эгеде обнаружили лишь руины давно покинутых норманнами хуторов, да кое-где промысляющих тюленя совсем чужих людей — эскимосов...

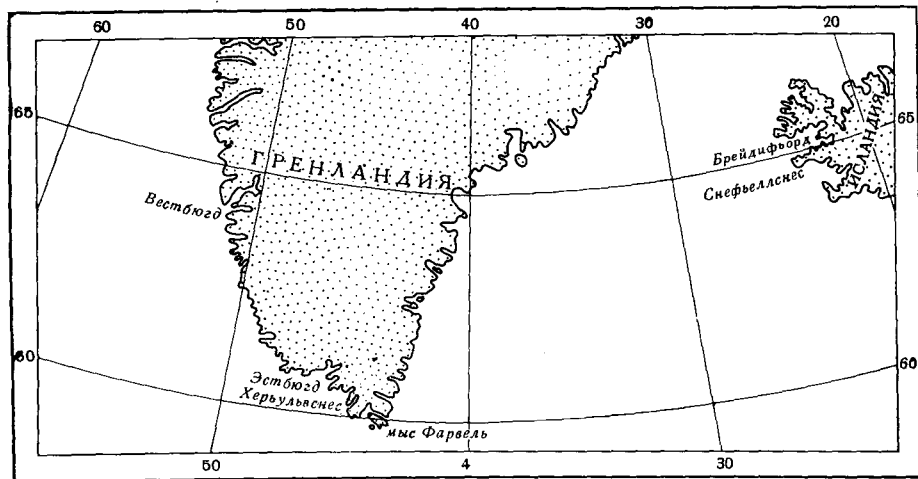
Куда же исчезли гренландские норманны? Что случилось с соотечественниками пастора и бергенских купцов?

Это очень трагичная и запутанная история, и начать ее нужно с самих истоков.

С конца VIII и до конца XI вв., в так называемую «эпоху викингов», дружины морских разбойников из Скандинавии на своих быстроходных парусно-весельных кораблях плавали вдоль берегов Европы, проникая даже в Средиземноморье, в Черное и в Каспийское моря, и опустошали, а иногда и захватывали прибрежные поселения и целые острова и архипелаги. Этих грабителей с Севера Европы, бывших в ту пору язычниками, вся христианская Европа называла викингами, если хотела подчеркнуть их образ жизни мореходов, или норманнами, если хотела подчеркнуть их этническую принадлежность к народам Северной Европы. Полагают, что название «викинги» произошло от «вик» — «залив», — т. е. «люди из заливов» или в переносном смысле «морские люди». А перевод наименования «норманны» означает «северные люди».

В конце I-го тысячелетия нашей эры, в процессе таких походов, викинги из Дании и Норвегии захватили запад Франции, а затем и часть острова Великобритания. А викинги из Западной Норвегии с семьями заселили почти безлюдные или совсем безлюдные острова Северной Атлантики — Шетландские, Оркнейские, Гебридские, Фарерские, Исландию и Гренландию.

При этом постепенно образовывались локальные географические группы населения — шетландцы, оркнейцы, гебридцы, фарерцы, исландцы, гренландцы. Поскольку в русском языке последний термин может быть спутан с понятием «эскимос» или «современный гренландский датчанин», мы ввели в этой статье точный термин, вынесенный также и в заголовок, — гренландские норманны.

Поселения норманнов в северо-западной Исландии и в Гренландии

История колонизации викингами Гренландии началась с плавания Эрика Рыжего и последовавших затем переселений его друзей и других норманнов с семьями, покинувших Исландию. Так как в нашей литературе образ Эрика Рыжего и история переселения в Гренландию до сих пор точно не отражены, мы дадим перевод этого куса исландской саги об Эрике Рыжем. В это свидетельство никто из зарубежных и отечественных ученых не внес каких-либо важных добавочных сведений, кроме попыток датировки описываемых событий.

В «Саге об Эрике Рыжем», сохранившейся в составе рукописного свода «Хауксбок» в списках 1320-х годов говорится:

«Турвальдом звали одного человека. Он был сыном Освальда, сына Ульва, сына Эксне-Туре. Сыном Турвальда был Эрик Рыжий. Турвальд и Эрик бежали из Йерена [Норвегия] в Исландию по причине убийства...».

Когда отец и сын прибыли в Исландию /а это, по мнению ученых, относится примерно к 970 г. н. э./, лучшая земля там давно была занята, и они должны были искать ее в северо-западном углу острова, на довольно бесплодных пустошах.

«Они взяли землю в Хорнстранденах [восточнее мыса Хорн, или Норд на крайнем северо-западе Исландии] и жили возле Дрангара; там и умер Турвальд. Тогда Эрик женился на Тьедхильде, дочери Йорунда Атлесёна и Турбьёрги Кнарребринге, а та тогда уже была замужем за Турбьёрном из Хаукадаля. Поэтому Эрик переселился на юг, поднял целину в Хаукадале и жил в Эрикстадюре, возле Ватсхорна. Рабы Эрика напали на усадьбу Вальтёва — Вальтёвстадюр. Эйульв Саур, его родственник, убил рабов возле Скейдбреккера выше Ватсхорна. По этой причине Эрик убил Эйульва Саура. Он дрался также и на поединке на острове Равн возле Лейксколара. Гейрстейн и Удд, родственники Эйульва, привлекли Эрика в Йорве к судебной ответственности, и Эрик был осужден на изгнание из Хаукадаля.

Он взял землю на острове Брокёй и острове Экснёй [у выхода из Хваммсфьорда в Брейдифьорд], но первую зиму жил в Традере, на острове Сюдерёй. Он дал тогда во временное пользование Тургесту столбы от кресла главы рода *. Затем Эрик переселился на Экснёй и жил в Эрикстадюре. Он потребовал возвращения столбов от кресла главы рода, но не получил их. Тогда он пошел за столбами в Брейдибульстадюр, но Тургест бежал от него. Они сражались невдалеке от [его] двора, возле Дрангара. Там пали два сына Тургеста и некоторые другие. После этой стычки оба содержали большие дружины у себя дома. Эрик получил помощь Стира, Эйульва с острова Свинёй, Турбёерна Вивильсёна и сыновей Турбранда из Альтифьорда, а Тургест — сыновей Турда Геллеса, Тургейра из Хитордаля, Аслака из Лангеватна и его сына Иллуге. Но на тинге [вече] в Турснесе Эрик и его люди были поставлены вне закона и осуждены на изгнание.

Тогда он снарядил свой корабль в Эриксвоге [на острове Экснёе]. Но Эйульв скрывал его в Димунарвоге [островок западнее острова Свинёй], в то время как Тургест и его люди искали Эрика повсюду на островах. Эрик сказал своим друзьям, что он надумал повести их за собой в ту страну, которую видел сын Ульва Крока — Гуннбёерн, когда он плавал в море на запад и нашел шхеры, названные потом его именем. Эрик сказал, что он хотел бы вернуться к своим друзьям, если он найдет ту страну. Турбёерн, и Стир, и Эйульв последовали за Эриком мимо островов и расстались затем с заверениями дружбы. Эрик обещал, что он поможет всем, как он сможет, если они будут нуждаться в нем.

Эрик отплыл в море от ледников Снефьеллсйокель и плыл в направлении ледника, который называют Блосерк [на западном берегу Датского пролива]. Отсюда он двинулся на юг для того, чтобы поискать, можно ли там заселить землю. Первую зиму он был на острове Эриксёй около средней части Эстербюгда. В следующую весну он вошел в Эриксфьорд [возле современного Юлианехоба] и там выбрал себе место для жилья. Летом он посетил ненаселенный район западнее и дал название многим местам. Во вторую зиму он был на островках Эриксхольменах [60—70 км западнее мыса Фарвель], возле мыса Кварвен. Но в третье лето он проплыл на север вплоть до Снефьелла и вошел в Равинфьорд. Тогда он подумал, не войти ли внутрь страны дальше, выше Эриксфьорда. Затем он вернулся и третью зиму пробыл на острове Эриксёй в устье Эриксфьорда. В следующее лето он вернулся в Исландию и причалил в Брейдифьорде. Зимой он был у Ингульва на Хольмлотре [восточнее Брейдавульстадюра в Скогарстрандене]. Весной Эрик сражался с Тургестом и потерпел поражение. Затем они прекратили тяжбу. Летом Эрик отправился заселять страну, которую он нашел и которую он назвал Гренландией [Зеленая страна], чтобы, как он говорил, «крепко заманить туда людей, потому что страна имела красивое название».

Мы видим, согласно свидетельствам саги, что Эрик был своенравным и драчливым человеком, и эта характеристика как раз более всего соответствовала типичному образу мужчины эпохи походов норманнов. Если теперь добавить некоторые предположительные даты, то с предысторией колонизации Гренландии вопрос будет исчерпан. Ориентировочно считают, что Эрик родился около 950 г. Изгнали его из Хаукадаля около 980 г. Он повторно был осужден на изгнание решением тинга в Турснесе около 982 г. и до 985 г. обследовал Гренландию. Вернувшись к зиме в Исландию, он следующим летом во главе большой флотилии из 35 судов отправился заселять Гренландию. На кораблях было несколько сот человек — мужчины с их семьями и зависимыми людьми, — а также коровы, лошади, овцы и собаки, запасы продовольствия и фуража, оружие и хозяйственный инвентарь. Лишь 14 кораблей достигли цели. Остальные затонули или вернулись в Исландию.

Эрик, как знаток новой страны, возглавил распределение земельных уделов. Херьюльв взял Херьюльвснес, Кетиль — Кетильсфьорд, и т. д. — каждый из соратников брал ту землю, на которую он претендовал, поскольку земли было много. Сам Эрик взял земли вокруг Эриксфьорда, наверное одно из лучших мест, обследованных им, и построил там свой двор — Братталид («Крутой склон»).

* В Норвегии раннего средневековья глава состоятельного двора имел свое персональное кресло, передававшееся из поколения в поколение в данном хозяйстве. Переселенцы из Норвегии на острова Северной Атлантики сохранили эту традицию.

Постепенно прибывали все новые и новые поселенцы, занимая все новые и более далекие места. Возникло два больших населенных района — Эстербюгд на юго-западе острова, от 60 до 61,5° сев. широты, т. е. от мыса Фарвель до современного Фредериксхоба, и Вестербюгд — на западном берегу, около 64,5° сев. широты, в районе современного Годхоба.

На земле, где поселились норманны, хотя она и примыкала к материковым ледникам, все же были прекрасные пастбища, а местами — густые заросли березы, ивы и ольхи. На суше в изобилии водились крупные гренландские олени, а в море и фьордах — треска, моржи, тюлени, киты и белые медведи. Животные не знали человека, и это облегчало охоту на них.

Гренландские норманны занялись животноводством, охотой, рыбной ловлей и промыслом морского зверя. И хотя климат в ту пору был мягче, чем позднее, все же земледелие в условиях сырого Приполярья в ту пору было невозможно и зерно приходилось ввозить из Норвегии.

Тот самый уклад железного века, который господствовал в Норвегии до начала заселения норманнами островов Северной Атлантики, сохранился и в Гренландии. Это была переходная стадия развития общества, эпоха военной демократии. Местное общество состояло из больших патриархальных семей землевладельцев. В состав большой семьи, помимо жены и детей, входили семьи взрослых сыновей, а также чужие зависимые люди и рабы. Труд последних использовался на строительных работах, в кузницах, которые, возможно, имела каждая большая семья. Они же были пастухами. Главы знатных больших патриархальных семей землевладельцев носили наследственное звание хёвдинга.

В Гренландии не было никакого государства, и то, что по свидетельству источников «все сообразовывалось там с советом Эрика Рыжего, и это продолжалось до тех пор, пока он был жив», вовсе не означает, что он был монархом или главой государства, которых не существовало здесь, а лишь то, что более опытный, более смелый, а может быть экономически более сильный предводитель одной семейной общины был в делах всего общества большим авторитетом, советам которого все старались следовать.

Гренландские норманны жили в суровых природных условиях, и эти условия сильно ограничивали их хозяйственные возможности. Если природа дала пастбища для скота норманнов, то для постройки жилых домов и хлебов нужно было выжигать густые заросли карликового мелколесья, чтобы постройки не вторгались на пастбища и не ограничивали их площади. Об этих выжиганиях свидетельствует сплошной слой пепла на местах бывших дворов, раскопанных с 1921 по 1964 годы датскими археологами.

Строительными материалами служили валуны, дернина и стволы мелколесья, а также сибирского плавника, занесенного из Ледовитого океана на берега Гренландии. Плавник же был главным строительным материалом для кораблей. Именно из-за него и его громадных поначалу завалов на берегу, а затем из-за одиночных стволов, выбрасываемых на берег морем, разгоралась ожесточенная конкуренция между различными хозяйствами, приводившая к горячим спорам и стычкам. Со временем старые запасы плавника были исчерпаны и стволы деревьев нужно было привозить из Норвегии или из каких-то других стран. Топливом служили древесина мелколесья и торф, добываемый из-под дернины на пастбищах.

Для изготовления оружия и хозяйственного инвентаря (топоров, ножей, гвоздей, подков, молотов, щипцов, котлов, наконечников гарпунов,

копий, стрел и т. п.) требовалось железо. Возможности для его выплавки имелись. В Гренландии, как и в Исландии и Норвегии, было много болотной руды, из которой выплавляли железо, как и на общей родине исландских и гренландских норманнов — в Норвегии. Из торфа сначала выжигали уголь, а затем в земляной плавильной печи, раскладывая «слоеный пирог» — этот же уголь и болотную руду, — после нескольких циклов, с вышибанием молотом на наковальне раскаленной окалины, получали железо. Саги свидетельствуют, что переселенцы из Норвегии в Исландию были искусными добывателями железа из болотной руды и искусными же кузнецами.

Добывали ли все гренландские норманны железо сами, еще предстоит доказать, так как следы земляной плавильной печи и горки окалины найдены лишь в нескольких хозяйствах. Если учесть, что вечная мерзлота в Гренландии позволяла добывать торф лишь в ограниченное время года (обычно только в июле и августе) и что запасы торфа, шедшего и на обычное топливо, тоже не были неисчерпаемы, то можно думать, что с течением времени, через два — три и больше столетий, когда численность населения Гренландии значительно возросла, выплавка железа могла вовсе прекратиться, и норманны должны были выменивать в Норвегии на свои товары не только древесину для строительства, но и железо.

Для обмена на зерно, железо и лес у гренландских норманнов были свои товары. Это были моржовые клыки и шкуры морского зверя, нарваль кость и сливочное масло, овечий сыр и вадмель, т. е. грубое серое домотканное полотно из овечьей шерсти, из которого изготовлялась также вся одежда гренландских норманнов, мало практичная в холодных и сырых условиях ледового острова.

С 1000 г. н. э. сын Эрика Рыжего Лейв Эрикссон, воспитывавшийся и служивший при дворе норвежского короля Улава Трюггвасона, по указанию последнего вернулся в Гренландию для провозглашения там христианства. Мать Лейва Эрикссона Тьёдхильда, тотчас принявшая христианство, в отличие от упрямого язычника, ее супруга Эрика Рыжего, повелела построить вблизи их двора в Братталиде церковь. В 1124 г. норвежский король Сигурд Йорсалфар разрешил гренландским норманнам иметь собственного епископа. Число церквей стало возрастать. Предполагается, что в это время усилились также связи Гренландии с Европой благодаря, например, контактам епископа с папой римским. На равнинном участке близ Гардара на берегу Эйнарфьорда были воздвигнуты большая епископская усадьба и собор. Церковь присвоила себе немало земель оскудевших семейных общин, члены которых пополняли два монастыря.

В 1152 г. гренландская церковь попала в подчинение норвежского епископа в Нидаросе (Тронхейм). А в 1261 г., после долгих домогательств норвежского короля Хокона Хоконссона, и сама Гренландия стала заморским владением Норвегии. Не сохранилось никакого письменного документа, который свидетельствовал бы об условиях этого присоединения. Но можно предполагать, что подобно почти одновременно присоединившейся к Норвегии Исландии, оформившей этот акт письменным договором, гренландские норманны на требование короля платить ему подати взамен потребовали каждый год посылать по кораблю с необходимыми товарами для обмена на местные. То, что мог быть именно товарообмен, а не торговля за деньги, вытекает из редких письменных свидетельств XII—XIV вв., где речь идет именно об обмене товарами, а также из того интересного факта, что среди руин дворов гренландских норманнов археологи не обнаружили ни одной монеты.

Пожалуй, именно в XII—XIII вв. хозяйство гренландских норманнов достигло наибольшего расцвета. К 1300 г. в Гренландии уже насчитывалось 280 дворов, из них 190 в Эстербюгде и 90 в Вестербюгде. Эстербюгд также имел 12 приходских церквей, епископство с собором и 2 монастыря (женский и мужской), а в Вестербюгде было 4 приходских церкви. Общее число жителей, по разным оценкам, составляло от 3 до 5 тысяч человек.

Улучшение благосостояния гренландских норманнов в XII—XIII вв. отчасти можно объяснить тем, что в Северной Европе после эпохи викингов с ее грабительскими набегами наступило время лихорадочного развития торговли. Викинги как бы развели и проложили торговые пути своим предприимчивым потомкам-купцам. Все те скандинавы, которые при ограниченности годных для обработки земель на севере не могли найти применения своим силам в земледельческо-животноводческих хозяйствах, устремились в торговые плавания, причем не только с соотечественниками, но и на заморских кораблях заезжих купцов. Масштаб участия в торговле был столь велик, что стало не хватать рабочей силы в сельском хозяйстве.

Тревога за развал сельского хозяйства в Норвегии была столь сильна, что король Сверре в 1186 г. обратился к заморским купцам с призывом, с одной стороны, усилить торговлю с их страной, с другой — не принимать в свои предприятия норвежцев. В XIII в. норвежский король Хокон Хоконссон даже ввел соответствующие ограничения соотечественникам в «Судебник Фростатинга».

В XIV в. торговлю на Севере Европы захватил в свои руки немецкий Ганзейский Союз. В 1344 г. Ганза отказалась торговать с Гренландией. Вместо моржовых клыков и нарвальей кости из Гренландии ганзейцы продавали более ходкую слоновую кость, которая попадала в Европу из Индии через арабских и итальянских купцов, вместо гренландских мехов — меховую продукцию Руси, вместо гренландского вадмеля — более дешевые английские и голландские шерстяные ткани. Связь с Гренландией почти полностью обрывается, и лишь очень редко в документах XIV и XV вв. встречаются какие-то отдаленные и смутные отголоски событий на ледовом острове.

Гренландия оказалась в экономической изоляции. Это было разорительно для экономики, но, может быть, в то же время спасало гренландцев от другой беды — смертоносных эпидемий. В 1347 г. с ганзейскими кораблями в Норвегию пришел «Великий людской мор» — чума, и треть населения страны вымерла. И позже, до конца этого столетия, чума не раз вторгалась в Скандинавию.

С конца XIV в., Норвегия попадает в подчинение Дании в рамках датско-шведско-норвежской унии. Короли унии, свято блюдя существовавший в Дании принцип королевской монопольной торговли и запрещаая чьим-либо кораблям посещать скандинавские владения на Фарерах, в Исландии и в Гренландии, в то же время не предприняли ни одной попытки возобновить связи с последней. Внутренние неурядицы и эпидемии отвлекали внимание монархов от далекой колонии. Когда же в правление норвежского короля Магнуса Эрикссона (1319—1371 гг.) в Норвегию приходят тревожные слухи о нападении эскимосов на гренландских норманнов, король будто бы пытался снарядить спасательную экспедицию. Но ничего неизвестно о том, отправилась ли она в действительности в Гренландию.

Один источник сообщает, что в 1382 г. из Гренландии в Норвегию прибыл корабль с «новостью», что гренландский епископ Альв умер еще... 6 лет назад. Из другого источника известно также, что в 1406 г.

какой-то коробаль из Норвегии отправился в Исландию и Гренландию, что в Гренландии экипаж побывал на пышной свадьбе в Хвальсёе, в Эстербюгде, у входа в тот же Эйнарфьорд, где стояла пустая уже усадьба епископа, а вернулся корабль лишь через 4 года. После 1410 г. никаких письменных свидетельств о посылке кораблей в Гренландию вообще нет, и можно подумать, что о ней забыли.

Отгороженные от мира, гренландские норманны были предоставлены самим себе. Где они могли получить лес, железо, пшеницу? Разве что в открытой Лейвом Эрикссоном в 1000 г. Америке, где он высаживался на берега Хеллюланда (Страна Плоских Камней), Маркланда (Лесная Страна) и Винланда (Страна Пастбищ или Страна Винограда, по разным толкованиям). Ведь в Исландских анналах за 1121 г. глухо сообщается, что епископ Эрик Упси отплыл из Гренландии для того, чтобы навестить Винланд. В 1342 г. исландский хронист Гисле Оддсон, как бы между прочим, сообщает в своих записках, что жители Гренландии «обращались с просьбой к людям Винланда». В 1347 г. в тех же записках упомянуто, как о рядовом событии, что один корабль пришел в Исландию из Маркланда с грузом леса.

После смерти епископа Альва в 1376 г. ни один из епископов Гренландии не выезжал более в свою епархию. Уже в этом столетии имеется прямое свидетельство того, что Вестербюгд перестал существовать. Так, из «Описаний древней Гренландии» предшественника Альва епископа Ивара Бордссона явствует, что он в середине XIV в. из своей резиденции в Гардаре (Эстербюгд) отправился в Вестербюгд в надежде «прогнать эскимосов», но поселение уже оказалось совершенно безлюдным и всюду бродили беспризорные лошади и другой домашний скот. А согласно гамбургской хронике, один корабль в 1542 г. побывал в Эстербюгде, но и там жителей уже не было обнаружено. Впрочем, даже путь туда был забыт моряками и торговцами, и возможно, что Эстербюгд (перевод: Восточный населенный район) искали где-либо на восточном берегу Гренландии, как это многократно делали в следующие десятилетия. Так, в 1559 г. люди с другого корабля вообще никого и никаких следов людей и построек не нашли на... восточном берегу Гренландии.

И все же в Скандинавии, может быть в духовных кругах, память о гренландских норманнах и, наверное, о маршруте туда была жива. И когда в 1721 г. норвежский миссионер Ханс Эгgede отправился в Гренландию с целью усиления проповеди христианских идей, он обнаружил лишь руины норманнских поселений, да эскимосов, уже живущих повсеместно на землях Эстербюгда и Вестербюгда.

Осталось разобрать, к каким же выводам приходят ученые, которые занимались выяснением причин исчезновения гренландских норманнов. Вопрос этот обсуждается уже в течение 80 лет и до сих пор вызывает оживленные споры, хотя в целом ясно, как и почему пришли в упадок Эстербюгд и Вестербюгд. Это комплекс тех трудностей, с которыми из столетия в столетие во все возрастающей степени сталкивались потомки викингов в Гренландии.

Наиболее общая причина, на которую обращают внимание почти все специалисты (но не все придают ей решающее значение), состоит в ухудшении климата. Главную роль в гибели норманнских колоний в Гренландии отводили ухудшившемуся климату датские археологи Повл Нёрлунн, Оге Рассел, Даниель Брююн, исландский географ и геолог Сигурдур Тораринсон. Они полагали, что довольно мягкий климат X—XI вв. становился все жестче с конца XIII в. и достиг тяжелых, критических пределов в XIV—XV вв. Граница растительности опустилась, оскудели

пастбища, на них и на поселения наступали ледники, а паковые льды в море блокировали побережье, мешая судоходству.

Американец Мартин Спессер, изучая циклические изменения климата земли, установил, что после самого теплого в период нашего летоисчисления времени между 600 и 700 гг., предельное похолодание относится примерно к 1433 г. Почти в то же время, в 1438 г., Карл VII торжественно вступил в Париж, и источники отмечают столь суровую зиму, что волки из Булоньского леса вбегали в поисках тепла на улицы города. Из китайских анналов также явствует, что в XIV в., особенно в 1370—1385 гг., на солнце наблюдалось необычное множество пятен. В Исландии в XIV и XV вв. было несколько тяжелейших неурожайных лет, связанных с похолоданием, и нередко это приводило к падежу скота. Так, в 1483 г. в Исландии было 233 000 овец, а год спустя, после очень холодной зимы и весны, их осталось только 42 000.

Знаменитый норвежец Фритьоф Нансен, не отрицая ухудшения климата, все же отказывался признать его причиной гибели гренландских норманнов. Он полагал, что летняя температура была достаточной для существования людей и животных. В очень суровые годы и даже десятилетия гренландские норманны могли выселиться к берегу и от традиционного животноводства полностью перейти к морским промыслам, освоить эскимосский инвентарь, а со временем, по мнению Нансена, вообще влиться в эскимосский народ. Как думает Нансен, через несколько поколений норманны могли забыть о своем происхождении. В подтверждение тесных связей норманнов с эскимосами он приводит сообщение 1342 г., где говорится: «Обитатели Гренландии добровольно отпали от истинной веры и религии христиан, а затем, отбросив все добрые обычаи и истинные добродетели, повернулись к народу нового мира» (т. е. «явно к эскимосам», говорит Нансен).

Итальянец К. Джини и норвежец Х. Ингстад по-своему поддержали возможность такого слияния норманнов с эскимосами, правда применительно лишь к Вестербюгду. Они утверждают, что в такой обособленной общине, в какую превратился Вестербюгд, мужское население должно было сокращаться быстрее, чем женское. По их мнению, норвежские женщины оказались там в значительном большинстве и в конечном итоге (около 1342 г., т. е. согласно вышеприведенному тексту, найденному в архиве Ватикана), «под угрозой остаться без мужей», соединились с эскимосами.

Датский ученый Теркель Матиассен в 1935 г. высказал мысль, что даже для Вестербюгда такое толкование совсем не обосновано, так как оно не подтверждено антропологическими исследованиями. Ингстад тоже знает, что антропологи не находят следов средневекового смешения рас, но все же оставляет для себя лазейку. Он говорит, что норманнок было мало и что поэтому не удастся найти изменения в антропологическом облике эскимосов.

Более реальной некоторые считают гибель норманнов от вооруженных стычек с численно превосходящими их эскимосами. К такому выводу склонялись миссионеры норвежец Ханс Эгед (XVIII в.) и датчанин Х. Х. Эстергор (XIX в.) и упомянутый выше ученый Теркель Матиассен. Фр. Нансен отрицал возможность уничтожения эскимосами норманнов и указывал, что главная особенность их нынешнего психического склада, по его личным наблюдениям во время жизни среди эскимосов, — миролюбие. Но ныне и скандинавы миролюбивы. Не то было в эпоху викингов, когда они по воинственности превосходили, пожалуй, всех современников!

Сторонники гипотезы истребления норманнов эскимосами считали,

что Вестербюгд был уничтожен в начале второй половины XIV в., а один из документов свидетельствует, что в 1379 г. эскимосы напали даже на Эстербюгд, убили 18 человек и увели двух подростков с собой. Кроме того, археологами доказано, что именно в XIV в., возможно в связи с похолоданием, происходило массовое перемещение эскимосов вдоль берега на юг. Это была волна эскимосов культуры инугсук. Эгgede предполагал, что их было до 30 000, а норманнов в ту пору, в XIV в., — 3000, и они были разбросаны небольшими группами по своим хуторам.

Оригинальную гипотезу выдвинул датский геоботаник Юханнес Иверсен. Считая, как и Нансен, что похолодания в катастрофических формах не было, он утверждает, что климат все же изменился. По его мнению, лето стало сухим, а это способствовало небывалому нашествию травяной моли *Agrotis oculata*, которая уничтожила растительный покров, погубив тем самым корм для скота и сам скот. Иверсен пишет, что норманны вынуждены были перейти из внутренних частей фьордов к морскому побережью и заняться промыслом морского зверя. Но здесь, на берегу и на воде, они были истреблены спустившимися с севера эскимосами. И хотя гипотеза Иверсена, казалось бы, была подтверждена обнаружением слоев чешуек с крылышек бабочек и личинок травяной моли в земле, находки эти локальные, касаются только колонии Вестербюгд, и неизвестно, в какой мере можно распространять его гипотезу на все поселения гренландских норманнов.

Датчанин Х. Л. Вебэк, соглашаясь с Иверсеном в том, что климат летом стал сухим, отводит главную роль в уничтожении норманнских хозяйств и самих норманнов высыханию пастбищ из-за нехватки влаги и регулярно наступающим пескам, что также подтверждено песчаными отложениями на местах прежних дворов.

Чумные и другие эпидемии в Европе, а также в Норвегии и Исландии в XIV и XV вв. могли оказаться, может быть, завершающим ударом по норманнам. Канадец исландского происхождения В. Стефансон в 1906 г. сравнил число потомков эскимосов (их осталось 30) в дельте реки Макензи с численностью их в 1848 г., до волны эпидемий здесь, когда Рихардсен насчитывал их около 2000. Это сравнение подтверждает реальность гипотезы об исчезновении гренландских норманнов вследствие эпидемий.

Выдвигаются гипотезы, в частности тем же Х. Ингстадом, о том, что колонии гренландских норманнов могли быть истреблены европейскими пиратами в XV и в начале XVI вв., когда они не оставляли в покое даже очень удаленные от Европы острова — ни Фарерские, ни Исландию. Однако все же прямых свидетельств о таких нападениях европейских или африканских пиратов на берега Гренландии нет.

Многие исследователи уделяют большое внимание фактору прекращения контактов Гренландии с Норвегией. Причем, единодушно считая этот факт гибельным для колоний норманнов, они выдвигают разные причины самого этого прекращения контактов.

Горячие дискуссии вызвала гипотеза датского антрополога Фр. Х. Х. Хансена о физической и психической дегенерации гренландских норманнов под воздействием различных сложившихся здесь неблагоприятных факторов: сурового климата, скудости питания, вытекающих отсюда характерных заболеваний. В основе выводов Хансена, опубликованных в 1924 г., лежит исследование 25 человеческих скелетов с хорошо сохранившейся на них одеждой. Скелеты были найдены при археологических раскопках 1921 г. на церковном дворе в Херьюльвнесе, в 50 км западнее мыса Фарвель. Напомним, что это один из самых первых норманнских хуторов, возникших в Гренландии. Просуществовал он, как мы увидим, дольше всех.

Исследовав находки в лабораторных условиях в Копенгагене, Хансен установил, что для всех скелетов типичны искривления позвоночного столба, признаки рахита, ревматических и подагрических отклонений в костях. Большинство женщин имело уродливый и узкий таз, так что многие из них не могли рожать живых детей. Средний возраст жизни мужчин и женщин был крайне низким — самым старым едва ли было больше 30 лет.

Эти люди были поразительно малы ростом, особенно женщины, у которых он в среднем составлял 140 см. Трое самых высоких мужчин имели рост 154, 158 и 162 см. Зубы у всех были почти совершенно изношены: от кариеса, стоматита, стирания гравием и песком в пище; видимо, при меси в муке образовывались при размалывании привозного зерна и местных диких злаков на каменных жерновах. В ряде случаев отсутствие большинства зубов можно было объяснить цингой.

При изучении этих 25 черепов нельзя было заметить каких-либо признаков смешения с эскимосами. Но удивительно мала у этих норманнов емкость черепа, не идущая ни в какое сравнение с эскимосами Гренландии, живущими в тех же, что и норманны, тяжелых физико-географических условиях, но обладающими черепом нормальной емкости.

Не менее сенсационным, чем обмеры скелетов и черепов, была в этой коллекции повседневная одежда. Она-то и дала возможность точной датировки находок. Здесь были женские платья до пят и мужские плащи с капюшоном с «хвостом» и наплечником. Значительная часть одежды по покрою соответствовала модам в Европе во второй половине XIV в. Больше всего привлекли внимание высокие мужские головные уборы, которые-то и дали возможность говорить, что мы здесь имеем дело с последними норманнами Гренландии. Эти головные уборы повсеместно встречаются на картинах голландских художников второй половины XV в. — Дирка Боута (около 1415—1475 гг.), Г. Меллинга (около 1433—1494 гг.), П. Кристуса (ум. ок. 1473 г.) и Г. Давида (около 1455—1523 гг.). Считают, что этот головной убор доказывает, что норманны в Гренландии, по крайней мере в этой, самой южной части колонии Эстербюгда, жили до 1500 г. Датский археолог Нёрлуун нашел также обрывки женских платьев, которые были в моде в Дании в последние годы XV в.

Гипотезу Хансена могли поддержать или опровергнуть новые исследования скелетного материала в других частях Эстербюгда и Вестербюгда. Но датские антропологи К. Фишер-Мёллер и Ерген Балслев Ергенсен по находкам в Эстербюгде, в частности на церковном дворе Братталид, утверждают, что ни об измельчании людей, ни тем более о психической дегенерации, говорить не приходится. Да, обмеры скелетов из Братталида, проведенные в 1964 г., оказались весьма интересными. Например, средний рост людей из братской могилы южнее церкви оказался 177 см! Полагают, что здесь захоронена команда какого-то погибшего корабля. Но и средний рост всех мужчин с кладбища в Братталиде тоже довольно большой. Он равен 174 см, причем три из них имели рост 184 см, а один — 185 см. Все женщины захоронены восточнее и южнее церкви и имеют средний рост 166 см. Среди всех скелетов взрослых на этом кладбище численно преобладали мужские.

Одежда в захоронениях в Братталиде не сохранилась. Да и костный материал во влажной промерзлой глине изрядно истлел. И все же, если на Херьюльснесе находки датировались XIV—XV вв., то в Братталиде, где из раскопанных 150 могил изучены костные остатки 96 индивидов, удалось установить, что скелетный материал относился к современникам... Эрика Рыжего, Тьёдхильды и Лейва Эриксона.

Как видим, данные по Братталиду не могут опровергнуть доводов Хансена о дегенерации норманнов в XV в. на Херьюльвснесе, ибо в Братталиде скелетный материал относится к начальному этапу колонизации Гренландии. Правда, и у этих скелетов заметны аномалии — признаки ревматических изменений в позвоночнике и бедрах, признаки сильной подагры. Однако все черепа — нормальной емкости. Но ведь впереди у потомков этих, в действительности первых норманнов было еще 400—500 лет жизни в крайне неблагоприятных условиях! Еще важнее другое: достаточно ли убедителен критерий емкости черепа, чтобы судить об уровне психического развития? Во всяком случае, против гипотезы Хансена ополчились почти все антропологи, знакомые с его выводами.

И наконец, может быть последняя гипотеза: норманны выселились из Гренландии в Америку, т. е. в упомянутые выше Маркланд или Винланд. Эту гипотезу поддерживают американец шведского происхождения Я. Р. Холанд, норвежцы Ё. Кр. Турнёе и Х. Ингстад. Они приводят в качестве доказательств свидетельства европейцев XVI—XVII вв., преимущественно португальцев и англичан, которые отмечали в своих дневниках сходство некоторых индейцев, живших на Ньюфаундленде и в других восточных частях Канады, с европейцами.

Отчего же все-таки вымерли потомки викингов в Гренландии? Очевидно, от комплекса всех перечисленных выше факторов, легших в основу не исключающих друг друга гипотез. И все эти факторы в большей или в меньшей степени способствовали вымиранию норманнов или исчезновению их из Гренландии. Ни одну из перечисленных гипотез пока отбросить нельзя. При этом нельзя отменить и утверждения, кажущиеся самыми фантастическими, в частности о переселении гренландских норманнов в Америку. Науке нужны еще многие и разносторонние факты для выяснения судьбы гренландских норманнов.

Литература и источники:

- Bolstad Ø. Sagaen om norskebygdene paa Grønland, Oslo, 1945. Brunn D. Nordboruiner i Godthaabs og Frederikshaabs Distrikter, «Meddelelser om Grønland», Bd. 56, København, 1916; его же: The Icelandic colonization of Greenland, and the finding of Vineland, «Meddelelser om Grønland», Bd. 57, København, 1918; его же: Oversigt over Nordboruiner i Godthaab- og Frederikshaab-Distrikter, «Meddelelser om Grønland», Bd. 57, København, 1918. Brøgger A. W. Winlandfahrten, Hamburg, 1939. Bårdssøn I. Det gamle Grønlands beskrivelse. Udgiven efter håndskrifterne af Finnur Jonsson. København, 1930. Egede H. Det gamle Grønlands nye Perustration, eller Natural-Historie og Beskrivelse over det gamle Crønlands Situation, Luft, Temperament og Beskaffenhed, de gamle norske Coloniers Begyndelse og Undergang der Samme-Steds... Norge og Grønland», bd. I, Oslo, 1926. Erik Den Rødes Saga, Kristiania, 1899. Fischer-Møller K. The mediaeval Norse settlements in Greenland. Anthropological investigations, «Meddelelser om Grønland», Bd. 89, Nr. 2, København, 1942; его же: Skeletons from Ancient Greenland graves, «Meddelelser om Grønland», Bd. 119, Nr. 4, København, 1938. Gini C. De norrøne grønlandsbygders undergang, «Naturen», Bergen, 1957; его же: On the extinction of the Norse settlements in Greenland, Bergen, 1958. Grønlandsbogen, I—II, København, 1950. Hansen Fr. C. C. Antropologia medico-historica Groenlandiae antiquae. I. Herjolfsnes, «Meddelelser om Grønland», Bd. 67, Nr. 3, København, 1924. Holand Hj. R. Explorations in America before Columbus, New York, 1956. Ingstad H. Landet under Leidarstjernen, Oslo, 1960; его же: Vesterveg til Vinland, Oslo, 1965. Iversen J. Moorgeologische Untersuchungen auf Grönland. «Meddelelser fra Dansk geologisk Forening», Bd. 8, Copenhagen, 1934; его же: Nordboernes Undergang paa Grønland i geologisk Belysning, «Det grønlandisk Selskabs Aarsskrift 1935». Copenhagen, 1935. Jørgensen J. B. The Eskimo skeleton, «Meddelelser om Grønland», Bd. 146, København, 1953. Krogh K. J. Thjodhildes kirke pa Brattah-

lid, «Nationalmuseets Arbejdsmark 1963—1965», Odense, 1965. Mathiassen. Th. Skraelingerne i Grønland, København, 1935; его же: Nordboernes sammentraef med Eskimoene i Grønland. «Meddelelser om Grønland», Bd. 161, Nr. 3, København, 1958. Nansen Fr. Nord i taakeheimen, Kristiania, 1911. Nørlund P. Buried Norsemen at Herjolfsnes, «Meddelelser om Grønland», Bd. 67, Nr. 1, København, 1924; его же: De gamle Nordbobygder ved Verdens Ende, Copenhagen, 1934; его же: Viking settlers in Greenland and their descendants during five hundred years, London, Copenhagen, 1936. Nørlund P., Stenberger M., Brattahlid, «Meddelelser om Grønland», Bd. 88, Nr. 1, København, 1934; Stefansson V. Greenland, New York, 1947. Stenberger M. Island och Grönland som nordisk bygd under vikingetid och medeltid, «Ymer», 61, Stockholm, 1941. Vebæk C. L. Middelalderlige bondegaarde paa Grønland, «Fra Nationalmuseets Arbejdsmark 1941», København, 1942.

Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

[к 60-летию со дня рождения]

6 мая исполнилось 60 лет со дня рождения крупного советского антрополога и этнографа Николая Николаевича Чебоксарова — доктора исторических наук, профессора, заведующего сектором Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института этнографии АН СССР. Перу юбиляра принадлежит более ста научных работ, явившихся большим вкладом в советскую антропологическую и этнографическую науку. За фундаментальный труд «Северные китайцы и их соседи (исследование по этнической антропологии Восточной Азии)» Н. Н. Чебоксаров получил в 1947 году премию им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Как руководитель авторского коллектива и один из основных авторов тома «Народы Восточной Азии», он (совместно с Р. Ф. Итсом и Г. Г. Стратановичем) был в 1966 г. вторично удостоен этой почетной награды.

Круг научных интересов Н. Н. Чебоксарова обширен и многообразен. Главное направление его исследований в области антропологии — широкое многостороннее использование антропологических данных для изучения этногенеза и этнической истории, а также разработка некоторых теоретических проблем расоведения, в частности вопросов расовой классификации. В сфере этнической антропологии интересы юбиляра концентрировались вокруг трех обширных тем: 1) антропология и происхождение народов севера Европейской части СССР и Скандинавии, включая Прибалтику, в сопоставлении с народами германской языковой семьи; 2) антропологические типы и этническая история финноугорских народов; 3) антропологическая классификация, история антропологических типов и происхождение народов Восточной и Юго-Восточной Азии.

Н. Н. Чебоксаров с группой сотрудников на протяжении ряда лет работал на территории Советской Прибалтики, собрав ценный антропологический материал по всем крупным этнографическим группам в составе латышей, литовцев и эстонцев. Опубликованное им в 1959 г. совместно с М. В. Витовым и К. Ю. Марк обширное монографическое исследование по этнической антропологии Восточной Прибалтики заполнило огромный пробел в антропологической литературе по народам Европы и представило насыщенную фактами, интересную по построению, широкую по масштабу картину формирования, развития и взаимодействия антропологических типов не только Прибалтики, но практически всей северной ветви европеоидной расы. В частности, Н. Н. Чебоксарову принадлежит серьезно аргументированная попытка объяснить географическими закономерностями процесс сложения северной ветви европеоидов.

Выступая против широко распространенных и защищаемых авторитетными специалистами воззрений, Н. Н. Чебоксаров убедительно аргументировал тезис о неправомерности выделения финноугроведения в качестве самостоятельного раздела исторической науки. Многолетние полевые исследования среди народов Приуралья, особенно коми, дали ему богатый материал для доказательства расового полиморфизма финских народов. Кстати, еще во время этих, проводившихся до Отечественной войны экспедиций, были собраны данные по физиологическим признакам, широкое введение которых в антропологические программы советских исследователей падает лишь на последние годы. Многие из выделенных Н. Н. Чебоксаровым комплексов возводятся им к антропологическим типам эпохи неолита и бронзы. С финноугорскими исследованиями Н. Н. Чебоксарова связана была и его работа среди русского населения северных районов. Он убедительно показал антропологическую близость западнофинских и многих русских этнографических групп — тезис, который прочно вошел в литературу по антропологии Восточной Европы и получил потом многократное подтверждение. С исследованиями по антропологии севера Европы связаны и содержательные работы юбиляра, посвященные Центральной Европе. Установленный в них факт проникновения монголоидной примеси в неолите далеко на запад от нынешнего ареала монголоидной расы был встречен сначала с недоверием, но затем многократно аргументировался Н. Н. Чебоксаровым в дальнейших работах, и сейчас его можно считать практически неоспоримым.

Капитальные исследования Н. Н. Чебоксарова по антропологии восточноазиатских рас занимают особое место в мировой антропологической литературе. Основанные на исчерпывающем использовании как краниологических, так и соматологических материалов, во многом оригинальных, они представляют собою первоклассные сводки фактических данных, к которым постоянно обращаются все специалисты-антропологи. Однако этим отнюдь не исчерпывается их значение: дифференциация тихоокеанских и континентальных монголоидов, показ тесных генетических связей современных китайцев с неолитическим населением, установление самостоятельного очага расообразования в Восточной Азии — вот бесспорные, уже признанные всеми достижения Н. Н. Чебоксарова в расоведении Азии. В последние годы под руководством Н. Н. Чебоксарова развернулось полевое антропологическое изучение эндогамных — кастовых и племенных — групп населения Индии, проводимое совместно с индийскими учеными. Если прибавить к этому длинному перечню обстоятельную работу по антропологии Восточной Африки, если вспомнить, что Н. Н. Чебоксаров является одним из опытейших полевых исследователей не только в Советском Союзе, но и во всем мире, то становится понятным, что классификация рас, предложенная Н. Н. Чебоксаровым, стала серьезным вкладом в теоретическое расоведение и привлекла к себе пристальное внимание. В этой классификации им выделены не только новые систематические единицы, но и предложен новый интересный аспект анализа расообразования, заключающийся в установлении разных формообразующих факторов на различных таксономических уровнях.

Для Н. Н. Чебоксарова характерен комплексный подход к решению научных проблем. Это особенно ярко проявилось при исследовании им вопросов этногенеза и этнической истории народов Поволжья и Прибалтики, а в последние два десятилетия — народов Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Наряду с фактами антропологии Николай Николаевич широко привлекает данные этнографии, лингвистики и других смежных наук, в том числе обширные материалы, собранные им самим во время многочисленных экспедиций и поездок как внутри страны, так и за ее пределами (в Китай, Индию, Индонезию, Японию, Польшу и Финляндию).

Этническая история интересует Н. Н. Чебоксарова во всем ее многообразии, от самых ранних этапов до наших дней, когда во многих странах Азии и Африки наблюдается завершающий этап процесса формирования народностей и наций. Изучение современных национальных процессов в этих государствах не только весьма важно в научно-теоретическом отношении, но и имеет большое политическое значение. В настоящее время в качестве одного из ответственных редакторов и основных авторов Николай Николаевич занят подготовкой коллективной монографии «Национальное развитие в странах Южной Азии», работа над которой будет завершена в текущем году.

Ряд трудов Н. Н. Чебоксарова посвящен проблемам истории материальной культуры, типологии и развития хозяйства народов мира. Юбиляр совместно с С. П. Толстовым, С. А. Токаревым и особенно М. Г. Левиным разрабатывал учение о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях, ставшее теперь самостоятельным разделом общей этнографии. Николай Николаевич продолжает работать над этой проблематикой применительно к Восточной и Юго-Восточной Азии.

На протяжении ряда лет Н. Н. Чебоксаров принимал самое деятельное участие в качестве автора и редактора в создании многих томов недавно завершенной серии «Народы мира» («Народы Южной Азии», «Народы Восточной Азии», «Народы Юго-Восточной Азии», «Народы Европейской части СССР», «Народы Зарубежной Европы»). Столь же важную и ответственную роль играет Н. Н. Чебоксаров в подготовке серии «Очерки общей этнографии».

Николай Николаевич достойно представляет советскую науку на международных конгрессах. В последние годы он активно участвовал в VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве, II Международном финноугорском конгрессе в Хельсинки и XI Тихоокеанском научном конгрессе в Токио, выступал с лекциями в Польше и Финляндии.

К своим исследованиям и особенно к полевым работам Н. Н. Чебоксаров широко привлекает коллег по специальности, товарищей по работе, учеников. Н. Н. Чебоксаров опытный и щедрый педагог. Десятки его учеников, бывших студентов и аспирантов работают в научных учреждениях и учебных заведениях разных районов нашей Родины и за ее пределами. Многие из них уже сами стали самостоятельными исследователями, педагогами и имеют своих учеников. Много лет Н. Н. Чебоксаров был доцентом, а затем профессором и заведующим кафедрой этнографии Исторического факультета МГУ. Связь с кафедрой сохранена им и ныне. Свое шестидесятилетие Н. Н. Чебоксаров встречает в расцвете творческих сил, завершая крупные научные работы, полный новых интересных замыслов.

В. П. Алексеев, Г. Г. Стратанович

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР в 1966 году

Институт этнографии АН СССР — комплексное научное учреждение, в котором представлены три самостоятельные, но тесно связанные между собой науки — этнография, антропология и фольклористика.

В области этнографии в 1966 г. главное внимание было обращено на изучение современных национальных процессов и преобразований культуры и быта. Одно из центральных мест в работе Института заняли вопросы национального развития народов СССР и зарубежных стран. Большая работа была проведена по подготовке обобщающих трудов, посвященных современным этническим процессам в СССР, и в странах Европы, Азии и Америки.

Значительное внимание уделялось изучению преобразований быта и культуры народов СССР, причем этнографическим обследованием охватывается не только сельское население, но и городское — рабочие, служащие, интеллигенция.

Продолжалась разработка историко-этнографических тем, среди которых наибольшего напряжения сил требовала подготовка региональных историко-этнографических атласов (Украины, Белоруссии и Молдавии; Прибалтики, Кавказа, Средней Азии и Казахстана), а также историко-этнографического атласа, посвященного русскому народу. Сотрудники Института этнографии, помимо непосредственной научной работы по атласам, проводили также большую научно-координационную работу с научными учреждениями на местах (выработка методики и программ, консультации, проведение совещаний и т. д.).

Значительное внимание уделялось также актуальным проблемам народонаселения; создается большой капитальный труд «Атлас населения мира».

Этносоциологи начали работы по подготовке социологических исследований культуры и быта городского и сельского населения СССР в этнографическом аспекте.

В области антропологии успешно развиваются такие, ранее отставшие в СССР ее разделы, как дерматоглифика, одонтология, изучение групп крови. Исследования этих проблем дают новый ценный материал для изучения генетических связей между народами, расово-генетических особенностей человека. Ведется работа над коллективным трудом «Антропологический атлас СССР», в котором будут обобщены результаты антропологических исследований по народам СССР.

Фольклористы Института, как и в прошлые годы, изучали жанры традиционного фольклора в сравнительном плане, а также уделяли значительное внимание изучению современного народного творчества.

В 1966 г. вышли из печати 23 книги Института этнографии (общим объемом свыше 700 а. л.), а также этнографическая карта народов Европы.

Большим событием в жизни Института явилось завершение публикации 18-томной серии «Народы мира» — в 1966 г. вышел в свет последний том этой серии «Народы Юго-Восточной Азии» (объем 75 а. л., редколл.: А. А. Губер, Ю. В. Маретин, Д. Д. Тумаркин, Н. Н. Чебоксаров). В этом томе впервые в мировой науке дается обстоятельная характеристика всех сторон культуры и быта 250-миллионного населения стран Юго-Восточной Азии. Книга содержит сведения о современном расселении народов этих стран, истории формирования населения, языках, основных занятиях, материальной и духовной культуре, верованиях, искусстве, письменности, фольклоре, народной медицине, о вкладе народов Юго-Восточной Азии в сокровищницу мировой культуры.

Издан очередной том «Очерков общей этнографии», посвященный народам зарубежной Европы («Очерки общей этнографии, Зарубежная Европа», объем 30 а. л., редколл. С. П. Толстов, М. Г. Левин, С. А. Токарев, Н. Н. Чебоксаров). В этой книге в доступной для широкого круга читателей форме дается характеристика современного образа жизни, путей национального развития, культуры и быта народов зарубежной Европы.

Для средней школы составлена учебная этнографическая карта народов Европы (М. 1:4 млн., руководитель работы В. И. Козлов), детально показывающая расселение всех народов европейской части СССР.

Несколько книг, вышедших в 1966 г., посвящены историко-этнографической характеристике преобразований в культуре и быте, а также национальному развитию народов Советского Союза на современном этапе (А. В. Смоляк, «Ульчи» — 18 а. л.; Л. В. Хомич, «Ненцы» — 21 а. л.; Т. Ф. Аристова, «Курды Закавказья» — 13 а. л.).

В двух книгах ставятся проблемы происхождения человека и его первобытной истории. В коллективном труде «Ископаемые гоминиды и происхождение человека» (объем 45 а. л., редколл.: В. П. Алексеев, В. В. Бунак, Я. Я. Рогинский, В. П. Якимов) подводятся итоги изучения древнейших и древних гоминид. До издания настоящей работы в антропологической литературе таких полных сводок фактического материала еще не было. В книге Ю. И. Семенова «Как возникло человечество» (40 а. л.), на основе обобщения с позиций марксистской философии данных общественных и биологических дисциплин прослеживается процесс превращения стада в человеческое общество, проблемы возникновения экзогамии, рода, тотемизма и т. д.

Несколько книг трактуют вопросы этногенеза на различных этапах исторического развития и у различных народов СССР. В работе И. И. Гохмана «Население Украины

в эпоху мезолита и неолита» (14,5 а. л.) на новом антропологическом материале рассматривается и решается проблема заселения Украины и степной полосы Русской равнины в мезолитическое и неолитическое время. Кроме того, в книге ставятся также общие вопросы методики исследования и предлагаются некоторые новые приемы изучения краниологического материала. Исследованию поздних этапов этногенеза (последние три столетия) народов Сибири, изменению их этнического состава, численности и расселения посвящена монография И. С. Гурвича «Этническая история северо-востока Сибири» (25 а. л.). Работа И. С. Гурвича основана на неопубликованных архивных данных и полевых материалах автора, собиравшихся им в течение 20 лет. Помимо большой научно-познавательной ценности книги, особое значение имеет предложенная автором методика исследования процесса этногенеза народов.

Коллективная работа «Материалы по этнографии и археологии районов бассейна реки Хемчика» («Труды Тувинской археолого-этнографической экспедиции», т. II, 45 а. л., отв. ред. Л. П. Потапов) в основном содержит публикацию материалов археологических раскопок в 1959—1960 гг. могильника гуннского времени Кокзаль, очень важных для разработки проблем этногенеза народов Южной Сибири, а также отдельные статьи этнографического характера. В сборнике «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана» (объем 20 а. л., отв. ред.: М. Г. Воробьева и Н. А. Кисляков) опубликован ряд статей, на материалах которых решаются и вопросы этногенеза. Кроме того, в сборнике помещены статьи о процессах культурных взаимовлияний оседлого и кочевого в прошлом населения на современном этапе.

Значительное число работ Института было посвящено историко-этнографическому изучению отдельных областей культуры и быта народов или крупных регионов СССР и зарубежных стран. Так, в монографии Е. Е. Неразих «Сельские поселения Афригидского Хорезма» (объем 17 а. л., отв. ред. М. Г. Воробьева), где подводится итог многолетних исследований автора в Беркут-Калинском оазисе, впервые в среднеазиатской археологии период становления феодализма рассматривается и на материалах сельских поселений большого района.

Авторы очередного сборника Ленинградского Музея антропологии и этнографии АН СССР (Сборник МАЭ, т. XXII, «Культура и быт народов стран бассейна Тихого и Индийского океанов»; объем 22 а. л., отв. ред. Р. Ф. Итс) выступают против реакционных концепций буржуазных ученых, в соответствии с которыми эти народы долгое время рассматривались как «неисторические» и лишались права на участие в создании мировой цивилизации.

Вышел из печати очередной африканский этнографический сборник («Africana». VI. Культура и языки народов Африки, объем 24 а. л., отв. ред. Д. А. Ольдерогге). В сборнике рассматриваются проблемы культурной истории и современной культуры Африки, проблемы развития языков, в частности формирование современной лексики в языках независимых африканских государств. Публикуются также фольклорные тексты. Следует приветствовать уже ставший традицией ежегодный выпуск африканских этнографических сборников.

Книга Д. И. Тихонова «Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X—XIV вв.» (объем 19 а. л., отв. ред. Л. П. Потапов) рассказывает о консолидации уйгурской народности, самобытной культуре древних уйгуров.

Две книги посвящены народному творчеству народов СССР. Богатства духовной культуры русского народа нашего времени раскрыты в книге «Современный русский фольклор» (объем 18 а. л., отв. ред. Э. В. Померанцева). С устным народным творчеством эвенков знакомит нас книга Г. М. Василевич «Исторический фольклор эвенков» (объем 31,5 а. л., отв. ред. В. И. Цинциус), в которой приведены не только эпические тексты и тексты родовых преданий, но и этнографические комментарии к ним.

В сборнике «Против расизма» (объем 23 а. л., редколл.: А. В. Ефимов — отв. ред., И. Р. Григулевич, В. В. Иванов, Э. Л. Нитобург) поднимается вопрос о расовом угнетении — один из жгучих вопросов современности. На конкретном материале показан новый этап борьбы народов различных стран (США, Канады, Англии и др.) против расового и колониального угнетения.

Сотрудники Института в сотрудничестве с американистами других гуманитарных институтов и при участии вице-президента Кубинской Академии наук Хулио де-Риверанда и мексиканского ученого Эраклио Сепеда опубликовали сборник «Бартоломе де Лас-Касас» (объем 25 а. л., ред. И. Р. Григулевич, Р. В. Кинжалов, И. Ф. Хорошаева), посвященный великому испанскому гуманисту, 400-летие со дня смерти которого отмечалось в 1966 г.

Несколько опубликованных в 1966 г. работ рассматривают вопросы методики исследований, историографии, источниковедения. Большое значение для унификации методики антропологических исследований имеет книга В. П. Алексеева «Остеометрия» (объем 18 а. л., отв. ред. И. И. Гохман), продолжающая серию книг по этой проблематике. Работа В. П. Алексеева имеет большое значение не только для собственно антропологических исследований, но и для смежных дисциплин — археологии, анатомии, биохимии и др.

Книга Л. И. Лаврова «Эпиграфические памятники Северного Кавказа», ч. 1 (объем 23,5 а. л.; отв. ред. О. А. Большаков и В. Г. Гардапов), содержащая изображение текстов

(арабских, персидских и турецких — всего 412 надписей) на камнях, вводит в научный оборот новую категорию ценных источников по истории и этнографии Северного Кавказа. Это издание — фактически первое полное собрание эпиграфических памятников Северного Кавказа.

Книга С. А. Токарева «История русской этнографии» (объем 25 а. л., отв. ред. Э. В. Померанцева) — фундаментальный труд о развитии русской этнографии до 1917 г. Эта книга — первое исследование такого рода в советской и зарубежной историографии.

Большое достижение советской науки — выход в свет капитального «Афганско-русского словаря» (объем 118 п. л.), составленного М. Г. Аслановым (словарь издан издательством «Большая советская энциклопедия» совместно с Институтом народов Азии и Институтом этнографии АН СССР).

Сотрудники Института этнографии АН СССР опубликовали свыше 100 статей в различных журналах, а также в ряде коллективных работ, издаваемых другими учреждениями, например в книгах «Социализм и коммунизм» (Л. А. Анохина, В. Ю. Крутянская, М. Н. Шмелева), «Изучение Африки в современной литературе» (В. П. Алексеев), «Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР» (И. С. Гурвич, Л. Н. Терентьева, Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева), «Проблемы демографической статистики» (Б. В. Андрианов, В. И. Козлов), «Скандинавский сборник», вып. XII (М. Н. Морозова); в учебнике «Русское народное творчество» (Э. В. Померанцева, Н. С. Полищук, К. В. Чистов); в учебном пособии для высших учебных заведений «Экономическая география в СССР» (В. В. Покшишевский) и др.

Кроме того, в различных издательствах вышли работы научно-популярного характера, написанные сотрудниками Института: И. Р. Григулевич «Боливар» (объем 14 а. л., 2-е изд., «Молодая Гвардия»); Г. П. Латышева, М. Г. Рабинович «Москва в далеком прошлом» (объем 12 п. л., «Наука»); А. В. Виноградов «Тысячелетия, погребенные пустыней» (объем 10 а. л., «Просвещение») — книга о Хорезме; И. А. Крывелев «Как критиковали Библию в старину» (объем 4,25 а. л., «Наука»); С. А. Гонимонский «Хищному орлу не одолеть кетсалья» (объем 3 а. л., издана на испанском языке) — книга о национально-освободительной борьбе в Латинской Америке; Г. И. Анохин «На островах дождей» (объем 3,5 а. л., «Мысль») — книга о жизни на Фарерских островах.

Коллектив Института напряженно трудился над выполнением плановых заданий — работал над темами, подлежащими завершению в 1966 г. и над переходящими на другие годы. План экспедиционных исследований выполнен успешно. Много времени уделялось подготовке к печати трудов VII Международного конгресса этнологических и этнографических наук. Подготовлено и сдано в издательство шесть томов «Трудоз» общим объемом более 250 а. л.

В 1966 г. коллектив института активно работал над проблемами, связанными с историей социалистического и коммунистического строительства в СССР. Разработка их велась по двум тесно связанным направлениям — изучение этнических процессов в СССР на современном этапе и преобразование быта на коммунистических основах.

Изучение проблем, связанных с современным бытом сельского населения и перспективами его развития на пути к коммунизму, проводится на примере крупных регионов, причем исследуется не только сельское, но и городское население. Вопросы преобразования быта нашли свое отражение как в опубликованных, так и в завершенных в 1966 г. работах — коллективном труде «Преобразование быта и культуры народов Северного Кавказа» (рук. В. К. Гарданов) и работе Е. А. Алексеенко «Кеты», посвященной одному из малых народов нашей страны. В работе «Преобразование быта и культуры народов Северного Кавказа» показаны процессы изменения культуры и быта этих народов и сложение общих черт и закономерностей их культуры и быта за годы Советской власти. Эти вопросы освещаются и в переходящих работах, например в коллективном труде «Преобразование быта сельского населения и национальные процессы в Северном Туркменистане».

Экспедиции Института продолжали исследование вопросов преобразования быта в Прибалтике, Средней Азии, Молдавии и других республиках нашей страны. Ряд статей о преобразовании культуры и быта был опубликован на страницах журнала «Советская этнография», например: И. П. Буткявичус, Л. Н. Терентьева, Н. В. Шлыгина, «Крестьянские поселения Прибалтики. (История формирования, современного состояния, перспективы развития)» (№ 1); В. И. Васильев, Ю. Б. Симченко, З. П. Соколова, «Проблемы реконструкции быта малых народов Крайнего Севера» (№ 3) и др.

Наряду с изучением преобразований культуры и быта сельского населения углублено и расширено изучение всех слоев городского населения, недавно развернувшееся в Институте. Продолжается исследование населения Нижнего Тягила, а также небольших городов средней полосы РСФСР (Ефремова, Калуги, Новомосковска и др.). Вопросы изучения города привлекали внимание участников отчетно-экспедиционной сессии, посвященной итогам полевых исследований 1965 г., где Л. А. Анохина и М. Н. Шмелева выступили с докладом «Опыт этнографического изучения культуры и быта городского населения».

Советские этнографы большое внимание уделяют изучению современных этнических процессов в СССР, процессов консолидации и сближения социалистических наций, значение которых для практики коммунистического строительства было особо подчеркнуто на XXIII съезде КПСС. Эти вопросы стояли в центре внимания экспедиций Института, работавших в Прибалтике, Средней Азии и Казахстане, на Севере. Проблемы современных этнических процессов освещались в вышедших работах, на страницах журнала «Советская этнография» (Н. Г. Волкова, «Изменения в этническом составе сельского населения Северного Кавказа за годы Советской власти» и др.), в завершённых работах («Преобразование быта и культуры народов Северного Кавказа»; Е. А. Алексеев, «Кеты»), а также в переходящих (например, работа Л. Ф. Моногаровой «Изживание обособленности приамурских народов в процессе социалистического строительства»). Большая работа проводится по подготовке обобщающего труда «Этнические процессы в СССР».

Институт занимался также вопросами народонаселения. Вышла в свет этнографическая карта народов Европы, подготовлена справочная «Карта плотности населения мира» (М., 1:15 млн., коллективный труд, руководитель С. И. Брук). Эта карта, по своему содержанию и масштабу являющаяся первой попыткой такого рода в мировой картографической практике, даёт детальное представление о размещении населения всего мира. Ведётся работа по составлению Атласа населения мира, в который войдёт около 200 карт, много таблиц и текстовая часть. В Атласе будет дана подробная демографическая характеристика современного населения мира, его состава и размещения.

В Институте этнографии ведётся работа по проблеме «Исторические формы и особенности развития и смены общественно-экономических формаций». По истории первобытного общества и вопросам зарождения классового общества в 1966 г. подготовлен сборник «Разложение родового строя и формирование классового общества» (объём 20 а. л., отв. ред. А. И. Першиц), в котором рассматриваются на новых данных проблема распада первобытной общины, а также конкретно-исторические варианты становления раннеклассового общества. Продолжается также работа над такими коллективными трудами, как «Проблемы истории первобытного общества», «Общественный строй малых народов Севера» и др. По этой тематике состоялось несколько расширенных заседаний группы общей этнографии, где обсуждались работы, поднимающие актуальные и спорные вопросы, например «Семья и община в первобытном обществе» (В. Р. Кабо), «Развитие форм собственности на скот в первобытном обществе» (В. П. Николаев) и др.

По проблеме «Генезис и история феодализма» в Институте разрабатывается несколько тем, связанных с изучением особенностей феодальных отношений. В 1966 г. был завершён коллективный труд «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии» (отв. ред. Р. Ф. Итс). Продолжается работа над изучением особенностей складывания феодальных отношений у кочевников-скотоводов (А. И. Першиц «Особенности феодализма у кочевников-скотоводов») и у народов Хиндустана (М. К. Кудрявцев «Община и каста у народов Хиндустана»).

По проблеме «Закономерности развития международного рабочего и национально-освободительного движения» этнографы, занимающиеся изучением этнографии зарубежных стран, большое внимание уделяют закономерностям национально-освободительного движения и национальным процессам в Европе, Азии, Америке. Эти вопросы исследуются и в опубликованных в 1966 г. работах (том «Народы Юго-Восточной Азии», «Очерки общей этнографии. Зарубежная Европа»), и в завершённых, как, например, в работе М. С. Иванова «Современный рабочий класс Ирана», где освещаются особенности формирования рабочего класса Ирана, его современного положения и ведущей роли в демократическом и антиимпериалистическом движении; и в переходящих обобщающих работах, посвящённых современным этническим процессам в зарубежной Европе, Азии, США, Канаде, Латинской Америке.

Материалы, характеризующие современное положение народов Азии, приводятся в упомянутом уже томе «Народы Юго-Восточной Азии», а также в завершённой монографии С. А. Арутюнова «Современный быт японцев», где поставлены вопросы взаимоотношения традиционного и нового в современной культуре японцев.

Проблемы этногенеза народов мира занимают одно из ведущих мест в работе Института. Как и раньше, эта проблематика разрабатывалась комплексно, с учётом этнографического, археологического, антропологического, лингвистического материалов. В 1966 г. было подготовлено несколько работ по вопросам этногенеза народов СССР и зарубежных народов. В работе В. П. Алексеева «Краниология Восточной Европы» на краниологическом материале освещаются многие важнейшие проблемы этногенеза — восточные связи летто-литовских народов, этнические связи восточных славян и т. д. Проблемы этногенеза народов Средней Азии от энеолита освещаются в работе В. В. Гинзбурга и Т. А. Трофимовой «Палеоантропология Средней Азии». Результаты многолетних археологических работ на Чукотке обобщены в коллективном труде «Дрезна культуры азиатских эскимосов. Уэленский могильник», материалы которого позволяют решить вопрос о новой датировке переселения эскимосов из Азии в Америку.

В коллективной работе «Русское старожильческое население Сибири по антропологическим данным» приводятся материалы по антропологической характеристике русского старожильческого населения Сибири. Этногенезу австралийцев посвящена работа В. Р. Кабо «Этногенез австралийцев». Проблемы этногенеза ставятся также и в ряде переходящих трудов.

Продолжается также работа по изучению этногенеза как в рамках больших регионов, например Восточной Азии («Этническая антропология Восточной Азии» — исп. Н. Н. Чебоксаров), Средней Азии («Очерки истории формирования населения южных районов Узбекистана и Таджикистана на позднем этапе», исп. Б. Х. Кармышева), так и отдельных народов, например тувинцев («Проблемы этногенеза тувинского народа» — коллективный труд, рук. Л. П. Потапов).

Ценный материал по этногенезу был получен во время полевого сезона в результате работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, Среднеазиатской, Тувинской и др. экспедиций.

Вопросы этногенеза заняли довольно большое место в работе отчетно-экспедиционной сессии, особенно в связи с подготовкой региональных историко-этнографических атласов.

Необходимо отметить, что советские ученые — этнографы, антропологи, демографы перешли к подготовке таких капитальных обобщающих трудов как атласы. Это и региональные историко-этнографические атласы («Русские», Украины, Белоруссии и Молдавии; Прибалтики; Кавказа; Средней Азии и Казахстана) и антропологические («Антропологический атлас СССР», «Атлас реконструкции антропологических типов древнего населения СССР») и демографический («Атлас населения мира»). В журнале «Советская этнография» (№ 5) была опубликована статья С. И. Брука и С. А. Токарева о проблемах составления европейского историко-этнографического атласа.

В Институте этнографии продолжалось также историко-этнографическое изучение культуры народов СССР. Три работы были подготовлены по региону Средней Азии и Казахстана — это работа Б. В. Андрианова «Карты древней ирригации низовьев Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи», материалы которой не только характеризуют историю культуры и хозяйства, но и дают материал для практики народного хозяйства в связи с хозяйственным освоением земель древнего орошения, а также работы Г. П. Снесарева «Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма» (объем — 20 а. л.), Ю. А. Рапопорта «Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии)» (объем — 15 а. л.), посвященные религиозным верованиям.

Истории скульптуры народов Севера посвящена монография С. В. Иванова, материалы которой представляют интерес и для изучения истории религии этих народов.

Проводятся работы по изучению хозяйства и материальной культуры в зонах древнего орошения Сыр-Дарьи, заселения внутренних Кызыл-Кумов, поселений древнего Хорезма.

Составной частью историко-этнографического изучения культуры народов СССР является исследование традиционного фольклора. Завершена монография К. В. Чистова «Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.» (объем 25 а. л.) — первое обобщающее исследование такого рода. Изучение социально-утопических легенд в таком разрезе имеет большое значение не только для фольклористов и этнографов, но и для историков и философов. Продолжается работа над монографией об историческом фольклоре славян (В. К. Соколова «Исторический фольклор славянских народов») и др.

Лингвисты сектора Африки Ленинградского отделения Института завершили капитальную работу по систематизации языков Африки (коллективный труд «Языки Азии и Африки», т. III). Кроме того, готовятся очерки по грамматике и словари, в частности «Русский — суахили словарь» и отдельных африканских языков.

Сотрудники Института занимаются также разработкой проблемы истории религии и атеизма. Эта работа ведется по двум направлениям: изучение истории религии и критический анализ религиозных систем; изучение религиозных пережитков, бытующих у народов СССР, выявление причин их бытования и участие в разработке новых форм безрелигиозного быта. По первому направлению завершены две работы — монография И. А. Кривелева «Религиозная картина мира и ее модернизация современными богословами» и работа Н. Р. Гусевой «Джайнизм», посвященная одной из малонизученных религий Индии.

* * *

В истекшем году сотрудники Института этнографии АН СССР приняли участие в ряде сессий, конференций, симпозиумов и пр., посвященных самой разнообразной тематике.

Коллектив Института провел большую научно-организационную подготовку и принял участие в ежегодной Отчетно-экспедиционной сессии Отделения истории АН СССР, состоявшейся в апреле 1966 г. в Москве.

Тематика сессии была довольно разносторонней — современные этнические и культурно-бытовые процессы в среде сельского и городского населения, этногенез и этническая история различных народов СССР, вопросы исторической этнографии, фольклор, народное искусство и т. д. На сессии работали следующие секции: антропологии, археологии и этнографии Кавказа; археологии и этнографии Средней Азии; этнографии Сибири и Севера; славянской этнографии; этнографии неславянских народов; народного искусства и фольклора. Большой интерес участников сессии вызвал обзорный доклад Л. Н. Терентьевой «Полевые исследования этнографов в 1965 году», а также доклады И. С. Гурвича «Современные этнические процессы у малых народов Севера», Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой «Опыт этнографического изучения культуры и быта городского населения», Ю. В. Арутюняна «Социальная структура современного села», Л. И. Потапова «Работы Тувинской комплексной экспедиции», О. А. Ганцкой и Г. Ф. Дебеца «Применение метода количественного анализа в изучении национально-смешанных браков» и др. Специальному обсуждению на сессии подвергся вопрос о создании региональных историко-этнографических атласов. С. И. Брук выступил с обобщающим докладом о работе над региональными атласами; о ходе работ над региональными атласами рассказали Т. А. Жданко, Л. Н. Терентьева, А. И. Рэбакидзе (Институт истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР), В. Ф. Горленко (Институт искусствоведения, фольклора и этнографии АН Украинской ССР). Эти доклады, а также обсуждение состояния подготовки атласов в секциях способствовали большей координации и унификации работ по атласам.

Институт этнографии АН СССР принял участие в научной организационной подготовке (П. П. Потапов, И. С. Гурвич, И. А. Крывелев входили в состав Оргкомитета) и проведении Сибирской научно-практической конференции по вопросам борьбы с пережитками прошлого в быту и сознании людей и становлении новых обычаев и традиций, состоявшейся в ноябре 1966 г. в Улан-Удэ. На этой конференции выступили с докладами И. С. Гурвич, И. А. Крывелев, Л. М. Сабурова и А. В. Смоляк.

Сотрудники Сектора Севера (И. С. Гурвич, Ю. Б. Симченко) приняли участие в организованном Межведомственной комиссией по проблемам Севера совещании о сельском жилищном строительстве на Крайнем Севере. Материалы, представленные Сектором, явились предметом широкого обсуждения и в основном были одобрены.

Большое участие Институт этнографии принял в конференции «Национальный вопрос и национальное движение в странах Азии и Африки» (9 докладов), в конференции по истории, культуре и филологии Древнего Востока (13 докладов), в конференции «Роль религии в современной жизни народов Востока» (2 доклада) в заседаниях Всесоюзного географического общества (6 докладов).

Сотрудники Института этнографии участвовали также в ряде конференций, сессий, симпозиумов и т. д., проведенных в различных областях нашей страны по самой разнообразной тематике, например в совещании «Проблемы функционального взаимодействия языков народов Сибири и задачи научных исследований» (Новосибирск), во Всесоюзной конференции по тематическому картографированию (Ленинград), в работе Украинской демографической конференции (Киев), в сессии по этногенезу осетин (Орджоникидзе), в сессии Эстонского этнографического музея (Тарту), в тематической сессии Института истории Латвийской АН (Рига), в юбилейной сессии «Социалистические преобразования в культуре и быте трудящихся УССР за годы Советской власти» (Ужгород), в III конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии (Тарту) в VII Всесоюзном съезде анатомов (Тбилиси), в симпозиуме по применению количественных методов в социологии (Новосибирск) и др.

* * *

В 1966 г. продолжались дальнейшее расширение и активизация международных научных связей и сотрудничества Института с зарубежными научными учреждениями и отдельными учеными.

В 1966 г. значительно возросло число приглашений (соответственно и выездов) в различные страны мира. В течение года состоялось 39 научных командировок (в 21 страну) — для участия в международных конгрессах, конференциях и симпозиумах, чтения лекций, сбора полевых материалов, для совместной работы и т. д.

В 1966 г. Институт впервые участвовал в трех крупнейших периодических конгрессах, где ранее советская этнографическая наука не была представлена — это XI Тихоокеанский научный конгресс (Токио), в его работе участвовали С. А. Арутюнов, И. С. Гурвич, Д. Д. Тумаркин, Н. Н. Чебоксаров¹; VI Конгресс социологов (Франция) — в его работе участвовали Ю. П. Аверкиев, Ю. В. Арутюнян²; XVIII Конгресс психологов (Москва) — в его работе участвовала Ю. П. Аверкиева.

¹ На конгрессе был также зачитан коллективный доклад Ю. В. Ионовой, Р. Л. Ляпуновой, Ю. В. Маретина, Л. Г. Розинной и распространены тексты докладов Н. А. Бутинова, И. С. Вдовина, П. И. Пучкова, В. С. Старикова.

² Подготовленные для этого конгресса доклады С. А. Токарева и коллективный доклад Л. А. Анохиной, В. Ю. Крупианской и М. Н. Шмелевой были распространены среди участников конгресса.

Институт был представлен и на двух впервые состоявшихся конгрессах — 1-м Конгрессе по балканским исследованиям (София) — Ю. В. Бромлей, Т. Д. Златковская, Ю. В. Иванова, Л. В. Маркова и 1-м Конгрессе иранистов (Тегеран) — М. С. Иванов.

Кроме того, сотрудники Института приняли участие еще в ряде международных мероприятий, например М. Г. Рабинович, Т. К. Попова — в Конгрессе прото- и доисторических наук (Прага); Ю. В. Бромлей — в конференции Международного общества этнологии и фольклора (Прага); С. И. Брук и С. А. Токарев — в Международной конференции по этнологическому картографированию (Загреб), Э. В. Померанцева — в Конференции международного общества по изучению фольклорной прозы (Прага); Л. Е. Куббель — в III Международной конференции эфиопистов (Эфиопия); С. А. Токарев — в симпозиуме по методологическим проблемам европейской этнографии (Швейцария); Л. Н. Терентьева и Н. В. Шлыгина — в симпозиуме по прибалтийской этнографии (ГДР); Ю. В. Бромлей — в сессии Постоянного комитета Международного Союза антропологических и этнологических наук (Лондон); Л. Н. Терентьева — в очередном заседании редколлегии международного реферативного этнографического журнала «Демос» (ГДР); Д. А. Ольдерогге — в I всемирном фестивале негрских искусств (Сенегал); Н. Н. Чебоксаров — в фестивале «Летние дни культуры» (Финляндия) и т. д.

Все доклады, с которыми выступали советские ученые за рубежом, получили высокую оценку. Они отличались широкой проблематики, историзмом, богатством фактического материала. Среди докладов проблемно-теоретического характера следует отметить такие доклады, как, например, С. А. Токарева «Принцип историзма в советской этнографической науке», Ю. П. Аверкиевой «Культура и личность», М. С. Иванова, «О принципах периодизации истории древнего и средневекового Ирана», Н. Н. Чебоксарова, «Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области Восточной Азии», «Этническая антропология Восточной Азии», Л. Н. Терентьевой «Рыбацкие поселения Латвии во второй половине XIX в.», С. А. Арутюнова «Западный и традиционный стили в быту японцев, их границы и синтез», Д. Д. Тумаркина (совместно с В. И. Войтовым) — «Навигационные условия морских путей в Полинезию (в связи с историей ее заселения)» и многие другие.

Большое значение имел состоявшийся в сентябре 1966 г. в СССР и Швейцарии Международный семинар по изучению опыта СССР в переводе на оседлость кочевого и полукочевого населения, организованный Международной организацией труда для экспертов стран Среднего Востока и Северной Африки. Большая работа была проведена содиректором этого Семинара Т. А. Жданко по составлению программы его работы, созданию специальной лекторской группы (от Института в нее вошли Т. А. Жданко и С. М. Абрамзон), координации работы с союзными республиками, проведению заседаний, поездок с иностранными гостями в союзные республики. Для участия в заключительном заседании семинара Т. А. Жданко выезжала в Женеву.

В 1966 г. состоялся также ряд командировок сотрудников Института для научно-исследовательской работы и чтения лекций. Особенно большое политическое и научное значение имеют долгосрочные поездки. В 1966 г. были завершены три долгосрочные поездки, начавшиеся в 1965 г. — это командировки И. М. Золотаревой и В. П. Дарбаковой (в Монголию) и О. А. Ганцкой (в Польшу). И. М. Золотарева, находящаяся в Монголии в течение четырех месяцев, собрала ценный материал по антропологии монгольского народа, необходимый для разработки этнической истории монголов и других народов Центральной Азии, а также для решения общих теоретических вопросов расоведения. В. П. Дарбакова собирала материал по истории и современному состоянию домашних ремесел. О. А. Ганцкая во время командировки в Польшу ознакомилась со многими сторонами современной культуры и быта польского народа; в связи с подготовкой монографии о польских народных художественных ремеслах, эта проблематика привлекла ее особое внимание.

Продолжались антропологические исследования населения Афганистана, проводившиеся Г. Ф. Дебецем по приглашению Кабульского университета. Эти работы и помощь, оказываемая им в деле развития антропологии, высоко оценивается в Афганистане. За эту работу Министерство иностранных дел Афганистана выразило благодарность Академии наук СССР.

По предложению Индийского статистического института о проведении совместных советско-индийских антропологических и этнографо-социологических исследований в Индию на два месяца для согласования программы работ и проведения некоторых исследований выезжали Н. Н. Чебоксаров, М. К. Кудрявцев и А. А. Зубов.

Кроме того, в командировки в отдельные страны выезжали еще ряд сотрудников, например Т. Д. Златковская, Л. В. Маркова (Болгария), В. В. Бунак (Австрия), В. В. Pokhishchevский (Польша) и др.

Сотрудники Института оказывали помощь своим зарубежным коллегам. Для изучения постановки антропологических исследований в СССР в Институте находились кубинский антрополог проф. Аида Гуас Лансо (10 месяцев), антрополог из Индии д-р П. Гупта (3 месяца) и антрополог из Монголии Л. Намсарайнайдан (6 месяцев). Ку-

бинский этнограф Рафаэль Лопес Вальдес, стажировавшийся при Институте в 1965 г., вновь приехал для работы над кандидатской диссертацией. Музеевед из Монголии С. Тимур Очир изучал в Музее антропологии и этнографии принципы и методы музейной работы. К. Фойтик (Чехословацкая Академия наук), приезжавший для ознакомления с постановкой и методикой изучения городского населения, принял участие в работе экспедиции Института.

Кроме того, в течение года Институт и Музей антропологии и этнографии посетило около 150 иностранных гостей.

В 1966 г. расширился круг международных организаций, в которых участвует Институт этнографии АН СССР. Членами Международной организации по изучению фольклорной прозы стали Э. В. Померанцева, К. В. Соколова и К. В. Чистов.

Признанием международного авторитета советских ученых явились избрание ряда ведущих сотрудников Института этнографии членами научных учреждений различных стран.

* * *

В 1966 г. состоялось 31 заседание Ученого Совета Института.

В работе Ученого Совета большое место занимало рассмотрение проблем этнографической и антропологической науки. Насущные проблемы современной этнографии, антропологии и фольклора были поставлены на специальном заседании Ученого Совета, посвященном обсуждению перспектив развития науки на ближайшее пятилетие.

Состояние современной социологии и ее проблематика были освещены в докладах Ю. П. Аверкиевой и Ю. В. Арутюняна, рассказавших о работе VI Международного конгресса социологов. Ряд докладов, заслушанных на Ученом Совете, был посвящен характеристике отдельных отраслей науки — доклад М. С. Иванова о проблемах иранистики, доклад С. А. Токарева о методологических проблемах европейской этнографии, доклады И. С. Гурвича, Н. Н. Чебоксарова, С. А. Арутюнова и Д. Д. Тумаркина об этнографическом изучении народов бассейна Тихоокеанских стран, а также характеристике этнографической науки в отдельных странах, например в Индии, Финляндии (Н. Н. Чебоксаров).

В 1966 г. на заседаниях Ученого Совета было поставлено на защиту четыре докторских и 20 кандидатских диссертаций. Диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук защитили сотрудники Института этнографии АН СССР — В. К. Гарданов, И. С. Гурвич, Л. И. Лавров, К. В. Чистов; на соискание ученой степени кандидата исторических наук — Г. И. Анохин, Н. Г. Борозна, В. А. Вельгус, С. Я. Козлов, К. Д. Лаушкин, М. Н. Морозова, Д. А. Сергеев, Ю. Б. Симченко, В. С. Стариков, И. К. Федорова, А. М. Хазанов (защита диссертации состоялась в МГУ) и Я. В. Чеснов.

В порядке помощи в подготовке кадров союзным и автономным республикам Ученый Совет принял к защите восемь кандидатских диссертаций — одну из Таджикистана, одну из Киргизии, одну из Бурятии, одну из Удмуртии, две из Татарии, две — из Карелии. Все эти диссертации были успешно защищены.

* * *

Материалы исследований сотрудников Института этнографии, как и в прошлые годы, используются и для практики социалистического строительства. Так, например, работы Сектора по изучению социалистического строительства у малых народов Севера используются при решении самых различных вопросов хозяйственного и культурно-бытового строительства.

Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция продолжает работы по изучению возможности освоения земель древнего орошения в Средней Азии.

Сотрудники лаборатории этнической статистики и картографии принимают участие в подготовке к предстоящей в 1970 г. переписи населения СССР.

Продолжается работа в Совете по разработке и внедрению в быт новых гражданских обрядов при Юридической комиссии Совета Министров РСФСР (Л. Н. Терентьева и И. А. Крывелев являются членами этого Совета). Для Комиссии И. А. Крывелев подготовил доклад на тему «Использование национальных традиций в советской свадебной обрядности».

Как уже указывалось, Институт этнографии провел большую работу по подготовке и проведению семинара по проблеме оседания кочевников Международной организации труда.

Ведущие сотрудники Института участвовали в составлении и обсуждении программ по историческим дисциплинам для средней школы и высших учебных заведений.

Как и в прежние годы сотрудники Института этнографии вели большую научно-популяризаторскую работу — чтение лекций, публикация популярных статей и книг. Большую работу по пропаганде этнографической науки ведет Музей антропологии и этнографии, который за истекший год посетило около 200 тыс. человек.

М. С. Кашуба

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Проблемы народонаселения, прежде всего те, которые связаны с его естественным воспроизводством, рациональной занятостью и материальным обеспечением, за последнее время выдвинулись в число наиболее глущих проблем современности и привлекают внимание не только специалистов — демографов, экономистов, социологов, этнографов и др., но и широкие круги общественности. Эти вопросы неоднократно затрагивались в нашей центральной печати; дискуссия по некоторым из них была, в частности, развернута в 1966 г. на страницах «Литературной газеты».

Обсуждению проблем народонаселения была посвящена состоявшаяся в конце октября 1966 г. в Киеве Первая республиканская научная конференция по демографии и организованный в конце ноября того же года в Москве Всесоюзный симпозиум по вопросам марксистско-ленинской теории народонаселения. О размахе этих двух совещаний можно судить хотя бы по тому факту, что на первом из них с докладами и сообщениями выступило свыше 50 человек — ученых и специалистов из различных городов нашей страны, на втором — примерно вдвое больше, в том числе ряд демографов из европейских социалистических стран. Ниже мы остановимся на некоторых основных вопросах, привлечших особое внимание участников этих совещаний и представляющих определенный интерес для этнографов.

О науке, изучающей народонаселение и о ее связях с другими науками. По этому вопросу, обсуждавшемуся главным образом на симпозиуме, выявились три основные точки зрения. Первая, наиболее отчетливо выраженная П. Г. Подъячих (Москва), сводится к тому, что народонаселение изучается рядом конкретных научных дисциплин: демографической статистикой или статистикой населения, социальной гигиеной и другими; создание особой науки — демографии или более широкой науки о народонаселении означает, по его мнению, создание какой-то сверхнауки, которая поглотит эти уже существующие дисциплины. По другой точке зрения, защищаемой главным образом Д. И. Валентеем и Ю. Н. Козыревым (Москва), назрела необходимость создания комплексной науки о народонаселении, причем эта наука должна включить в себя демографию и некоторые области других наук, изучающих народонаселение.

Подавляющее большинство участников совещаний, в том числе Б. Ц. Урланис, М. Я. Сонин, А. Я. Боярский (Москва) и др. не согласились с этими крайними точками зрения и решительно выступили в защиту демографической науки. Речь, по их мнению, идет не о «создании» демографии, ибо такая наука сформировалась еще в XIX в., а о необходимости ее окончательной «реабилитации», после начавшегося в 1930-х годах игнорирования проблем народонаселения, закрытия демографических учреждений, резкого сокращения публикаций статистических материалов и т. д. Демография, определенная А. Г. Волковым (Москва) как «самостоятельная общественная наука, изучающая воспроизводство населения в его общественно-исторической обусловленности» имеет свою собственную область исследования народонаселения, устанавливает закономерности его естественного движения, особенности изменения поло-возрастной структуры и других демографических показателей. Она тесно связана с рядом общественно-экономических и естественных наук, в том числе с этнографией и антропологией, причем демографы призваны координировать силы ученых различных специальностей при комплексном исследовании проблем народонаселения, если результаты этих исследований так или иначе выражаются в количественной характеристике населения. Тот факт, что демографы в своих исследованиях опираются главным образом на материалы статистики населения и органически связаны с ней, не может поставить под сомнение существование демографии в качестве самостоятельной науки, как, например, наличие экономической статистики не ставит под сомнение существование политической экономики.

При обсуждении вопроса о связи демографии с другими науками значительный интерес представило выступление В. П. Якимова (Москва), который отметил недооценку демографами биологических и антропологических аспектов народонаселения. Он отметил, в частности, что распространяющаяся малодетность может привести к существенному биологическому изменению характера процессов естественного воспроизводства населения и что происшедшие за последние десятилетия изменения антропо-

метрических показателей в развитых странах мира (увеличение роста, веса и т. д.) имеют важное социально-экономическое и демографическое значение.

О роли демографической науки, прежде всего применительно к задачам коммунистического строительства в СССР. Все выступавшие по этому вопросу на обоих совещаниях подчеркивали видную роль, которую призвана играть демография при решении важнейших задач на пути движения нашей страны к коммунизму. Достижение основной цели — максимального удовлетворения материальных и духовных потребностей советских людей — немыслимо без знания характера естественного движения населения СССР и прежде всего закономерностей, управляющих изменениями рождаемости и смертности. Именно эти закономерности лежат в основе прогнозов будущего изменения численности, состава и размещения населения в целом по стране, а также внутри отдельных ее республик, краев и областей. Экономика нашей страны, в соответствии с решениями XXIII съезда КПСС, перестраивается с учетом наиболее оптимальных показателей. В связи с этим возрастает роль демографических факторов, влияющих как на развитие производства, так и на потребление произведенных товаров, на жилищное строительство и т. д. О необходимости использования демографических материалов говорили, в частности, работники ряда проектных организаций: экономисты, связанные с проектированием новых крупных предприятий, требовали детальных сведений о трудовых ресурсах, т. е. о возможности обеспечения этих предприятий рабочей силой как за счет местных жителей, так и за счет миграций из других районов страны; градостроители требовали долгосрочных прогнозов роста численности жителей по городам и по отдельным районам крупных городов с указанием на изменение их половозрастного и семейного состава, так как суммарные цифры не позволяют достаточно правильно спроектировать предприятия бытового обслуживания, определить необходимое число комнат в квартирах и т. д.

Большое внимание, которое было уделено на обоих совещаниях вопросам естественного движения населения СССР, объясняется весьма сложной демографической ситуацией в нашей стране. Развитие здравоохранения за годы советской власти привело к снижению смертности во всех союзных республиках примерно до одинакового уровня, являющегося одним из самых низких в мире. Одновременно по ряду причин шло и процесс сокращения рождаемости, однако в разных республиках он проявился по-разному, и поэтому прежние различия в рождаемости между ними в ряде случаев даже усилились. Все это привело к тому, что при заметном снижении за последнее десятилетие показателя естественного прироста по стране в целом естественный прирост в среднеазиатских республиках, например, по своим темпам стал в несколько раз превышать прирост в Прибалтике. В Эстонии и Латвии, на Украине и в ряде областей европейской части СССР, а также в большинстве городов страны рождаемость в настоящее время опустилась до такого уровня, который с трудом обеспечивает даже простое воспроизводство населения.

Рождаемость, оказывающая в настоящее время решающее влияние на характер естественного воспроизводства населения СССР в целом и по отдельным его частям определяется очень сложным комплексом причин. Важнейшая сторона показателя рождаемости — плодородность женщин — оказалась сравнительно слабо связанной с возрастом вступления в брак. Характерно, что даже в областях с низкой рождаемостью женщины, по сравнению с началом 1950-х годов, обычно раньше вступают в брак и раньше рожают первого ребенка, но затем брачные пары начинают более широко, чем прежде, прибегать к предохранительным средствам (или абортam), резко сокращая число последующих детей и увеличивая интервал между их рождением. Выступавшие по этому вопросу А. Г. Волков, А. М. Мерков, Г. П. Киселева (Москва) и др. на основании проведенных конкретных обследований отмечали обратную зависимость плодородности женщин от уровня их образования, занятости в общественном производстве и доли ее заработной платы в семейном бюджете, а также от урбанизации. Уровень благосостояния семей (общий заработок, жилищные условия и т. д.) оказывает двойственное, но в целом скорее отрицательное, нежели положительное влияние на плодородность. Действие этих почти повсеместно прослеживаемых на территориях СССР закономерностей сочетается с влиянием других факторов. Существенную роль в ряде случаев, например, играет состав семьи: неразделенные семьи нередко создают более благоприятную обстановку для воспитания детей; по распространенному среди демографов выражению, «бабушка является одним из важных факторов рождаемости». Очень сильно сказывается влияние уклада жизни и традиционного отношения тех или иных народов к процессу естественного воспроизводства; очень высокая рождаемость в Азербайджане, республиках Средней Азии и Казахстане, несомненно, связана и с распространенными здесь традициями многодетности, подкрепляемыми в недавнем прошлом установками ислама. Значительный интерес представляло сообщение Л. С. Соловьева (Молдавия), сделанное на симпозиуме и посвященное характеристике связи плодородности с национальным составом городских и сельских семей. Выступавшие говорили о том, что полное и всестороннее изучение факторов, влияющих на рождаемость, в настоящее время может быть успешным лишь при активном участии в этой работе этнографов, социологов, психологов и других специалистов.

О социалистическом законе народонаселения. Этот вопрос занял одно из центральных мест на московском симпозиуме, причем в развернувшейся дискуссии основное внимание было обращено на методологическое значение данного закона, в то время как практическая сторона его, к сожалению, не была раскрыта надлежащим образом. В дискуссии довольно отчетливо выявились две основные точки зрения. Одна из них, сформулированная в докладе Н. С. Есипова (Москва) и поддержанная А. Д. Аминовым (Ташкент) и др., сводится к тому, что закон народонаселения должен быть всеобъемлющим, т. е. охватывать все наиболее существенные аспекты народонаселения, связанные с его положением в социалистическом обществе: занятость в общественном производстве, распределение по территории, повышение материального и культурного уровня, особенности процесса естественного воспроизводства и т. д. Критикуя эти положения, В. В. Похитшевский (Москва) отметил, что каждая конкретная наука, изучающая народонаселение, устанавливает свои частные закономерности, характерные для социалистического общества; например, закономерности урбанизации, национальных взаимоотношений и т. п. Попытка объединить их в единый закон вряд ли принесет пользу.

Другая точка зрения, выраженная наиболее отчетливо В. Н. Ягодкиным (Москва), заключается в том, что данный закон, в соответствии со сформулированным Марксом законом населения при капитализме, должен быть экономическим законом, отражающим прежде всего полную и рациональную занятость трудоспособного населения в социалистическом обществе.

Часть выступавших, в их числе М. Я. Сонин, А. Г. Волков и др., заняла как бы промежуточную позицию, считая, что этот закон должен быть «экономико-демографическим», однако его демографическое содержание было представлено весьма смутно. Это объясняется тем, что некоторые закономерности народонаселения, в частности характер его естественного движения, столь сильно разнятся по отдельным социалистическим странам мира и внутри крупных стран, что их очень трудно связать непосредственно с социалистическим способом производства.

О политике народонаселения. Дискуссия по этому вопросу, касающемуся определенной системы, мер, принимаемых тем или иным государством с целью оказать влияние на процесс воспроизводства населения, развернулась главным образом на симпозиуме и явилась своего рода продолжением дискуссии, начатой в «Литературной газете» в связи с обсуждением проблем народонаселения в развивающихся странах. В большинстве стран Африки, зарубежной Азии и Латинской Америки за последние два десятилетия произошло резкое снижение смертности, кое-где до уровня смертности в передовых индустриальных государствах. Это снижение было достигнуто путем сравнительно простых мероприятий (применение антибиотиков и сульфамидных препаратов против массовых болезней, препаратов ДДТ — против насекомых-бактерионосителей, улучшение акушерской службы и т. д.); оно, как правило, не сопровождалось значительными социально-экономическими преобразованиями и мало затронуло старый уклад жизни (в том числе традиции многодетности), а поэтому не привело к заметному сокращению рождаемости. Это, как отметил в своем выступлении на симпозиуме и профессор Штейнбергер (ГДР) вызвало увеличение естественного прироста населения до размеров, превышающих во многих случаях темпы хозяйственного развития стран в целом и особенно темпы производства пищевых продуктов. Увеличение процента детей в массе населения развивающихся стран ложится тяжелым бременем на их бюджет и тормозит развитие промышленности и сельского хозяйства. Выход из создавшегося положения, как считает П. Г. Подъячих, заключается только в радикальных социально-экономических преобразованиях, в частности в развитии экономики и системы образования, что должно автоматически привести к снижению рождаемости; связывая политику народонаселения с неомальтузианством, он считает ее ненужным и даже вредным делом. Эта точка зрения была подвергнута критике в выступлениях Я. Н. Гузеватого, Э. А. Араба-Оглы (Москва) и многих других ученых. По их мнению, социально-экономические преобразования и развитие производства оказывают в конечном счете решающее влияние на изменение демографических показателей. Однако такие преобразования не отрицают необходимости проведения в ряде случаев и соответствующей политики регулирования прироста народонаселения, как это делается, например, в Индии, ОАР и других странах, ибо эта политика также отвечает интересам трудящихся масс.

Политика народонаселения является одной из важнейших задач каждого государства, в том числе и СССР, где, как отметил в своем выступлении А. М. Румянцев, она проводится буквально с первых лет советской власти, оказывая определенное влияние как на сокращение смертности, так и на распространение сознательного материнства. Дальнейшая научная разработка такой политики, как подчеркнул в своем заключительном слове на симпозиуме Д. И. Валентей, связана с определением оптимальных темпов прироста населения по отдельным республикам и стране в целом.

В «Решении», принятом участниками Всесоюзного симпозиума по вопросам марксистско-ленинской теории народонаселения, отмечается необходимость дальнейшей гео-

ретической разработки методологических основ демографии и ее связи с другими науками, рассматривающими с разных сторон народонаселение: социологии, политической экономики, географии, этнографии, статистики, права, психологии, социальной медицины, антропологии и биологии. Особое внимание обращено на необходимость дальнейшего совершенствования организации конкретного изучения социально-экономических, демографических, социально-гигиенических и географических аспектов теории и политики народонаселения.

Как подчеркивается в «Решении», назрела необходимость создать Всесоюзный научно-исследовательский институт по изучению проблем народонаселения, основать журнал «Народонаселение», а также расширить публикацию статистических материалов.

В. И. Козлов

ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ НАУЧНЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ И УНИВЕРСИТЕТАМ НИДЕРЛАНДОВ

Мое пребывание в Нидерландах (1965 г.) я использовала для ознакомления с этнографическими музеями и научными учреждениями, для встреч с представителями этнографической науки. Начала я свое путешествие с Утрехта. В университете Утрехта обучается около 9 тыс. студентов. На отделении социологии и народоведения занимаются 50 человек. Курс обучения — 5 лет. Число студентов из рабочей среды невелико.

Здесь же в Утрехте находится Центральный музей (Centraal Museum), где хранится собрание предметов декоративного искусства Нидерландов — мебель, серебро, посуда, стекло, а также уникальные «комнатки стиля», например, «кукольный дом» — макет, демонстрирующий убранство богатого купеческого дома конца XVII в. Один из залов отведен для образцов скульптуры, ювелирных изделий из золота, художественной резьбы по слоновой кости.

Очень приятное впечатление производит оформление экспозиции. Витрины не пестрят этикетками. Около мелких предметов лежит маленький номерок, а в стороне — список номеров и экспликации к каждому из них. Этикетки к картинам прикреплены на боковой стороне рамы. Для борьбы с сухостью в зале стоит сосуд с вращающимся механизмом, обеспечивающим нужную влажность. В верхнем этаже музея хранится собрание костюмов жителей Нидерландов XVIII—XX вв. Здесь же расположен исторический отдел. В нижнем этаже находятся материалы раскопок кафедральной (домской) площади — римская военная казна (I в.) из золотых монет периода правления Нерона. В подвале хранится обнаруженное при раскопках в 1930 г. около Утрехта торговое судно (II в.) длиной 17,5 м, сделанное из дуба.

В Роттердаме я осмотрела Музей страноведения и народоведения (Museum voor Landen Volkenkunde), где хранится около 57 тыс. предметов. В 1965 г. в музее были следующие временные выставки: японское искусство (из частных собраний); искусство Новой Гвинеи (район Асма); театр «ваянг» и оркестр «гамелан»; повседневная жизнь индонезийцев; древнее прошлое Сахары; Океания (мифы и магия); Тибет (страна и народ); японский буддизм. Подробные путеводители по отделам печатаются в музее на ротапринте.

В большом зале выставлены предметы искусства Индии, Тибета, Китая, Непала, Камбоджи, Индонезии (в том числе датируемое XV в. изображение богини плодородия с о. Бали), Новой Гвинеи, Западной Африки, Берега Слоновой Кости.

Особенно запоминаются экспонаты, привезенные С. М. А. Грунфелтом из Новой Гвинеи, в том числе лодка духов из района Асма длиной более 14 м, женская лодка-долбленка из Сентани и деревянный столб высотой 12,5 м, на котором высечены человеческие фигуры. В том же зале выставлены выдолбленные из цельного дерева две лодки духов — 9 и 7 м длиной. Они украшены разными фигурками людей. Эти лодки используются во время обряда инициации: на фигуру черепахи сажают десятилетнего мальчика, которого подвергают ритуальному надрезу бедра. Такие лодки являются уникальными предметами в музеях, так как их после обряда инициации обычно выбрасывают в болото, и папуасы не соглашаются их продавать, опасаясь навлечь на себя несчастье.

Большой интерес представляет костюм колдуна из Новой Гвинеи, надеваемый при усыновлении детей убитых врагов. Костюм состоит из нагрудного украшения, шпильки, браслетов, сумки для голов убитых врагов, налобной повязки из меха кускуса.

Музей открыт круглый год ежедневно. Посещаемость его хорошая, особенно по субботам и воскресеньям. Плата за вход очень низкая. Школьники посещают музей бесплатно, экскурсии проводятся также бесплатно. Все экскурсоводы носят белые халаты. Учащихся обучают игре на музыкальных инструментах яванского оркестра гамелан, при этом нередко во время экскурсии уже сами школьники демонстрируют публике звучание гамелана. На демонстрациях яванского театра ваянг не хватает мест для всех желающих. По субботам и воскресеньям в музее показывают этнографические фильмы. Во время школьных каникул кинофильмы демонстрируются ежедневно.

Сотрудники музея читают вечерние лекции и лекции для пенсионеров, выезжают в школы и педагогические училища страны с этнографическими фильмами, магнитофонными записями и диапозитивами, устраивают небольшие выставки в загородных школах и в юношеских библиотеках с целью привить интерес к этнографии и этнографической литературе.

В университете Амстердама (основан в 1632 г.) обучаются 10 тыс. студентов. Здесь, в Институте культурной антропологии, студентов готовят известные ученые — профессора И. ван Баал, В. Вертхейм, Й. Пауэр, А. Коббен. Сдав соответствующие экзамены, студент к концу третьего курса становится кандидатом, а к концу пятого-шестого курса сдает докторские экзамены и считается доктором. Обычно он готовит докторскую диссертацию после длительной полевой работы.

Институт тропиков и Музей тропиков при нем (Museum voor de Tropen) были основаны в Амстердаме в 1910 г. В вестибюле музея находится выставка-продажа книг по странам Востока и большой стенд частной фирмы с предметами народного искусства народов Азии и Африки¹.

Музей тропиков расположен на трех этажах. На первом этаже находится выставка Африки. Она начинается с большой карты, на которой показано расселение африканских народов и их основные занятия. Вторая карта Африки демонстрирует виды пищи, употребляемой народами Африки, третья — средства сообщения; карты иллюстрируются крупными диапозитивами, искусно освещенными сзади. На ряде манекенов (без лиц) демонстрируется национальная одежда². Рядом с манекенами висят фотографии тех, кто носит эту одежду. Фотографии превосходного качества (размерами больше человеческого роста на черном фоне).

Из весьма эффектных наглядных пособий следует упомянуть и цветные диапозитивы (вращающиеся на скрытом конвейере) с видами страны. Они автоматически беспрерывно передвигаются в горизонтальном направлении. Крупные экспликации, написанные на черном фоне, стоят на полу.

На выставке «Экономика» схематическая карта показывает основные районы производства продовольственных культур в тропических областях всего мира. Здесь мы знакомимся, например, с производством сахара (макет современного сахарного завода), хлопка, джута, табака, чая и т. д.

В разделе «Пища народов» ставится задача показать, как лучше организовать рациональное питание и распределить блага для населения всего земного шара, где в одних районах царит изобилие, а в других — голод.

На огромной картине изображен обильный стол, за столом сытые, хорошо одетые люди, а на заднем плане — голодные фигуры людей разных рас. На этой выставке демонстрируются образцы пищи разных народов.

Схематическая карта показывает рост населения земного шара с 1650 г. и перспективы этого роста вплоть до 1980 г.

В отделе Индонезии мы видим трон бога Санггар Агунг (Бали), принцессу в брачной одежде (манекен с очень выразительным лицом), маску «Удо кита», употребляемую во время праздника уборки риса на Борнео. Здесь же демонстрируется великолепная стенная резьба с дверьми (5×4 м) из Джапары (северное побережье Центральной Явы). На первом же этаже помещается сокровищница, где хранятся парадные килжалы (крисы) с Бали, золотые украшения с Явы. Здесь же мы видим витрину с филигранными золотыми изделиями из Аче (северная Суматра), серьги, ожерелья, ножницы, драгоценный головной убор невесты из Палембанга (восточная Суматра) и т. п.

¹ Интерес населения к художественному творчеству народов Азии и Африки используют некоторые фирмы. Так, на многолюдном пляже в Схевенингене находится киоск частной фирмы для продажи резных фигурок из Африки. Изготовление образцов художественной резьбы африканцев можно наблюдать в крупных универсальных магазинах страны.

² Опыт применения в этом музее подобных фигур без лиц при устройстве новых выставок представляется нам неудачным. Нам кажется более правильной традиция этнографических музеев СССР и тех музеев Голландии, которые до сих пор используют фигуры с ясно выраженными антропологическими и этническими чертами.

На втором этаже находится зал храмов. Здесь помещены искусно выполненные модели яванских храмов периода средневековья. Привлекает внимание огромная каменная фигура мифического существа, охранявшего кратон — дворец яванских раджей.

Специальная выставка посвящена о. Бали. Деревянные резные фигурки изображают рожицу со знахарем, деревянную детскую кроватку, ребенка, делающего первые шаги. Экспонируется детская маска из кокосового ореха, шкафчик для жертвоприношений богу — покровителю детей, фигура птицы-хранителя. Деревянные скульптуры Пан (отец) Браут с 18 детьми и Мен (мать) Браут (главная фигура балийского фольклора) и ее 18 детей изображают счастье многодетных родителей. Заключительный этап жизненного цикла — смерть. О ней напоминает погребальная башня, где изображена подготовка к сжиганию тела.

На стене — карта и крупные фотографии пейзажей Бали. Макетом представлена балийская деревня. В центре зала находится огромный церемониальный плуг и борова (красная с позолотой), с большими плоскими колокольцами для быков. Из экспонатов, иллюстрирующих хозяйство балийцев, особенно запомнилась «ровнялка» в виде маски с ручкой для снятия излишков риса в сосуде-мерке.

На черном фоне стены эффектно выставлены искусно освещенные кинжалы, фигурки из кости, браслеты и т. п. Среди экспонатов, отражающих повседневную жизнь Бали, находятся предметы, связанные с развлечениями балийцев — боями петухов, саранчи, сверчков.

Раздел «Балийский театр» содержит изображение и маски доброго мифического чудовища Баронга, куклы театра ваянг кулит и др.

В разделе «Новые пути в искусстве» выставлена, в числе других скульптур, композиция, изображающая мужчин, которые прячут лица, когда мимо проходит князь. Так скульптор Ида Багус изобразил рабское положение крестьян в прошлом.

В небольшом отделе «Ближний Восток» выставлены предметы быта: одежда, сельскохозяйственные орудия, крупный сосуд, резьба, ковры. В отделе «Пакистан, Индия, Непал» мы видим музыкальные инструменты, предметы культа, плетение.

На втором этаже помещается отдел Южной и Центральной Америки (Гватемала, Мексика, Панама, Эквадор, Колумбия, Бразилия, Перу).

Запасные фонды Музея тропиков расположены в полуподвале, где температура в течение всего года примерно одинаковая. Предметы размещены в закрытых шкафах, стоящих длинными рядами. Удлиненные предметы находятся в нижних отделениях шкафов в продольных закрытых ящиках.

В инвентарные книги вносят фамилию собирателя, способ приобретения, номер серии и предмета. Вместо описей составляются две одинаковые карточки (20×16 см) научного каталога для каждого предмета, в которые заносятся все необходимые данные (размеры, краткое описание и т. д.). Одна из этих двух карточек заполняется от руки, вторая напечатана на машинке. На первой имеется и рисунок предмета, выполненный студентами-практикантами. На карточках предметного каталога (2 экз.), обычно библиографического формата, указывается местонахождение предмета. Одна из карточек заполняется черными, другая — фиолетовыми чернилами.

В Лейдене находится один из шести, притом самый древний, университет страны, основанный в 1574 г. В настоящее время здесь обучается 8 тыс. студентов. На факультете культурной антропологии и общей социологии «незападных» народов они занимаются у Годфрида Лохера, Ф. ван Хеека и П. де Йосселин де Йонга. Проф. П. де Йосселин де Йонг читает курс общей культурной антропологии и этнологии народов Юго-Восточной Азии, Океании и мусульманских стран, проф. Г. Лохер — о коренном населении Северной Америки. Их ассистенты дают обзоры культуры других народов. На занятиях обсуждаются также методы изучения социальных, экономических и религиозных аспектов культуры, вопросы терминологии. Сотрудники местного музея этнологии читают курсы по материальной культуре разных народов на основании коллекций музея.

Студенты обязаны написать два реферата по одной или нескольким книгам из обязательного списка литературы. Они готовят доклады по отдельным темам (в частности, по проблемам аккультурации), делают подробные описания культуры того или иного народа с использованием музейных коллекций, участвуют в полевых социологических исследованиях в Нидерландах и пишут об этом отчеты, проходят музейную практику, работают над научным каталогом, делают описания и зарисовки экспонатов, принимают участие в просветительной работе музеев.

Этнографическое образование дают также университет в Гронингене, основанный в 1614 г., где на факультете общественных наук имеется отделение социологии и культурной антропологии, и Международный институт общественных наук, основанный в 1952 г., в котором занимаются в основном иностранцы и преподавание ведется только на английском языке.

Музей этнологии в Лейдене в 1962 г. отметил свое 125-летие. В 1885 г. на территории университета был создан его филиал — вероятно, первый в мире музей на открытом воздухе — «Бытовая архитектура разных районов Индонезии». Однако гол-

ландский сырой климат и особенно шторм в 1903 г., нанесший тяжелые повреждения экспонатам, выставленным на открытом воздухе, сделали дальнейшее существование этой выставки невозможным, и она была свернута. По мере расширения колонизации Индонезии коллекции по этой стране значительно увеличились, и в 1931 г. Музей получил отдельное здание.

В нижнем этаже музея помещается отдел Юго-Восточной Азии. Здесь представлены яванский оркестр гамелан, образцы яванского искусства периода средневековья; традиционный театр и прикладное искусство Суматры. В этом же отделе развешены этнографические выставки, посвященные народам Калимантана, Сулавеси, Малых Зондских и Молуккских островов. Здесь же посетитель видит экспонаты, показывающие влияние ислама на культуру народов Индонезии. Небольшие разделы отображают жизнь народов Филиппин, Австралии и Океании.

На втором этаже в большом зале с множеством секций посетители знакомятся с искусством Индии, Цейлона, Ирана, Африки и Южной Америки. В последней секции особенно много экспонатов из Суринама — последней голландской колонии. В другой секции прослеживается история развития китайской и японской керамики, а также резьбы по лаку. Демонстрируется развитие буддизма в Азии и предметы буддийского искусства. На этом же этаже размещена экспозиция образцов ювелирного искусства народов Индонезии.

По перечисленным выше этнографическим выставкам можно судить о том, что они построены не по принятому в подавляющем большинстве советских музеев принципу, согласно которому следует показывать в комплексе все стороны жизни данного народа, а в зависимости от наличия экспонатов, иногда весьма немногочисленных, что не позволяет разворачивать перед посетителями достаточно многогранную картину культуры и быта того или иного народа. Однако, как правило, устроители удачно разрабатывают план экспозиции, исходя из имеющихся коллекций. В то же время обращает на себя внимание значительное число тематических выставок, отражающих отдельные аспекты культуры народов, причем в сравнительном освещении.

С благодарностью вспоминаю А. С. ван дер Ледеена, хранителя отдела Индонезии, который с большой готовностью показал мне музей, а также рассказал о своей работе. Он, в частности, в течение трех лет работал в Западном Иране и в Австралии, изучая фольклор, музыку и верования папуасов и австралийских аборигенов, и привез много магнитофонных записей. В настоящее время он обрабатывает эти материалы, готовя их к публикации.

В Лейдене я встретилась с историком проф. Теодором Лохером (братом этнографа Г. Лохера). В настоящее время он занят обработкой и изданием дневника и заметок голландского этнографа XVII в. Николаса Витсена. Дневник этот был написан Витсеном во время посещения им России в 1664—1665 гг. Дневник считался погибшим, но в одном из парижских архивов была обнаружена его копия. Вместе с пространными комментариями он издается в Нидерландах Т. Лохером; уже вышло два тома этого издания (из трех)³.

В доме проф. Лохера был устроен обед «витсенистов» по случаю приезда советской гостьи — переводчицы книги Витсена «Северная и Восточная Тартария»⁴. Участвовал в этой встрече и д-р Пит де Бюк, который в 1964 г. в течение трех месяцев работал в Москве над архивными материалами в связи с изданием в Голландии дневника Витсена. Т. Лохер прочитал присутствующим отрывки из публикуемого им дневника и своих подробных комментариев к нему. С большим интересом научная общественность Голландии ждет полного опубликования этого ценного труда.

Коллеги-этнографы из Лейдена решили дать мне возможность познакомиться с этнографами других городов Голландии. Поводом для этого послужило то обстоятельство, что 26 июня в университете г. Неймегена должна была состояться встреча этнографов страны. Подобные встречи устраиваются регулярно (раз в три месяца) в каждом из университетов страны поочередно. На этот раз предстояла встреча в самом молодом университете, основанном в 1923 г. Во время второй мировой войны университет закрылся в знак протеста против захвата страны фашистами. Многие его

³ Автор настоящего сообщения работает сейчас над переводом дневника Витсена на русский язык.

⁴ Витсен во время путешествия в Россию (1664—1665 гг.) и в течение 40 лет после возвращения из России собирал материалы по этнографии, истории, географии, геологии, археологии восточной России и сведения об открытиях, сделанных русскими землепроходцами во время плаваний в северных и восточных морях. Витсен опубликовал все эти материалы в 1692 г. и дополнил в 1705 г. в книге под названием «Северная и Восточная Тартария» объемом 123 п. л. (Черновой перевод книги, осуществленный автором данного сообщения, находится в архиве ИЭ АН СССР в Ленинграде. В настоящее время часть этого труда, посвященная Сибири, готовится к изданию).

преподаватели и студенты погибли. В 1944—1945 гг. центр города и многие здания университета были разбомблены, большая часть библиотеки, вместе с уникальными материалами, сгорела. В восстановленном городе воздвигнут памятник студенту университета партизану Яну ван Хоофу, который спас заминированный фашистами мост через р. Ваал и был за это расстрелян немецкими палачами.

Число студентов Неймегенского университета в настоящее время около 6 тыс. чел. Факультет культурной антропологии и социологии помещается еще в старом здании в центре города.

Во время июньской встречи этнографов проф. Трибеле, в течение шести месяцев проводивший полевую работу в Вест-Индии, сделал интересный доклад об этнических процессах на Малых Антильских островах с начала колонизации (1638 г.) по настоящее время. Докладчик, в частности, отметил недоброжелательное отношение населения к новым иммигрантам из Голландии, которые, в отличие от прежних переселенцев-голландцев, держатся обособленно. Настроение здесь явно антинидерландское, хотя многие жители Малых Антиллов учатся в Голландии, женятся там на голландских девушках.

После перерыва д-р Белицкий продемонстрировал часть рассчитанного на 10 часов цветного фильма «Рыболовство на каменной запруде». Фильм подробно рассказывает об обычаях эскимосов, устройстве запруд, изготовлении орудий труда, ловле и консервировании рыбы без соли, об играх детей и т. п. Часть фильма демонстрировалась во время VII МКАЭН в Москве.

В загородном лесном парке Неймегена разместился Музей Африки, которым заведует П. Г. Фердейк, бывший миссионер в Африке. В этом очень современном по своему устройству музее проводит интересные, проникнутые большой любовью к африканскому населению, экскурсии Ян Оп ден Дам. Вокруг центрального здания музея размещены постройки деревни одного из народов группы банту. В музее имеется хороший иллюстрированный путеводитель.

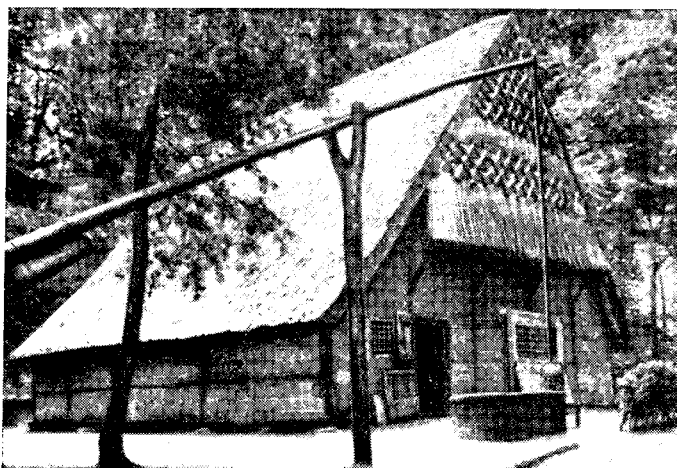
В 1932 г. на окраине Неймегена в красивой местности был создан музей на открытом воздухе под названием «Обетованная земля». Здесь воспроизведены постройки, предметы быта, сельскохозяйственные орудия, одежда, домашняя утварь, т. е. то, что показывает условия жизни народа Палестины на рубеже нашей эры. Устроители музея придерживаются версии историчности Христа. В рассказ экскурсовода искусно вплетены исторические факты. Так, экскурсовод, прослеживая переход иудейской религии в христианскую, отмечает, что некоторые легенды, связанные с Христом, появились значительно позднее (иногда даже через тысячелетие). К этому музею особое внимание проявляют влиятельные католические круги. Вся экспозиция является свидетельством того, как католическая церковь пытается приспособиться к современным условиям, в первую очередь к растущему уровню исторических знаний.

В г. Арнем находится замечательный «Музей Нидерландов на открытом воздухе» (Hef-Nederlands Openluchtmuseum), основанный в 1912 г. Во время войны этот музей сильно пострадал: погибли многие постройки, вся коллекция одежды и некоторые другие музейные ценности. После освобождения страны музей был восстановлен, для пополнения экспозиции были приобретены многие новые ценные собрания и отдельные предметы. Музей продолжает расти. С 1958 г. им руководит проф. А. И. Бернет-Кемперс, сам являющийся одним из крупнейших современных специалистов по искусству Индонезии. Со всей страны поступают в дар новые экспонаты, в том числе целые хозяйственные постройки, ремесленные мастерские, находящиеся под угрозой сноса в связи с быстрым ростом индустриализации села.

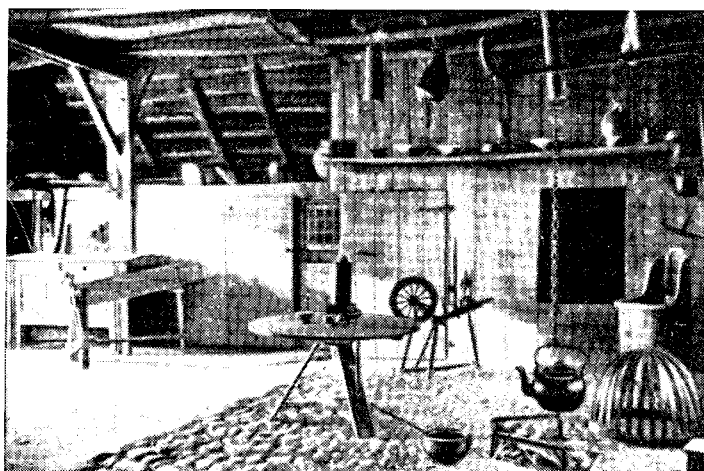
Сейчас музей занимает территорию площадью 33 га. Здесь воссозданы природные условия различных районов страны: болотистая земля, луга, пашни, леса, холмы и т. п. Это — образцовый этнопарк. По всей территории размещены по принципу провинциального деления перевезенные сюда и восстановленные здесь мельницы, фермы, сельские мастерские, рыбацьи хижины, копильни, двойной подъемный мост, хижина рабочего торфоразработок, сельская школа. Жилые помещения ферм воссозданы с полной обстановкой. Мы можем увидеть здесь ферму «лосхус», т. е. ферму без перегородки между жилым помещением и хлевом (рис. 1 а, б), а также водяную мельницу, приводимую в движение ручьем, на базе которой работает старинная бумажная фабрика, где демонстрируется изготовление бумаги из тряпок. Далее размещены пчеловодческое хозяйство, мастерская для изготовления сиропа, колесная мастерская, сарай для выжигания древесного угля, пекарня, маслобойня с деревянными машинами. В старинной мастерской женщина в присутствии посетителей прялет грубую шерсть и на примитивном станке тклет куртки, шарфы и т. п. (здесь их и продают). Сюда же в центр парка переведен из города Заандама квартал XVIII — начала XIX в. с купеческим домом, табачной лавкой и т. д.

В просторном помещении собрано большое количество богато украшенных праздничных и простых саней, кареты, крестьянские повозки, первые велосипеды и т. п. В центральном здании имеется большой раздел «Быт и одежда», где представлены костюмы из всех районов Нидерландов. У входа висит карта, на которой показано

a

б

в

Рис. 1. Экспонаты «Музея Нидерландов на открытом воздухе» в г. Арнем: *a* — ферма «лосхус», без перегородки между жилым помещением и хлевом; *б* — та же ферма, интерьер; *в* — сценка — семь фигур во дворе дома

распространение многочисленных местных женских головных уборов, отмечено, какие из этих головных уборов исчезли из употребления, какие редко встречаются и какие еще бытуют сегодня. Выставка одежды частично меняется раз в два года. Каждая ее экспозиция посвящается определенному сюжету, например: «Свадебные уборы Нидерландов», «На рынке», «Рождение и крестины», «Провинциальный дом».

С большой изобретательностью придуманы бытовые сценки, которые демонстрируются в больших нишах, с прекрасно выполненными манекенами. Каждая сценка представляет определенный район, но так, чтобы в ней были отражены обитатели разных селений в разных одеждах. Например, в сценке «В гостях» присутствуют, судя по одежде, несколько родственников из других деревень. В сценке «В аптеке» в помещение входит крестьянин, а в самой аптеке уже сидят в ожидании лекарств несколько женщин из разных деревень. Перечислим еще несколько сценок, наиболее интересных. «В трамвае» (время «действия» — 1956 г.) — в вагоне сидят и стоят женщины с о. Марке (в бывшем заливе Зендерзее) и из г. Фолендам — туристка, мужчина в будничной одежде, водитель. «Воскресный вечер» (1900 г.) — полная обстановка комнаты, старик читает собравшимся библию; «Будничный день» (г. Стапхарст, 1960 г.) — 7 фигур во дворе дома (рис. 10) «После соревнования на саях» (1962—1963 гг., провинция Фрисланд) — 8 фигур взрослых, происходит раздача призов; «Рыночный день» (1939 г.) на церковной площади; на заднем плане — церковь; собрались жители всех окрестностей в разнообразной местной одежде, слева — лавка с тканями; на площади — группы взрослых и детей; «В гостях у роженицы» (1920 г.) — показаны женщины разных возрастов; некоторые в головных уборах протестанток, другие, судя по головному убору, — католички; здесь же мы видим женщину в трауре.

Около фигур в этих сценках нет никаких этикеток. Но рядом с нишей на стене помещается небольшой схематический рисунок с контурами всех фигур, а на каждой фигурке — номер. Ниже — список номеров и экспликации к фигурам. Часто в этих сценках представлена женщина в городском платье, потому что только по городской моде можно определить время действия, так как сельская одежда почти не изменилась на протяжении многих поколений.

Хотя выставки одежды меняются часто, все же это не связано с дорогостоящим изготовлением новых фигур полных манекенов. Здесь принято изготовление отдельных элементов фигуры (головы, корпуса, рук, ног); кроме замены, этой подвижностью деталей достигается возможность придать фигурам более естественные позы. Когда меняется выставка, одни и те же головы применяются для изображения персонажей из разных местностей Нидерландов, так как головы стандартны, а не изготовлены по какому-нибудь чисто местному типу. Свообразие каждой фигуре придают костюм, парики, головные уборы. Голова и руки изготавлиются либо из палье-маше, либо из специальной пластической массы. Впечатление натуральности кожного покрова лица и рук достигается нанесением слоя тончайшего песка перед покрытием поверхности краской.

Отдел одежды устраивает многочисленные сменные выставки в своем городе, а также выездные в других городах.

Для работы над воссозданием старинных интерьеров при музее создан специальный архив, где хранится около 5 тыс. фотографий с картотекой и репродукции с картин и гравюр XIV—XIX вв. Репродукции сделаны с картин 956 художников. Невыставленная одежда хранится в фондах, где она размещена по географическим секциям, подразделенным на подсекции с одеждой женщин, мужчин, детей. Размещена она в стальных выдвижных ящиках в помещении с кондиционером. На всех ящиках — этикетки разных цветов в зависимости от категории одежды.

Более 200 застекленных горизонтальных витрин в фондах содержат ценное собрание резных тростей, ножей, коробок, резных досок для катания белья и т. п. На картонных листах закреплены резинкой мелкие предметы из серебра, дверные и ящичные петли, ключи, замки, оловянные ложки, вилки, особые буравы для проверки качества сыра, оловянные детские рожки и т. п. В подвальном помещении на двойных рядах стальных стеллажей (во всю длину фондов) помещены предметы, связанные с ремеслами сапожника, медника, стеклодува, бондаря, тележника, кожевника, плотника, пекаря и др. Для того чтобы ржавчина не повредила их, в этом помещении постоянно работают сушильные аппараты.

В музее имеется большой фотоархив — 84 тыс. фотографий и 8 тыс. диапозитивов. У музея есть собственная фильмотека и сотрудники музея сами снимают фильмы для демонстрации посетителям. Так были созданы фильмы «Международный фольклорный фестиваль» (Рурло, 1953 г.), «Крестьянская свадьба в провинции Фрисланд» (1953 г.), «Старолиббургский праздник стрельцов», «Брабантский праздник — День стрелковой гильдии» (1953 г.), «Шествие в народных костюмах» (1954 г.), «Карнавал в г. Маастрихте» и др. Сотрудники музея снимают также документальные фильмы об исчезающих ныне ремеслах, например «Старинная маслособойня».

С каждым годом растет посещаемость музея, хотя он открыт только в течение семи месяцев (с 1 апреля до 1 ноября).

В заключение статьи, подводя некоторые итоги своим впечатлениям, хочу отметить высокое качество экспозиции во всех посещенных мною музеях, легкость, с которой в каждом музее устраивают новые временные выставки, большой объем издательской деятельности, наличие разнообразных и превосходных по качеству путеводителей, а главное — огромную просветительную работу, которая ведется сотрудниками как в самих музеях, так и вне их.

В. Г. Трисман

ПЕРВЫЙ ВСЕМИРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ НЕГРСКИХ ИСКУССТВ В ДАКАРЕ

I

С 30 марта по 20 апреля 1966 г. в столице Сенегала — Дакаре в торжественной обстановке проводился Первый всемирный фестиваль негрских искусств. На это время Дакар стал африканской интеллектуальной столицей, где собрались писатели, художники, кинорежиссеры, композиторы и артисты почти всех стран Тропической Африки. По замыслу организаторов фестиваля народы Черной Африки должны были объединиться, чтобы показать миру свое самобытное искусство во всех его проявлениях. Фестиваль должен был утвердить ценность негрского искусства и показать глубокое его своеобразие, отметить его характерные черты и тот вклад, которым оно обогащает мировую культуру.

Фестиваль открылся 30 марта в зале заседаний Национальной ассамблеи речами президента Сенегальской Республики Л. С. Сенгора, президента Международной ассоциации фестиваля видного сенегальского деятеля А. Диопа и министра культуры Франции Андре Мальро. Затем началась первая часть программы фестиваля — коллоквиум, проходивший под девизом «Функции и значение негрского искусства в жизни народа и для народа», в заседаниях которого приняли участие ученые, приглашенные из разных стран Африки, Европы, Азии и Америки.

Одновременно с работами коллоквиума начались выступления художественных ансамблей стран Африки, просмотр кинофильмов, поставленных африканскими режиссерами и отображающих жизнь и быт современной Африки; открылись две выставки — одна, посвященная современному искусству африканских художников, вторая — традиционной скульптуре Западной Африки.

Фестиваль, объединивший интеллектуальные силы большинства новых независимых государств Тропической Африки, имел, несомненно, большое значение. Он должен был показать культурное единство ее народов и единство их задач в области культуры. Организаторам этой встречи пришлось преодолеть немало трудностей; до последних дней оставался неясным состав участников фестиваля. Некоторые страны склонны были воздержаться от участия в торжествах, но в конце концов в Дакаре собрались представители почти всех приглашенных государств. Большинство из них прислали свои делегации, другие — только театральные ансамбли или коллекции для временных выставок, что, возможно, отчасти было связано со скептическим отношением к концепции негритюда, которой руководствовались организаторы фестиваля.

Идея организации фестиваля принадлежала представителям интеллигенции, объединенной Обществом африканской культуры, а также писателям, поэтам, художникам, журналистам и общественным деятелям, работающим в сотрудничестве с издательством «Презанс Африкен». Основная тяжесть подготовки фестиваля пала на плечи Алиуна Диопа — председателя Общества африканской культуры и одного из руководителей «Презанс Африкен». Большая заслуга в организации фестиваля принадлежит президенту Республики Сенегал — Леопольду Седару Сенгору, не только политическому деятелю, но также ученому и поэту.

* * *

Чтобы должным образом оценить задачи фестиваля и идеи, которыми вдохновлялись его руководители, необходимо иметь в виду особое понимание ими проблем искусства и его значения в жизни общества. Девиз научного коллоквиума — «Функции и значение негрского искусства в жизни народа и для народа» — не просто красивая фраза. Он имеет определенный смысл и непосредственно связан с особым представлением о сущности негро-африканской культуры и характерных чертах структуры общественных отношений в Африке. Представление это, с особой силой выраженное в статьях и поэзии Л. С. Сенгора и Э. Сезара, связано с концепцией негритюда.

Термин негритюд впервые появился около 1935 г. и получил распространение в среде африканской молодежи, обучавшейся в те годы в Париже. Он был создан Л. С. Сен-

гором и Э. Сезером, чтобы обозначить совокупность культурных ценностей Черной Африки и тот вклад, который внесла африканская культура в мировую культуру¹. Понятие негритюда родилось из протеста против взглядов, утверждавших культурную неполноценность негровой расы.

Начало 1930-х годов было эпохой расцвета колониализма, временем величайшего унижения народов Африки. В Европе оно отмечено, с одной стороны, растущей угрозой фашизма, а с другой — успехами Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР, национально-освободительной борьбой народов Южной Азии, растущей ролью Коммунистической партии во Франции и подго-товкой там Народного фронта. Такова в общих чертах та обстановка, в которой оказалась африканская учащаяся молодежь в Париже. Эти юноши принесли с собой впечатления детства: антилец Сезер — о бесправии негров в Вест-Индии, сенегалец Сенгор — о произволе колонизаторов в Африке. Они болезненно воспринимали господствовавшие в то время в западноевропейской науке расистские утверждения о неполноценности негровой расы и ее творческой бесплодности. В этнологии в эти годы господствовали теории, утверждавшие, что автохтонное население Африки — «книгиты» — лишены творческого начала и вся их культура создана пришельцами-завоевателями, сначала хамитами, затем арабами и, наконец, европейцами. Раздел Африки и эпоха колониализма изображались последним звеном в ряду «благодетней», дарованных африканцам, которым белые колонизаторы якобы прививали высшую культуру².

Все эти теории опирались на мнения некоторых реакционных биологов и антропологов, а в начале XX в. получили поддержку и со стороны философов. Так, во Франции Л. Леви-Брюль доказывал, что логическому мышлению европейцев противостоит дологическое мышление примитивных народов. Свою теорию о дологическом мышлении Леви-Брюль основывал на сообщениях путешественников, побывавших в Австралии, Африке и Южной Америке, т. е. в колониальных или полуколониальных странах. Тем самым Леви-Брюль по существу, может быть невольно, оправдывал систему колониализма³.

Так же обстояло дело и в Англии, где Антропологическое общество в своих трудах признавало негровскую расу не способной к развитию низшей расой⁴.

Таковы были господствующие взгляды официальной университетской науки тех лет, утверждавшие культурную неполноценность африканца. Однако не все этнологи того времени разделяли эти взгляды.

Так, известный немецкий африканист Лео Фробениус доказывал, что народы Африки имели в прошлом свою культуру. В блестяще написанных книгах и статьях Фробениус воскрешал далекое прошлое государств центрального Судана и Конго, излагал предания и легенды народов манде и фульбе, хауса и джукун, сказки народов Конго, мифы народов Гвинеи. В его работах возникал образ неведомой Африки, великой и загадочной, Африки прошлого, Африки, умиравшей в его дни. Это было ново и неожиданно. Это было открытие.

Фробениус был не только ученым-этнологом, но, пожалуй, в большей степени художником и поэтом. Хотя многое в его взглядах было противоречиво, хотя в них было немало мистицизма и фантастики, они пленяли воображение.

Взгляды Фробениуса шли вразрез с официально признанными и господствовавшими в университетах Германии теориями культурно-исторической школы, они шокировали академическую науку, и многие африканисты не принимали всерьез его «дилетантские» работы. Но Фробениус привез из Нигерии терракоты и бронзы и показал миру, что древняя Африка создавала великолепные произведения искусства. Это было неоспоримо. Фробениус исследовал наскальные росписи Алжирского Атласа и Сахары, а позднее в Родезии открыл неизвестные до того памятники древней культуры — росписи на скалах Матопи, а в Ливии — петроглифы охотников древней Сахары. Он показал, что эти петроглифы и росписи — летописи древнейших времен — наглядное свидетельство того, что народы Африки имели свою историю и свою культуру.

¹ L. Kesteloot, *Les écrivains noirs de langue française: naissance d'une littérature*, Bruxelles, 1963, стр. 99—104.

² Эта концепция была ясно изложена Фр. Штульманом, известным исследователем и путешественником по Африке, спутником Эмина-Паши. См. F. Stuhlmann, *Handwerk und Industrie in Ostafrika*, Hamburg, 1912.

³ См., например, Л. Леви-Брюль, *Первобытное мышление*, М., 1930. Во многих докладах участников фестиваля на коллоквиуме критиковались взгляды Леви-Брюля. Как известно, неосновательность их была доказана этнографами, долгое время работавшими в полевых условиях в тропических странах, и он сам отказался от нее в последние годы своей жизни. Тем не менее, широкая известность теории Леви-Брюля заставляет вспоминать ее до сих пор.

⁴ В частности, оно всячески популяризовало мнение Р. Р. Бэртона, исследователя истоков Нила, о неполноценности негров.

Во Франции М. Деллафосс, этнограф и языковед, многие годы проведший на службе во французских колониях Западной Африки, решительно возражал против расистских теорий о неполноценности негрской расы. Естественно, что учащаяся африканская молодежь, как об этом говорит сам Сенгор, зачитывалась работами Фробениуса и Деллафосса.

Вспоминая об обстановке начала 1930-х годов, в которой находились в Париже молодые сенегальцы и антильцы, Сенгор пишет: «Этим учащимся и их отцам и дедам Европа в течение трехсот лет внушала, что они никогда не пели и не рисовали, ничего не строили и не танцевали. Они были ничем в абсолюте их черной кожи. Это была систематическая декультурация, стремление поставить народы колоний вне истории, снять с них ответственность и решать за них все дела». «Однако — продолжает Сенгор, — эта молодежь, которую считали только потребителями культуры, видела, что Европа обновляет свою культуру в контакте с Африкой: так, художники обращаются к кубизму, музыканты увлекаются джазом. В этой обстановке африканцы чувствуют, что они призваны возродить мир, что они необходимы для Европы, так же как дрожжи необходимы для белой муки»⁵.

В эти годы интеллектуальные круги Франции увлекаются сюрреализмом, зачитываются трудами Фрейда — психоанализ в моде — и одновременно все больше интересуются марксизмом. Учащаяся молодежь колониальных стран изучает работы Маркса и Ленина. Африканцев привлекает прежде всего то, что коммунисты выступают в защиту негров в Соединенных Штатах, говорят об единстве борьбы рабочего класса и народов колоний.

Марксизм предлагал решение. Он направлял движение к созданию бесклассового общества. «Но в Африке, — утверждает Сенгор, — европейские идеи о классах не имели почвы. Кроме того, европейский марксизм настоятельно требовал отрицания бога, если не сердца. Но для Черной Африки это означало бы уничтожение общественной жизни, всякой жизни. Европейский марксизм стремился к завоеванию политической власти, восставая против капитала и монополий. Действительно, они господствовали над европейским пролетариатом, но разве сырье не поставлялось Африкой? А европейские пролетарии разве не пользовались выгодами колонизации? И по существу негры, примкнувшие к марксизму, не были ли в лучшем случае всего лишь попутчиками: их собственная революция была иной»⁶. Так определял в те годы Сенгор свое отношение к марксистской теории. В нем отразилось свойственное многим представителям западноафриканской интеллигенции весьма упрощенное ошибочное представление о марксизме как о догматическом учении и непонимание того, что марксизм, являясь универсальным творческим методом, применимым ко всем народам во все эпохи, требует при рассмотрении каждого явления учета всех сопутствующих ему и определяющих его конкретных исторических условий. Сенгор отрицал возможность объединения борьбы рабочего класса метрополий и национально-освободительной борьбы, ведущейся в колониях. Здесь, несомненно, проявились националистические тенденции, присущие идеологам негритюда.

Несомненно, что увлечь молодежь могли также идеи паннегризма — объединение всех негров и восстановление их достоинства. Однако в обстановке того времени, когда в Европе начал развиваться фашизм с его учением о господствующей расе, расовые концепции должны были быть отброшены. На них нельзя было основываться. «После некоторых колебаний молодые африканцы решили бороться за Всеобщую цивилизацию, — говорит Сенгор, — т. е. стремиться к симбиозу, не пренебрегая достижениями других народов и, в частности, тем вкладом, который внес негритюд. Это означало возвращение к истокам, возвращение к Африке-матери»⁷.

Таково было первоначальное значение понятия негритюда. Это так называемый негритюд истоков, по определению его создателей. Позднее понятие негритюда принимает иной, более боевой характер. Так, в годы, предшествующие объявлению независимости африканских колоний Франции, Сенгор говорил, что негритюд должен быть действенным оружием освобождения. О содержании термина «негритюд» написано было немного. Многие пытались дать ему четкое определение, но безуспешно. Если заняться историей этого термина, можно было бы показать как постоянно менялось его содержание. Однако многие последователи Сенгора восприняли концепцию негритюда, как утверждение особой ценности негрской расы и негрской культуры. Для этого у них имелись некоторые основания, потому что в работах Сенгора и Сезера негритюд понимался по-разному.

Итак, понятие негритюда, имеющее несомненно эмоциональный характер, весьма расплывчато и неопределенно. Недаром Сенгор неоднократно говорил, что эмоции при-

⁵ L. S. Senghor, Sur la poésie. Le Dialogue (сборник издан немецким африканским обществом в Бонне — к фестивалю), стр. 15. Текст речи, произнесенной Л. Сенгором в Баварской академии искусств 10 ноября 1961 г. в Мюнхене.

⁶ Там же, стр. 15—16.

⁷ Там же, стр. 17.

сущи африканцу. В рассуждениях о негритюде мы найдем отражение взглядов Сартра и Фрейда в сочетании с некоторыми положениями марксизма. В сочинениях Сенгора встречается и терминология сюрреализма и психоанализа, и лозунги политических партий Европы, но все это претворено в художественные образы, и концепции негритюда полнее всего выражены в поэмах Сезэра, Поля Нижера, Давида Диопа, Жака Румэна и, конечно, прежде всего самого Сенгора.

Не следует думать, что Сенгор и Эме Сезэр, создатели негритюда, не имели предшественников. Ими были писатели и ученые, политические деятели XIX в. — Е. В. Блайден в Либерии, Менса Сарба и Кезли Хайфорт на Золотом Берегу, Дж. А. Хортон и другие. Они предвосхитили многие идеи, позднее составившие основы негритюда: протест против дискриминации африканцев, уважение к традициям древней Африки. Идеализируя прошлое, они считали идиллическую сельскую жизнь присущей африканцам. Они думали, что африканское селение (мы бы сказали теперь — африканская община) может быть основой будущего общества, новой Африки, воспринявшей культуру Европы, но не ассимилированной ею⁸.

Идеи Сенгора по существу мало отличаются от идей его предшественников, он также идеализирует негро-африканское общество, говоря о его солидарности, кооперации и единении, противопоставляет ему Европу, раздираемую классовыми противоречиями.

Однако Сенгор живет не в условиях XIX в. — он действует в наши дни и поэтому пользуется терминологией XX в. Когда он говорит о будущем Африки и о новом африканском обществе, идиллия сельской общины представляется ему африканским путем к социализму. Основой африканского социализма, по его мнению, является негритюд, выражающий то особенное, что якобы присуще негро-африканцу и что даст возможность Африке избежать ошибок Европы⁹.

Совершенно очевидно, что концепцию негритюда нельзя признать научной. Это всего лишь довольно туманное представление о сущности и характерных чертах культуры народов Тропической Африки, получившее свое выражение в эмоциональном восприятии философа, поэта и писателя.

В идеях негритюда Сенгор видит ключ и к пониманию негрского искусства. «Классовой борьбе, — пишет он, — негро-африканцы противопоставляют кооперацию, совместные действия, а как конечную цель — единение отдельных лиц и групп между собой, с одной стороны, и их единение с богом — с другой. Это единение за пределами практического уровня находит выражение в искусстве. Отсюда первостепенное значение негрского искусства, как выразителя космических сил, т. е. выразителя божественного порядка через ритмический образ, как гармонический символ... Негрское искусство — это именно то искусство, которое было вновь открыто двадцатым веком. С его помощью преодолевается дихотомия классов путем передачи любви, выраженной в искусстве». Искусство Черной Африки, в понимании Сенгора, отражает солидарность, ритм, символизм и соучастие с космическими силами. «В Черной Африке каждое произведение искусства в то же время магическое действо. Оно заключает жизненную силу в чувственную оболочку и в должный момент ее раскрывает в движении танца или молитве». Негрское искусство, по его словам, отражает духовный мир, более реальный, чем мир видимый, мир одухотворенный невидимыми силами, управляющими вселенной. Для африканца искусство — это познание мира, т. е. той реальности, которая лежит в основе мирового порядка. В этом совершенно ясно чувствуется влияние сюрреализма Сартра, о чем прямо говорит сам Сенгор. Однако «для негро-африканца этот мир не сюрреальный, но сурреальный: он покоится на силах, сущность которых заключается в том, что они гармонично связаны симпатией между собой и с вещами, которые всего лишь видимостью».

«Непознаваемое лежит в основе реальности». Невольно вспоминается Фрейд и его учение о подсознательном. Мы видим, что в понятии негритюда причудливо переплелись модные идеи, господствовавшие во Франции в 1930-х годах — идеи сюрреализма и фрейдизма вместе с чисто идеалистическими представлениями о славном прошлом Африки, ее моральной чистоте и единстве, не омраченном классовой борьбой. Все это предоминировало в сознании поэта-католика.

Отсюда значение символизма: в искусстве негров объект означает не то, что он представляет, но то, что за ним скрывается, на что он указывает: слон — это сила, паук — осторожность, рога — это луна, а луна — плодородие. Всюду символы. Естественно, что таким образом открываются необозримые горизонты для произвольного толкования любого из произведений негритянского искусства.

⁸ Gerh. Grohs, Frühe westafrikanische Nationalisten des 19. Jahrhunderts und ihre Ideologie, «Afrika Heute», 1966, № 15—16, стр. 222—226.

⁹ Все это напоминает хорошо известные рассуждения народников о судьбах России, об особом ее пути, о чертах, присущих славянской душе, о миссии, предназначенной России, и, наконец, о той роли, которую суждено сыграть общине в будущем обществе.

Не следует думать, что все африканские ученые разделяют эти взгляды. Так, камерунец Ж. Б. Обома в своей статье о негритянском искусстве, появившейся в журнале «Аббия», писал: «Можно себя спросить, почему говорят о негрском искусстве, хотя не говорят ни о «белом искусстве», ни о «желтом искусстве»? Здесь, очевидно, сказывается влияние слова «негритюд», придуманного антильским поэтом Эме Сезером. Оно повлияло на африканскую литературу с того времени, как Сенгор определил его характерные черты, говоря, что существуют негритянские ритмы, негритянские эмоции, также как существуют греческая логика и римское право. В действительности негритюд первоначально был криком протеста восставшего негра, ответом негра на презрение белого, отголоском трагической истории, восходящей к эпохе работорговли XV в. Негритюд имеет привкус расовый и расистский с самого начала его негро-американского возникновения, но позднее он стал также знаменем гуманизма, всего „обожженного солнцем континента, эфиопского, суданского, гвинейского, конголезского,— одним словом, негрского”. И далее Обома совершенно справедливо говорит, что если оставить в стороне происхождение этого термина, забыть об эпохе рабства и колониализма, то не следует злоупотреблять им: «Кубическая живопись Пикассо, Брака, Хуана Гри или Леже доказывает, что искусство не имеет цвета»¹⁰.

Концепция негритюда лежала в основе многих докладов и была официальной установкой организаторов коллоквиума. О негритюде говорили многие африканские и некоторые французские ученые и, прежде всего, руководитель коллоквиума патер Энгельберт Мвенг.

Когда африканские деятели говорят о негритюде, то они имеют в виду, естественно, только культуру народов Черной Африки, а не африканцев вообще. Поэтому Северная Африка, и в том числе Египет, страны так называемой арабской культуры, исключены. Однако народы Эфиопии по мнению сторонников негритюда — «периферийные негры» и культура их причисляется к культуре народов Черной Африки.

С другой стороны, негритюд объединяет все народы негровой расы, т. е. не только Африки, но и негров Америки, как негров США, так и негров Вест-Индии и Бразилии. Поэтому на фестивале подчеркивалось культурное единство негрских народов всего мира, выраженное в произведениях искусства. Это была демонстрация негрского искусства, а не искусства народов Африки¹¹.

* * *

Для участия в работах коллоквиума в Дакар съехались специалисты — искусствоведы, этнографы и историки культуры, занимающиеся изучением африканского искусства. Самыми многочисленными были представители африканских стран. В числе прибывших специалистов были Габре-Мохдин Тсегайе — министр образования и изящных искусств Эфиопии; от Нигерии: Бен Энвоу — и. о. федерального министра образования, Сегун Олусола — представитель телевизионной службы, Экпа О. Эйо — заместитель директора департамента древностей, Воле Сойинка из университета Лагоса. Камерун представляли патер Э. Мвенг (федеральный университет Камеруна) и Ж. Б. Обома (Национальный лингвистический и культурный центр в Яунде). Делегатом Республики Чад был известный французский археолог Жан Поль Лебейф — директор Национального института гуманитарных наук этой страны. Республику Берег Слоновой Кости представляли директор Центра гуманитарных наук в Абиджане Ж. Б. Олас, а также африканские ученые — историк Ньянгора Буа и искусствовед Мемель Фоте. Из Дагомеи приехал известный этнограф А. Аданде, из Ганы — музыковед проф. Квабена Кетиа; д-р Джон Мбити представлял университетский колледж в Макерере (Уганда). Из Мальгашской Республики был этнограф-искусствовед В. Равелананоси-Разафимбело. Немало африканских ученых и деятелей культуры приехало из Франции. В их числе — Ф. Бебей, Ламин Диакате, М. Содогаджи, Эно Белинга. Из Америки приехали известный композитор Дюк Велингтон и др. Наконец, среди участников коллоквиума были хозяева фестиваля сенегальские искусствоведы Блэз Сенгор, П. Виейра, Т. Фужерола, не говоря уже о руководителях и организаторах.

Из европейских стран наиболее многочисленной была группа французских ученых — этнографов и искусствоведов: Ж. Дитерлен, Д. Заан, М. Лейрис, Ж. Руш, Д. Ж. Фуда, Ж. Маке, Ж. Лод, Г. Пеппер, Р. Бастид, Б. Калам и др.

От Великобритании были В. Фэгг, хранитель Британского музея, и археолог Б. Фэгг. Из США — директор Музея примитивного искусства в Нью-Йорке Роберт Голдуотер, проф. Бибейк от Калифорнийского университета и др.

¹⁰ J. B. O b o m a, L'Art «nègre» dans la vie africaine, «Abbia», 1965, № 8, стр. 79. Сходную оценку концепции негритюда дает Ахмед Секу Туре. «Существует ли „белость” („бланшитюд”) — белая душа, белая культура, белая свобода и т. д., — спрашивает он. — Если нет, то каким же образом может быть оправдана концепция негритюда и как можно строить на ее основе научную доктрину?» (Ahmed Sekou Touré, L'Afrique et la Revolution, t. 13, s. 1, s. a., стр. 193).

¹¹ Из пяти пленарных докладов два были посвящены искусству негров Америки.

От Советского Союза для участия в работах коллоквиума был приглашен Д. А. Ольдерогге. В состав советской делегации кроме него вошли: директор Государственного Эрмитажа Б. Б. Пиотровский и научный сотрудник Института Африки АН СССР Г. А. Чернов.

Работа коллоквиума отличалась от обычной организации международных конгрессов, где участники выступают со своими докладами соответственно точному расписанию работы секций и групп. На пленарных заседаниях коллоквиума были заслушаны пять основных докладов: Э. Мвенга «Негро-африканское искусство в жизни народов», В. Фэгга «О племенном характере искусства народов Африки», К. Данэм «О танце и театре Африки», Р. Бастида «Функции и значение негрского искусства в жизни народов (О судьбе африканской скульптуры в Бразилии)» и Эппо Эйю о музеях Нигерии.

После первого заседания все участники коллоквиума разделились на секции: секция А обсуждала общие проблемы развития культуры и негрского искусства, секция В — положение художника в жизни современной Африки, вопросы развития архитектуры, и прикладного искусства, секция С — проблемы музыки, танца, театра, литературы и народных традиций. Представленные доклады были размножены, розданы всем участникам коллоквиума и в дальнейшем не зачитывались. Эта работа была превосходно организована; доклады, сданные в секретариат фестиваля, через два дня уже утром раздавались по секциям. Таким образом, обсуждение велось в группах специалистов по окончании пленарных заседаний. В конце работы коллоквиума каждая секция внесла на рассмотрение общего пленарного заседания свои предложения организационного характера.

Здесь нет возможности изложить содержание всех докладов, представленных на коллоквиуме. Общее число их около семидесяти. Так как фестиваль был посвящен показу негрского искусства, доклады по искусству народов Северной Африки практически не обсуждались. Так обстояло дело с докладом египетского ученого А. Абу Бакра «Древний Египет и негровая Африка» и докладом Б. Б. Пиотровского «Связи Египта с Африкой».

Доклад Г. А. Черновой «Связи искусства с жизнью и национальными традициями» был роздан членам секции В, которые с ним ознакомились. Доклад Д. А. Ольдерогге был посвящен проблеме древности железа в Африке и назывался «Царь-кузнец и древняя африканская культура». Доклад был роздан участникам коллоквиума и обсуждался в кругах специалистов-этнографов, изучающих проблемы африканской культуры¹².

Заслушанный на первом пленарном заседании доклад Энгельберта Мвенга доложен был, очевидно, дать направление работам коллоквиума. Автор доклада — патер, воспитанник ордена иезуитов, камерунец, известен своими работами по вопросам искусства. Так, в 1964 г. он опубликовал книгу под названием «Искусство Черной Африки. Космическая литургия», в которой проводится мысль, что искусство народов Африки в своих формах, ритмах и символах отражает душу народа и является выражением его религиозных верований. В своем докладе Э. Мвенг развивал эти же взгляды, связывая их с идеями негритюда. «Негро-африканское искусство, — говорил докладчик, — это, прежде всего, творческая деятельность, в которой человек преобразует сам, преобразуя окружающий его мир при помощи знаков, слов, жестов и различных приемов передаваемых по традиции... Техническая цивилизация, в которой Африка собирается занять свое определенное место, должна быть основана на прочной основе — на скалах негритюда. Негритюд — основа всей политической, экономической и социальной организации, учитывающей специфику молодого негро-африканца».

И далее: «Негро-африканское искусство имеет свое предназначение и в этом его особенность, оно рассказывает человеку об его собственной судьбе. Оно воспекает драму жизни в борьбе со смертью, свободы в борьбе с детерминизмом. Искусство — это книга, говорящая о создателе Африки. Миссия коллоквиума в том, чтобы раскрыть эту великую книгу для всех людей, людей Африки прежде всего, а затем людям всех континентов».

Весь доклад Э. Мвенга прозвучал как благовестие негритюда.

Следующий пленарный доклад представлял собою разительную противоположность первому. Проф. В. Фэгг назвал свое выступление «Трайбалити» («Tribality»). В английском языке уже существует слово «Tribalism», получившее в колониальной практике значение совокупности племенных обычаев, мешающих дальнейшему развитию общества, разного рода пережитков и т. п., т. е. всего того, что связано с первобытным племенем. Поэтому, чтобы избежать слова «трайбализм», Фэгг применил новый термин, который, по его замыслу, должен обозначать сущность африканского искусства, связь его с племенным характером жизни африканцев. Совершенно справедливо Фэгг указывал, что традиционное африканское искусство ограничено рамками племени. «Искусство афо в Северной Нигерии имеет значение только для самих афо членов племени, насчитывающего всего лишь несколько тысяч человек, но оно непо-

¹² Содержание его, кроме того, было изложено в газете «Dakar Matin» от 7 апреля 1966 г.

нятно и несущественно для их соседей нупе или ибю», — говорил он. Поэтому нет единого африканского искусства, понятного всем африканцам. Современные африканцы, получившие образование и живущие в городах, оторвавшиеся от своего племени, не понимают традиционного искусства. Было бы ошибочно думать, что такой африканец только потому, что он родился в Африке и имеет темный цвет кожи, может понимать африканское искусство лучше, чем европеец. По своему образу жизни, по своим интересам и мировоззрению он ближе к европейцу, чем к африканцу, продолжающему жить в условиях племенного строя.

Концепция негритюда, утверждал Фэгг, появилась вследствие стремления оторвавшихся от своего племени африканцев как-то восстановить или удержать что-либо от африканского самосознания. «Если в этом понятии есть что-нибудь кроме надежд, то оно, безусловно, имеет корни в племенном устройстве Африки. Если это не так, то это не более как романтический миф XVIII века о добром дикаре».

Естественно, что доклад Фэгга вызвал критические замечания председателя коллоквиума Э. Мвенга, который выступил с вводным словом, а по окончании доклада в заключительной речи повторил, что африканское искусство едино в своей сущности.

Третий из докладов, заслушанных на пленарном заседании, был посвящен негритянским танцам Северной Америки. Кэтрин Данэм, сама негритянка, уроженка Чикаго, рассказала о принципах преподавания хореографического искусства в ее балетной школе в Чикаго и в школе Данэм, организованной в 1943 г. в Нью-Йорке. В своем докладе она отметила значение служивших ей образцом по технике танца балетных школ, среди которых в числе лучших назвала английский балет Садлерс Уэллс, Большой Театр в Москве, Театр оперы и балета имени Кирова в Ленинграде и Пекинскую оперу, причем, по ее мнению, два последних коллектива отличаются особо высоким мастерством.

Следующий доклад был об искусстве негров Бразилии. Роже Бастид, известный французский исследователь Южной Америки, рассказал о негритянской скульптуре, о синкретизме верований африканцев Бразилии, у которых древние представления о божествах ориша, водю и многих других слились с католицизмом. Например, культ близнецов ибеджи, широко распространенный в Нигерии, слился с католическими культами святых Космы и Дамиана, железы вождей Анголы превратились в фигуры на карнавальных шествиях религиозных сект Бразилии и т. д. Доклад Р. Бастида представил большой интерес для специалистов ввиду того, что материалы эти малоизвестны.

В пятом, последнем из пленарных докладов речь шла о необходимости сохранения предметов искусства и организации кустарных промыслов. Докладчик — нигериец Экпо Эйно сообщил об организации музеев, о мерах, принятых в его стране для сохранения художественных ценностей, о трудностях собирания коллекций.

Этой же теме были посвящены доклады, розданные участникам коллоквиума, но не обсуждавшиеся на заседаниях — Ал. Аданде (Дагомея) об охране памятников искусства и М. Содогаджи о традиционной и современной архитектуре Африки. Во втором докладе проводилась мысль о необходимости создать Ассоциацию африканских архитекторов, задачей которой должно быть сохранение особенностей традиционной архитектуры. Примеры, приводимые докладчиком, показали, что современное строительство в некоторых городах Мадагаскара, Сенегала, Гвинеи, Республики Нигер и др. осуществляется без достаточного учета местных особенностей и традиций.

В нескольких докладах рассматривались проблемы устного творчества народов Африки. Один из этих докладов — о современной африканской поэзии, представленный Ламине Диакате, выдержан был вполне в духе идей негритюда. «Поэзия или, точнее, современная африканская литература, — по словам докладчика, — одно из наиболее динамичных выражений культуры нового негра». Она «займет почетное место в той миссии, которую несет миру африканский континент. Африканские писатели осознают свою задачу в мире, охваченном паническим ужасом, мире, в котором с каждым днем все больше ставятся под сомнение человеческие ценности. Африка призвана напомнить миру вечные истины — значения действия и любви». Очень интересными были доклады д-ра Дж. Мбити (Уганда) об устном творчестве негро-африканцев, собравшего и классифицировавшего большой материал по этим вопросам, а также сообщение Ж.-Б. Фуда на ту же тему.

Проблемам африканской музыки был посвящен ряд докладов. Среди них выделяется своей основательностью работа, представленная Институтом африканских исследований при университете Ганы — Дж. Квабена Нкетиа «Музыка в африканских культурах. Обзор значения традиционной африканской музыки». В этом небольшом исследовании подведены итоги изучения различных музыкальных систем Африки и собран обильный материал по этому вопросу.

Проблемы музыкальной культуры рассматривались также в докладах Ж. Б. Обома (Камерун) «Традиционная африканская музыка, ее социальные функции и философское значение», Эно Белинга «Традиционная музыка черной Африки», Фр. Бебей «Современная африканская музыка» и французского этномузыколога М. Пеппера «Понятие единства — ключевое понятие художественного выражения негро-африканца».

В этом сообщении Пеппер, исследователь музыкального фольклора народов Камеруна, излагая свои взгляды на связь языка, тональности и музыки, подчеркивал необходимость их комплексного изучения.

Вопросы современной кинематографии были затронуты в сообщениях Жана Руша «Кино на африканские темы» и Блэз Сенгора «Проблемы, современное состояние и будущие перспективы африканского кино», а также в докладе П. Суману Виейра «Кинематографическое искусство в поисках своего африканского выражения». Наконец, Сегун Олусола остановился в своем докладе на проблемах телевидения.

Отметим еще в высшей степени интересное сообщение представителя Берега Слоновой Кости Ньянгора Буа «Искусство и политическое сопротивление в Африке». Автор рассказал о трех эпизодах из истории Африки и борьбы за национальную независимость. Первый — «Расхищение бронз Бенина английской карательной экспедицией в 1897 году при захвате государства Бенин», второй — «Священные троны и превратности судеб народа абронов», третий — «Захват священного барабана айёкве и конец сопротивления народа эбрие». Первый из эпизодов хорошо известен в истории раздела Африки и неоднократно описывался историками искусства. Зато два других примера познакомили слушателей с малоизвестными событиями из истории Африки последних лет. Аброны — народ, родственник ашанти,— с XVI в. населяют северные области Берега Слоновой Кости. По традиции до наших дней абронами управляли цари, избираемые по очереди лишь из двух родов — занзан и якассе, которые имеют на это право. Во время второй мировой войны правивший тогда царь абронов — Квадио Аджумани не пожелал выполнить распоряжения французского губернатора о посылке людей на принудительные работы. Вступив, таким образом, в конфликт с правительством Виши и стремясь сохранить свою независимость, царь, захватив с собой святыни абронов — священные троны предков, перешел на территорию Ганы, бывшей тогда английской колонией Золотой Берег. Вместе с ним поднялся весь народ, оставив свои поля и деревни. Уже на английской территории царь и его сын Адингра установили связи с представителями генерала де Голля и всемерно оказывали поддержку войскам Освобождения. По окончании войны Квадио Аджумани со всем народом вернулся в свою страну. В 1953 г. он умер, и священные реликвии абронов оказались во владении его сына Адингра, который, однако, при матрилинейных порядках наследования не имел права на трон. Законный наследник предъявил свои права и получил поддержку части народа. В это время во французских колониях Западной Африки усилилась деятельность партии Демократическое объединение Африки (РДА), и ее секция Берега Слоновой Кости была очень влиятельна. Адингра, выйдя из членов ставшей непопулярной «прогрессивной партии», вступил в РДА и быстро занял в ней видное положение. Когда в 1960 г. Берег Слоновой Кости стал независимым, новое правительство, желая положить конец расприам среди абронов, вмешалось в конфликт и обязало Адингра сдать священные троны в сейфы администрации в г. Бондуку. Однако, по обычаям абронов, священные троны должны выноситься народу при ежегодных обрядах, связанных с уборкой урожая ямса. Опираясь на свои права наследника, соперник Адингры явился в Бондуку и под наблюдением чиновников и полицейских совершил обряды, взяв троны из сейфов. Сразу же после этого Адингра, прекрасно знавший обычаи абронов, заявил, что совершено святотатство — к тронам прикоснулась рука непосвященных, теперь троны осквернены и лишены силы. Возникло смятение, все отвернулись от нарушителя, и народ признал Адингра своим правителем и законным хранителем священных реликвий предков. Лишь после смерти Адингра власть перешла к законному наследнику по женской линии. Этот пример показывает характерное для современной Африки переплетение древних обычаев родового строя с новыми социальными порядками.

Захват барабана айёкве — эпизод из истории борьбы народа эбрие за независимость. В течение долгого времени французские колонизаторские войска не могли сломить сопротивления племен Гвинейского побережья. В 1925 г. колониальный администратор получил распоряжение «умиротворить» район. Однако все попытки захватить деревню Абиджан-Аджаме были тщетны. Оказалось, что в этом селении находился большой сигнальный барабан айёкве, которым оповещали население всего района об опасности. В 1926 г. большой военный отряд атаковал деревню и, несмотря на отчаянное сопротивление оборонявшихся, захватил айёкве. С потерей барабана народ эбрие прекратил сопротивление. Барабан находится теперь в Париже в Музее Человека и выставлен в отдельном зале. Правительство Республики Берег Слоновой Кости и ее президент Уфуэ-Буаьи неоднократно обращались в Париж с просьбой вернуть барабан, но, как сказал докладчик, все просьбы остались пока без ответа.

* * *

Говоря о научном значении фестиваля негрского искусства, необходимо отметить специальную выставку лучших произведений африканской скульптуры, открывшуюся на второй день заседаний коллоквиума. Для размещения коллекций этой выставки было выстроено специальное здание на берегу океана. Небольшое двухэтажное здание

Динамического музея представляет собою один зал с балконом второго этажа. Выставка по составу коллекции в общем была рассчитана не столько на широкую публику, сколько на специалистов, приехавших для участия в фестивале. Экспонировались предметы из разных музеев и частных собраний Африки, Европы и Америки, причем отобранные были наиболее ценные и уникальные. В устройстве выставки приняли участие правительства и крупнейшие музеи многих стран мира. Из африканских стран участвовали Берег Слоновой Кости, Гана, Дагомея, Камерун, Либерия, Нигерия, Сиерра-Леоне, Чад, а также ОАР и Эфиопия, не говоря уже, конечно, о Сенегале; из европейских стран свои коллекции предоставили музеи Бельгии, Великобритании, Голландии, Италии, Франции, ФРГ, Чехословакии и Швейцарии. Кроме того, из США на выставке демонстрировались отдельные предметы из музеев Вашингтона, Филадельфии, Нью-Йорка и других городов, а также из частных коллекций. Безусловно, наибольший интерес представляли предметы из африканских собраний, в особенности потому, что они зачастую почти не издавались, а кроме того, за последние годы коллекции новых национальных музеев существенно пополнились, например в Нигерии. Наконец, что очень важно, были выставлены фамильные сокровища многих султанов и вождей: султан Сеиду Нгимблу Нджоя прислал предметы из сокровищницы султанов Фумбана, принц Аголи Агбо и вождь Ахо Глегле — царские реликвии Дагомеи. Император Эфиопии Хайле Селассе дал на экспозицию вещи из своей личной коллекции. Кроме того, Эфиопия была представлена отдельными редкими предметами из церкви Аксума, Гондара и озера Зван. Из французских музеев, кроме парижских — Музея Человека и Музея Клюни, были экспонаты из музеев Ла-Рошели, Ангулема, Сент-Этьена и Сен-Жермен ан Лэ. Отбор предметов производился выдающимся музееведом и знатоком Африки Жаном Габюс, директором Этнографического музея в Невшателе, а также музееведами Франции.

Расположение коллекций и основной ведущий этикетаж на экспозиции отражал те же основные идеи, которые развивали в своих докладах руководители фестиваля, т. е. идеи негритюда. Этим и объясняется тот факт, что материалы Северной Африки и Мадагаскара были исключены из всего комплекса собрания африканских коллекций и экспонированы отдельно: говоря словами организаторов выставки, с ними «велся диалог», т. е. они были по отношению к негритской Африке чем-то посторонним. Напротив, эфиопские коллекции, в том числе замечательные иконы и рукописи Библии, были включены в комплекс основных коллекций потому, что народы Эфиопии в свете концепции негритюда были признаны, как уже отмечалось выше, «периферийными неграми».

Экспозиция открывалась вводной частью — «преамбулой», где были показаны отдельные замечательные предметы искусства из золота, слоновой кости, а также редкие по форме и необычные по своему типу маски из дерева. Следующий раздел — исторический (Dimension historique). В нем были представлены древние культуры Африки. На стенах разместились копии наскальных росписей из Тассили по материалам экспедиции Анри Лота. За ними следовали предметы из музеев Нигерии — терракоты, найденные в долине Нок английским археологом Бернардом Фэггом. Эти коллекции уникальны. Их можно видеть только в музеях Нигерии. Значение этих терракот заключается в том, что культура Нок — древнейшая из всех до сих пор известных в Африке археологических культур эпохи железа, где были найдены произведения искусства. Следующий раздел был посвящен искусству Ифе. На экспозиции демонстрировались замечательные терракоты и бронзовые отливки, в том числе некоторые из 17 бронзовых голов, обнаруженных при расширении дворца царей Ифе.

Затем экспонировались коллекции, найденные французским археологом Ж. П. Лебёфом в Республике Чад. Они получили в науке название культуры Сао и отличаются очень своеобразным стилем. Вслед за культурой Сао были выставлены коллекции бенинских бронз, а также замечательная фигура лучника, найденная несколько лет тому назад на острове Джебба на реке Нигер. Исторический раздел завершали эфиопские коллекции, в которых наибольший интерес представляли трон и корона царей Каффы — государства, существовавшего в южных пределах нынешней Эфиопии и завоеванного в конце прошлого века войсками Менелика II.

Большую часть зала занимал второй большой отдел — географический (Dimension géographique). Здесь демонстрировались маски, антропоморфные и зооморфные фигуры, предметы быта и т. п. различных районов Африки. Среди них немало замечательных экспонатов, в том числе впервые выставленных для обозрения. Таковы, в частности, каменные головы, найденные недавно при постройке дороги в Сиерра-Леоне.

На верхнем этаже, т. е. на балконе, размещался отдел, названный «аспекты жизни». Тут экспонировались собрания вещей султанов Фумбана, царских домов Дагомеи, эмиров Северной Нигерии и т. д.

Всю экспозицию завершал раздел «Диалог с миром». В этом разделе, которому было отведено немного места, демонстрировались образцы афро-португальского искусства, экспонаты искусства Мадагаскара, предметы из раскопок в Нубии — керамика из Анiba, предметы из могильников Караного, столицы древней Нубии, а также сокровищницы из курганов Баллана и Кустуля, где были найдены погребения вождей блемиев. В числе наиболее интересных вещей — серебряная корона из Баллана.

Последние стенды — «Негрское и современное западное искусство». Здесь были выставлены скульптуры и картины Осипа Цадкина, Амедео Модильяни, Пабло Пикассо и Фернана Леже. Этот раздел должен был показать зрителю, как искусство негров повлияло на искусство Запада — такова была основная идея экспозиции, идея, отражающая концепцию негритуада¹⁴.

* * *

Коллоквиум, как уже сказано, был лишь частью работы фестиваля негрского искусства. Большое место занимали на фестивале выступления театральных, хоровых и музыкальных ансамблей, демонстрация фильмов, показ достижений современной африканской живописи и искусства, а также кустарных промыслов. Однако все это выходит за рамки статьи. В ней я остановился только на тех научных проблемах, которые рассматривались на заседаниях коллоквиума и были отражены экспозицией Динамического музея.

Фестиваль, несомненно, явился прежде всего большим праздником для негрского искусства, но и коллоквиум, и выставка в Динамическом музее имели также большое научное значение. Ведь в их работах участвовали не только специалисты — искусствоведы и этнографы Европы и Америки, но и ученые стран Африки. Заседания коллоквиума представляли резкий контраст с заседаниями африканских секций на международных конгрессах востоковедов, где собирались преимущественно представители ученых обществ и университетов европейских стран, а участие африканских ученых было исключением. На XXV Конгрессе востоковедов (Москва, 1960 г.) И. И. Потехин внес предложение организовать особые конгрессы африканистов, которые должны были происходить, по его замыслу, в странах Африки. Предложение это было принято единогласно, и первый такой конгресс состоялся в Аккре в 1963 г. Следующий, Второй Всемирный конгресс африканистов должен собраться в декабре 1967 г. Дакаре. Научная часть дакарского фестиваля 1966 г. была в известной степени как бы подготовкой к предстоящему конгрессу, где должны встретиться ученые всех стран мира, изучающие Африку и где, несомненно, будут широко представлены также специалисты из африканских государств.

Мое участие в работах коллоквиума было следствием приглашения со стороны ЮНЕСКО и по окончании коллоквиума я выехал в Москву. Поэтому я не могу давать оценку всему фестивалю в целом.

Д. А. Ольдерогге

¹⁴ Специально для этой выставки был издан прекрасный каталог с интересным текстом и большим числом иллюстраций: «L'Art Nègre. Sources, Evolution, Expansion. Exposition organisée au Musée Dynamique à Dakar par le Commissariat du Festival Mondial des Arts Nègres et au Grand Palais à Paris par la Réunion des Musées Nationaux», Dakar — Paris, 1966 (167 стр.). Введение написано Энгельбертом Мвенгом, а предисловие — Ж. А. Ривьером, известным французским музееведом, специалистом в области народного искусства.

ФЕСТИВАЛЬ «ЛЕТНИЕ ДНИ КУЛЬТУРЫ» В ЮВЯСКЮЛЯ

По инициативе председателя Комитета по научно-техническому сотрудничеству между Финляндией и СССР, выдающегося финского этнографа академика Кустaa Вилкуна я был приглашен принять участие в фестивале «Летние дни культуры», который проводился 3—16 июля 1966 г. в городе Ювяскюля в Центральной Финляндии. В мою задачу входило чтение нескольких лекций для участников этого фестиваля по теме «Взаимодействие народов Востока и Запада в свете антропологических данных». Такая тема была предложена К. Вилкуна после того как я вместе с эстонским антропологом К. Ю. Марк прочел в августе 1965 г. на II Международном научном конгрессе по финноугроведению доклад «Происхождение финноугорских народов по данным антропологии».

Фестиваль 1966 г. проводился по программе ЮНЕСКО «Восток — Запад». В его задачу входило всестороннее развитие культурных связей между народами Востока и Запада, обсуждение общих для тех и других проблем в области науки и искусства, демонстрация наиболее ярких достижений их художественного творчества. По мысли организаторов фестиваля, он должен был способствовать взаимопониманию и дружбе восточных и западных народов, их общей борьбе за мир и прогресс во всех областях

культуры. Участниками фестиваля были главным образом представители различных групп финляндской интеллигенции: профессора и преподаватели высших учебных заведений, учителя средних и начальных школ, артисты, художники различных жанров и направлений, врачи, агрономы, служащие, студенты, школьники старших классов. Было приглашено несколько ученых и артистов из СССР, США, Японии, Индии, Польши, ФРГ и других стран Европы и Азии. Всего в фестивале приняло участие свыше 3 тыс. чел. Как бы символизируя содружество науки и искусства, руководителями фестиваля были ученый-филолог Пяйвё Оксала и композитор Сеппо Нумми.

Место фестиваля было выбрано очень удачно. Город Ювяскюля, где такие фестивали проводятся ежегодно, расположен в удивительно живописной местности на юге Центральной Финляндии, среди озер, причудливых скал и хвойных лесов, как бы вливающихся в городские кварталы и переходящих в многочисленные парки и сады. Ювяскюля, насчитывающий в настоящее время 55 тыс. жителей, представляет собой один из самых популярных в Финляндии культурных, курортных и туристических центров. Город основан в 1837 г. на месте существовавшего здесь с конца средних веков большого рынка, на который съезжались крестьяне из различных районов Центральной и Восточной Финляндии. В 1858 г. в Ювяскюля был открыт первый Педагогический лицей с преподаванием на финском языке. В 1966 г. лицей этот был преобразован в университет, который разместился в новых зданиях, построенных по проекту известного финского архитектора Альвара Аалто. Таким образом, проведение фестиваля в этом году совпало с большим событием в культурной истории Ювяскюля и всей Финляндии.

Программа фестиваля была очень обширной и разнообразной. Как правило, утренние и дневные часы отводились науке, а вечерние — искусству. Среди научных заседаний центральное место занимали так называемые «*Studia generalia*» — своего рода пленарные конференции, на которых выступали крупные финские и зарубежные ученые с докладами, посвященными наиболее интересным и острым проблемам истории культуры народов Востока и Запада. Всего было 14 заседаний такого рода. Назову только некоторые из прочитанных на них докладов. Индийский ученый К. Чандрасекар выступил с докладом «Точные науки на Востоке», а его финский коллега Р. Неванлинна — с докладом «Успехи точных наук на Западе». Г. Розенкранц (ФРГ) прочитал доклад «Дух Европы и религии Востока», посол Объединенной Арабской Республики С. А. Х. Дессуки — «Религия ислама», Дж. Б. Альфонсо-Каркала (Индия) — «Рабиндранат Тагор и универсальный человек», С. Крон (Финляндия) — «Контакты между философией Востока и Запада».

Для меня, как антрополога и этнографа, наиболее интересной была пленарная конференция 7 июля, на которой были зачитаны два доклада: П. Лезера (США) «Китайские влияния на европейскую технологию и сельское хозяйство» и К. Вилкуна «Этнографические контакты между Востоком и Западом в Финляндии». П. Лезер — немец по происхождению, эмигрировавший из Германии во время фашизма в Швецию, а затем в США, известен главным образом своими работами по истории сельскохозяйственной техники. В своем докладе, зачитанном на фестивале, П. Лезер справедливо отметил многие общие элементы в сельскохозяйственной технике Китая и Европы, но явно переоценил влияние китайской культуры на европейскую. Полемизируя с П. Лезером, я указал в своем выступлении на то, что земледелие вообще, а пашенное земледелие в особенности развилось в Китае значительно позднее, чем в Средней и Персидской Азии. Пахотные орудия были, вероятно, заимствованы древними китацами в начале I тыс. до н. э. от их западных соседей, скорее всего от народов Крестидей Азии и, может быть, Южной Сибири. К. Вилкуна и другие финские ученые поддержали эту точку зрения.

К. Вилкуна в своем очень интересном докладе, основанном на оригинальных полевых и музейных материалах, показал, что между восточными и западными районами Финляндии существуют заметные различия в типах сельскохозяйственных орудий и многих элементах материальной культуры. Так, например, для Восточной Финляндии характерны пахотные орудия типа двулемешной сохи, срубные постройки с замкнутым двором и русской духовой печью, ржаной хлеб из кислого теста, простокваша-домтиха. Для Западной Финляндии столь же характерны однолемешные орудия типа рала, крестьянские дома с открытым двором и камином-камельком, сухой пресный хлеб в виде кругов с отверстием в середине, тянущаяся простокваша типа ацидофилина. Полностью соглашаясь с основными выводами К. Вилкуна, надо, однако, иметь в виду, что хозяйственно-культурные различия между Восточной и Западной Финляндией обусловлены не влияниями каких-либо далеких культур Востока и Запада, а многовековыми хозяйственно-культурными контактами населения восточных районов этой страны с его восточными соседями, прежде всего с русскими, и, соответственно, аналогичными контактами населения западнофинляндских районов с западными соседями, прежде всего со шведами.

Параллельно с пленарными конференциями в утренние часы (8.30—11 ч.) в актовом зале университета работал семинар «Проблемы Востока: прошлое и настоящее». Семинар этот проходил под непосредственным руководством финской национальной

комиссии ЮНЕСКО; на каждом заседании семинара давался историко-этнографический, социально-политический и культурный обзор какой-либо одной азиатской страны или группы соседящих взаимосвязанных стран. Лекции читались как финскими, так и специально приглашенными зарубежными специалистами. 4 июля с лекциями об Индии и Цейлоне выступали А. Оксала (Ювяскюля) и Кришансондхи (Бомбей). 5 июля лекцию о Китае прочла Анна Габэн (Гамбург). Семинар 6 июля был посвящен Японии. С лекциями выступали Сумуму Эдзиро (Токио) и Э. Петайяниemi (Хельсинки).

На 7 июля первоначально была намечена только одна лекция А. Йоки (Хельсинки) об Азиатской части СССР. Однако К. Вилкуна обратился ко мне с просьбой выступить в этот же день с обзором этнического и антропологического состава населения Советской Азии. Если лекция А. Йоки носила преимущественно политико-экономический характер, то я в своем выступлении останавливался главным образом на антропологической и хозяйственно-культурной характеристике народов Кавказа, Средней Азии, Казахстана, Сибири и Советского Дальнего Востока. Большое внимание в моем выступлении было уделено также экономическим и культурным успехам прежде отсталых народов Азиатской части СССР, разрешению национального вопроса в нашей стране, сближению социалистических наций в наши дни. Выступивший после меня К. Вилкуна отметил большие достижения этнографии и антропологии в СССР и призвал финских ученых и студентов учиться в этих областях у советских исследователей. Я со своей стороны подчеркнул объективный и дружественный характер лекции А. Йоки и высказал горячее пожелание всесторонне развивать все виды научного сотрудничества и дружбы между нашими странами.

Семинар по обзору стран Востока работал еще шесть дней (8—14 июля). Но я, к сожалению, мог присутствовать только на заседании 8 июля, когда с очень содержательными лекциями о странах и народах Индо-Китая выступили два финских ученых — Х. Бротерус (Хельсинки) и А. Коскисен (Лопьяваара). Последующие заседания семинара, проходившие уже после моего отъезда из Ювяскюля, были посвящены Индонезии, Турции, арабским странам, Пакистану и Ирану. В качестве лекторов выступали наряду с финскими ориенталистами турецкие, арабские, пакистанские и иранские ученые. Оценивая работу семинара «Проблемы Востока» в целом, необходимо отметить, что все прочитанные на нем лекции были насыщены богатым фактическим материалом и пронизаны идеей о исторической необходимости и прогрессивности экономических и культурных связей между народами Востока и Запада.

Специальный интерес для меня представляли заседания Этнологического семинара, проходившие 4—7 июля и, к сожалению, частично совпадавшие по времени с работами семинара «Проблемы Востока». На первом заседании Этнологического семинара была заслушана лекция заведующего кафедрой этнологии Ювяскюльского университета А. Вилкуна (сын акад. К. Вилкуна) «Зоны и границы этнологических явлений». В этой лекции А. Вилкуна изложил взгляды финских ученых на этнологию как на науку, изучающую специфические особенности культуры и быта каждого народа и обратил внимание на важность тщательной фиксации географического распространения всех этнографических явлений в прошлом и настоящем. Финские этнографы считают, что изучению подлежат культурно-бытовые особенности всех социальных слоев народа. Поскольку, однако, специфические культурно-бытовые черты, свойственные только данному народу (этносу) и отличающие его от всех других народов, характерны, главным образом, для крестьянства, то именно этот общественный класс должен быть, по их мнению, основным объектом полевых работ этнографов.

5 июля занятия Этнологического семинара открылись лекцией Л. Куусанмяки «Народные постройки XIX в. в Центральной Финляндии». Лекция была посвящена детальному описанию различных жилых и хозяйственных построек первой половины прошлого столетия, сохранившихся в деревнях, на крестьянских хуторах и помещичьих мызах района озера Пяйянне к югу от Ювяскюля. Лекция сопровождалась демонстрацией многочисленных прекрасно выполненных диапозитивов и служила как бы введением к организованной в тот же день для участников семинара экскурсии в район озера Пяйянне. Во время этой экскурсии мы посетили старинный хутор Куусанмяки, сохранившийся почти в полной неприкосновенности с середины XIX в. Объяснение давал хозяин хутора доктор Л. Куусанмяки, бывший одним из руководителей экскурсии. Другим нашим гидом был профессор П. Оксала — прекрасный знаток своего родного края и энтузиаст изучения ювяскюльской старины. Под его руководством мы осмотрели поселок тропперов — мелких арендаторов, батраков и ремесленников, — превращенный в историко-этнографический музей на открытом воздухе, а также музей-поместье Похьёла, где нас угостили обедом, состоявшим из финских национальных блюд. Экскурсия закончилась подъемом на гору у Корпилахти, откуда открывается прекрасный вид почти на весь район озера Пяйянне.

6 июля состоялась вторая экскурсия для участников Этнологического семинара. На этот раз под руководством А. Вилкуна и М. Линкола мы осмотрели старинные крестьянские жилые и хозяйственные постройки в Лаукаа, Историко-культурный музей на открытом воздухе в Капенкоски, народное училище и университет в Суолахти, где учился президент Урхо Кекконен, замечательный заповедник в национальном парке

Пюхя-Хякки, где сохранился до наших дней девственный хвойный лес, никогда не подвергавшийся вырубке. В районе заповедника расположена священная роща с вековыми соснами, на которых вырезали имена покойников, доставлявшихся сюда на повозках, волокушах или санях. От священной рощи на кладбище покойников несли на руках по пешеходной тропе. В конце дня мы посетили кооперативный спортивно-туристический лагерь в Ахвенлампи на озере Саариярви. В этом лагере проводит свое отпускное и каникулярное время рабочая и учащаяся молодежь из Ювяскюля и других мест Центральной Финляндии. А. Вилкуна и М. Линкола рассказали нам, что северная часть Центральной Финляндии, достопримечательности которой мы осмотрели 6 июля, еще сто лет тому назад была очень слабо заселена; в то время здесь жили немногочисленные группы лопарей. Позднее сюда стали переселяться крестьяне из различных районов Финляндии, главным образом из Саво и Хяме. Именно разнородным происхождением населения объясняется то, что в культурно-бытовых особенностях жителей этой области причудливо переплетаются восточнофинские и западнофинские черты. Таким образом, экскурсия 6 июля была как бы наглядной иллюстрацией к докладу К. Вилкуна о восточных и западных элементах в культуре финского народа.

На другой день (7 июля) на специальном заседании Этнологического семинара я прочел две лекции по этнической антропологии финно-угорских и соседних с ними народов. В первой лекции я изложил взгляды советских антропологов на проблемы расовой систематики и расогенеза, познакомил собравшихся с основными методами расового анализа и осветил вопрос о соотношении расовых групп человечества с этническими, языковыми и хозяйственно-культурными общностями. Вторая лекция была посвящена проблемам происхождения и этнической истории финно-угорских народов в свете антропологических данных. По своему содержанию эта лекция во многом совпадала с упомянутым выше докладом, подготовленным К. Ю. Марк и мною для II Международного конгресса по финно-угроведению. Естественно, что в обеих лекциях было уделено большое внимание процессам смешения европеоидных и монголоидных компонентов среди народов, говорящих на финно-угорских языках, в особенности среди самих финнов (суоми) и лопарей (саамов). Во второй лекции был дан также критический обзор различных концепций «прародины» финно-угров, которую одни исследователи помещают в Азии — в Зауралье или даже на юге Западной Сибири — другие же ищут в пределах Восточной Европы — в Прибалтике или в Волго-Камье. Последняя гипотеза пользуется наибольшей поддержкой советских лингвистов и археологов; она хорошо согласуется и с антропологическими материалами. Надо только иметь в виду, что правильнее говорить не о пространственно-ограниченной «прародине», где жил некий «пранарод», говоривший на гипотетическом финно-угорском «праязыке», но об обширной территории в бассейне Камы, а может быть, и по обоим склонам Уральского хребта, где в период неолита (IV—III тысячелетие до н. э.) обитали охотничье-рыболовецкие «протоуральские» племена, антропологически включавшие как монголоидные, так и европеоидные компоненты.

Лекции я читал на русском языке; на финский язык их переводила Хелена Грэнхольм — секретарь бюро Комитета по научно-техническому сотрудничеству между Финляндией и Советским Союзом. После лекций мне было задано много вопросов, касающихся главным образом проблем происхождения и этнической истории финно-угорских народов, а также методов и направлений работы советских антропологов и этнографов.

Как в выступлениях на Этнологическом семинаре, так и в беседах со мной К. Вилкуна подчеркивал желательность всемерного развития сотрудничества между советскими и финскими этнографами и антропологами. Он выразил, в частности, надежду, что под руководством советских ученых в Финляндии или в СССР удастся подготовить несколько специалистов-антропологов из числа финских студентов — этнографов, биологов или медиков, а также предложил организовать совместную советско-финскую экспедицию для антропологического изучения разных этнических групп населения Финляндии, включая финнов (суоми), лопарей (саамов) и шведов.

Общественность Финляндии уделяла большое внимание фестивалю «Летние дни культуры» в Ювяскюля. Было проведено несколько радио- и телепередач, посвященных этому выдающемуся событию в научной и культурной жизни страны. Почти все центральные и многие провинциальные газеты, особенно выходящие в Ювяскюля, ежедневно помещали на своих страницах статьи и фотографии, отражающие работу фестиваля. 7 июля состоялась пресс-конференция, на которой мне пришлось кратко повторить содержание моих докладов и более подробно остановиться на важнейших работах советских антропологов и этнографов.

Среди достопримечательностей города Ювяскюля наибольший интерес для этнографов представляет Музей Центральной Финляндии, расположенный недалеко от Университета в новом здании, построенном по проекту Альвара Аалто. Музей принадлежит Музейному обществу Центральной Финляндии, основанному в 1931 г. Экспозиция в новом здании была открыта весной 1961 г. Она дает наглядное представление о хозяйственно-культурном развитии населения Центральной Финляндии от времени ее первоначального освоения людьми в VI тысячелетии до н. э. вплоть до наших дней. Очень

богатые археологические коллекции позволяют воспроизвести жизнь древних охотничье-рыболовецких племен (вероятных предков лопарей) в эпоху неолита, бронзового и железного веков. В этнографическом отделе экспонированы старинные сельскохозяйственные орудия и различные предметы домашнего быта крестьянства XVIII и I половины XIX вв. Очень интересна экспозиция по истории города Ювяскюля, дающая яркое представление о его росте и быте его жителей на протяжении последнего столетия. Огромное впечатление производят интерьеры жилищ разных социальных групп городского населения. Великолепен макет города Ювяскюля в 1880 г. В верхнем этаже музея размещен художественный отдел, гораздо более бедный, чем отделы археологии, этнографии и истории. Здесь же устраиваются временные тематические выставки. Большинство коллекций музея находятся в хранилище. Они размещены в удобных для доступа шкафах и стеллажах и широко используются для научно-исследовательской работы и учебных занятий студентов этнографов, археологов, историков и искусствоведов.

Кроме постоянной экспозиции Музея Центральной Финляндии, я осмотрел несколько временных выставок, развернутых специально к фестивалю — «Украшения и художественный текстиль из Индии», «Турецкая художественная вязка», «Персидские миниатюры XV—XVII вв.», «Архитектурные зарисовки Рейма Пиетилия» и др. В одном из общественных зданий Ювяскюля были выставлены для обозрения картины и рисунки П. Пикассо и других современных французских художников. Все эти выставки должны были наглядно выразить в художественных образах основную идею «Летних дней культуры» — высокую ценность культур разных народов Востока и Запада и их взаимное влияние, способствующее прогрессу человечества в целом.

Та же идея пронизывала все другие научные и художественные мероприятия фестиваля. Среди них большой интерес представлял семинар, посвященный различным религиям и мировоззрениям Востока и Запада, а также семинары по музыкальной композиции, современному театру и кино, планировке садов и искусству составления букетов. Двумя последними семинарами руководили японские специалисты Дзиро Асаи и Реи Сакаи.

В вечерние часы для участников фестиваля устраивались концерты, демонстрировались кинофильмы, было показано несколько театральных постановок. Большим успехом пользовались выступления советских музыкантов. Запомнились исполненные финскими артистами одноактная опера итальянского композитора К. Монтеверди (1567—1643) «Сражение Танкреда и Клоринды» (на сюжет Торкватто Тассо) и пьеса японского драматурга Юкио Мисима «Ханьцзэ» в жанре классического театра Но.

Фестиваль «Летние дни культуры» в Ювяскюля 1966 г., несомненно, имел большое значение для развития всех видов культурных связей между СССР и Финляндией и способствовал укреплению дружеских отношений не только между этими двумя странами, но и между другими западными и восточными государствами, представители которых приняли участие в фестивале. Для этнографов и антропологов фестиваль этот представлял и специальный интерес, так как его организаторы уделили много внимания различным наукам о человеке. Надо надеяться, что и в дальнейших фестивалях в Ювяскюля советские ученые смогут принимать самое активное участие.

Н. Н. Чебоксаров

И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ГАГАУЗОВ

(ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)

Вопрос о происхождении гагаузов породил многочисленные споры в отечественной и особенно в зарубежной литературе. Еще в начале XX в. Г. Димитров насчитал 18 различных гипотез о происхождении самого народа и его этнического наименования¹.

В советских изданиях историография этой проблемы не получила почти никакого освещения, за исключением лишь нескольких беглых замечаний Н. С. Державина, сделанных им в конце 1930-х гг. В его небольшой статье был дан краткий обзор существующих взглядов на происхождение гагаузов и приведена часть основной библиографии до 1937 г.² Однако, излагая мнения различных авторов, Н. С. Державин уделил мало внимания критике их слабых сторон. А пассивное изложение гипотез и теорий само по себе мало интересно.

Задача настоящей статьи — дать критический разбор наиболее важных гипотез об этногенезе гагаузов.

Еще в середине XIX в. почти одновременно появились две противоположные гипотезы о «тюркском» и «славянском» (болгарском) происхождении гагаузов. Но прежде чем перейти к изложению основных аргументов сторонников и противников этих гипотез, следует коротко остановиться на тех, которые не нашли признания в работах большинства современных исследователей, но тем не менее не лишены интереса, ибо в этногенезе гагаузского народа, по-видимому, приняли участие самые различные этнические компоненты.

Малоубедительную точку зрения защищал крупнейший румынский историк Н. Йорга. В развернутой рецензии на работу болгарского историка В. Н. Златарского «Этнографическая карта Добруджи», он, в частности, отмечал, что гагаузы «несомненно, старое население», обитающее на Балканском полуострове с глубокой древности. По его мнению, гагаузы были городскими жителями, которые, подобно караманли в Малой Азии, забыли свой родной греческий язык, но сохранили христианскую веру³. В других работах Н. Йорга утверждал, что старое греческое население в Добрудже было рассеяно и уничтожено в вихре варварских нашествий еще в III—IV вв., и лишь в лице гагаузов сохранились его остатки; их главным занятием было «виноградарство, рыболовство и мореходство»⁴.

Румынские авторы Ботнареску и Хаждеу считали гагаузов «пероманизованными коренными жителями Балканского полуострова»⁵, Ф. Каниц считал гагаузов грека-

¹ Г. Димитров, Гагаузи (Потекло им и на думата), «Известия на Варненско археологическо дружество» (далее ИВАД), т. II, 1909, Варна, стр. 15—32.

² Н. С. Державин, О наименовании и этнической принадлежности гагаузов, «Сов. этнография», 1937, № 1.

³ N. Jorga, St. Roman sky, Carte ethnographique de la Nouvelle Dobroudja Roumaine, «Extrat de la Revue de L'Academie des Sciens Bulgares», Sofia, 1915; C. Bulleten de l'institut pour l'etude de Europe sur Orientale». t. II, București, 1935, стр. 242.

⁴ N. Jorga, Studii și documente cu privire la istoria Romanilor, t. III, București, 1901, стр. XXVI. Кр. Баев, По въпроса за етногенеза на гагаузите, «Изв. на археологическото дружество в град Сталин», кн. IX, 1953, Сталин, стр. 89.

⁵ С. Peez, Christliche Türken oder türkische Christen? «Studien aus Ost Bulgarien. Oesterreichische Monatsschrift für den Orient», Bd. XX, № 6—7, Wien, 1894, стр. 80—91.

ми⁶, Замфир Арборе — македонскими влахами⁷, С. Клаир и К. Брофи писали, что гагаузы произошли из смешения владх, греков и итальянцев с болгарями в период Генуэзской и Венецианской республик⁸. Все гипотезы об автохтонности гагаузов на Балканском полуострове не могут быть подкреплены никакими конкретными свидетельствами. Наиболее серьезной критике они были подвергнуты в работах П. Н. Мутафчиева⁹.

В 1896 г. болгарские археологи, братья К. и Х. Шкорпилы, выдвинули оригинальную гипотезу протоболгарского происхождения гагаузов. По их мнению, гагаузы и гаджалы имели общее происхождение. И те и другие были остатками аспаруховых булгар, которые переселились на Балканский полуостров во второй половине VII в. Впоследствии часть этих протоболгар приняла христианство и стала гагаузами, а другая часть, принявшая ислам, составила основу современных гаджалов¹⁰. У Шкорпилов нашлись сторонники и противники. Г. Занетов, Б. Цонев и Ст. Младенов попали в число первых¹¹. В числе вторых оказалось гораздо больше ученых: Л. Милетич, Кр. Миятев, Ат. Манов, П. Н. Мутафчиев, Н. С. Державин, Кр. Баев и многие другие¹².

Просуществовав всего лишь несколько десятилетий, гипотеза Шкорпилов была отброшена исследователями¹³. Только в конце 1920-х и в начале 1930-х гг. о ней вспомнил С. С. Бобчев и уделил ей некоторое внимание¹⁴.

Гипотеза «славянского» происхождения гагаузов, согласно которой гагаузы — это болгары, принявшие турецкий язык, возникла еще в середине прошлого столетия и до сих пор точно не установлено, кто является ее родоначальником. Вместе с болгарями

⁶ F. Kinitz, Donau — Bulgarien und der Balkan historische geographische — ethnographische, «Reise studien aus den Jahren 1860—1872, Wien, 1881; Ср. его же, La Bulgarie Danubienne et le Balkan, Paris, 1882, стр. 268.

⁷ Z. K. Arbores, Bassarabia, Bucuresti, 1899, стр. 197, 199.

⁸ St. Clair and C. A. Brophy, A Residence in Bulgaria, London, 1869, стр. 18.
⁹ P. N. Mutaftchiev, Bulgares et Roumains dans l'histoire des pays danubiens, «Dobrudja» Sofia, 1918, стр. 108; его же: Мнимото преселение на селджукски турци в Добруджа през XIII в., сборник «Добруджа», т. IV, 1947, София, стр. 196—197.

¹⁰ К. и Х. Шкорпил, Памятники на гр. Одесса — Варна, «Годишен отчет на Варненската мъжка гимназия» за 1897—1898 гг., Варна, стр. 6; К. Шкорпил, Населението на с. Чаушкьой, Балчишко, съобщава Р. Боцанов, «II годишен отчет на Варненското археологическо дружество» за 1907—1908 гг., Варна, стр. 36—38; его же, Населението на Кестрич, Варненско, съобщава Г. Антонов, «I годишен отчет на Варненското археологическо дружество за 1906—1907 гг.», Варна, стр. 36—38; К. и Х. Шкорпил, Материали към въпроса за съдбата на прабългарите и на северите и към въпроса за произхода на днешните гагаузите, «Byzantinoslavica», т. V, 1933—1934, Варна, стр. 162—180.

¹¹ Г. Занетов, Българското население в средните векове, Русе, 1902, стр. 7; его же, Едно пътувание от Цариград до Яш в Молдова, «Периодическо Списание» (далее ПСп), LXVI, 1905, стр. 391—403; его же, Българските колонии в Русия, ПСп, XLVIII, 1895, стр. 849—898; его же. Български народни песни от с. Конгаз, Бессарабия, «Списание на Българската Академия на науките» (далее СпБАН), XIV, №—22, София, стр. 121—143. Б. Цонев, История на българския язык, «Университетска библиотека», кн. VIII, 1919, София, стр. 65; его же, Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека, т. II, 1923, София; его же, Опис на рукописите и старопечатните книги на народната библиотека в София, т. I, София, 1910. Ст. Младенов, Печенежи и узи-куманы в българската история, «Българската историческа библиотека», год IV, т. I, 1931, София, стр. 115—136.

¹² Л. Милетич, Старобългарското население в североизточна България, София, 1902; его же. Най-нови изследвания по етнографията на гагаузите, ПСп, XLVI, № 3—4, 1905, стр. 256—275; его же, Карл Шкорпил Материали към въпроса на днешните гагаузите, «Byzantinoslavica», т. V, Прага, 1933. «Македонски Преглед», (далее МПр), год IX, кн. III—IV, 1935, стр. 185—194; Кр. Миятев, К. и Х. Шкорпил, Материали за съдбата на прабългарите и на северите и на днешните гагаузите, «Изв. на Българския археологически институт» (далее ИБАИ), т. VIII, София, 1934—1935, стр. 502—503; П. Н. Мутафчиев, Указ. раб.; Ат. Манов, Потеклото на гагаузите. Техните обичаи и нрави, Варна, 1938, стр. 16—24; Н. С. Державин, Лекции по българска история, София, 1916, стр. 399. Кр. Баев, Указ. раб., стр. 93.

¹³ А. Бурмов, Към въпроса за произхода на прабългарите, «Изв. на Българско историческо дружество», (далее ИБИД), кн. XXII—XXIV, София, 1948, стр. 298—337.

¹⁴ С. С. Бобчев. За делиорманските турци и за кызылбашиите, (Принос към державноправното и културна история на България), «Сборник на Българската Академия на науките» (далее СБАН), кн. XXIV, 1929, стр. 1—16; его же, Титли и служби в областното управление на старовременска България според грамотите на българските цари, «Изв. на историческото дружество», (далее ИИД), кн. XI—XIII, 1932, стр. 228—248.

и гагаузами эта гипотеза пришла в Бессарабию с правобережья Дуная и распространилась среди переселенцев. Вполне понятно, что, спасаясь от турецкого преследования в пределах России, гагаузы преднамеренно относили себя к славянскому населению.

Рассмотрим основные этапы развития «славянской» гипотезы. В 1850-е годы в Болгарии пробуждается интерес к судьбе тех болгар, которые переселились в Бессарабию. В печати появляется несколько статей об истории их переселения и их современном положении. Позднее, в 1870-1880-е годы возникает острая полемика по вопросу о судьбах национального развития всех переселенцев и этнической принадлежности гагаузов¹⁵. Непосредственным поводом к этой полемике послужил следующий факт. В 1869 г. попечитель Одесского учебного округа поручил профессору В. И. Григоровичу посетить болгарские и гагаузские села, осмотреть народные училища и обратить особое внимание на центральное училище в г. Комрате для того, чтобы окончательно решить, на каком языке следует вести преподавание для детей гагаузов и болгар. Итоги своего обследования В. И. Григорович представил в «Донесении об испытаниях в Тираспольском уездном училище и о болгарских народных училищах в Бессарабии и пр.», в котором пришел к заключению о том, что во всех училищах следует ввести преподавание на русском языке¹⁶.

Решение Бессарабского управления ввести в училищах преподавание на русском языке вместо болгарского вызвало протест националистически настроенных элементов в Болгарии. Началась энергичная литературная борьба против ассимиляции болгар в Бессарабии. В ходе этой полемики многие авторы стремились доказать, что болгарские переселенцы в Бессарабии имеют единый этнический состав и что гагаузы это те же самые болгары, только говорящие на турецком языке¹⁷. Именно в ходе этой полемики успела укорениться гипотеза «славянского» происхождения гагаузов. И только к началу XX в., когда споры об этнической принадлежности гагаузов несколько затихли, Л. Милетич в 1904 г. и И. Д. Шишманов в 1916 г. без предвзятого подхода констатировали, что «халис гагаузы» (настоящие гагаузы) — не болгары, принявшие турецкий язык, а остатки какого-то тюркского племени¹⁸.

В болгарской литературе интерес к происхождению гагаузов вновь вспыхнул в 1930-е годы. Появляется ряд работ Ж. Чанкова, К. Младенова, А. Манова¹⁹. В зарубежной литературе в это же время выходит несколько статей Е. М. Хоппе²⁰. Но уже никто из указанных авторов не поддерживает «славянскую» гипотезу, за исключением Ж. Чанкова, который, между прочим, подчеркнул, что аргументы сторонников и противников «славянской» гипотезы равносильны, и поэтому трудно кому-нибудь из них отказать предпочтение²¹.

¹⁵ Подробности см.: И. Д. Шишманов, *Студии из областта на Българското възбуждане*, СББАН, кн. IV, 1916; стр. 205—206; См. также: И. С. Иванов, *Несколько слов о донесении г. профессора Григоровича о болгарских училищах*, «Новороссийский телеграф», № 30, 40, 104; его же, *О некоторых выдающихся событиях в современной жизни болгар*, Одесса, 1896, стр. 49—50.

¹⁶ *Донесение об испытаниях в Тираспольском уездном училище и о болгарских народных училищах в Бессарабии и пр.*; «Циркуляр по управлению Одесским учебным округом», Одесса, 1869, июль, № 7, стр. 153—197, 283; См.: И. Д. Шишманов, *Указ. раб.*, стр. 198, 199.

¹⁷ И. Т., *Бессарабские «вагабонти»*, Руссе, 1879; Н. П., *Три писма от одесските българци*, ПСП, кн. LX, стр. 987; Г. С. Раковски, *Преселение в Русия или руската убийствена политика за българите*, София, 1886; И. Райков, *Българи в Русия*, «Селска Пробуда», София, 1903, стр. 125; *Едно българско училище в Кишинев* («една нова машина за поругаването на султановите подданици»), «Дунавска Зора», Браила, №—1, брой 34, 1868; *От българските колонии в Бессарабско* «Дунавска Зора», №—11, брой 14, 1868; «Русски българи в Бессарабско, Таврическо и Херсонска губерния», «Независимость» брой 24, 1868; Более подробную библиографию см. Н. С. Державин, *Болгарские колонии в России*, Сборник за народни умотворения, (далее СБНУ), кн. XXIX, София, 1914, стр. 28.

¹⁸ Л. Милетич, *Най-нови изследвания по етнографията на гагаузите*, стр. 256; И. Д. Шишманов, *Указ. раб.*, стр. 209.

¹⁹ Ж. Чанков, *Гагаузите в България*, «Изв. на Българско географско дружество», (далее ИБГД), кн. IV; 1936, стр. 48—78; его же, *Населението на България*, София, 1935, стр. 278; К. Младенов, *Одринските гагаузи*, «Архив за поселищни проучвания», (далее АПП), год. I, кн. IV, София, 1938, стр. 51—61; его же, *Ат. Манов, Потеклото на гагаузите. Техните обичаи и нрави*, Варна, 1938, АПП, год. I, кн. III, София, 1938, стр. 114—116; Ат. Манов, *Указ. раб.*

²⁰ Е. М. Норпе, *The turkish Christians Gagauz*, «The Moslem World», № 3, New York, 1934; его же, *Gagauzi Popolarione Turco—Christiana della Bulgaria*, «Oriente Moderno», № 14, Roma, 1934; его же, *Das alttürkische Gagauzen wolk*, «Der Orient», № 6, Potsdam 1934.

²¹ Ж. Чанков, *Гагаузите в България*, стр. 74—75.

В настоящее время сторонниками «славянской» гипотезы являются болгарский этнограф В. Маринов и молдавский историк И. И. Мещерюк²². Первый пытается обосновать свои этногенетические выводы на основании сходства элементов материальной и духовной культуры гагаузов и болгар, второй опирается главным образом на предания и легенды гагаузов и народную этимологию гагаузской поговорки «Дилимизи дѣнджийс, динимизи дѣнмийджиис» (Язык переменим, но не веру). Кроме этого, И. И. Мещерюк указывает, что один из наиболее ранних авторов А. Зашук не отличал гагаузов от болгар²³, хотя в действительности в работе последнего отмечалось, что гагаузы, жившие «в некоторых колониях близ реки Яллуха..., наружностью, характером и жизнью резко отличаются от прочих болгар»²⁴. Еще раньше его, автор небольшой анонимной статьи, опубликованной в 1859 г., особо подчеркивал, что «гагаузы достаточно четко отличаются от болгар»²⁵. К. Иречек подчеркивал, что у гагаузов не только дома и пища отличались от болгарских, но «целиять начин на живот был друг»²⁶. Никто из сторонников «славянской» гипотезы не уделил специального внимания гагаузскому фольклору и обрядности. Между тем в устном народном творчестве гагаузов встречаются такие данные, которые не подтверждают «болгарское» прошлое гагаузов.

Положение о том, что болгары восприняли от турок язык и стали, вследствие этого, гагаузами также вызывает сомнение. Конечно, было бы неверным отрицать, что часть болгар восприняла у гагаузов турецкий язык. Отдельные элементы этого процесса наблюдаются и поныне в с. Кирсово, Комратского района, Молд. ССР, население которого состоит наполовину из болгар и гагаузов. Характерно, что за последние десятилетия наблюдается тенденция «огагаузивания» болгарской части села. Это выражается в том, что болгары, скорее и легче усваивают турецкий язык²⁷.

Современный гагаузский язык, не является ни турецким языком, ни одним из его диалектов, поэтому утверждение о том, что болгары заимствовали у турок язык и стали гагаузами — неверно. В. Маринов пишет, что «до сих пор нет подробного, современного исследования языка гагаузов», что «служит преградой для окончательного решения этого вопроса»²⁸.

Обратимся к советской тюркологической литературе. «Исключая некоторых славянских авторов, гагаузское языкознание всецело является детищем русской и советской науки», — писал Н. К. Дмитриев, подводя итоги изучения гагаузского языка²⁹. Основополагающие работы принадлежат советским лингвистам — тюркологам Н. К. Дмитриеву и Н. А. Баскакову³⁰. Опираясь на их труды и на собственные материалы, Л. А. Покровская пришла к убеждению, что гагаузский язык является самостоятельным тюркским языком³¹. Такого же мнения придерживаются Р. И. Бигаев, П. А. Да-

²² В. Маринов, Принос към изучаването на бита и културата на турците и гагаузите в североизточна България, София, 1956; В. Маринов, З. Димитров, Принос към изучаването на бита и културата на турско население в североизточна България, Изв. на Етнографски институт с музей, (далее ИЕИМ), кн. II, София, 1955, стр. 95—216; И. И. Мещерюк, Переселение болгар в Южную Бессарабию в 1828—1834 гг. Кишинев, 1965; его же, Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812—1820 гг., Кишинев, 1957.

²³ И. И. Мещерюк, Переселение болгар в Южную Бессарабию в 1828—1834 гг., стр. 163, 167—168.

²⁴ А. Зашук, Материалы для географии и статистики России, СПб., 1862, ч. I, стр. 169.

²⁵ И. Титоров, Българите в Бессарабия, София, 1905, «Български книжицы» издаваеми в Цариград, 1859, апрел, кн. II.

²⁶ К. Иречек, Български дневникъ 1879—1884, т. I, София, 1930, стр.

²⁷ Полевые записки Молдавской этнографической экспедиции (далее МЭЭ), за 1965 г.

²⁸ В. Маринов, По въпроса за произхода на гагаузите в България. Сборник в чест на Йордан Захариев, София, 1964, стр. 160.

²⁹ Н. К. Дмитриев, К вопросу о словарном составе гагаузского языка, Строй тюркских языков, М.—Л., 1962, стр. 273.

³⁰ Н. К. Дмитриев, Гагаузские этюды, Строй тюркских языков, стр. 251—270; его же: Фонетика гагаузского языка, там же, стр. 202—250; его же: Долгие гласные в гагаузском языке, «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. I, М., 1955, стр. 203—207, Н. А. Баскаков, К вопросу о классификации тюркских языков, Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, т. XI, вып. 2, М., 1952; его же, Тюркские языки, М., 1960.

³¹ Л. А. Покровская, Основные черты фонетики современного гагаузского языка, «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. II, Баку, 1960, стр. 170—190; ее же, Общая характеристика диалектной системы гагаузского языка, «Тезисы докладов на IV региональном совещании по диалектологии тюркских языков 27—30 мая 1963 г., Фрунзе, 1963, стр. 48—49; ее же, О применении понятий «язык» и «диалект» к гагаузскому языку, «Лимба ши литература молдовеняскэ», № 3, 1961, Кишинев, стр. 39; ее же, Грамматика гагаузского языка, М., 1964 стр. XI; ее же, О происхождении диа-

нилов, М. У. Умаров, Д. Н. Танасоглу, А. С. Аманжолов и другие³². Учитывая итоги последних исследований в области гагаузского языкознания, нам кажется возможным отбросить мнение о том, что гагаузы заимствовали свой язык у турок.

В отличие от всех своих предшественников, В. Маринов попытался подкрепить «славянскую» гипотезу данными по материальной культуре. Однако метод сопоставления болгарской, гагаузской и турецкой материальных культур нам представляется недостаточным оправданным. Едва ли такое сопоставление дает право для этногенетических выводов, так как материальная культура заимствуется легче, чем язык, произведение устного народного творчества и религиозные представления. Впрочем при более внимательном изучении материальной культуры гагаузов, в ней обнаружатся такие данные, которые отличают гагаузов от болгар. Еще в середине XIX в. А. Защук отметил, что селения гагаузов «по наружному виду походят более на молдавские, а по внутреннему расположению и убранству хат напоминают Азию»³³. Уроженец г. Комарата, анонимный автор маленькой статьи в одном из периодических изданий отмечал, что в середине XIX в. гагаузские дома отличались от болгарских³⁴. Можно было бы продолжить примеры, свидетельствующие о самобытных явлениях в материальной культуре гагаузов, которые выпали из поля зрения В. Маринова.

Вслед за Е. Питтардом и В. Д. Дяченко В. Маринов пишет, что «антропологический тип гагаузов близок к таковому болгар»³⁵. Два обстоятельства побуждают усомниться в этом положении. Во-первых, как установил А. Пулянос, гагаузы по антропологическим признакам помещаются между турками Болгарии и греками Фракии, что еще не дает повода считать гагаузов ни турками, ни греками, а, во-вторых, В. Маринов не цитирует окончательный вывод В. Д. Дяченко, согласно которому «антропологические данные подтверждают участие в этногенезе гагаузов монголоидных элементов»³⁶.

Таким образом антропологические, исторические, лингвистические, фольклорные и этнографические данные, которыми оперируют сторонники «славянской» гипотезы, не могут быть приняты безоговорочно. Следовательно, и сама «славянская» гипотеза, сторонники которой упорно отрицают наличие в этногенезе гагаузов тюркского ядра, не может быть признана окончательно доказанной.

Мнения сторонников «тюркского» происхождения гагаузов можно свести к четырем группам. Первые считали гагаузов потомками тюркоязычных куман. Вторые усматривали в них потомков узов. Третьи были уверены, что гагаузы — турки, но не брались доказать, какие именно. Особняком выделяются взгляды тех исследователей, которые предполагали, что гагаузы ведут свое происхождение от турок — сельджуков.

Родоначальником турецко-сельджукской гипотезы являются болгарские историки Г. Баласчев и И. К. Димитров³⁷. Теория появилась в начале XX в., когда затихла дис-

лектов гагаузского языка, «Вопросы диалектологии тюркских языков», Баку, 1966, стр. 54—58.

³² М. У. Умаров, Р. И. Бигаев, П. А. Данилов, О некоторых грамматических особенностях языка гагаузов Средней Азии, «Проблемы тюркологии и истории востоковедения», Казань, 1964, стр. 254; R. I. Bigaev, P. A. Danilov et M. U. Umarov, *Aspectus du folklore des gagaouzes de L'Asie Centrale*, «*Studia et Acta Orientalia*», t. III, Bucarest, 1960—1961, стр. 31—45; Р. Бигаев, П. Данилов, Д. Танасоглу, М. Умаров, Некоторые фонетические особенности гагаузского языка, «Лимба ши литература молдовеняскэ», № 2, 1960, Кишинев, стр. 50—56. см. рецензию: «Лимба ши литература молдовеняскэ», № 4, 1960, стр. 68—70; А. С. Аманжолов, О гагаузах в Казахстане и их языке, «Проблемы тюркологии и востоковедения», Казань, 1964, стр. 264; Б. Г. Гафаров, Система спряжения в гагаузском языке, автореф. канд. диссертации, М., 1955.

³³ А. Защук, Материалы для географии и статистики России, Бессарабская область, часть II, стр. 96.

³⁴ «Български книжници», издаваеми в Цариград, 1859, апрел, кн. II.

³⁵ E. Pittard, *Les peuples des Balkans. Recherches anthropologiques dans la Péninsule des Balkans spécialement dans la Dobroudja*, Paris, 1870, стр. 407—408; В. В. Дяченко, Антропологическое исследование гагаузов Молдавской ССР, КСИЭ, № 15, 1952, стр. 87; С. А. Токарев, Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 204; В. Маринов, По вопросу за произхода на гагаузите, стр. 166.

³⁶ В. Д. Дяченко, Указ. раб., стр. 204; ср. O. Necrasova, *Le probleme de l'origine des gagaouzes et la structure anthropologique de ce groupement ethnique*, Jasi, 1940.

³⁷ Г. Баласчев, «Огузнамето» и Изеддин, СпБАН, кн. IX, Средец, 1915 е го же; Държавата на огузите в Добруджа на султан Изеддин Гейкавус и пр., «Военни известия», г. XXVI, бр. 33, 34, 35, 36. София, 1917 (в 1936 г. эта работа была переведена на греческий язык). И. К. Димитров, Преселение на сельджукски турци в Добруджа около средата на XIII в., СпБАН, кн. X, брой 6, 1915, Средец, стр. 23—40.

куссия между сторонниками «славянской» и «тюркской» гипотез. Главным источником для обоснования этой гипотезы послужило произведение «Огуз-намэ», представляющее собой изложение раннего периода истории турок-сельджуков.

Флот турок-сельджуков во главе с султаном Изеддином и Сары-Салтыком в середине XIII в. бросил якорь на берегу Черного моря между Балчиком и Варной. Так появилась в Добрудже «Огузская держава», которая помогала Византии в борьбе против болгар и западных кочевников. Существование сельджукской колонии в Добрудже в XIII в. подтверждается в работах многих исследователей³⁸. К гипотезе сельджукского происхождения гагаузов позднее присоединились П. Н. Ников, Е. М. Холпе, В. Зайончковский, Р. Вулпе и Г. Братяну³⁹. К числу сторонников этой же гипотезы относятся востоковеды П. Виттек и М. Губоглу. Первый считает гагаузов непосредственными потомками сельджуков Изеддина Кейкавуса, второй связывает происхождение гагаузов не только с турками-сельджуками, но и с огузами⁴⁰. В самое последнее время к этой гипотезе присоединился турецкий историк И. Х. Узунчаршылы, обоснованным доказательством ему привести не удалось⁴¹. Увлеченный этой гипотезой Ат. Манов стремился доказать, что гагаузы составили основной этнический элемент «Огузской державы». По его мнению, гагаузы занимали привилегированное положение над остальными тюркскими элементами этого государственного объединения. Он писал, что в XIII в. гагаузы были христианами, поскольку официальная религия в государстве была христианской, а церковь с экзархом находилась в Каварне, подчиняясь Константинопольскому патриарху. Согласно Ат. Манову, гагаузы присоединили к себе и ассимилировали христианские элементы из остатков протоболгарских и других севернотюркских племен⁴². В одном из указов Константинопольского патриарха от 1652 г. действительно говорилось о присоединении в Каварненской экзархии «всех границ и сел»⁴³. Следовательно, можно считать, что особой гагаузской народности не существовало, а были различные этнические элементы, объединяемые в одно целое христианской религией.

После падения «Огузской державы» под ударами турок-османов одна часть гагаузов приняла ислам, другая сохранила приверженность к христианской религии. Последние остались под влиянием Константинопольского патриарха. Многие из них получили греческое образование и впоследствии стали именовать себя эллинами⁴⁴. Две группы оказались под сильным влиянием турок и болгар. Это и послужило поводом говорить о трех этнических группах гагаузов: «греческие гагаузы», «болгарские гагаузы» и «халас гагаузы» (настоящие гагаузы). Такова вкратце концепция сторонников сельджукского происхождения гагаузов.

Эту гипотезу основательно рассмотрели болгарские историки В. Н. Златарский и П. Н. Мутафчиев. Перу второго принадлежит специально написанная по этому поводу работа, в которой путем сопоставления материалов «Огуз-намэ», с данными греческими

³⁸ Н. Howorthy, History of the mongols, t. II, capt. 1, London, 1880, стр. 122; F. Canitz, Donau — Bulgarien und der Balkan, стр. 237; Ф. Брун, Черноморье, т. II, Одесса, 1880, стр. 142, 333; В. Д. Смирнов, Крымское ханство под верховенством Порты, СПб., 1887, стр. 12; В. Г. Василевский, Введение в житие св. Стефана Сурожского, Труды, т. III, СПб., 1915, стр. CLXXXIV; П. Н. Ников, Бележи за югоизточно България през епохата на Тертеровици, ПСН, т. 70, Средец, 1909, стр. 572; его же, Татаро-български отношения, «Годишник на Софийският университет» (далее ГСУ), кн. XV—XVI, 1910—1920, стр. 8; «Kemal Pacha Zadeh, Histoire de campagne de Mohacz. Publee par Pavet de Courteille», Paris, 1859, стр. 77; «Encyclopedie de islam», t. IV, стр. 184; «Midhadt Pacha, La Turquie dans son passe, son present, son avenir», «Revue scientifique de la France et de l'etranger», 1878, № 49, стр. 1152; F. Demirtas, «Osmanli «oguz» boylari, Ankara universitesi Dil ve Tarih-Cografia fakultesi dergisi, cilt. VII, Ankara, 1949, № 2; H. N. Orkun, Anadolu da Oguz boylari, «Ülkü», cilt. XI, № 124, Ankara, 1935.

³⁹ П. Н. Ников, Татаро-български отношения, стр. 8; Е. М. Холпе, The turkish Christians Gagauz; его же, I Gagauzi Popolarione Turco-Christiana della Bulgaria; его же, Das Altürkische Gagauzenwolk; его же Die türkischen Gagauzen-Christen, «Orient christians», Bd. 41, Wiesbaden, 1957; Wl. Zajackowski, Turk-gagauzowie, стр. 373; R. Vulpe, Historie ancienne de la Dobroudja, București, 1938; G. Bratianu, Vicina et Cetatea alba, București, 1935.

⁴⁰ М. Губоглу, «Voix du Budzak», Ecrits litteraires, «Studia et Acta orientalia», 1960—1961, Bucarest, стр. 260.

⁴¹ J. H. Uzunçarşili, Osmanli tarihi, cild 1, baski 2, Ankara, 1961, стр. 183.
⁴² Гага-узы на греческом языке означало христианских огузов в отличие от огузов — язычников или мусульман. См. Ат. Манов, Указ, раб., стр. 27.

⁴³ Ιωαννης Νικολαου, „Οδξδδος“, Βαρνα, 1894, стр. 200.

⁴⁴ П. Н. Ников, Българското възраждане въ Варна и Варненско, София, 1834, стр. 50.

историков Никифора Григоры и Георгия Пахимера он приходит к выводу, о несостоятельности взгляда о турецко-сельджукском происхождении гагаузов⁴⁵.

Г. Баласчев считал добруджанское княжество Балика «турецко-сельджукским» или «огузским» политическим объединением, а самого Балика близким к султану Изеддину и Сары-Салтыку. В действительности, Балик так же, как и большая часть обитателей его княжества, был куманом по происхождению⁴⁶.

После выхода в свет работ В. Н. Златарского и П. Н. Мутафчиева число сторонников турецко-сельджукской гипотезы значительно сократилось. Критика источников и литературы в работах П. Н. Мутафчиева, на наш взгляд, не лишена некоторой тенденциозности⁴⁷.

Проблема куманского происхождения гагаузов впервые была выдвинута В. И. Григоровичем⁴⁸, который считал, что гагаузы являются потомками куман, переселившихся в Болгарию в XI—XII вв. О своих источниках В. И. Григорович сообщает очень мало. По его словам, язык, нравы, обычаи, одежда и народные песни гагаузов и куман были одинаковыми. Несмотря на сомнительность такой аргументации, гипотеза куманского происхождения гагаузов привлекла внимание многих исследователей⁴⁹. Наиболее обстоятельно эта гипотеза была рассмотрена в работах чешского историка К. Иречека. В своих ранних работах он был склонен считать гагаузов греками⁵⁰. В поздних работах, написанных после путешествия по Балканскому полуострову и близкого знакомства с варненскими гагаузами, К. Иречек пришел к выводу о том, что гагаузов следует считать потомками средневековых куман⁵¹. В статье, специально посвященной происхождению гагаузов и сургучей от печенегов и куман, К. Иречек писал, что язык гагаузов был близок к куманскому, который в XIII—XIV вв. имел широкое распространение. Испанский минорит фра Паскаль де Викиория в течение целого года специально изучал «*Linguae Spomanicæ*» для своей миссионерской деятельности⁵². Топонимические наименования, личные имена и фамилии, встречающиеся в Молдавии, Румынии и Венгрии, а также на Балканах, до нашего времени сохранили следы куман⁵³.

⁴⁵ П. Н. Мутафчиев, Мнимото преселение на сельджукски турци в Добруджа в XIII в., см. например, стр. 189, 190.

⁴⁶ V. N. Zlatarsky, *Le'sort historique, Dobrudja, Sofia, 1918*, стр. 54; К. Иречек, Несколько бележки върху остатците отъ печенези, кумани както и тъй наречените народи гагаузите и сургучи в днешна България, ПСп, XXXII—XXXIII, Средец, 1890, стр. 224; П. Н. Мутафчиев, Добруджа в миналото, «Добруджа», София, 1947, стр. 73; Ст. Младенов, Печенези и узи-кумани в българската история, стр. 130; Св. Николов, Потеклото на Асеневици и етническият характер на основаната от тях държава, София, 1944; A. Kırat, *Peçenek tarihi, İstanbul, 1937*; ето же, *Peçeneklere dair arastirmalar, «Türkiyat Mecmuası», 1935, № 5*, стр. 101—140; D. A. Rasovskij, *Les comans et Byzance*, ИБАИ, т. IX, София, 1935, стр. 341—351; В. Н. Златарский, Г. И. Кацаров, Договорът на княз Иванко, син Добротичев с генуезците от 1387 г., ИБИБД, кн. II, 1911, стр. 17—19.

⁴⁷ Источником П. Н. Мутафчиева был перевод «Огуз-намэ», сделанный И. Дмитриевым из эскипта Сеида Локмана, бывшего придворным поэтом при султана Мураде III (1574—1595 гг.). Действительным первоисточником является «Сельджук-намэ», представляющее собой переделку персидских хроник Ибн-Биби и Равенди. Существующие рукописи этого первоисточника были перечислены П. Виттеком: См. F. Babinger, *Die geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke, Leipzig, 1927*, «Der Islam», t—V, № 20, стр. 202. Ни одной из этих рукописей не было в распоряжении П. Н. Мутафчиева.

⁴⁸ А. Кирпичников, В. И. Григорович и его значение в истории русской науки, «Исторический вестник», год XIII, 1892, стр. 764—775; М. П-ий, Григорович и Прейс, К истории славяноведения на Руси, «Изв. отд. русского языка и слова имп. АН», т. 2, 1897, кн. III, стр. 722—744.

⁴⁹ «Читалище», год III, брой 9, Цариград, 1873, стр. 774; П. Р. Славейков, Сведения за Тракия и особенно за Одринската епархия и Одрин, «Напредък», брой 19, Цариград, 1874, стр. 73; ето же, Един проглед към миналото, ПСп, т. V, кн. XXIII—XXIV, Средец, 1888, стр. 881—902; ето же, За изтурчаването на българите, ПСп, кн. XV, 1885, Средец, стр. 364—367.

⁵⁰ К. Иречек, История Болгарии, Одесса, 1878, стр. 746.

⁵¹ К. Иречек, Етнографски променения в България от основането на княжество България, ч. 2, Пловдив, 1899, стр. 166, 829.

⁵² К. Иречек, Несколько бележки върху остатците от печенези, кумани, както и върху тъй наречените народи гагаузи и сургучи в днешна България, стр. 219; Румынский ученый Л. Тайнеану считал, например, что слово «Делиорман» имеет куманское происхождение: L. Taineanu, *Elemente turcești in limba Romanii, București, 1885*, стр. 105.

⁵³ L. Rasony, *Tuna havzasında kumanlar, «Belletın», 3-ncü, cilt, saif 11/12, Ankara, 1939*, стр. 401—422.

Собирая сведения о гагаузах северо-восточной Болгарии, К. Иречек обнаружил, что в их языке имеются некоторые «татарские» и «доосманские» слова, близкие к лексике куманского языка. Отстаивая куманское происхождение гагаузов, К. Иречек отметил, что само наименование гагаузов произошло от куман, потому что последние сами себя в быту называли «узы» и «огузы»⁵⁴. Отметив существенную разницу в быту, нравах и обычаях варненских гагаузов, К. Иречек одним из первых пришел к выводу, что гагаузы Балканского полуострова не представляют единого этнического целого⁵⁵. Взгляды К. Иречека на куманское происхождение гагаузов были восприняты и развиты в работах болгарских исследователей более позднего времени⁵⁶.

Кочевые куманы южнорусских степей переселялись на Балканы неоднократно. Впервые на Балканах куманы появились в XI в.⁵⁷. Второй раз переселение куман на Балканы произошло в середине XII в. По мнению многих исследователей, именно из их среды вышли первые цари Второго Болгарского царства Петр и Асень⁵⁸. По словам Бс. Николаева и некоторых других авторов, в составе Второго Болгарского царства куманы составляли значительный этнический слой. Переселение отдельных кочевых объединений куман на Балканы продолжалось и в первые десятилетия XIII в. Потерпев поражение от татаро-монгол в битве при Калке, часть куман вынуждена была искать спасения на Балканах⁵⁹.

В XIV в. возвышение одного куманского племенного объединения в северо-восточной Болгарии дает сильную княжескую династию Добруджанскому княжеству, в составе которого, несомненно, видную роль играли куманты. По мнению сторонников «куманской» гипотезы, гагаузы являются остатками этих куман.

У этой гипотезы два слабых места. Во-первых, не найдено никаких документов, позволяющих проследить, какую роль сыграли куманы в XIV—XVII вв. в формировании современных гагаузов. Во-вторых, как отмечали Д. Г. Гаджанов, Т. Ковальский и В. А. Мошков, имелись существенные различия в языке гагаузов и куман⁶⁰.

Обстоятельное знакомство с гагаузами привело В. А. Мошкова к созданию своей гипотезы, согласно которой гагаузы являются потомками узов, известных в русских летописях под именем торков. Он исходил из предположения, что «гаг» — это имя одного из колен народа узов или огузов. По его мнению, слово «гаг-огуз» звучало бы на языке современных гагаузов «гаг-ооуз» вследствие исчезновения в гагаузском языке звонкого «г» и замены его удвоенным гласным звуком⁶¹.

⁵⁴ К. Иречек, Княжество България, т. 2, Пловдив, 1899, стр. 829.

⁵⁵ К. Иречек, Несколько бележки върху остатоците от печенежи и кумани, както и върху тъй наречените народи гагаузи и сургуци в днешна България, стр. 233—234, 237—238.

⁵⁶ И. Д. Шишманов, Указ. раб., стр. 207; А. Иширков, Историко-этнографски преглед на населението в царство България, «Изв. на Народния етнографски музей» (далее ИНЕМ), т. X—XI, 1932, стр. 30; его же, Бележки за пътя Руссе-Варна в XVIII в. и за главные селища крайнего ГСУ, Историко-филологичен факултет, кн. III—IV, 1906, стр. 129—152; его же, Брой и разпределение на българите в Добруджа в 1918 г., ИНЕМ, т. VIII—IX, 1929, стр. 29—55; А. Ischirkoff, Les bulgares en Dobrudja, Varne, 1919, стр. 46; В. Кънчов, Из Мала Азия, «Български Преглед», год. IV, кн. III, 1899, стр. 52—102; V. N. Zlatarsky, La carte politique de la Dobrudja, стр. 52—154.

⁵⁷ Ф. Успенский, Образование Второго Болгарского царства, «Записки Императорского Новороссийского университета», т. XXVII, Одесса, 1879, стр. 162; П. Голубовский, Половцы в Венгрии, «Университетские известия», год XXIX, № 12, Киев, стр. 46; П. Н. Мутафчиев, Съдбините на средновекования Дръстър, Добруджа, стр. 342; А. N. Kukat, Peçenek tarihi; L. Rasopu, Указ. раб.; А. Д. Рассовский, Половцы, «Seminarium Condakovianum», т. XI, Praha, 1938, стр. 95.

⁵⁸ П. Н. Мутафчиев, Произходът на Асеневци, «М. Пр.», год. IV, София, кн. IV; Ст. Младенов, Потекло и състав на среднобългарско «Белгоуне», прекоръ на царь Асень I, ПСп, кн. XIV, клон ист.-фил. и фил.-общ., № 22, София, 1933, стр. 48—66; В. Н. Златарски, Потеклото на Петра и Асень, водачите на възстанието на 1185 г., «СпБАН», кн. 45, № 22, София, 1933, стр. 7—48.

⁵⁹ Д. А. Рассовский, Роль половцев въ войнахъ Асений с Византийской и Латинской империями в 1186—1207 гг., «СпБАН», кн. LVII, клон ист.-фил. и фил.-общ., № 29, София, 1939; А. Н. Поляк, Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе, «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы», М., 1964, стр. 38.

⁶⁰ G. Gadznow, Vorläufiger Bericht über eine im Auftrag der Balkan-Kommission der Kais. Akad. Wiss. in Wien durch Nordost-Bulgarien unternommene Reise zum Zwecke türkischen Dialektstudien, 1911, Bd. V, стр. 13—14; Т. Kowalski, Kyzey-Dogu Bulgaristan türkleri ve türk dili, «Edebiyatı Fakültesi Türk dili ve Edebiyatı dergisi», cilt III, 1949, İstanbul, № 3—4; стр. 477—500; его же, Dobrucada türk etnik unsurları, Ankara, 1942.

⁶¹ В. А. Мошков, Указ. раб., ЭО, № 1, 1900, стр. 13.

К его гипотезе присоединились Кр. Баев⁶² и Ат. Манов, который, в частности, подчеркнул, что узы впоследствии были полностью растворены среди сельджукских переселенцев⁶³. Популяризации этой гипотезы способствовала статья о гагаузах, опубликованная в Большой Советской Энциклопедии⁶⁴.

При выяснении вопроса об этнической принадлежности гагаузов особое внимание, по-видимому, следует уделять месту, которое занимает гагаузский язык в системе тюркских языков. Как показали исследования Н. А. Баскакова, множество говоров и наречий гагаузского языка «имеют общие огузские черты и отличаются друг от друга главным образом составом лексики»⁶⁵. Это позволило ему отнести гагаузский язык к огузо-булгарской подгруппе огузской группы языков, в которую, по его классификации, входят древние языки печенегов и узов.

Основанием для гипотезы происхождения гагаузов от узов служат конкретные исторические факты о переселении этих кочевников на Балканы. Эти сведения находятся в трудах византийских авторов М. Атталиаты, Кедрена, Зоннара, Скилицы, Анны Комниной и других.

Некоторые авторы признавали гагаузов остатками севернотюркских кочевых племен, но сомневались, к какому именно племени их следует отнести. Одним из первых это предположил И. Николау, автор книги «Одесос»⁶⁶.

Ст. Романский считал, что гагаузы — «потомки одного из древнетюркских племен, в состав которого вошли отуреченные болгары»⁶⁷. Т. Ковальский допускал участие в этногенезе гагаузов трех этнических компонентов: остатков кочевых тюрков южнорусских степей, переселенцев турок-сельджуков и турецких колонистов вместе с отуреченными болгарями. Однако он подчеркивал, что христианство гагаузов, несомненно, восходит к самому первому этническому слою⁶⁸.

Сторонником «тюркской» гипотезы был прекрасный знаток истории средневековой Болгарии П. Н. Мутафчиев. Он считал, что гагаузы представляли этническую смесь из севернотюркских элементов: печенегов, узов и куман, которые в предосманскую эпоху поселились в различных районах Балканского полуострова, а в эпоху османского господства избежали болгарской ассимиляции⁶⁹.

Существенный вклад в «тюркскую» гипотезу внесли советские исследователи. Г. Е. Маркову удалось заметить в быту и хозяйстве гагаузов черты, свидетельствующие о кочевом прошлом гагаузов. Им же были обнаружены отдельные элементы, сближающие гагаузов с кочевыми тюркоязычными народами Центральной и Средней Азии⁷⁰.

Наблюдения над языком гагаузов к такому же выводу привели советских и некоторых зарубежных исследователей. Дополнительный свет на участие различных этнических компонентов в этногенезе гагаузов могут пролить дальнейшие исследования гагаузского языка, ибо, как установил румынский тюрколог В. Дримба, в языке гагаузов Болгарии существует несколько говоров, различающихся между собой, и отличающихся от диалектов тех гагаузов, которые проживают в Советском Союзе⁷¹. Те исследователи, которые изучали гагаузский фольклор, отмечали, что многие сюжеты произведений устного народного творчества гагаузов связаны с кочевой жизнью.

Таким образом, из обзора литературы видно, что вопрос об этнической принадлежности гагаузов еще далек от окончательного решения. Появление многочисленных, порой взаимоисключающих друг друга гипотез, на наш взгляд, было обусловлено односторонним подходом исследователей к чрезвычайно сложному процессу — складыванию гагаузской народности, которое происходило путем смешения различных этнических групп. Данные, которыми в настоящее время располагает наука, позволяют говорить, что предками гагаузов были кочевые тюрки, которые смешивались с различными этническими группами Балканского населения.

М. Н. Губогло

⁶² К. Баев, Указ. раб., стр. 91.

⁶³ А. Манов, Указ. раб., стр. 27.

⁶⁴ БСЭ, изд. второе, т. 9, стр. 608—609.

⁶⁵ Н. А. Баскаков, Тюркские языки, стр. 131.

⁶⁶ Ioánnov Nikolaov, Указ. раб., стр. 135.

⁶⁷ Ст. Романский, Народописна карта на нова Румынска, стр. 55.

⁶⁸ Т. Kowalsky, Kuzey-Dogu Bulgaristan türkləri ve türk dili, стр. 499.

⁶⁹ П. Н. Мутафчиев, Добруджа в миналото, стр. 74.

⁷⁰ Е. Г. Марков, Материалы по этнографии гагаузов, КСИЭ, вып. XIX, М., 1953, стр. 56, 65.

⁷¹ V. Drimba, Aspecte din fonetica găgăuza, «Fonetica și Dialectologie», vol. II, București, 1960, стр. 121—129; егo же, Исследования по фонетике гагаузского языка, (I, II) «Revue de linguistique», t. VI, № 2, 1961, стр. 239—258, t. VII, № 1, 1962, стр. 141—160; егo же, Remarques sur le parler gagaouzes de la Bulgarie du Nord-Est, «Rocznik Orientalistyczny», t. XXVI, Warszawa, 1963, № 2, стр. 63—89.

НАРОДЫ СССР

Колхоз — школа коммунизма для крестьянства [Комплексное социальное исследование колхоза «Россия», М., 1965, 359 стр.

Под таким заголовком в серии «Социология и жизнь» издана новая книга о колхозе. Исследование предпринято коллективом кафедр общественных наук Ставропольского сельскохозяйственного института, изучавшим один из передовых колхозов Ставропольского края.

В работе, как говорится во введении, поставлена задача рассмотреть те социально-экономические процессы, которые происходят в одной из основных ячеек советского общества.

Книга имеет социологический профиль и в этом отношении уже была оценена на страницах философской печати; одобрена методика и направление исследования¹. Данная публикация представляет, однако, ввиду близости проблематики интерес и для этнографов, занимающихся изучением современности. Близки этнографическим и примененные авторами методы исследования: непосредственное наблюдение (проводилось в колхозе в течение двух лет, главным образом зимой и ранней весной), использование архивных, текущих, а также «личных» документов, анкетирование (заполнялось 12 анкет различного характера и содержания). Как сообщается в предисловии, чаще всего анкетирование сочеталось с интервью. Метод беседы (интервью) справедливо высоко оценивается в рецензируемой работе.

В книге рассматриваются многие вопросы производства и быта колхозников. Наибольший интерес, с нашей точки зрения, вызывает стремление исследовать процессы, происходящие в среде колхозного крестьянства в современный период, и комплексный подход к решению этой проблемы. Эта тематика давно интересует этнографов и стоит на повестке дня их работы.

Книга, однако, отличается от этнографических исследований, в том числе выбором главных вопросов, их постановкой, акцентом. В связи с этим представляется целесообразным вкратце познакомить читателей с ее структурой и содержанием.

Работа состоит из введения, 10 глав и заключения. В I главе «Вехи большого пути» говорится о послереволюционном пути крестьян станицы Григоропольской Ставропольского края, прослеживается история колхоза за 35 лет его существования.

Во II—IV и частично VI главах рассматриваются различные аспекты развития экономики колхоза, организации и оплаты труда колхозников. Из приведенных материалов отчетливо вырисовывается облик передового колхоза — крупного многоотраслевого механизированного хозяйства с высокими показателями урожайности зерновых и продуктивности животноводства. Колхоз «Россия» является опорно-показательным хозяйством; за два последних года его посетили 10 тыс. гостей из СССР и из-за рубежа (стр. 214—215). Колхоз полностью обеспечен рабочей силой и поэтому прекратил прием новых членов, в том числе и квалифицированных работников. Техническое перевооружение колхозного производства привело к развитию широкого профессионального разделения труда, доказательством чего является наличие в артели работников почти 120 профессий и специальностей, причем и теперь происходят «дальнейшее разделение и специализация труда и перемена родов деятельности, чередование труда» (стр. 96). Наблюдается совмещение чисто городских, промышленных профессий с сельскохозяйственными; образовательный и культурно-технический уровень колхозников стал опережать степень механизации отдельных производственных процессов. В то же время, как отмечается в книге, одна треть трудоспособных не имеет профессий.

В V и VI главах «Коллективное управление делами колхоза» и «Развитие отношений товарищества и взаимопомощи» речь идет главным образом о колхозной демократии и некоторых вопросах организации труда. После объединения мелких хозяйств произошли изменения в области колхозного управления. Высшим органом ввиду больших размеров хозяйства стало (взамен общего собрания колхозников) собрание уполномоченных. Последние избираются сроком на два года на бригадных собраниях колхозников. Появились новые органы управления: собрание бригады для обсуждения общих вопросов среди непосредственных производителей, а также совет бригады, обеспечивающий коллективность руководства на уровне бригады. Эти факты авторы рассматривают как дальнейшее развитие и расширение колхозной демократии, но отмечают, что по этому поводу среди ученых существует и противоположная точка зрения.

В VI главе говорится и о развитии коллективизма среди колхозников. Устанавливается, что наиболее развито трудовое содружество в коллективах, работники которых закреплены постоянно за определенными участками производства. «Наименьшей устойчивостью и зрелостью,— говорится в книге,—обладают группы работников ручного неквалифицированного труда» (стр. 202—203).

¹ См. Ю. В. Арутюнян, Конкретно-социальное исследование села, «Вопросы философии», 1966, № 10, стр. 166—169.

В VII (и частично в IX) главах характеризуются сдвиги, происшедшие за годы советской власти в быту колхозников: говорится о роли подсобного хозяйства, о численности семьи и взаимоотношениях ее членов, о распределении домашних работ в семье, соотношении старых и новых обычаев и праздников, степени распространения религиозных пережитков и др. Материал в VII главе, вероятно ввиду небольшого размера ее, изложен бегло. Более разработанной представляется часть, посвященная «духовной области быта» (по терминологии автора). Здесь дается описание новых праздников, показывается переплетение старого и нового в свадебном обряде, сохраняющем такие традиционные элементы, как сватовство, «выкуп» приданого и косы, «тушение пожара», одаривание жениха и невесты, свадебный поезд; говорится о тяге населения к устройству свадеб с участием общности.

В жизнь населения прочно вошли новые советские праздники. Однако наряду с ними половина опрошенных семей соблюдает и религиозные праздники (обычно в семьях, в состав которых входят пожилые люди). Проявляя живучесть и религиозные обряды: крестильные, похоронные и пр. (так, в 1964 г. было крещено 30% новорожденных). Сведения о степени религиозности населения и религиозных пережитках имеются и в VIII главе «Воспитательная роль коллектива».

Содержание IX главы «Рабочее и вне рабочее время колхозников» точно соответствует ее названию. В X главе «Колхоз и школьная производственная бригада» исследуется вопрос о подготовке кадров для колхоза через школьную учебную бригаду.

В ряде глав уделяется внимание трудовой нагрузке мужчин и женщин в домашнем хозяйстве. Однако приводимые по этому вопросу сведения противоречивы. Так, на стр. 249 утверждается, что «в трех семьях из четырех мужчина выполняет всю тяжелую домашнюю работу — заготовку топлива, ношение воды, уход за скотом, садом, двором, работает в огороде. Почти в каждой пятой семье мужчина помогает жене во всей домашней работе, выполняя и сугубо женскую: приготовление обеда, стирку, мытье полов и т. д.». Лишь в 5% семей мужчины не помогают хозяйке. В то же время несколькими страницами ранее говорится, что «женщины-колхозницы 50% календарного фонда рабочего времени заняты в подсобном хозяйстве. Его ведение занимает большую часть свободного времени». У читателей создается таким образом впечатление, что основная тяжесть домашней работы падает на женщин. Это подтверждается и данными IX главы, в которой прямо говорится, что домашним трудом занимаются преимущественно женщины. В будние дни у мужчин на домашний труд уходит 0,83—1,22 часа (в зависимости от возраста), у женщин — 6,72—7,09 (стр. 296—297). Цифры, таким образом, свидетельствуют о значительной разнице в трудовой нагрузке мужчин и женщин в домашнем хозяйстве и никак не могут служить подтверждением тезиса о равном их участии в домашней работе.

В IV и VII главах речь идет о роли подсобного хозяйства, доходы от которого «в совокупном доходе семьи составляют $\frac{1}{3}$ » (стр. 222). Колхоз снабжает членов артели мукой, подсолнечным маслом, некоторыми видами овощей и фруктов. Подсобное хозяйство дает им мясо, молоко, яйца (стр. 233). Авторы говорят о необходимости сохранения в настоящее время подсобного хозяйства колхозников и натуральной части оплаты их труда, осуждая ликвидацию того и другого в недавнем прошлом (стр. 128). Здесь наблюдается вполне оправданный отход от ранее высказанной в работе авторского коллектива этого института точки зрения².

В целом из книги, как об этом говорится и в самом ее начале, видно, что в этом колхозе происходят те же процессы, что и в других хозяйствах; имеются различия лишь в темпах преобразований, в то время как основные пути этих преобразований — общие. В раскрытии общих закономерностей — основное значение книги. Достоинство работы и в наличии конкретных материалов, и в правильном анализе и обобщении их.

Коснемся некоторых недочетов. Книга написана неровно: в одних главах материал излагается несколько упрощенно и схематично, в других — очень специально, имеются повторения, не всегда обоснованы выводы.

В работе широко применялись анкеты, но ни одна из них, к сожалению, не охарактеризована. Из суммарных данных (стр. 12) и по приводимым вопросам (стр. 108, 112, 114, 152, 179, 194—195, 206, 209, 228, 241, 246, 250, 260, 266, 346) видно, что цель анкет — выяснить духовные интересы и запросы колхозников.

Очень часто нет сведений о том, какой контингент заполнял анкеты, хотя в ряде случаев это представляется очень важным. Так, более 500 человек ответили на вопрос: «Что Вам кажется наиболее важным при вступлении в брак?», однако что это за люди, какого пола, возраста, образования, семейного положения, — остается неясным. Большинство ответивших, говорится в книге, считает основным любовь, приводится несколько таких ответов лиц разного возраста (22—40 лет). Казалось бы, целесообразнее спрашивать об этом тех, кто собирается вступать в брак, а по отношению к другим лицам как-то иначе формулировать вопрос.

Не отличаются четкостью некоторые определения и термины. Так, на стр. 111 говорится, что «без приобщения неквалифицированных работников к квалифицированной,

² «Колхозное село шагает в коммунизм», Ставрополь, 1964, стр. 28—30.

связанной с техникой работе нельзя воспитать коммунистического отношения к труду. Это утверждение представляется нам далеко не бесспорным. Однако, не вступая в полемику по существу вопроса, отметим нечеткость самой формулировки.

На стр. 210 с восторгом говорится о том, что только по мнению 3,3% опрошенных колхозников «счастье заключается в накоплении богатства». Удивительного здесь все же мало; речь ведь идет о членах советского общества, в идейном арсенале которого «богатство» как таковое совсем не в почете. А кроме того, что такое «накопление богатства» в условиях социализма? Подходящий ли вообще это термин? Если он имеет хождение в быту какой-то части населения, то уместен ли он в терминологии исследователей?

В работе значительное место уделено вопросам изучения религиозности населения, указывается процент верующих. Однако как устанавливался этот процент, авторы не объясняют, в то время как методика в этом отношении, по мнению специалистов, имеет решающее значение³.

Многие вопросы остаются не выясненными или только декларируются. Так, утверждение об исчезновении былой вражды между казаками и иногородними никак не раскрывается материалом; не показываются бытовые и общественные формы этого процесса.

В доказательство тезиса об отмирании старых профессий приводится тот факт, что в колхозе в связи с переходом на круглогодное стойлово-лагерное содержание скота отпала необходимость в пастухах. Этот единственный пример не кажется нам удачным. Во-первых, данную профессию вряд ли можно считать массовой; во-вторых, остается неясным, исчезла ли она совсем, поскольку неизвестно, как и кем осуществляется выпас скота, находящегося в личной собственности колхозников.

Не кажется нам убедительным и объяснение факта уменьшения рождаемости населения: «Коллективное механизированное хозяйство предъявляет спрос лишь на определенное количество рабочих рук, в то время как индивидуальное хозяйство требовало их значительно больше. Раньше женщина работала много, но без отрыва от семьи, а сейчас она работает вне дома. Повысился брачный возраст. Колхозники стремятся дать детям полноценное развитие, что связано с материальными расходами» (стр. 247). Уменьшение рождаемости имеет широкое распространение и не составляет специфику данной местности. Решить вопрос о причинах этого явления сложно⁴, тем более на материалах одного колхоза. Бросается в глаза чрезвычайная прямолинейность первого тезиса, который к тому же никак нельзя признать убедительным. Спорными нам представляются и другие аргументы. Не совсем верно, что ранее женщины работали без отрыва от семьи. Женщины участвовали во всех полевых работах, из-за чего отрывались на целые дни от дома и детей. Брачный возраст, конечно, повысился, но все же не настолько, чтобы супруги могли иметь лишь двух-трех детей. Ссылка же на материальные расходы в данном случае нуждается в более основательной аргументации.

Сказанное выше не снимает общей положительной оценки книги. В заключение хотелось бы высказать удовлетворение по поводу развертывания конкретных социальных исследований колхозной деревни, обобщение результатов которых даст материал для новых книг, с нетерпением ожидаемых советской научной общественностью.

Л. М. Сабурова

³ См., например, Ю. А. Левада, Социальная природа религии, М., 1965, стр. 255 сл.

⁴ См., например, Г. М. Коростелев, Некоторые методологические проблемы изучения развития народонаселения СССР. Строительство коммунизма и формирование нового человека, «Ученые записки Свердловского педагогического института», сб. 35, Свердловск, 1966.

Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, т. II. Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика, М.—Л., 1966, стр. 362.

Недавно вышедший второй том «Трудов Тувинской археолого-этнографической экспедиции» Института этнографии АН СССР посвящен этнографии и археологии бассейна р. Хемчика, левого притока Енисея, где в основном была сосредоточена работа экспедиции в 1959—1960 гг.

Книга представляет собой итог непрерывного и равномерного изучения всех эпох истории Тувы, от середины I тыс. до н. э. до современности. Сопоставление археологических данных с этнографическими, характерное для всех статей сборника, отчетливо выступает как метод работы этой экспедиции и представляет одну из основных ее удач.

Рецензируемый труд открывает вводная статья руководителя экспедиции Л. П. Потапова (стр. 3—12), в которой сжато излагаются основные результаты ее работы за 1959—1960 гг.

Далее в книге следуют этнографические и археологические статьи, которые мы для удобства изложения рассмотрим в хронологическом порядке.

Статья С. И. Вайнштейна (стр. 141—184) «Памятники казылганской культуры» посвящена могильникам скифской эпохи Озен-ала-белиг и Кок-эль. Описания раскопанных курганов достаточно подробны, снабжены необходимыми чертежами.

В исследовательской части автор подразделяет казылганскую культуру¹ на четыре хронологических этапа. Наиболее ранними казылганскими памятниками (VII—VI вв. до н. э.) он справедливо считает несколько курганов, раскопанных в последние годы Тувинским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории² и не представленных в могильниках Озен-ала-белиг и Кок-эль. В следующий этап — VI—V вв. до н. э. (кокэльский этап) С. И. Вайнштейн включает курганы №№ 15, 16, 48 и 51 могильника Кок-эль. Инвентарь кургана № 48 действительно позволяет говорить о более ранней дате сравнительно с другими курганами. Что же касается инвентаря курганов №№ 15 и 16, то он не дает достаточных оснований для точных дат. К казылганскому этапу — V—IV вв. до н. э. — отнесены курганы из могильника Казылган. Наиболее обоснована датировка Озен-ала-белигского этапа — IV—III вв. до н. э. Найденные здесь сосуды с подковообразными налечами находят аналогии в таких поздних алтайских памятниках как Бийский могильник и не известны, как будто, в ранних памятниках: золотые нашивные листочки каплевидной формы характерны для памятников типа Шибэ на Алтае. Для убедительного обоснования предложенной периодизации необходима дальнейшая аналитическая разработка материала.

В территориальном делении памятников автором подмечены многие отличительные особенности разных районов, — например, постепенное убывание керамики в памятниках с запада на восток, преобладание в центральных и восточных районах земляных курганов, различная ориентировка срубов в разных районах и т. д. В целом выделение С. И. Вайнштейном трех локальных районов казылганской культуры выглядит убедительно. Интересно было бы сравнить эти данные с данными палеоантропологии. В последнее время А. Д. Грачом высказывалось мнение о том, что нет оснований выделять в Туве в скифское время особую самостоятельную культуру, а что памятники скифского времени в Туве представляют собой все лишь «центральноазиатский вариант пазырыкского этапа»³. Сходство тувинских памятников скифской эпохи с алтайскими, «тяготение к Алтаю» отмечалось уже многими авторами — С. Р. Минцловым (1916 г.), Г. П. Сосновским (1930-е гг.), С. В. Киселевым (1949 г.), С. И. Вайнштейном (1955 г.)⁴. В дальнейшем исследование археологических памятников Казахстана, привлечение материала из Монголии и Ордоса и сравнение археологического материала с антропологическим из этих районов позволило поставить вопрос более широко: о вхождении казылганской культуры Тувы в обширную культурную, а отчасти и этническую и антропологическую общность, охватывающую перечисленные районы от Казахстана до Ордоса и исключаящую Минусинскую котловину и лесной Алтай⁵. Последние исследования культуры савроматов, Центрального Казахстана и Монголии подтвердили это мнение, исследователи этих районов его приняли, и систематически приводят тувинские параллели⁶. Говорить сейчас о специфическом сходстве культуры Тувы в скиф-

¹ В работах Л. Р. Кыласова данная культура именуется уюкской.

² М. Х. Маннай-Оол, Новые материалы скифского времени в Туве, «Уч. записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» (далее УЗ ТНИИЯЛИ), т. XI, Кызыл, 1964, стр. 280; Н. Л. Членова, Первые комплексы раннескифского времени из Тувы, «Краткие сообщения Ин-та археологии», 107, 1966, стр. 47—53.

³ А. Д. Грач, Проблема соотношения культур скифского времени Тувы, Алтая и Минусинской котловины в свете новейших исследований, «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР (Тезисы докладов)», Баку, 1965, стр. 86—87.

⁴ С. Р. Минцлов, Памятники древности в Урянхайском крае, «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XXIII, Пгр., 1916, стр. 312; Г. П. Сосновский, Памятники Тувы, Минусинска и Алтая, Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, ф. 42, д. 147; его же, Скифо-сарматские памятники в верховьях р. Енисея, там же, ф. 42, д. 152; С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, Материалы и исследования по археологии СССР, № 9, 1949, стр. 174, 176; С. И. Вайнштейн, Памятники скифского времени в Западной Туве, УЗТНИИЯЛИ, вып. III, Кызыл, 1955, стр. 102.

⁵ Н. Л. Членова, Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии, УЗТНИИЯЛИ, т. IX, Кызыл, 1961, стр. 133—156.

⁶ К. Ф. Смирнов, Савроматы, М.-Л., 1964; М. К. Кадырбаев, Памятники Тасмолинской культуры, в кн.: А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев, Древняя культура Центрального Казахстана, Алма-Ата,

скую эпоху с одним лишь Алтаем — значит не учитывать, игнорировать глубокие связи ее со всем перечисленным кругом культур. С другой стороны, исследование казылганской культуры показывают и ее определенное своеобразие в рамках названной общности. Очень своевременны поэтому отмеченные С. И. Вайнштейном отличия казылганской культуры Тувы от памятников Пазырыкского типа: отсутствие в эту эпоху в Туве погребений с конем (исключение составляет один курган из могильника Саглы, раскопки А. Д. Грача, 1960); западная и северо-западная ориентировка погребенных в Туве в отличие от восточной ориентировки в пазырыкских памятниках; преобладание скорченных погребений в Туве и вытянутых — на Алтае; отсутствие на Алтае характерных для Тувы оленных камней⁷. Этот список различий можно значительно увеличить.

Статья С. И. Вайнштейна и В. П. Дьяконовой «Памятники в могильнике Кож-эль конца I тысячелетия до н. э. — первых веков н. э.» (стр. 185—291) посвящена памятникам сынь-чюрекской культуры⁸. Введение в научный оборот памятников этой эпохи составляет целиком заслугу Тувинской комплексной экспедиции. Благодаря раскопкам Кок-эля получен первоклассный, яркий, очень разнообразный инвентарь, который и представляет сейчас основной источник по гуннской эпохе в Туве. Множество керамических сосудов, богатейшая коллекция деревянных сосудов, целая серия железных наконечников стрел, уникальный набор инструментов для обработки кожи, найденных в специальном пенале, деревянные модели мечей и кинжалов, бронзовые котлы, — представляют прочную основу для изучения культуры гуннской эпохи в самых различных аспектах. Вполне надежный материал имеется и для датировок: обломок китайского зеркала эпохи Старших Хань, глазчатые стеклянные бусины, круглые железные пряжки представляют раннюю хронологическую границу могильника, II—I вв. до н. э., железные трехлопастные стрелы, аналогичные стрелам из Кенкольского и других подобных среднеазиатских могильников — его верхнюю границу — первые века н. э. Материал издан достаточно полно и вместе с тем компактно.

Убедительны выводы авторов о кочевом характере хозяйства носителей этой культуры и о принадлежности могильника племенам культурно, а возможно и этнически, близких гуннам, но нельзя не пожалеть о том, что приводится мало аналогий из гуннских памятников.

Авторы считают возможным поддержать точку зрения А. Н. Бернштама о связи людей, погребенных в известном Оглахтинском могильнике, с гуннской этнической средой (стр. 257). Обнаруженные в Оглахтинском могильнике деревянные вещи — бочонок, ложка, деревянные модели оружия — последние, правда, другой формы, — действительно очень близки к сыньчюрекским, но керамика, наличие гипсовых масок, обряд погребения не позволяют выделять Оглахтинский могильник из числа других могильников таштыкской культуры, достаточно сильно отличающейся от сыньчюрекской.

Обилие дерева в погребениях сыньчюрекской культуры, вероятно, позволит использовать его для радиоуглеродного анализа, что уточнит длительность существования могильника.

Древнетюркская эпоха в Туве представлена в сборнике в статье С. И. Вайнштейна «Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве» (стр. 292—347). Погребения этой эпохи в могильниках Кок-эль и Озен-ала-белиг также дали богатый и редкий материал — берестяные колчаны, в которых сохранились и древки стрел, окрашенные черной и красной краской, шелковую ткань, приборы для добывания огня сверлением, седла с деревянными основами, деревянную утварь — блюда, сосуды и многочисленные железные вещи — стремена, удила, наконечники стрел, сбруйные бляхи. Автор выделяет три типа сооружений этой эпохи — 1) погребения человека и коня в грунтовых ямах, 2) погребения человека без коня в грунтовых ямах, 3) поминальные оградки, и прослеживает связь археологических памятников с этнической историей Тувы во второй половине первого тысячелетия.

Уникальные находки деревянных основ седел различных форм в сочетании со стременами и подпругными пряжками позволили С. И. Вайнштейну четко подразделить древне-тюркские памятники Тувы на три этапа: ишкнинский (VI—II вв.), ак-тургский (VII—VIII вв.) и кара-чогинский (VIII — первая половина X в.).

Интересная и тщательная работа С. И. Вайнштейна по классификации седел имеет большое самостоятельное значение, далеко выходящее за рамки хронологической классификации тувинских памятников.

Статья А. Д. Грача «Археологические раскопки в Сут-холе и Бай-тайге», посвященная публикации памятников различных эпох. Автор выделяет группу «валунно-плито-

1966; В. В. Волков, Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии (канд. диссертация), рукопись, хранится в Архиве Института археологии АН СССР в Москве, р-2, д. № 1947, М., 1965.

⁷ Отметим здесь, что на Алтае, на Чуйском тракте известны оленные камни, но их очень мало.

⁸ В работах Л. Р. Кызласова данная культура именуется шурмакской.

вых» погребений и считает возможным датировать их V—III вв. до н. э., о чем трудно судить, так как эти памятники не содержат никакого инвентаря, за исключением единственного черепка от сосуда казылганской культуры. Кроме того, раскопано несколько курганов с тюркским инвентарем (удила, бляхи конского убора) и китайской монетой VIII в.

Л. Г. Нечаева посвятила свою статью погребениям с трупосожжениями в могильнике Тора-Тал-Арты в Сут-Хольском районе, которые датируются IX—X вв. Эта работа, несомненно, одна из лучших в сборнике. Л. Г. Нечаева, установив, что ближайшей аналогией погребениям из Тора-Тал-Арты является Тюхтатский комплекс, в то же время приводит убедительные доводы, что Тюхтатский комплекс — не клад, а погребение нескольких человек. В результате сравнения могильника Тора-Тал-Арты с могильниками той же эпохи с трупосожжениями на других территориях, автор убедительно доказывает, что погребения Тора-Тал-Арты и другие погребения с сожжениями в Туве оставлены именно кыргызами-завоевателями, в отличие от подобных «мирных» погребений в Минусинской котловине. Сравнив инвентарь курганов с находящимися вблизи них стелами с эпитафиями на древнетюркском языке, Л. Г. Нечаева, на основании явного несоответствия довольно скромного инвентаря с описанием высокого социального положения человека, которому посвящены эпитафии, высказывает справедливые сомнения в возможности датировки стел с эпитафиями по инвентарю находящихся поблизости курганов, предложенной Л. Р. Кызласовым⁹. Это согласуется и с теми серьезными возражениями против этой датировки Л. Р. Кызласова, которые высказывались уже в работах И. А. Батманова и С. И. Вайнштейна¹⁰. Статья В. П. Дяконовой «Поздние археологические памятники Тувы» (стр. 348—357) посвящена погребениям тувинцев XVII—XIX вв., раскопанным ею под руководством С. И. Вайнштейна¹¹. Поздние погребения тувинцев представляют, несомненно, не только археологический, но и значительный этнографический интерес. В результате раскопок, наряду с известными ранее погребениями тувинцев в насыпях более древних курганов, были открыты погребения, над которыми еще сравнительно недавно специально насыпали курганы из камня. Открытие С. И. Вайнштейном и В. П. Дяконовой поздних тувинских курганов имеет особый интерес, так как показывает, что обычай сооружения курганов с каменными насыпями, возникший еще в скифскую эпоху, сохранялся в Туве непрерывно вплоть до этнографической современности.

Статьи Л. П. Потапова «Очерки этнографии тувинцев бассейна левобережья Хемчика» (стр. 13—55) и В. П. Дяконовой «О погребальных обрядах тувинцев» (стр. 56—80) составляют этнографическую часть книги, к сожалению, значительно меньшую по объему чем археологическая.

Работа Л. П. Потапова посвящена описанию конкретного материала, собранного в Западной Туве, и содержит сведения о родоплеменном составе тувинцев левобережья Хемчика, их расселении, аальной общине, свадьбе, народных знаниях и шаманстве. Западная Тува, в отличие от других районов республики, до начала работ экспедиции была изучена очень слабо, хотя проживающее здесь население и имело целый ряд специфических особенностей.

Л. П. Потапову удалось установить родоплеменной состав жителей колхозного поселка Ишкин по данным на 1960 г., причем выяснилось, что большинство жителей ведут свое происхождение от тех же групп, которые населяли этот район до революции (стр. 14—16).

Большой интерес вызывает раздел статьи, в котором Л. П. Потапов рассматривает материалы по аальной общине, собранные им в Сут-Хольском и Бай-Тайгинском районах. Известно, что разработка проблемы развития соседской общины у кочевых народов имеет большое значение для понимания специфических особенностей исторического развития многих народов Средней Азии и Южной Сибири. В этом отношении материалы, зафиксированные у тувинцев долины Хемчика, имеют большую ценность. Вместе с тем, нельзя не согласиться с автором статьи в том, что «как бы ни были недостаточны эти материалы, именно они сигнализируют о необходимости углубленного изучения этого вопроса (стр. 18). Аальная община в Туве привлекала внимание ряда исследователей (Ф. Я. Кон, В. И. Дулов, С. И. Вайнштейн и др.), показавших важное значение аальной общины в жизни тувинцев. Однако некоторые, присущие ей особенности, ускользали от внимания исследователей. Так, Л. П. Потаповым было впервые отмечено, что аал именовался главным образом по имени мужчины, старшего среди родственников в аале (стр. 18—19). Интересны сведения, приводимые о различных видах общинных работ, выполнявшихся в аале и др.

⁹ Л. Р. Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности, «Сов. археология», 1960, № 3.

¹⁰ И. А. Батманов, О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности, УЗТНИИЯЛИ, т. X, Кызыл, 1963; С. И. Вайнштейн, Курганы и стелы с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары, там же.

¹¹ Архив Ин-та археологии АН СССР, р-1, д. №№ 1958 и 2157.

Большое место в своей статье Л. Г. Потапов уделяет описанию тувинской свадьбы. Это описание также содержит ряд не отмеченных ранее деталей свадебной обрядности.

Но нельзя не отметить и некоторые недостатки работы Л. П. Потапова. Читателю не всегда ясно, в какой степени описываемые черты традиционных форм культуры сохранились у тувинцев в период работы экспедиции. В частности, бытует ли в современной Туве весьма подробно описанная свадебная обрядность, некоторые обычаи, связанные с верованиями и др. Статья значительно выиграла бы, если бы был привлечен сравнительный материал из других районов Тувы. Автор приводит некоторые параллели из этнографии монголов, но почти не привлекает этнографию тюркоязычных народов Алтая, Средней Азии, Казахстана. Наконец, хотелось бы сделать некоторые замечания и по приводимым в статье рисункам. К сожалению, в подписях под ними не указано точно место, откуда происходят эти вещи.

В разделе о народных знаниях изложены тщательно собранные Л. П. Потаповым сведения о народном календаре тувинцев, их мерах длины, об определении времени, представляющие исключительный интерес как для этнографии других тюркоязычных народов Южной Сибири и Центральной Азии, так и для истории духовной культуры вообще.

В статье В. П. Дьяконовой о погребальном обряде тувинцев приведены сведения по этому вопросу, собранные ею главным образом в Сут-Хольском районе, а также некоторые материалы по погребальному обряду тувинцев в других районах Тувы (Бай-Тайга, Эрзин). В целом материал собран весьма тщательно, но вызывает сомнение сообщение, приводимое В. П. Дьяконовой со слов одного из информаторов, о бытовании у тувинцев еще в недавнем прошлом обычая устанавливать каменные изваяния в честь умершего (стр. 62). На такое свидетельство следовало бы обратить особое внимание и тщательно его проверить, так как каменные изваяния Тувы хорошо известны, но среди них не обнаружены поздние памятники.

Оценивая рецензируемую книгу в целом, необходимо сказать, что она по существу представляет собой фактическое обоснование первого тома «История Тувы»¹², значительная часть которого написана на материалах Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, но в силу специфики издания лишена ссылок на многие конкретные материалы. «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции» будут интересны всем, кто занимается недавним и отдаленным прошлым азиатской части нашей страны и других стран Центральной и Восточной Азии.

Н. Л. Членова

¹² «История Тувы», т. I, М.-Л., 1964.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

N. Valonen. Zur Geschichte der finnischen Wohnstuben. Suomalais-ugrilainen seuran toimituksia, 133, Helsinki, 1963.

Книга Нийло Валонена, профессора Хельсинкского университета, вышла в свет вслед за рядом работ, с которыми она связана по тематике. В числе их в первую очередь следует упомянуть работы Илимара Талве о банях и снопосушильнях в Северной Европе¹. Эти исследования по крестьянским постройкам обогатили этнографическую науку интересными теоретическими построениями и заслуживающей внимания методикой использования разнообразных источников.

Финляндия, подобно нашей Восточной Прибалтике, представляет собой в этнографическом плане переходную зону, где в различных явлениях народной культуры можно видеть переплетение западных и восточных черт, иногда их контаминацию, иногда наличие четкой границы между ними². Вследствие этого рецензируемая книга представит несомненный интерес и для тех этнографов, которые непосредственно не занимаются финской этнографией.

Н. Валонен поставил перед собой нелегкую задачу исследовать происхождение и развитие основного жилого помещения в крестьянском доме. Изучение финского крестьянского жилища осложняется тем обстоятельством, что современные постройки в большинстве своем утратили традиционные черты, или же приобрели столь развитую

¹ I. Talve, Bastu och torkhus i Nordeuropa, Nordiska Museets Handlingar 53, Stockholm, 1960; его же, Den Nordeuropeiska rian, Folklivsstudier, IV, Helsingfors-Köbenhavn, 1961.

² К. Вилкуна, Этнографические области Финляндии, Финляндия. Географический сборник, 1956.

форму, что трудно выявить их исходный тип. Поэтому исследователь большое внимание уделил жилищам беднейших слоев населения: бобылей, ремесленников, сельских рабочих; именно в этих жилищах из-за бедности владельцев дольше сохраняются традиционные и архаические черты.

Наряду с оригинальными полевыми материалами автор широко использовал сведения, полученные от добровольных корреспондентов Национального музея, данные археологии, этнографические и исторические архивы. Все эти материалы серьезно подкрепляют аргументацию исследователя.

Свое исследование Н. Валонен начинает с рассмотрения терминологии и планировки жилищ, а также второстепенных жилых построек крестьянской усадьбы и сезонных жилищ. Затем он подробно анализирует формы очагов и печей в жилых домах и в других постройках (банях, ригах). Большое место отведено терминологии очагов. В заключение автор излагает свою теорию возникновения и развития различных форм жилища в Финляндии.

Наиболее простая известная форма срубного жилища в Финляндии представляла собой двухкамерную постройку, состоящую из отапливаемого жилого помещения и холодных сеней. Для такого жилища на территории страны применялось два термина — «пирти» (pirtti) и «тупа» (tupa), которые имеют вполне определенные ареалы. Термин «пирти» распространен в двух частях страны. Во-первых, на юго-западе в бассейне р. Кокемяэйоки (т. е. в северной части провинции Варсинайс-Суоми, почти на всей территории Сатакунты и на юго-западе Хяме). Во-вторых, на севере страны — от р. Торнио до государственной границы с СССР; южная граница ареала идет по течению р. Паттийоки и по северным районам Саво и Карьяла, захватывая всю восточную пограничную часть последней. На остальной территории страны распространен термин «тупа».

Финское жилище различается не только по терминологии, но и по формам использования жилого помещения, причем функциональные различия не совпадают с терминологическими. Почти повсеместно основное жилое помещение (пирти или тупа) служит местом, где крестьянская семья спит, ест, работает; здесь же происходит варка пищи и выпечка хлеба. Исключение представляет юго-западный ареал пирти (бассейн Кокемяэйоки). Здесь в пирти спят, едят, работают, но приготовление пищи и выпечка хлеба происходит вне его. По границе территории распространения этой формы жилища встречаются переходные варианты ту́па и пирти: в основном помещении варят еду, но не пекут хлеба.

Отличия в использовании жилища были неразрывно связаны с различием форм очага. Автор исследования считает, что изучение форм, функций, местоположения очага является ключом к решению вопросов развития и происхождения жилища, в чем с ним нельзя не согласиться. В книге анализу очагов предпослан краткий обзор развития планировки жилища. При типологизации построек по плану автор исходит из горизонтальной планировки и из терминологии помещений.

Широко были распространены в Финляндии трехкамерные срубные постройки. В северных районах распространения пирти они часто имели симметричную форму: помещение, построенное по другую сторону сеней, было зеркальным отражением основного, с той же формой и расположением печи и тем же названием «пирти» с определением — «маленькая», «вторая», «летняя» и т. д.

В юго-западном ареале пирти также были распространены трехкамерные постройки, но помещение, расположенное по другую сторону сеней, не было сходно с основным. Если в пирти была сложена чисто обогревательная печь, то во втором помещении стояла хлебная печь с очагом; называлось оно «ту́па», «пакаритупа», «пакари» и служило кухней-пекарней.

В той части страны, где основное помещение дома называлось ту́па, сруб, построенный через сени, обычно был разделен перегородками на несколько небольших помещений, называвшихся по назначению «женской», «маленькой», «второй» тупой.

Наряду с вышеописанной встречались также Г-образная и Т-образная планировки дома. Г-образная планировка имела два основных варианта. Иногда третье помещение, приставляемое к сеням, несколько выносилось в сторону, так что двери в сенях располагались по диагонали друг к другу. Н. Валонен так и называет этот тип планировки «диагональным». Чисто Г-образная планировка возникала при пристройке к трехраздельному дому четвертого сруба под прямым углом. Т-образная планировка характерна для домов, в которых в сенях отделилась камера и затем развилась в помещение, выходящее за линию основных стен дома. Иногда к сеням сзади пристраивались и другие помещения, также под прямым углом к оси дома.

В разделе о планировке жилища интересна мысль автора о том, что «диагональная» планировка является в Финляндии наиболее древней для трехкамерных построек и распространилась в стране благодаря культурным связям с Готландом в XII—XIII вв. Симметричную планировку он считает более поздней, пришедшей в деревню из города в XVI в. Не располагая материалами о западных влияниях в Финляндии, мы не можем спорить с Н. Валоненом, но все же его предположение не может не вызывать сомнений. Конструктивно симметричная планировка проще диагональной —

обстоятельство, которое для ранних этапов строительной техники было существенным. Кроме того, развитие жилища шло и в силу внутренних причин, а не только внешних влияний. Что же касается последних, то следует учесть и восточные влияния. Для славянского жилища характерна именно симметричная трехраздельная планировка, причем в Новгороде она была известна уже в XII в. Несомненно, что в пограничной Карьяла, где было распространено жилище, аналогичное севернорусскому, симметричная трехраздельная планировка должна была быть более ранней, чем «диагональная».

Анализ форм очагов и печей Н. Валонен начинает с наиболее древних известных форм курной печи. Последние в Финляндии были двух типов: каменки и глухие. Конструкция каменки хорошо известна: верхний свод в ней складывается из крупных камней, на них укладывается гряда булыжников. Горячий воздух из топки проходит через отверстия в своде и нагревает камни, которые сохраняют тепло. Каменки в Финляндии складывались без опечья, с низким, чуть выше уровня пола, устьем, открытый очаг перед каменкой встречался редко. Каменки известны только на западе страны: в Варсинайс-Суоми, в Сатакунте, части Хяме и Эстерботнии. Встречались каменки со вторым глухим сводом, защищавшим потолок от искр. Они были известны на территории, граничащей с ареалом глухой печи. Валонен считает, что возникновение такой формы каменки может быть в равной мере объяснено и как результат развития собственно каменки, и как следствие влияния печи глухого типа. На наш взгляд, развитие эстонской закрытой каменки свидетельствует скорее о том, что такая форма печи является естественным усовершенствованием ее в противопожарных целях.

Глухая финская печь имела мурованный верхний свод. Дым из печи выходил через специальные каналы, которые начинались в глубине топки, шли в толще свода и открывались наружу на челе печи. Наличием дымовых каналов финская или западная глухая печь отличается от русской.

Глухая финская печь известна в двух вариантах. На западе она складывалась на низком каменном опечье, иногда имела угловой столб, массивный и круглый в сечении, стоящий прямо на полу. В саво-карельских районах печь имела деревянное высокое (по росту хозяйки) опечье, полое внутри. Угловой столб был тонкий, четырехгранный, опирающийся на шесток.

Западная печь имела на шестке очаг, расположенный прямо перед устьем или два очага по краям шестка. Шесток имел форму уступа, образованного более широкой частью опечья. В саво-карельских печах очаг устраивался во внутреннем углу шестка, который опирался на вынесенные вперед балки опечья.

В пограничной Карьяла была распространена русская печь с голбцом в форме ящика с люком в подполье. Очаг на шестке устраивался во внутреннем углу, с внешней стороны шесток ограждался профилированной доской. Угловой столб печи был в виде массивного бруса.

Для контроля материалов о курных печах Н. Валонен рассматривает печи риг, бань и уличные печи. Особый интерес представляют последние. Конструктивно они относятся к глухим, складываются на низком опечье и обычно не имеют очага перед устьем. Пользовались уличными печами обычно бедняки (нередко печи были общими для нескольких семей), новоселы, охотники — на местах временных жилищ. Уличные печи использовались преимущественно для выпечки сухого тонкого хлеба, которым запасались в большом количестве; иногда под рождество пекли и мягкий хлеб или жарили праздничную пищу.

Уличные печи были распространены на юго-западе и северо-западе страны, там, где жилище называется пирти. На территории между реками Паттийоки и Кеми уличные печи неизвестны. Именно эта часть страны в период 1323—1595 гг. входила в состав Русского государства и заселялась переселенцами из Карелии, в то время как южная и западная Эстерботнии, так же как и север страны, осваивались выходцами из Сатакунты.

Тем не менее Н. Валонен хочет видеть в уличной печи русское заимствование, основываясь на ее названии *пяйти*, производным, по его мнению, от русского *печь*. Вторично к этому вопросу Н. Валонен возвращается в конце книги, где проводит общий анализ терминологии печей и очагов (стр. 489 и сл.). Он приводит и встречающиеся в Эстонии термины «*пяч*», «*пятс*», «*пятсахи*». Следует отметить, что и другие этнографы, даже расходящиеся с Валоненом во взглядах на происхождение финской, в частности уличной, печи (И. Маннинен, Г. Рянк, К. Вилкуна), все полагали, что термины «*пятс*», «*пяччи*», «*пяйти*» являются производными от русского слова *печь*.

Однако это предположение трудно согласовать с данными о территории распространения этих терминов. Они бытуют с одной стороны, на востоке Финляндии и Эстонии, что действительно может быть объяснено близостью русской печи. Но, кроме того, они встречаются на западных окраинах Финляндии и Эстонии, где менее всего можно ожидать заимствований, хотя бы и только языковых, от славян. Для Финляндии это особенно подчеркивается фактом, приведенным самим Валоненом: именно на территории между Кеми и Паттийоки, куда шло переселение из восточной Карелии, ни термина «*пяйти*», ни уличной печи нет.

Недавно советский этнограф А. Вийрес на основе эстонского материала высказал, на наш взгляд совершенно правильное предложение, что в данном случае мы имеем дело со звуковым совпадением двух различных слов — одного, возникшего в результате заимствования русского термина печь («пяччи», «пятс») и словом «пяйти», «пятс», но очень ясным по своему первоначальному значению, но в дальнейшем связанном с уличной печью³.

По поводу предположения Н. Валонена о заимствовании уличной печи от русских следует добавить еще несколько слов. Во-первых, уличная печь конструктивно отлична от русской и принадлежит к западному типу. Уличные печи чужды русской крестьянской культуре, так же как и связанная с ними традиция выпечки больших запасов сухого хлеба, который неизвестен русскому крестьянину. Для регулярной же выпечки мягкого кислого хлеба прекрасно подходит русская печь в избе. Только в некоторых теплых районах уличная печь встречается у русского переселенческого населения (на Дону, в Средней Азии, на Дальнем Востоке) и может считаться поздним явлением.

В работе Н. Валонена дан подробный анализ и печей с дымоходом. Наиболее ранней и простой формой печи с дымоходом исследователь считает камин, пришедший в Финляндию через Швецию из Западной Европы в период позднего средневековья. Вся терминология, связанная с камином, — шведского происхождения. В основном жилом помещении (пирти и тупа) камин закрепился только по границе юго-западного ареала пирти, т. е. на юго-востоке и северо-востоке Сатакунты. На большей же части страны курная печь с открытым очагом была вытеснена печью с дымоходом сложного типа, в котором обогревательно-хлебная печь соединяется с камином. В некоторых ее вариантах можно видеть дальнейшее развитие местных форм курной печи с очагом, в других, не имеющих определенных ареалов, — городское заимствование. Аналогичные последним формы можно встретить в Швеции и Норвегии.

В юго-западном ареале пирти сложилась особая форма чисто обогревательной печи, близкой к голландской.

О развитии финских печей Н. Валонен высказывает целый ряд интересных мыслей. Он полагает, что каменка была быстро вытеснена глухой печью благодаря большому техническому совершенству последней. Наличие каналов увеличивало тягу и сокращало процесс горения дров почти вдвое, что при курной топке было весьма важно.

О путях формирования сложной печи с камином на территории Финляндии Н. Валонен высказывается очень осторожно, не примыкая прямо ни к сторонникам той точки зрения, что сложная печь — это сочетание славянской глухой печи с германским очагом⁴, ни к тем, кто считал глухую печь исконно германским явлением⁵. Валонен ограничивается тем, что отрицает возможность формирования финской сложной печи под влиянием русской. При этом автор констатирует русское влияние в восточных районах страны, проявившееся в том, что печь приобрела высокое опечье и очаг на шестке расположен асимметрично во внутреннем углу. Н. Валонен отмечает, что высокое опечье и некоторые другие особенности шестка связаны с восточной традицией варки пищи в печи (а не на очаге) и выпечкой мягкого хлеба, которые характерны для саво-карельских районов.

Проанализировав таким образом терминологию и планировку жилища и разобрав особенности типов печей и пути их формирования, Н. Валонен переходит к общим выводам. Он полагает, что срубное жилище, обогревавшееся печью-каменкой, распространяется в Финляндии в конце первого тысячелетия, вытесняя более примитивные формы жилья — конический шалаш и так называемый длинный дом столбовой конструкции. Автор полагает, что срубное жилище носило название «пиртч» (пирти) и особо отмечает то обстоятельство, что этот термин практически повсеместно сочетался с терминами «киуас», «киукас» и др., которые обозначали печь-каменку.

Распространение жилища пирти Н. Валонен связывает с восточными влияниями. Как известно, лингвисты, ранее считавшие, что слово пирти — летто-литовского происхождения, за последние годы в большинстве своем Э. Ниеминен, М. Рясанен, Р. Пелтола, И. Вахрос⁶ стали склоняться к мнению, что оно славянского происхождения и восходит к новгородскому «перть». Валонен подробно рассматривает территорию распространения термина «пирти» (пирти) у финноязычных народов (у карел, в том числе у карел Калининской области и новгородских, у вепсов, ижоры, лопарей, у финноязычных народов Поволжья) и у летто-литовцев. Отсутствие этого термина у эстон-

³ A. Viire s, Leivapäts ja pätsahi, «Keel ja kirjandus» 1966, No. 1.

⁴ V. Geramb, Die Kulturgeschichte der Rauchstuben. Wörter und Sachen IX Heidelberg, 1926.

⁵ K. Ilg, Zur Verbreitung der Rauchstube in Nordtirol und in den übrigen österreichischen Bundesländern, «Österreichische Zeitschrift für Volkskunde», Neue Serie, Bd. VII, Wien, 1958.

⁶ E. Nieminen, Ein Beitrag zu der ostslavischen und ostseefinnischen Badeterminologie, Lingva Posnaensis, IV, 1953; R. Peltola, Suomenpirtti ja vasta sanain lainalähde, Virittäjä, 1954; M. Räsänen, Vieläkin suom. sanasta vasta, Virittäjä, 1954; I. Vahros, Zur Geschichte der ostslavischen sauna, Helsinki, 1966.

цев он объясняет тем, что в период распространения жилища пирти в Эстонии происходило уже формирование другого типа жилища, так называемой жилой риги. Такое объяснение кажется нам чисто умозрительным построением, и автор оставляет без внимания то обстоятельство, что на ранних этапах формирования жилой риги вряд ли могла особенно отличаться от пирти. Причины заимствования или, наоборот, неприятия терминологии часто не могут быть вообще убедительно раскрыты. Так, уже упоминалось, что определенно заимствованный термин «пирти» сочетается с термином «киуас», исконно финским. Но этот вопрос, как и некоторые другие, связанные с той же проблемой, на имеющихся в нашем распоряжении археологических, а тем более на этнографических материалах не могут быть решены, так как мы не знаем, было ли срубное жилище с каменной в северной и северо-восточной Европе на ранних этапах своего развития однородным или имело локальные различия.

Очень условным нам кажется объяснение Н. Валонена, почему термин «пирти» (перти) сохранился в Восточной Карелии (включая пограничную Карьяла), а также у вепсов, ижоры и карел-переселенцев за жилищем русского типа — избой. Он полагает, что слово «изба» по своему звуковому составу чудно финским языкам. Нет смысла перечислять слова, звуковой состав которых при заимствовании финноязычными народами был ими изменен. Как уже говорилось выше, далеко не всегда можно объяснить заимствование явления без терминологии и, напротив, заимствование терминов без обозначаемого явления.

Итак, Н. Валонен полагает, что первоначально в Финляндии повсеместно распространилась пирти — срубное жилище с печью-каменной. Более поздним типом жилища была тупа.

Вопрос о времени возникновения, распространения и отличительных чертах тупа в прошлом толковался очень различно. Некоторые этнографы полагали, что это было развитое жилище, снабженное печью с дымоходом. На лингвистическом, в частности топонимическом, материале Н. Валонен убедительно доказывает, что тупа получает распространение задолго до появления печей с дымоходом. Сопоставляя различные археологические и исторические данные, он считает возможным датировать появление тупы XIII в. Это подтверждается, в частности, тем, что ижора (отделившаяся от карельских племен в XI в.) знала только пирти. Но финны, переселившиеся на южный берег Финского залива в период после Столбовского мира (1617 г.), принесли с собой жилище тупу. Повлияла на распространение тупы и государственная граница 1323—1595 гг. Автор полагает, что термин «тупа» вместе с новым типом жилища был принесен в Финляндию готландскими купцами, которые с XII в. основывают базы на северном берегу Финского залива. Тупа, по мнению исследователя, представляла собой первоначально срубную постройку с глухой печью западного типа (с каналами). Именно благодаря совершенной форме печи тупа стала вытеснять жилище пирти.

Н. Валонен предполагает, что пирти с печью-каменной сочеталась с уличной хлебной печью, так как каменка непригодна для выпечки хлеба. Глухая печь в тупе сделала уличную хлебную печь ненужной, и она исчезла на территории распространения этой формы жилища. В различных частях страны тупа распространялась разными путями. На большей части территории Финляндии она просто вытеснила пирти. Но в бассейне р. Кокемяэныоки оба типа жилища — пирти и тупа — объединились под одной крышей. При этом пирти осталась основным жилым помещением, в то время как тупа с глухой печью и очагом превратилась в хозяйственное помещение, где варили еду и пекли хлеб. Причины такого своеобразного слияния двух форм жилища теперь уже невозможно вскрыть, можно только полагать, что сначала подобные сложные дома строили богатые крестьяне, а потом они стали господствующим типом. Бедняки, которые вынуждены были ограничиваться двухкамерным жилищем, не имели в доме хлебной печи и сохраняли уличные печи для выпечки хлеба. На севере страны жилище, называемое «пирти», практически ничем не отличается от тупы. Но остатки старой формы жилищ проявляются там в обычае выпекать хлеб, заготавливаемый впрок в больших количествах, вне жилого помещения — в отдельно стоящей пекарне, в рижной печи и т. п. На востоке Финляндии, в пограничной Карьяла распространение получил русский тип жилища, хотя на него была в основном перенесена финская терминология, и изба называется «перти» (так же как и в Восточной Карелии, современной КАССР).

В целом Н. Валонен интересно решает поставленную задачу. В его построениях много нового и часто безукоризненно доказанного. Очень богат использованный им лингвистический и топонимический материал. Данные языка, так же как статистические материалы и этнографические явления (часто вплоть до мельчайших их элементов), положены им на карты. Это делает его аргументацию особенно наглядной, сопоставимой и убедительной. Книга богато иллюстрирована, рисунки высокого качества. Материал подан исследователем так, что читателю легко проверить предложенные автором построения и составить о них собственное мнение. Однако чтение книги затрудняется ее очень сложной структурой. Некоторые наши разногласия с автором вызваны в основном тем, что восточные, в частности русские, материалы, видимо, не всегда были ему доступны.

Н. В. Шлыгина

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов, «Сборник МАЭ», т. 23, М.—Л., 1966, 268 стр., илл.

Один из старейших музеев нашей страны — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР (бывшая Кунсткамера) — располагает богатыми коллекциями предметов культуры и быта всех народов мира, в том числе и народов Восточной и Южной Азии, Австралии и Океании. Интерес к этим коллекциям, многие из которых являются уникальными, все больше возрастает среди научной общественности как в Советском Союзе, так и за рубежом. Примером может служить тот неоспоримый успех, который вызвал на XI Тихоокеанском научном конгрессе в Токио (1966 г.) зачитанный доклад Р. Г. Ляпуновой, Ю. В. Ионовой, Ю. В. Маретина и Л. Г. Розиной об этнографических коллекциях МАЭ по народам Тихоокеанского бассейна¹.

Начиная с 1900 г., МАЭ для популяризации своих коллекций систематически издает специальные сборники. В 1966 г., после некоторого перерыва, вышел в свет 23-й том «Сборника МАЭ» — «Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов» (отв. редактор Р. Ф. Итс). Этот том, как явствует из его подзаголовка, является, в отличие от предыдущих изданий, тематическим и впервые целиком посвящен определенному региону земного шара. Ознакомление с содержанием статей сборника показывает, что подобное объединение тематики не носит искусственного характера и что, напротив, материалы рецензируемого издания наглядно выявляют то общее, что позволяет включить народы этого обширного ареала в одну историко-культурную область.

Открывает сборник небольшая по объему, но очень интересная и содержательная статья В. С. Старикова, посвященная описанию маньчжурской разновидности дальневосточного плуга. Автор основывается на материалах, имеющихся в собрании Китайского отдела МАЭ, а также привлекает литературные сведения о сельскохозяйственных орудиях Китая. Давая подробное описание этого вида плуга, В. С. Стариков не ограничивается простой классификацией и определением его места среди сельскохозяйственных орудий подобного типа. Проанализированный материал позволяет автору сделать вывод о генезисе этой разновидности плуга от более простых пахотных орудий юго-восточной Монголии эпохи неолита и бронзы, а также опровергает мнение, существующее в буржуазной науке, о застойности в развитии орудий труда в Азии.

Хозяйству и материальной культуре народа тайхэй (ДРВ) посвящена статья А. И. Мухлинова. Этнографическое изучение тайхэй, живущих в труднодоступных районах провинции Нгеан, началось в ДРВ сравнительно недавно. Автор убедительно показывает, как тайхэй, занимавшиеся некогда поливным земледелием и ремеслами, утратили под влиянием французской колониальной политики эти навыки и являются теперь одной из наиболее хозяйственно отсталых этнических групп. Значительный раздел статьи отведен характеристике сложившегося у тайхэй своеобразного способа подсечно-огневого земледелия, а также мероприятиям правительства ДРВ по улучшению агротехники и сельскохозяйственных орудий тайхэй. Автор отмечает и специфику проводящейся у тайхэй кооперации сельскохозяйственного труда. Рисуя картину материального быта тайхэй, автор использует оригинальные данные своих полевых исследований, находящиеся теперь в фондах МАЭ. А. И. Мухлинов останавливается и на некоторых аспектах духовной культуры, верованиях. К сожалению, этот материал дается зачастую лишь иллюстративно, без всякого анализа (например, описание обряда жертвоприношения при строительстве дома, стр. 23). В заключении статьи делается вывод о несомненной близости тайхэй к горным мон-кхмерам Северного Индокитая — кхму Лаоса и са Вьетнама. Наличие горномонской основы тайхэй подтверждается и данными лингвистической анкеты, составленной автором во время пребывания в ДРВ, и последними работами вьетнамских исследователей.

Следующие две статьи сборника в известной мере восполняют пробел в изучении тайских народов, существующий в советской этнографической литературе. Большая статья Е. В. Ивановой содержит тщательный анализ всех аспектов хозяйства и материальной культуры двух основных тайских народов Таиланда — кхонтаи и лао. Базируясь на материалах коллекций МАЭ и в большей степени на исследованиях зарубежных авторов, Е. В. Иванова сумела выделить специфические черты, сложившиеся в материальном быту тай разных районов и обусловленные географическими факторами (различие природных условий, изоляция и т. д.).

Очерк одежды тайских народов Китая дан в работе А. М. Решетова. Используя коллекцию тайской одежды МАЭ, литературные сведения и материалы своих полевых исследований, автор не ограничивается простым описанием, а делает выводы о древней общности тайских народов. Признавая фактор внешнего культурно-истори-

¹ R. G. Lyapunova, Yu. V. Ionova, Yu. V. Maretin, L. G. Rosina. The ethnographic collections on the Pacific peoples in the Museum of anthropology and ethnography, Moscow, 1966.

ческого влияния на формирование мужской и женской одежды у тайских народов, А. М. Решетов развивает высказанную ранее Г. Г. Стратановичем² мысль об эволюции мужской одежды у тай (в частности, от сампонга или панунга к зашитым штанам).

Статья Ю. В. Маретина и В. Г. Трисман о рыболовстве в Индонезии является всесторонним монографическим исследованием данного вопроса. Подчеркивая огромную важность этого вида хозяйства для народов Индонезии, авторы останавливаются и вообще на проблеме использования рыбных богатств Тихого и Индийского океанов. Подробно описаны в статье индонезийские способы и орудия рыбной ловли в море и внутренних водоемах, методы рыбоводства, приемы обработки рыбы и других продуктов моря, производственные отношения в рыболовецких общинах, современное состояние рыболовства в стране.

Статья Р. А. Ксенофонтовой «Японский фарфор и фаянс Кутани в коллекциях МАЭ» — первая в советском японоведении работа об изделиях Кутани. Она основана на хранящихся в МАЭ 80 подлинных образцах фаянса и фарфора Кутани XIX в. В статье охарактеризована работа трех мастеров (города Канадзава и уездов Энума и Номи), на высоком профессиональном уровне дано описание предметов коллекции (вазы, туалетные флаконы, тарелки, тарелочки для сладостей, маленькие тарелочки, чашки для чая, чашечки для сакэ и др.). К сожалению, автор не затрагивает вопроса об этнографической ценности этой коллекции, хотя в статье содержится богатый материал для подобного вывода: это, прежде всего, касается самого состава коллекции, отражающего быт определенных кругов японского общества XIX в. Интересными этнографическими источниками являются также мотивы декора и сюжеты рисунков, украшающих изделия Кутани. В их подборе отразились художественно-эстетические вкусы японцев того времени. Кроме того, пейзажные композиции, мифологические, исторические и литературные сюжеты некоторых росписей служат прекрасным источником для изучения одного из важных аспектов духовной культуры японского народа — взаимодействия и взаимовлияния профессионального и народного искусств. Этот вопрос на примере других народов Восточной Азии привлекает в последнее время все большее внимание исследователей.

Другому виду японского прикладного искусства — миниатюрной скульптуре энцкэ — посвящена статья Ю. В. Ионовой, состоящая из двух разделов. В первом разделе рассматриваются общие вопросы изучения энцкэ; подробно охарактеризована роль энцкэ в быту японцев. Автор убедительно показывает, что даже когда энцкэ в конце XIX в. утратили свое значение как необходимая деталь костюма, они еще на многие десятилетия сохранили свою ценность как предметы художественного ремесла. Второй раздел представляет собой первую публикацию коллекции энцкэ МАЭ (всего в собрании 173 энцкэ). Ценность этой коллекции в том, что она содержит не только произведения известных мастеров XVII—XIX вв., но и изделия народных резчиков. Оригинальна гипотеза автора о связях между японскими энцкэ и резными изделиями северных народов — соседей японцев. Однако аргументация ее еще недостаточна. Поэтому вряд ли правомерен вывод о сходстве японских энцкэ с «миниатюрной скульптурой северных народов — алеутов и эскимосов» (стр. 221). В статье встречаются отдельные неточности в транскрипции китайских имен. Так, Дунфан Шо, один из восьми китайских бессмертных, ошибочно назван Тунг фан-со.

Статья Д. И. Тихонова о жилищах и типах сельских поселений Филиппин основана на литературных источниках и фотодокументах МАЭ. Это первая в нашей литературе попытка систематизировать имеющийся по данной теме материал. Автор рассматривает типы поселений и жилищ охотников и собирателей, горных народов, жителей равнин.

МАЭ является хранителем части уникальной коллекции Дж. Кука, подаренной русским властям на Камчатке в знак признательности за помощь, оказанную английским мореплавателям в мае 1779 г. С этой коллекцией знакомит читателей сборника статья Л. Г. Розиной.

Коллекция состоит в настоящее время из 38 предметов: 32 из них — полинезийский материал, представленный одеждой, украшениями, орудиями труда, оружием и бытовыми предметами, собранными на островах Гавайских, Тонга и Таити. Кроме того, в эту коллекцию входят 6 плащей индейцев североамериканского племени тлинкитов.

Описание предметов с Гавайских островов частично были опубликованы ранее³. Автор данной статьи, останавливаясь еще раз на описании редчайших перьевых изделий гавайских умельцев, дает нам возможность ознакомиться со всем собранием полностью.

Особое место в сборнике как по тематике, так и манере подачи материала занимает статья В. Р. Кабо «Мотив лабиринта в австралийском искусстве и проблема

² См. рецензию Г. Г. Стратановича на книгу Х. Х. Хансена, «Сов. этнография», 1963, № 2, стр. 180.

³ Ю. М. Лихтенберг, Гавайские коллекции в собраниях МАЭ, «Сборник МАЭ», т. XIX, 1960, стр. 168—205.

этногенеза австралийцев». Дав сначала описание 12 предметов из австралийской коллекции МАЭ (щит, фаллокрипты, чуринги, налобные украшения), автор обращает затем внимание на мотив лабиринта в орнаментике этих предметов. Изучив все известные автору варианты изображения данного мотива у современных австралийцев и их предков, сопоставляя его с аналогичным орнаментом палеолитических памятников других народов, автор склонен считать, что мотив лабиринта является одним из элементов древнейшей культуры, принесенной австралийцами с их прародины (стр. 265). Анализ мотива лабиринта и его распространенности у австралийцев позволяет автору сделать ряд важных этногенетических выводов. В. Р. Кабо убедительно показывает, что существование этого мотива в орнаментальном искусстве как жителей Восточной, так и Западной Австралии свидетельствует об очень древних связях между ними. Очень интересно мнение автора о том, что мотив лабиринта ассоциировался в прошлом у австралийцев с потусторонним миром, миром предков и был связан с обрядом, посвящения (стр. 262).

Успеху очередного «Сборника МАЭ» в немалой степени способствуют прекрасно выполненные цветные и графические таблицы (Т. Л. Юзепчук, К. Б. Серебровская), умело подобранные фотографии коллекций ([А. В. Маторин], Н. С. Кармазин).

В заключение надо отметить, что первый опыт тематического выпуска «Сборника МАЭ» оказался очень удачным. Пусть это плодотворное новшество станет неотъемлемой частью успешно продолжающейся традиции МАЭ — систематического издания ценнейших памятников культуры и быта народов мира.

Р. Ш. Джарылгасинова, И. М. Семашко

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Сборник «Бартоломе де Лас-Касас. К истории завоевания Америки». М., 1966. 227 стр.

В 1966 г. прогрессивное человечество отметило четырехсотлетие со дня смерти великого испанского гуманиста Бартоломе де Лас-Касаса, выдающегося борца против колониализма, против бесчеловечной системы порабощения и истребления туземцев Нового Света. Первым в Европе Лас-Касас поднял голос в защиту человеческих прав индийского населения Америки. Первым он потребовал ликвидации варварской системы гнета и эксплуатации, введенной в покоренной Америке колонизаторами. К облику благородного Лас-Касаса обращались Миранда, Боливар, Хосе Марти, Пабло Неруда, Диего Ривера. Естественно, можно только приветствовать появление сборника статей, посвященного памяти борца против колониального гнета.

Рецензируемая книга — дань уважения советских ученых памяти великого борца за свободу индейцев и негров. Сборник подготовлен сектором Америки Института этнографии АН СССР имени Н. Н. Миклухо-Маклая в содружестве с американистами других научных учреждений страны, а также при участии ученых Мексики и Кубы. Сборник вышел под редакцией И. Р. Григулевича, Р. В. Кинжалова, И. Ф. Хорошаевой.

Разнообразие статей сборника свидетельствует о широте диапазона интересов авторов. Серьезная заслуга книги — ее острая и серьезно аргументированная критика буржуазной историографии. Сборник открывает статья П. Н. Федосеева «Наша эпоха и Бартоломе де Лас-Касас», кратко и четко показывающая значение юбилея для мира наших дней. И. Р. Григулевич в статье «Бартоломе де Лас-Касас — обличитель колониализма» проследивает четырехвековой спор о гуманисте. Это спор не только и не столько о личности великого испанского борца против колониального гнета, это спор об оценке конкисты. И. Р. Григулевич подвергает уничтожающей критике реакционных историков, исследовавших эпоху завоевания Америки, которые видели в Лас-Касасе в лучшем случае только экзальтированного христианского миссионера. Автор статьи аргументированно доказывает идейную близость Лас-Касаса и властителя дум эпохи — Эразма Роттердамского. Если средневековая церковь считала рабство богоданным институтом, то Лас-Касас решительно осуждал любое рабство и столь же страстно восставал и против рабства негров, и против порабощения индейцев. Облик Лас-Касаса — это образ борца и провидца, а не утописта и мечтателя, заключает автор.

С интересом читатель прочтет статью вице-президента Академии наук Кубы, Хулио Ле-Риверенда «Историческое значение деятельности Бартоломе де Лас-Касаса». Как верно отмечает кубинский историк-марксист, завоевание и колонизацию Нового Света нельзя изучать в отрыве от всемирно-исторического процесса — зарождения и укрепления капитализма в Европе. Конкиста была составной частью этого процесса. В завоеванной испанцами Америке боролись две формы эксплуатации — феодальная с ис-

пользованием рабства и зачатки капиталистической системы. Господствующей социальной силой Латинской Америки оказались феодалы, и зачатки капитализма не развились, хотя конкиста и создала предпосылки для проникновения в Новый Свет капиталистических форм хозяйства.

Работа мексиканского историка Эраклио Сепеды «Поражение Лас-Касаса в Чиапасае» освещает краткий период пребывания гуманиста в роли епископа чиапасского, толкование его с силами реакции и отъезд в Европу.

Статья Э. Э. Литавриной «Испания в эпоху великих географических открытий» является хотя и сводной, но небезынтересной. К сожалению, она не свободна от неточностей, устранить которые должна была редакция. Колумб отплыл в первое плавание из Палоса не 12 мая (стр. 39), а 3 августа 1492 г. Странно звучит утверждение автора, будто к концу XV в. в Европе «широко распространилось учение о шарообразности Земли» (стр. 46). Это неверно: такого учения нет, а с античных времен существовала преемственность мысли о шарообразности Земли. Достаточно напомнить, что система Птолемея, начиная с поздней античности, безраздельно господствовала по меньшей мере до XVII в., а, по Птолемею, Земля, конечно, шар. Императоры франков, а затем и Священной Римской империи неизменно держали в руке державу — шар с крестом, а не диск. У Данте земля шар, а ведь Данте творил не в XV веке. К концу XV в. о шарообразности Земли знали даже школьники.

Неточно воспроизводит Э. Э. Литаврина знаменитый девиз на памятнике Колумбу (стр. 46); точное его начертание таково: «Por Castilla y por Leon el nuevo mundo dio Colon». В заслугу Э. Э. Литавриной надо поставить то, что она в своей статье привлекла внимание к проблеме связи Лас-Касаса с испанскими гуманистами Франсиско де Витория, Доминго де Сото и другими. Эта проблема до сих пор не разработана.

Две статьи написал В. Л. Афанасьев — «Молодые годы Бартоломе де Лас-Касаса» и «Литературное наследство Бартоломе де Лас-Касаса и некоторые вопросы его опубликования». Здесь (мы говорим о его втором исследовании) у автора нет предшественников, его работа — первый научный труд о литературном наследстве Лас-Касаса как в отечественной, так и в зарубежной историографии. На историческом фоне широкого плана В. Л. Афанасьев освещает историю издания «История Индии». Чрезвычайно интересны данные автора об использовании произведений Лас-Касаса в антииспанской и антикатолической пропаганде XVI—XVII вв. В. Л. Афанасьев составил и обширную библиографию, помещенную в конце сборника.

И. Ф. Хорошаева в статье «Бартоломе де Лас-Касас и Мотолиния» трактует один из вопросов борьбы колонизаторов против Лас-Касаса. Речь идет о сочинении францисканца Торибио де Бенаvente, по прозвищу Мотолиния, — злобном и клеветническом памфлете, появившемся в 1555 г. Памфлет Мотолинии увидел свет лишь в 1857 г. и за последние сто лет часто использовался апологетами испанского колониализма.

Л. Ю. Слезкин («Лас-Касас и „черная легенда“») подвергает заслуженно резкой критике книгу Хулиана Худериаса Лойота «Черная легенда» (Julian Juderias. La leyenda negra. Madrid, 1914, 1917, 1960). Под «черной легендой» Худериас подразумевал ложные якобы представления о жестокостях и зверствах конкисты, рассказы об истреблении целых племен, о князях без суда, о преувеличении роли инквизиции в конкисте и пр. «Черная легенда», по мнению Худериаса, якобы вымышлена врагами Испании с определенной политической целью — скомпрометировать испанскую колониальную систему и администрацию. Подобные взгляды нередко встречаются в американской, испанской, английской буржуазной историографии. Статья Л. Ю. Слезкина написана не только обоснованно, она носит и остро полемический и публицистический характер.

С. Л. Серов («Изучение жизни деятельности Лас-Касаса Льюисом Хэнке») анализирует труды американского прогрессивного историка. Однако и Хэнке видит в «Кратчайшем сообщении о разорении Индии» Лас-Касаса не свидетельство очевидца о преступлениях и зверствах конкистадоров, а лишь пропагандистский памфлет. Хэнке склонен даже возложить на Лас-Касаса большую долю «вины» за существование «черной легенды». Хэнке, однако, не учитывает того, что о преступлениях испанских завоевателей в Новом Свете повествует вовсе не один лишь Лас-Касас.

Статья Ю. В. Кнорозова («Религиозные представления майя по данным Лас-Касаса и других источников») содержит богатый материал. Работа эта, написанная крупнейшим знатоком вопроса, является блестящим исследованием.

Статья Ю. В. Кнорозова («Религиозные представления майя по данным Лас-Касаса и Георг Фридрих Паррот»). Авторы обнаружили в Государственном историческом архиве Эстонской ССР запись неопубликованной речи первого ректора Тартуского (тогда Дерптского) университета Паррота. Речь произнесена Парротом 6 августа 1806 г. при открытии здания университетской библиотеки. Паррот впервые в России в сочувственном тоне говорил о Лас-Касасе. Ректор университета в юности был поклонником Вольтера, сочувствовал якобинцам. Правда, и это недостаточно учли авторы, в ректоре императорского университета уже вряд ли остался былой либерализм.

Ю. А. Зубрицкий («Лас-Касас и современный индеанизм») трактует проблемы малоизученного индейского вопроса. Индеанистами являются и основатель перуанской компартии Х. К. Мариатеги, и реакционные руководители АПРА (Alianza Popular

Revolucionaria Americana). В статье вскрываются пороки современного буржуазного движения за эмансипацию индейцев Латинской Америки. Таким пороком, как показывает автор, является отрыв индейского вопроса от социально-экономических условий стран Латинской Америки. Отдельные аспекты индеанизма также оторваны от комплекса индейского вопроса. Ю. А. Зубрицкий показал несостоятельность «аккультурации», которая сводится к насильственной ассимиляции индейцев и к разрушению их самобытной культуры и языка. «Аккультурация» является идеологическим оружием империалистической пропаганды. Обречены на провал и реакционные попытки решить индейский вопрос силами церкви, не имеющие ничего общего с благородной борьбой Лас-Касаса.

В сборнике явно недостает статьи на тему «Лас-Касас и Колумб». Книга иллюстрирована гравюрами Теодора де Бри XVI в. Следовало бы больше сказать об этих гравюрах. Помещать иллюстрацию художника XIX в. «Лас-Касас перед Карлом V» (стр. 95) в научном издании не стоило. К сожалению, сборник изобилует опечатками. Ответственность за них лежит на редакции и издательстве. На стр. 147 Ромуло да Карбиа превратился в Ромуло Д. Кабриа. Немало опечаток в библиографии.

Упреки в невысокой культуре издания не колеблют, конечно, самого положительного впечатления от книги. Надо пожелать, чтобы память Лас-Касаса была, наконец, достойно отмечена изданием (в хорошем переводе с научным аппаратом и комментариями) «Истории Индии» и «Кратчайшего сообщения о разорении Индии».

М. А. Коган

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО НАРОДАМ КAVKAZA

Аббасов И. И. Азербайджанско-армянские фольклорные связи. (По арм. источникам XIX в.) Баку, 1966. 22 с. (АН АзССР. Ин-т литературы и языка им. Низами). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук.

Аббасов С. Моральные догмы ислама и их социальный смысл. Баку, 1966. 16 с. (Азербайдж. гос. ун-т им. С. М. Кирова). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филос. наук.

Абдуллаев М. Аликбер Гайдаров (Гейдарли). Просветитель и ученый Дагестана 2-й половины XIX в. «Сов. Дагестан», 1966, № 1, с. 76—78.

Абдушелишвили М. Г. К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, «Мецниереба», 1966. 134 с. с илл. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили). Библиогр.: с. 85—88 и с. 132—133.

Абхазские сказки. Сост., обработ., пер. с абхаз. и предисл. Х. С. Бгажба. Илл.: О. А. Месхи. Сухуми, «Алашара», 1966. 334 с. с илл.

Агаширинова С. С. и Сергеева Г. А. К вопросу о формировании новых праздников и обрядов у народов Дагестана. «Сов. этнография», 1966, № 4, с. 117—126.

Азербайджанские дастаны. В 5-ти т. Т. 2. Баку, Изд-во АН АзССР, 1966. 471 [5] с. (АН АзССР. Ин-т языка и литературы им. Низами). На обороте тит. л. сост.: А. Ахундов, М. Тахмасиб. На азербайдж. яз.

Акопов Г. Б. Критический обзор версий туранайско-турецкого происхождения курдов. «Вестник обществ. наук АН АрмССР», 1966, № 4, с. 25—43. Резюме на арм. яз.

Алекперов С. У. Общественно-политические и антирелигиозные мотивы в фольклоре азербайджанского народа. Баку, 1966. 24 с. (Азербайдж. гос. ун-т им. С. М. Кирова). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филос. наук.

Алиев А. К. Новая жизнь — новые традиции. Махачкала, Дагкнигоиздат. 1966. 96 с. Библиогр.: с. 95—96.

Книга вышла также на аварском, даргинском, лакском и лезгинском языках.

Алиева А. Интересная находка. [О принадлежности рукописи «Кабардинский фольклор», найденной в архивах Ю. М. и Б. М. Соколовых, кабард. литературовед Д. Ж. Налоеву]. «Вопр. литературы», 1966, № 6, с. 248—250.

Амиранашвили Ш. Восемь шедевров. [Об экспонатах прикл. искусства Грузии VI—XII вв. в Гос. музее искусств ГрузССР]. «Декоративное искусство СССР». 1966, № 8, с. 27—31. Резюме на англ. яз., вкладка.

Аристова Т. Аннотированный список литературы по этнографии Закавказья. опубликованной в 1964 году. «Сов. этнография», 1966, № 2, с. 168—177.

Аристова Т. Ф. Курды Закавказья. (Историко-этногр. очерк). М., «Наука», 1966. 210 с. с илл. и карт.; 1 л. илл. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). Библиогр. обзор: с. 8—14.

«Археолого-этнографический сборник», Ред. коллегия: [В. Б. Виноградов (отв. ред.) и др.] Грозный, Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1966. 178 с. с илл. (Изв. Чечено-Ингуш. НИИ истории, языка и литературы. Т. 7, вып. I. История).

Баджелидзе А. К. Система землевладения и сельское хозяйство в досоветской Аджарии. «Труды Грузинского с.-х. ин-та», т. 68—69, 1966, с. 389—418.

Бахтияров А. С. Религиозная психология и пути ее преодоления. (На материалах АзССР). Баку, 1966. 23 с. (Азербайдж. гос. ун-т им. С. М. Кирова. Кафедра философии). Список работ автора: с. 22—23. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук.

Бекая М. А. Старый и новый семейный быт в Грузии. (По этногр. материалам Аджарии). Тбилиси, Изд-во АН ГрузССР, 1966. 30 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. Джавахишвили). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.

Библиография изданий Академии наук Армянской ССР. 1962—1963 гг. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1966. 375 с. (АН АрмССР. Фундам. б-ка). На обороте тит. л. сост.: А. А. Григорьян. На арм. и рус. яз.

Бретаницкий Л. С. Зодчество Азербайджана XII—XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. М., «Наука», 1966. 558 с. с илл.; 2 л. план и карт. (М-во культуры АзССР, Ин-т архитектуры и искусства). Резюме на англ. яз.

Виноградов В. Б. и Чокаев К. З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен. «Изв. Чечено-Ингуш. НИИ истории, языка и литературы», т. 7, вып. I, 1966, с. 42—88.

Волкова Н. Г. Изменения в этническом составе сельского населения Северного Кавказа за годы Советской власти. «Сов. этнография», 1966, № 1, с. 14—29. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Волкова Н. Г. О расселении чеченцев и ингушей в первой половине XIX века. «Изв. Чечено-Ингуш. НИИ истории, языка и литературы», т. 7, вып. I, 1966, с. 89—102. Библиогр. в подстроч. примеч.

Волкова Н. Г. и Трофимова А. Г. Сессия, посвященная итогам полевых этнографических и археологических исследований 1965 года [Москва, Апр. 1966 г.]. «Сов. этнография», 1966, № 5, с. 159—164.

Габисова С. З. Осетинские народные песни о В. И. Ленине, «Изв. Сев.-Осет. НИИ», т. 26, 1966, с. 123—138. Прил.: Осетинские народные песни о В. И. Ленине, опубликованные в печати.

Гаджиев А. Тифлисская литературная среда и азербайджанское устное народное творчество. (Из истории сбора и популяризации азербайдж. фольклора XIX в.). «Лит. Азербайджан», 1966, № 4, с. 122—124.

Гаджиев А. Из тьмы веков. (Об антропол. особенностях даргинцев). «Сов. Дагестан», 1966, № 2, с. 77—78.

Гварамадзе Е. Л. Грузинский танцевальный фольклор. (Становление и развитие). Тбилиси, Изд-во Тбил. гос. ун-та, 1966. 24 с. (Тбил. гос. ун-т). Автореферат дисс. на соискание учен. степени докт. искусств. наук.

Гегечкори Л. Мастера грузинской народной песни. Тбилиси, «Литература да хеловнеба», 1966. 190 с. с портр. На груз. яз.

Гейбуллаев Г. А. О пережитках большой семьи в Азербайджане в XIX в. (По материалам Кубинского района). Азербайдж. этногр. сб., вып. 2, 1965 [обл.: 1966], с. 169—184. Резюме на азербайдж. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Гейбуллаев Г. А. Современная семья и семейный быт азербайджанцев. (По этногр. материалам Кубинского района). Баку, 1966, 24 с. (АН АзССР. Ин-т истории). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.

Гейдаров М. Х. О некоторых вопросах организации и внутренней эволюции карханэ в Азербайджане в XVII в. «Изв. АН АзССР. Серия истории, философии и права», 1966, № 1, с. 60—67. Резюме на азербайдж. яз.

Глезер А. Песнь металла. (О возрождении в Грузии древнего искусства чеканки). «Вокруг света», 1966, № 5, с. 48—51.

Гогаладзе В. Материалы для историко-этнографического изучения Корниского ущелья. «Сообщения АН ГрузССР», т. 42, 1966, с. 243—250. На груз. яз. Резюме на рус. яз.

Горчаков М. Как месту этому название?. [Об атенстической работе в селах Ачхой-Мартановского района Чечено-Ингуш. АССР]. «Наука и религия», 1966, № 5, с. 44—47.

Грач А. и Александров К. Народные умельцы. (О мастерах прикл. искусства Дагестана). «Сов. Дагестан», 1966, № 1, с. 58—61.

Гриценко Н. П. Умалат Лаудаев — первый чеченский этнограф и историк. «Изв. Чечено-Ингуш. НИИ истории, языка и литературы», т. 7, вып. I, 1966, с. 103—110.

Гулиев Г. А. О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане. [По археол. данным]. Азербайдж. этногр. сб., вып. 2, 1965 [обл.: 1966], с. 5—29. Резюме на азербайдж. яз.

Гулиев Ш. и Трофимова А. [Рец.]: Бунятов Т. А. К истории развития земледелия в Азербайджане. Баку, Изд-во АН АзССР, 1964. На азербайдж. яз. «Сов. этнография», 1966, № 4, с. 181—183.

Гулиев Ш. А. Некоторые вопросы рисоводства (чалтыководства) в Азербайджане (XIX—начало XX вв.) [По этногр. данным]. Азербайдж. этногр. сб., вып. 2, 1965, [обл.: 1966], с. 132—158. Резюме на азербайдж. яз.

Гулиев Ш. А. Чалтыководство в Азербайджане. (Историко-этногр. исследование). Баку, Изд-во АН АзССР, 1966. 27 с. (АН АзССР. Ин-т истории). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.

Гюлез. [Кабард. нар. сказки.] Запись и обработка А. Куантова. Илл.: В. И. Бекетов. Налчик, Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1966. 63 с. с илл. На кабард. яз.

Давтян С. Армянское кружево. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1966. 49 с.; 24 л. илл. (АН АрмССР. Ин-т искусств). На арм. яз. Резюме и список илл. на рус., франц. и англ. яз.

Дадашзаде М. Научная истина и религиозное верование. Баку, «Азернешр», 1966. 38 с. (О-во «Знание» АзССР). На азербайдж. яз.

Дебиров П. М. Архитектурная резьба Дагестана. М., «Наука», 1966. 95 с. с илл. (АН СССР. Дагест. филиал. Ин-т истории, языка и литературы им. Гамзата Цадасы). Библиогр.: с. 92—94.

Дебиров П. М. Резьба по камню в Дагестане. М., «Наука», 1966. 208 с. с илл. (АН СССР. Дагест. филиал. Ин-т истории, языка и литературы). Библиогр.: с. 81—84.

Демирханова Г. Возрожденная песнь металла. [О работе соврем. груз. масте-ров чеканки]. «Лит. Грузия», 1966, № 9—10, с. 124—128.

Джавадов Г. Д. Некоторые литературные материалы о пахотных орудиях Азербайджана в XIX в. Азербайдж. этногр. сб., вып. 2, 1965 [обл.: 1966], с. 228—234. Резюме на азербайдж. яз.

Джавахишвили Э. Н. Сионская краниологическая серия. (Материалы к изучению времени становления и формирования кавка-сионского типа). В кн.: Абдушелишвили М. Г. К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1966, с. 89—133 с илл.

Джаошвили В. Ш. Динамика численности населения Грузии. «Вестник Отделения обществ. наук АН ГрузССР», 1966, 1, с. 16—39.

Домба М. Г. По материалам древних погребений Северной Осетии. (Палеоантропологические находки). Под ред. и с предисл. В. П. Алексеева. Орджоникидзе, Сев.-Осет. кн. изд-во, 1966. 92 с. с илл. (НИИ при Совете Министров Сев.-Осет. АССР). Библиогр.: с. 90—92.

Друзья памятников культуры. Сб. статей. 6. Ред. коллегия: И. Абашидзе и др. Тбилиси, «Сабчота Сакартвелო», 1966. 60 с. с илл.; 8 л. илл. (Груз. о-во охраны памятников культуры. Памятники матер. культуры). На груз. яз. Резюме статей на рус. яз.

Друзья памятников культуры. Сб. статей. 7. Ред. коллегия: И. Абашидзе и др. Тбилиси, «Сабчота Сакартвело», 1966. 73 с. с илл.; 12 л. илл. (Груз. о-во охраны памятников культуры. Памятники матер. культуры). На груз. яз. Резюме статей на рус. яз.

Ерлашова С. Чеканка и керамика Грузии. [По материалам выставки «Современное искусство чеканки и керамики Грузии». Москва, Окт. 1965 г.—январь 1966 г.]. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 5, с. 20—27.

Заметки редактора. Чеканная музыка. [По материалам выставки «Современное искусство чеканки и керамики Грузии». Москва, Окт. 1965 г.—январь 1966 г.]. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 5, с. 1.

Зухба С. [Рец.]: Салакая Ш. Х. Абхазский народный героический эпос. Тбилиси, 1966. 184 с. «Сов. этнография», 1966, № 5, с. 176—178.

Исламгагомедов А. И. Из истории материальной культуры аварцев. Махачкала, 1966. 18 с. (Дагест. гос. ун-т им. В. И. Ленина). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.

Исмизаде О. Ш. [Рец.]: Ценная книга по археологии и этнографии Азербайджана. (Алекперов А. К. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку, Изд-во АН АзССР, 1960).—Изв. АН АзССР. Серия истории, философии и права, 1966, № 1, с. 133—136.

Исследования и материалы по архитектуре и искусству Азербайджана. Сб. статей. Редколлегия: А. В. Саламзаде и др. Баку, Изд-во АН АзССР, 1966. 206 с. с илл. (М-во культуры АзССР. Ин-т архитектуры и искусства). Часть текста на азербайдж. яз.

Казиев С. М. Мамед-Гасан Эфендиев. [Этнограф. 1867—1918]. Азербайдж. этногр. сб., вып. 2, 1965 [обл.: 1966], с. 235—238 с портр. Резюме на азербайдж. яз.

- арян А. А. Материальная культура Двина V—VIII вв. Ереван, 1966. АрмССР. Ин-т истории). Автореферат дисс. на соискание учен. степени историч. наук.
- Алоев Б. А. Из истории Моздока и моздокских осетин. «Изв. Сев.-Осет. НИИ», 25, 1966, с. 210—253.
- Кандидас А. Сердце охвачено песней. (О возрождении искусства чеканки в Грузии). «Дружба народов», 1966, № 2, с. 222—229.
- Каракашлы К. Т. Из истории общественного строя населения Малого Кавказа. Азербайдж. этногр. сб., вып. 2, 1965 [обл.: 1966], с. 30—68.
- Карапетян Л. Л. История гонимого производства древней Армении (III тысячелетие — VI век до н. э.). Ереван, 1966. 31 с. с илл. (АН АрмССР. Ин-т истории). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.
- Касимова Р. М. Антропологические исследования женщин Нуха-Закатальской зоны. Азербайдж. этногр. сб., вып. 2, 1965 [обл.: 1966], с. 69—85. Резюме на азербайдж. яз.
- Кахидзе Н. Хозяйственный быт Магачельского ущелья в свете топонимии. «Вестник Отд-ния обществ. наук АН ГрузССР», 1966, 1, с. 96—119. На груз. яз.
- Качаравая Ю. М. Этапы национальной консолидации грузинского народа. (Выводы и обобщения). Тбилиси, 1966. 31 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. Джавахишвили). На груз. яз.
- Кикнадзе П. В. Вопросы музейной работы. Тбилиси, «Ганатлеба», 1966. 202 с. Библиогр.: с. 199—201. На груз. яз.
- Кониев Ю. И. Развитие и сближение национальностей Северного Кавказа в период строительства коммунизма. Ростов н/Д., 1966. 22 с. (Рост. гос. ун-т). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук.
- Корзун В. Б. Фольклор горских народов Северного Кавказа. (Дооктябрьский период). Грозный, Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1966. 204 с. (М-во просвещения РСФСР. Ростов н/Д. гос. пед. ин-т). Библиогр. в примеч.: с. 202—203.
- Кортуя И. Кондрат Дзидзария. (Собиранье абхаз. народных песен). К 75-летию со дня рождения. Сухуми, «Алашара», 1966. 44 с. с илл.
- Крупнов Е. И. Изучение нартского эпоса и археология. «Изв. Чечено-Ингуш. НИИ истории, языка и литературы», т. 7, вып. 1, 1966, с. 29—41. Библиогр. в подстроч. примеч.
- Кулов Б. С. Основные занятия населения Северной Осетии в XIX и начале XX вв. «Изв. Сев.-Осет. НИИ», т. 25, 1966, с. 293—315.
- Лазарашвили Г. Р. О времени переселения осетин в Грузию. «Сов. этнография», 1966, № 2, с. 101—109. Библиогр. в подстроч. примеч.
- Левитская Н. Народное искусство Кабардино-Балкарии. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 4, с. 31—33.
- Магомедов Р. М. Новое время и старые обычаи. Из записных книжек историка. Махачкала, Дагкиноиздат, 1966. 102 с.
- Магомедов А. А., П. К. Услар — как крупнейший кавказовед и лингвист. (К 150-летию со дня рождения). «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», т. 25, вып. 5, 1966, с. 377—385. Библиогр. в подстроч. примеч.
- Мамсуров А. Д. Осетинская историческая «Песня про Есе Канукова из Дони-фарса». [С прил. варианта песни, записанного И. Цевым со слов М. Караева]. «Изв. Сев.-Осет. НИИ», т. 26, 1966, с. 139—149 с. нот.
- Мирзаханов Ф. С. Возникновение и развитие социалистических обычаев и традиций. Баку, 1966. 19 с. (Азербайдж. гос. ун-т им. С. М. Кирова). Список работ автора в конце текста. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. философ. наук.
- Мирзаханов Ф. Роль новых обычаев и традиций в атеистическом воспитании трудящихся. Баку, «Азернешр», 1966. 72 с. На азербайдж. яз.
- Мкртумян Ю. и Сехбосян К. [Рец.]: Вардумян Д. С. и Карапетян Э. Семья и семейный быт колхозников Армении. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1963. На арм. яз. «Сов. этнография», 1966, № 4, с. 187—190.
- Мсхаладзе А. У. Аджарская семейная обрядовая поэзия. Тбилиси, 1966. 20 с. (Тбил. гос. ун-т). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук.
- Намазов Г. М. Об отражении народного быта в азербайджанской ашугской поэзии XIX в. Азербайдж. этногр. сб., вып. 2, 1965 [обл.: 1966], с. 239—251. Резюме на азербайдж. яз.
- Народные изречения и пословицы Дагестана. В пер. Н. Гребнева. Махачкала, Дагучпедгиз, 1966. 139 с. с илл.
- Насирли М. Н. Об азербайджанских постройках круглого плана. Азербайдж. этногр. сб., вып. 2, 1965 [обл.: 1966], с. 86—96. Резюме на азербайдж. яз.
- Научная конференция аспирантов и молодых научных работников. План работ и тезисы докладов. Тбилиси, 1966. 57 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили). На груз. яз.

Наше счастье — в наших руках. [О преодолении феодально-байских пережитков]. Открытое письмо студенток Чечено-Ингуш. пед. ин-та. «Наука и религия», 1966, № 1, с. 45—47. Подписи: Л. Бакаева, Р. Мальсагова, М. Гетагажева и др.

Памятники материальной культуры. Сборник 7, Тбилиси, 1966, на груз. яз. Песни живших до нас. Из нар. поэзии кабардинцев и балкарцев. Переводы Н. Гребнева. Оформление и грав. А. Глуховцева. Нальчик, Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1966. 190 с. с илл.

Продолжаем разговор о традициях. [В связи со статьей Р. Магомедова «Достояние всех» в журн. «Сов. Дагестан», 1965, № 1.] Отклики: Н. Курбанов. Труд и быт неотделимы. Г. Сергеева. Использовать опыт народа. М. Асельдеров. Я против одно-сторонности... «Сов. Дагестан», 1966, № 4, с. 47—51.

XV научная сессия, посвященная 90-летию со дня рождения Ив. Джавахишвили. Тезисы. Тбилиси, «Мецниереба», 1966. 24 с.; 1 л. портр. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили). На груз. яз.

Раджабов Г. А. Некоторые этнографические данные о пережитках сельской общины в Азербайджане. (По материалам Ширвана). Азербайдж. этногр. сб., вып. 2, 1965 [обл.: 1966], с. 206—217. Резюме на азербайдж. яз.

Раджабов Г. А. Пережитки сельско-общинного быта в дореволюционном Азербайджане. (Этногр. исследование по материалам Ширвана). Баку, 1966, 29 с. (АН АзССР. Ин-т истории). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.

Райские гранаты. (Антирелиг. анекдоты). Собрал и сост. Дж. Рамзи (Исмаилзаде). Баку, «Азернешр», 1966. 82 с. с илл. На азербайдж. яз.

Рустамов Я. А. О поселении и крестьянском жилище азербайджанцев Карабахской зоны. Азербайдж. этногр. сб., вып. 2, 1965 [обл.: 1966], с. 112—131. Резюме на азербайдж. яз.

Саидбаев Т. Читая Коран... Грозный, Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1966. 96 с. (В помощь атеисту).

Селакая Ш. Х. Абхазский народный героический эпос. Тбилиси, «Мецниереба», 1966. 184 с. (АН ГрузССР. Абхаз. ин-т языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа).

Саникидзе Т. Грузинское декоративное искусство в литературе последних лет. [Обзор]. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 8, с. 47.

Сборник трудов Историко-этнографического музея. 1. Тбилиси, «Сабчота Сакартвелов», 1966. 204 с. с илл. (М-во культуры ГрузССР): На груз. яз. Резюме статей на рус. яз.

Сергеева Г. Аннотированный список литературы по этнографии Северного Кавказа, опубликованной в 1964—1965 гг. «Сов. этнография», 1966, № 3, с. 175—184.

Сехбосян К. В. Промышленный Леникан как объект этнографического изучения. «Вестн. обществ. наук», 1966, № 8, с. 85—89.

Симакин А. Я. Процесс сближения наций на Северном Кавказе в период завернутого строительства коммунистического общества. «Ученые записки Пятигорского пед. ин-та иностр. яз.», т. 27, 1966, с. 118—132.

Сифман Р. И. Рождаемость в селах Закавказья с начала XX века до Великой Отечественной войны. «Ученые записки по статистике», т. 10, 1966, с. 176—210. Библиогр.: 34 назв.

Сохадзе А. К. Характер религиозных пережитков и закономерность их отмирания. Тбилиси, «Сабчота Сакартвелов», 1966. 37 с. (О-во «Знание» ГрузССР. Серия 2, № 5. Знания — народу). На груз. яз.

Тахиров Р. А. О некоторых бытовых играх северо-западных районов Азербайджана. Азербайдж. этногр. сб., вып. 2, 1965 [обл.: 1966], с. 218—227. Резюме на азербайдж. яз.

Трофимова А. Г. Из истории религиозных обрядов вызывания дождя и солнца у народов Южного Дагестана. Азербайдж. этногр. сб., вып. 2, 1965 [обл.: 1966], с. 9—111. Библиогр. в подстроч. примеч.

Трунов Д. Переселенцы. [О переселении жителей горных районов Дагест. АССР в долины. Очерк]. «Дон», 1966, № 6, с. 130—139.

Умудов М. И. Быт и культура рабочих нефтедобывающей промышленности Азербайджана. (По материалам Апшерона). Баку, 1966. 26 с. (Ин-т истории АН АзССР). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.

Умудов М. И. Некоторые черты семейного быта рабочих-нефтяников г. Баку. (По материалам Ленинского района). Азербайдж. этногр. сб., вып. 2, 1965 [обл.: 1966], с. 185—196. Резюме на азербайдж. яз.

Умудов М. И. О новых обычаях и традициях в быту рабочих-нефтяников г. Баку. «Изв. АН АзССР. Серия истории, философии и права», 1966, № 1, с. 79—86. Резюме на азербайдж. яз.

Халилов Д. А. Памяти Алескера Казым оглы Алекперова. (Археолог и этнограф. 1895—1938). «Сов. археология», 1966, № 3, с. 122—124. с портр.

Халфин Н. А. Курдская историография в СССР и некоторые ее проблемы. «Вопросы истории», 1966, № 8, с. 154—161. Библиогр. в подстроч. примеч.

Хамицаев Т. А. Народная историко-бытовая песня «О Хамицаеве удалом Хамице». [С прил. сокр. варианта песни, записанного с напева Б. Хамицаева К. Казбековым]. «Изв. Сев.-Осет. НИИ», т. 26, 1966, с. 150—173 с нот.

Хашба И. М. Народные музыкальные инструменты абхазов. Тбилиси, 1966. 19 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.

Цулая Г. В. К истории имени «Абрскил». «Сов. этнография», 1966, № 6, с. 84—89. Библиогр. в подстроч. примеч.

Цулая Г. В. Следы религиозно-мифологических представлений в абхазском нар-тском эпосе. «Сов. этнография», 1966, № 5, с. 132—141. Библиогр. в подстроч. примеч.

Чарыгдаде В. А. О производственном быте рабочих шелковой промышленности г. Нухи. Азербайдж. этногр. сб., вып. 2, 1965 [обл.: 1966], с. 197—205. Резюме на азербайдж. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Чарыгдаде В. А. Социалистический быт рабочих-шелководов города Нухи. Баку, 1966. 22 с. (АН АзССР. Ин-т истории). Автореферат дисс. на соискание учас. степени канд. историч. наук.

Чомарян Э. А. и Давтян Л. М. Морфология современной семьи в Армянской ССР (по материалам переписи населения 1959 г.). «Ученые записки по статистике», т. 10, 1966, с. 43—64.

Шушинский Фиридун. Драгоценное наследие. (К истории муз. культуры Азербайджана). «Лит. Азербайджан», 1966. № 3, с. 124—126.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. I. Надписи X—XVII вв. Тексты, переводы, коммент., введ. и прил. Л. И. Лаврова. М., «Наука», 1966. 300 с. с карт.; 32 табл. (АН СССР. Отд-ние истории. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Памятники письменности Востока. II, 1). Резюме на англ. яз. Библиогр.: с. 223—240.

Эфендиев С. Интернациональные традиции азербайджанского народа. Баку, «Азернешр», 1966. 40 с. (О-во «Знание» АзССР. Знания в массы). На азербайдж. яз.

Юсифов Ю. [Рец.]: Каракашлы К. Т. Материальная культура азербайджанцев Северо-Восточной и Центральной зон Малого Кавказа. Баку, Изд-во АН АзССР, 1964. «Сов. этнография», 1966, № 4, с. 183—187.

Р. В. Каменецкая

СОДЕРЖАНИЕ

Б. О. Долгих (Москва). Сбразование современных народностей Севера СССР	3
Е. Н. Студенечкая (Ленинград). Одежда народов Кавказа (О собирании материалов для Кавказского историко-этнографического атласа)	16
Т. Д. Златковская (Москва). О происхождении некоторых элементов ку- керского обряда у болгар (К вопросу о фракийских традициях у народов Юго-Восточной Европы)	31
Е. С. Котляр (Москва). Мифы бантуязычных народов Тропической и Южной Африки	47

Дискуссии и обсуждения

Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов (Москва). Некоторые проблемы агроэт- нографии Юго-Восточной Азии	59
А. А. Формозов (Москва). О наскальных изображениях эпохи камня и брон- зы в Прибайкалье и на Енисее	68

Народы мира

Информационные материалы

Л. А. Фадеев (Москва). Население Ботсваны и Лесото	83
--	----

Сообщения

А. В. Смоляк (Москва). О современном этническом развитии народов Нижнего Амура и Сахалина	95
П. Банерджи (Калькутта). Некоторые эволюционные аспекты одонтологии бенгальцев	103
Л. Е. Куббель (Москва). Материалы по социально-экономическим отношениям у народов Эфиопии в трудах А. К. Булатовича	109

Поиски, факты, гипотезы

Г. И. Анохин (Москва). Судьба гренландских норманнов	113
--	-----

Хроника

В. П. Алексеев, Г. Г. Стратанович (Москва). Н. Н. Чебоксаров (К 60- летию со дня рождения)	125
М. С. Кашуба (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1966 году	127

Научная жизнь

В. И. Козлов (Москва). Обсуждение проблем народонаселения	135
В. Г. Трисман (Ленинград). По этнографическим научным учреждениям и уни- верситетам Нидерландов	138
Д. А. Ольдерогге (Ленинград). Первый всемирный фестиваль негрских ис- кусств в Дакаре	145
Н. Н. Чебоксаров (Москва). Фестиваль «Летние дни культуры» в Ювяскюля	154

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

М. Н. Губогло (Москва). Этническая принадлежность гагаузов (историография проблемы)	159
--	-----

Народы СССР

Л. М. Сабурова (Ленинград). Колхоз — школа коммунизма для крестьянства	168
Н. Л. Членова (Москва). Труды Тувинской комплексной археолого-этнографи- ческой экспедиции, т. II	170

Народы зарубежной Европы

- Н. В. Шлыгина (Москва). N. Valonen, Zur Geschichte der finnischen Wohnstüben Suomalais-ugrilainen seuran toimituksia 174

Народы зарубежной Азии

- Р. Ш. Джарылгасинова, И. М. Семашко (Москва). Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов («Сборник МАЭ», т. 23) . . . 179

Народы Америки

- М. А. Котан (Ленинград). Сборник «Бартоломе де Лас-Касас. К истории завоевания Америки» 181
Р. В. Каменецкая (Ленинград). Новая литература по народам Кавказа . . 183

На первой странице обложки: участница Первого всемирного фестиваля негрских искусств в Дакаре Лидия Эванде (Камерун) (фото О. Иванова)

SOMMAIRE

- B. O. Dolguikh (Moscou). Formation des nationalités contemporaines au Nord de l'URSS 35
Je. N. Stoudénetskaja (Leningrad). Habit des peuples du Caucase. (Sur la question de ramassement des matériaux pour l'Atlas historico-ethnographique du Caucase) 16
T. D. Zlatkovskaja (Moscou). L'origine de quelques éléments dans le rite kouker chez les Bulgares (Sur la question de traditions thraciennes chez les peuples de l'Europe Sud-Est) 31
Ye. S. Kotliar (Moscou) Les mythes des peuples de l'Afrique Tropicale et Méridionale parlants des langues bantou 47

Discussions et délibérations

- N. N. Tchéboksarov, Ya. V. Tchesnov (Moscou). Quelques problèmes d'agroethnographie d'Asie Sud-Est 59
A. A. Formozov (Moscou). Dessins sur les rochers de l'époque de bronze et de pierre dans les régions de Baïkal et de Yénisseï 68

Peuples du monde**Matériaux d'information**

- L. A. Fadéyev (Moscou). Population de Botswana et de Lesoto 83

Communications

- A. V. Smoliak (Moscou). Sur l'évolution ethnique contemporaine des peuples du Bas-Amour et de Sakhaline 95
P. Banerji (Calcutta). Certains aspects d'évolution odontologique chez les Bengaliens 103
L. Ye. Koubbel (Moscou). Matériaux sur les rapports socio-économiques chez les peuples d'Ethiopie dans les oeuvres de A. K. Boulatovich (mission des années 1896—1899) 109

Recherches, faits, hypothèses

- G. I. Anokhine (Moscou). Destinée des Normands de Groenland 113

Chronique

- V. P. Alekséyev et G. G. Stratanovitch (Moscou). N. N. Tchéboksarov (A l'occasion de son 60-ème anniversaire) 125
- M. S. Kachouba (Moscou). Travaux de l'Institut d'ethnographie de l'Académie des Sciences de l'URSS en 1966 127

Vie scientifique

- V. I. Kozlov (Moscou). Délibération des problèmes démographiques 135
- V. G. Trisman (Léningrad). Aux instituts ethnographiques et universités de Pays-Bas 138
- D. A. Olderoggué (Léningrad). Le Premier festival mondial des arts nègres à Dacar 145
- N. N. Tchéboksarov (Moscou). Festival «Journées estivales de culture» à Yuviaskiulia 154

Critique et Bibliographie**Articles de critique et aperçus**

- M. N. Gouboglo (Moscou). Appartenance ethnique des Gagaouzes (Histoire du problème) 159
- L. M. Sabourova (Léningrad). Kolkhoz, école du communisme pour les paysans 168
- N. L. Tchlenova (Moscou). Travaux d'expédition complexe archéologique et ethnographique de Touva, vol. II 170

Peuples d'Europe étrangère

- N. V. Chlyguina (Moscou). N. Valonen. Zur Geschichte der finnischen Wohnstuben. Suomalais-ugrilainen seuran toimituksia 174

Peuples d'Asie étrangère

- R. Ch. Djarylgassinova et I. M. Sémachko (Moscou). Culture et mode de vie des peuples des pays d'Océans Pacifique et Indien («Recueil de MAE», vol. 23) 179

Peuples d'Amérique

- M. A. Kogan (Léningrad). Recueil d'articles «Bartolomé de Las-Casas. Sur l'histoire de la conquête d'Amérique» 181
- Littérature nouvelle sur les peuples du Caucase 183

Sur la couverture: Participante du Premier festival mondial des arts nègres à Dacar — Lidia Evande (Cameroun). (Foto — O. Ivanov. APN.)

Опечатки к № 2, 1967 г.

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
18	15—16 снизу	в городских дворцах культуры и парках	во дворцах культуры и парках Ташкента
58	19 сверху	«хеир» для кумиса и арака	«хегер» для кумыса и араки
208	В содержании 5 снизу	Sur la converture:	Sur la couverture:
»	» »	de chevanx	de chevaux
»	4 снизу	gui	qui
»	2 снизу	a partix de la Tauva	à partir de la Touva

Редакционная коллегия

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **Ю. В. Арутюнян**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. Ф. Моногарова** (зам. глав. редактора),
Д. А. Ольдерогге, **А. И. Першиц**, **Л. П. Потапов**, **В. К. Соколова**,
С. А. Токарев, **Д. Д. Тумаркин** (зам. глав. редактора), **В. Н. Чернецов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

Технический редактор *Е. И. Гришина*

Сдано в набор 17/III-1967 г.	Т-06269	Подписано к печати 21/VI-1967 г.	Тираж 1965 экз.
Зак. 6663.	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆ .	Печ. л. 16,8	Бум. л. Уч.-изд. листов 19,6

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10